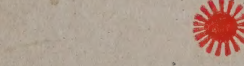
СТРАТЕГИЯ

В ТРУДАХ ВОЕННЫХ КЛАССИКОВ

ЛЛОЙД НАПОЛЕОН
МЕДЕМ ВИЛИЗЕН
ЛЕВАЛЬ
ВЕРДИ-ДЮ-ВЕРНУА
ФОН-ДЕР-ГОЛЬЦ
ФОШ
ШЛИФФЕН

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. СВЕЧИНА

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

U162
.S94
t.1

СТРАТЕГИЯ

В ТРУДАХ ВОЕННЫХ КЛАССИКОВ

ЛЛОЙД, НАПОЛЕОН,
МЕДЕМ, ВИЛИЗЕН,
ЛЕВАЛЬ, ВЕРДИ-дю-
ВЕРНУА, Фон-дер-
ГОЛЬЦ, ФОШ,
ШЛИФФЕН.

Том I.

Редакция,
вступительная
статья
и
комментарии
А. СВЕЧИНА

Высший Военный Редакционный Совет
Москва — 1924

★

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ № 927.
ТИРАЖ 5.000.
Ленинградский
Гублит № 5381.
ЗАКАЗ № 916.
Воен. Типография
Штаба Р.-К. К. А.
(Пл. Урицкого, 10).

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

1. ВВЕДЕНИЕ. А. Свечин. Методы стратегического мышления 7

2. МАТЕРИАЛИЗМ ЛЛОЙДА (редакция) 18

Военно-политические мемуары Ллойда.

I. Рассуждения о принципах войны 23
II. Об операционной линии 43
III. О границах России 47

3. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ НАПОЛЕОНА И СИСТЕМА РОНЬЯ (редакция) 53

I. О наступательной войне (текст Ронья) 57
II. О наступательной войне (текст Наполеона) 62

4. КРИТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ МЕДЕМА (редакция) 85

I. О первых сочинениях генерала Жомини 88
II. Новейшие сочинения генерала Жомини о стратегии 102

5. УМОЗРЕНИЕ ВИЛИЗЕНА (редакция) 107

Теория большой войны.

1. Понятие об искусстве 114
2. Искусство есть творчество гения, подчиненное закону . 115
3. Естественное использование данных средств . . . . . —
4. Наука и искусство 116
5. От знания до умения всегда еще остается скачек, но все же от знания, а не от незнания 117
6. Ясная задача искусства . . . . —
7. Задача и средства ее решения 118
8. Итоги 119
9. Задача военного искусства—победа 120
10. Армии суть средства войны, ее инструмент и материал. . 121
11. Природа армий, т. е. их свойства 122
12. Потребность в снабжении, как первое и главное свойство армий 123
13. Учение о сообщениях. Стратегия 124
14. Боеспособность, как второе крупное свойство армий. Тактика 126
15. Удовлетворительность этого деления 127
16. Наступление и оборона. Функции 128
17. Жизнь армий постоянно проникнута и обусловлена их свойствами и функциями 129
18. Из обоих свойств и обеих функций армий в любой момент выдвигается на первый план из каждой пары лишь одно . . . . —

стр.
19. Схема теории в целом 130
20. Примеры 133
21. Значение схемы 134
22. Практические результаты комбинаций схемы 135
Заключение 138

6. ПОЗИТИВИЗМ ЛЕВАЛЯ (редакция) 140

Введение к позитивной части стратегии.

I. Изучение стратегии 144
II. Стратегический роман 145
III. История в стратегии 150
IV. Две части войны 155
V. Умозрительная часть стратегии 158
VI. Моральный элемент 162
VII. Нетвердость принципов военного искусства 164
VIII. Тайны войны 167
IX. Правила войны 168
X. Простой здравый смысл в стратегии 170
XI. Практика и опыт 175
XII. Эволюция комбинаций современной войны 182
XIII. Возможность создать военную науку 187

7. ПРИКЛАДНОЙ МЕТОД ВЕРДИ-ДЮ-ВЕРНУА (редакция) 195

I. Об об‘екте операций.

Общая точка зрения 199
Различные виды целей 200
Обзор целей . . . . —
Политическая цель 201
Конечная цель 203
Первая цель 209
Промежуточные цели (побочные) 214
Влияние союзов на цели операций 216
Заключительные замечания 221

II. Операционный базис.

Различия в характере базиса 222
Общая база 226
Защита общей базы 227
Операционный базис 237
Операционный базис при обороне 238
Операционный базис для наступательных целей . . 243

8. АЗИАТСКИЕ МОТИВЫ ФОН-ДЕР-ГОЛЬЦА (редакция) 248

Стратегия и вождение армий.

I. Вступление 252
II. Отношение учения о вождении армий к теории стратегии . . 259
III. Два примера 264

9. УЧЕНИЕ ФОША (редакция) 274

Часть I. Ведение войны.

ГЛАВА I. О цели войны 279
а. О причинах войны 283
б. О цели и средствах войны 284

стр.

ГЛАВА II. Разработка плана войны 293

ГЛАВА III. Мероприятия, разрабатываемые в мирное время 298

ГЛАВА IV. Группировка сил 307

ГЛАВА V. Сбор во времени 316

ГЛАВА VI. Переход к действию 324

10. РАЗДЕЛЕНИЕ ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ТРУДА У ШЛИФФЕНА (редакция) 342

Полководец 345

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 355

ВВЕДЕНИЕ.

Методы стратегического мышления.

Искусство вождя—это прежде всего искусство усмотреть верную цель и указать путь к ее достижению. На любом фронте человеческой деятельности, чтобы одержать успех, нужно искусство вождя; в неменьшей степени требуется и грамотность исполнения. Боремся ли мы со стихией, боремся ли за достижение высшего уровня экономического благосостояния или за распространение наших политических убеждений, вынуждены ли мы взять в руки оружие, чтобы отразить врагов внешних, всюду перед нами возникают вопросы, как и куда ориентировать эту борьбу, и какова должна быть техника этой борьбы. Отсюда, естественно, родится деление искусства борьбы на его стратегию и на тактику.

Тактика—это техника действий войск, упорядочение, организация их усилий для достижения определенного результата наиболее прямым, скорым и экономным образом. Стратегия—это самое определение результата, которого надо добиваться. Точное разграничение между этими двумя областями работы, однако, встречает такие затруднения, что часто являются даже сомнения в том, существует ли в действительности граница между ними. На эти сомнения наталкивает нас так же и необычайная пестрота и противоречивость определений, данных стратегии выдающимися военными мыслителями. Бюлов, первый пустивший в ход термин „стратегия", видел в стратегии ту часть военного искусства, которая охватывает деятельность полководца до момента, когда в поле зрения появляется неприятель и военное искусство переходит в тактику. Жомини видел в стратегии искусство двигать массы на театре войны, Гнейзенау—расчет времени и пространства, Клаузевиц—искусство применения боев для достижения цели войны. Эрц-герцог Карл понимал под стратегией искусство полководца, определяющее ход военных предприятий; это определение в новейшее время уточнено Блуме, который видит в стратегии полководческое искусство за вычетом тактики; под последней же он подразумевает все, что касается употребления вооруженных сил в бою и упорядочения их действий с точки зрения боевых требований. Богуславский дал ему

другое развитие: стратегия у него обратилась в искусство вождения армий, в искусство старшего начальника в отдельном районе театра военных действий, а тактика— в искусство управления войсками; граница проведена им по иерархической лестнице, и эта грубая квалификация стратегических и тактических вопросов, в зависимости от „табели о рангах“, от служебного положения командующего армией или командующего дивизией, все шире получает распространение в наше время. Вилизен видел в стратегии учение о сообщениях, Мольтке—систему подпорок, Шлихтинг, опираясь на выраженную однажды Мольтке мысль, оценивал стратегию как искусство „итти врознь, имея в виду требования своевременного сосредоточения“. Верди-дю-Вернуа в первом томе третьей части своего исследования о ведении войны определяет стратегию, как часть учения о войне и в то же время часть самой военной деятельности, которая, с точки зрения всех оперативных моментов, охватывает как научное исследование войны, так и подготовку и ведение ее. Определение трудное и перекладывающее наше недоумение с понятия стратегии на не менее туманное представление об определяющем ее оперативном моменте. Впрочем, через 2 года в пятом томе третьей части Верди уже чистосердечно признается, что он сомневается в том, имеются ли вообще основания для проведения границы между стратегией и тактикой...

Читатель, который даст себе труд вдуматься в эти определения, будет поражен противоречивостью взглядов на стратегию. Поясним эту пестроту примером, взятым из области, где свобода нашей мысли не затруднена какой-либо предвзятостью или шаблоном. В Токио землетрясение вызывает стихийный пожар. Борьба с пожаром столицы, как и всякая борьба, имеет свою стратегию и тактику. Попробуем квалифицировать по этим двум категориям возникающие соображения. Что надо защищать в первую очередь, императорский дворец, министерства, или спасать музеи с неоценимыми художественными ценностями? Надо ли отстаивать квартиры богачей или же фабрики и пролетарские кварталы? Как использовать для локализации пожаров имеющиеся линии бульваров и садов? Как учесть при организации противопожарной работы, при условии разрушения водопровода, нахождение воды для пожарных машин только в некоторых, точно определенных районах? Как учесть при организации тушения пожара направление ветра? Где использовать мощное оборудование пожарных частей и где только простейшие средства—топоры, лопаты и ведра—с которыми явятся на пожар войска? Какие меры принять для снабжения продовольствием работающих на тушении пожара людей? Как обеспечить порядок, необходимый для успеха работы? В какой

степени допустить разброску пожарных средств и децентрализацию самой работы?

Читатель, который попробует распределить эти вопросы на стратегические и тактические, легко справится с квалификацией части их, а перед другими станет в тупик. Что же говорит нам теория? Бюлов скажет, что пока мы не прибыли на пожар, мы действуем стратегически, а как только соприкоснемся с огнем, принуждены действовать тактически. Клаузевиц скажет, что искусство тушения отдельного пожара—тактика, а искусство комбинирования усилий по тушению отдельных пожаров для спасения города—стратегия. Богуславский будет утверждать, что работа брандмейстера—это тактика, а брандмайора—стратегия. Вилизен заметит, что об‘екты стратегии это все то, что лишает огонь пищи, и все то, что питает усилия пожарных. С его точки зрения под стратегию подойдет заблаговременное проложение в городе обширных полос садов и пустырей, являющихся преградой огню, издание пожарных правил, регулирующих постройку города, обязывающих возводить брандмауеры, запрещающие постройку деревянных зданий и т. д.; проложение пожарной сигнализации и обеспечение запасов воды, соответственное расквартирование пожарных частей, изолирование пожаров от тех участков, где огонь может получить наибольшее распространение. Определение Мольтке гласит, что стратегия всеми правдами и неправдами должна найти выход из катастрофического положения. И так далее.

Если мы сравним эти определения, отрицающие одно другое, с результатом нашей личной работы, то мы признаем, что все они содержат известную частицу истины, и тем не менее совершенно неудовлетворительны. Большинство из них будет поражать нас своей односторонностью. Поэтому, как мы ни проникнуты уважением к великим мыслителям, посвятившим десятки лет на углубление в вопросы стратегии, мы не можем присоединиться ни к одному из прежде данных определений, и—это участь всех стратегических писателей—должны дать свое. Повидимому, число определений стратегии должно равняться числу пишущих о ней...

Как и во всякой борьбе, во взятом нами примере стихийного пожара одни вопросы могут быть разрешены, не выходя из кругозора узко-пожарной специальности, а другие, наоборот, очень обширны, так что только та или иная исходная политическая точка зрения, определенное понимание экономических вопросов и интересов, подход к ним не с кругозором пожарной техники, а из общих требований благоустройства города, могут дать им различное решение. Тактика охватывает те вопросы, которые могут быть решены с суб‘ективной точки зрения данной специальности. Все же те вопросы, ответ на которые лежит не исключительно

в данной специальности, а требует об‘ективного подхода, учета политического и экономического момента, а также учета возможностей снабжения, относятся к стратегии.

Проводимая нами грань между стратегией и тактикой [1]) быть может не слишком резка, но это вполне отвечает современному развитию военного искусства, которое не усматривает в настоящее время в них резко подчеркнутого различия, и которое выработало в нашем языке новый термин „оперативный“ для обозначения тесно граничащих областей стратегии и тактики.

Наше определение отрицает очень определенное в настоящее время тяготение к стратегическим брандмайорам и тактическим брандмейстерам, так как признает сферу стратегической деятельности за каждым самым маленьким начальником, когда перед ним встанет вопрос, который не может быть решен, исходя из узко боевых соображений. Начальник раз‘езда, который в течение гражданской войны, вместо того, чтобы выслать дозор для осмотра деревни, ведет и демонстрирует на ее улице свой раз‘езд полностью, чтобы вызвать уверенность в своих классовых единомышленниках и вызвать на свет своих сторонников в деревне, уже выходит из пределов тактики и совершает *стратегический* акт. Командир первого русского корпуса, принимая 14 августа 1914 года решение отвести свои расстроенные войска назад, из их скученного положения, где они находились под ударами противника, тактически действовал правильно, но совершал *стратегическое* предательство, так как открывал неприятелю сообщения Самсоновской армии. Наступательные действия юго-западного фронта на Карпатском фронте *стратегически* были глубоко ошибочны, так как не отвечали возможностям нашего тыла питать это предприятие вооружением и снарядами. Важнейшая *стратегическая* ошибка Людендорфа заключалась в том, что он стремился обратить в завоевательную войну борьбу, которую Германия, при сложившихся мировых соотношениях политических сил, могла вести только оборонительно.

Мы предлагаем следующее определение: стратегия—это искусство ведения войны, охватывающее ту часть его вопросов, решение коих находится в зависимости от характера войны и определяющих его экономических, политических, географических данных или условий снабжения.

Вероятно, это определение покажется многим чудовищным, так как открывает перед нами почти беспредельное поле для

---

[1]) Тактика понимается нами, как искусство и навыки отвечать исключительно боевым требованиям; она не должна включать в свой об‘ем вопросов о снабжении и тыле, за исключением вопросов снабжения и эвакуации на самом поле сражения.

изучения. Но нас интересует еще в большей степени, чем проведение водораздела между стратегией и тактикой, подчеркивание огромной емкости понятия стратегия и зависимости стратегического решения иногда от очень далеких от узко-военной специальности соображений. Стратег не должен допускать, что в помещающемся над тактикой этаже его мышления потолок свисал бы слишком низко.

Чем больше мы будем знакомиться со стратегией так, как она обрисовалась в мировую войну, тем более мы проникнемся мыслью об огромных глубинах стратегического искусства, о чудовищной широте и емкости, которые должна иметь его теория, если только она не хочет сознательно идти на односторонность. Война—это политическое и социальное землетрясение, и узкий подход к ней в стратегии приводит к своего рода стратегическим пилюлям от землетрясения.

Искусство вождя не может быть изучено по учебнику, так как это искусство заключается прежде всего в том, чтобы создать себе такой идейный пьедестал, с которого открывалась бы широкая точка зрения и видны были бы далекие горизонты. Эта точка зрения преподана быть не может: каждый может претендовать возвыситься до стратегического понимания, подготовиться к задачам вождя только своими собственными усилиями. Ни в каких других отраслях самостоятельная научная работа не имеет такой важности, как при подготовке к ответственной политической или стратегической деятельности. Курс лекций по стратегии не может претендовать на большее, как на введение, на подготовку к самостоятельному изучению.

Учительницей политика или стратега может быть только сама жизнь, или ее отображение в истории. Глубокое критическое изучение опыта какой-либо войны, связанное с изучением решений, которые были бы сообразованы с современными условиями, многое может нам дать. Но эта работа будет протекать скорее и вестись успешнее, когда мы ознакомимся предварительно с теми методами, которые применялись великими пионерами стратегической мысли. Ознакомление с классическими писателями по стратегии будет несравненно полезнее преодоления какого-либо руководства: мы окажемся осведомленными, что и на каком пути изучения стратегии может быть достигнуто; прогулка в этом стратегическом арсенале даст нам представление о разнообразном оружии, которое имеется в распоряжении стратегической мысли и внимательный читатель сможет сознательно отнестись к выбору соответствующего для него метода исследования.

Этот обзор классиков стратегии будет тем поучительнее, что в области стратегии все великие писатели—мы, конечно, исключаем из их среды всех, даже наиболее искусных, ком-

пиляторов—удивительно типичны и большинство их представляет удивительную в своей силе односторонность. Стратегия многогранна и каждый крупный ум в стратегии не продолжает работу своих предшественников, а видит ее под совершенно новым углом зрения, открывает в ней новую область, работает совершенно особыми, свойственными ему приемами.

Ни в одной другой области человеческого мышления не злоупотребляют в такой степени изречениями авторитетов, как в стратегии. Но в то же время это обилие авторитетных цитат часто прикрывает поверхностное знакомство с крупными писателями. Афоризмы переходят из рук в руки, денатурируются; выхваченные из своего контекста, они часто только придают убогим сочинениям псевдонаучный вид и засоряют военное мышление. Мы совершенно не имеем в виду дать материал для такого искажения научной работы, а стремимся читателя поставить лицом к лицу с гигантами военной мысли, заинтересовать его в целях дальнейшего изучения тех, на которых он остановит свое внимание; изучение классиков военной мысли в подлиннике должно несомненно отразиться на глубине нашего понимания военного дела.

При выборе помещенных ниже отрывков, мы исходили из следующих соображений. Прежде всего, наша задача заключалась в том, чтобы наиболее ярко представить основные методы стратегической мысли. Стратегическая мысль началась с определенно материалистического подхода Ллойда. Этот материализм XVIII века, отделенный от нас и нашим пониманием эволюции и полуторавековыми успехами на всем научном фронте, сохраняет и по сейчас очень актуальное значение и сам Ллойд так красочен и типичен, что естественно было начать настоящий труд с характерного отрывка первого писателя по стратегии [1]), даже не употреблявшего еще этого термина. На втором месте стоит великий практик и основоположник эмпирического подхода к изучению стратегии—Наполеон, провозгласивший, что на войне командуют обстоятельства, что нет такой грамматики, по которой можно было бы научиться писать „Илиаду“ не хуже Гомера, и отсылающий читателя, желающего охватить военное искусство в целом, к великой книге истории. Идеи Наполеона изложены в его полемическом разборе труда Ронья, узкого техника, отстаивающего в XIX веке идейные позиции материалистической мысли XVIII века.

За проложившим дорогу военной истории, как основе изучения стратегии Наполеоном, следует Вилизен, которого мы

---

[1]) В сборнике труды отдельных классиков расположены в их хронологической последовательности.

позволяем себе квалифицировать, как метафизика, не влагая, однако, в это понятие ничего обидного. Коллекция классиков не была бы полной, если бы мы не включили в нее этого наиболее типичного и глубокого из доктринеров, слава которого когда-то затмевала Клаузевица. Знакомство с мышлением Вилизена заставит нас сознательно отнестись к методу умозрения. Мы отнюдь не являемся его поклонником, но надеемся, что и у Вилизена читатель найдет многое интересное и поучительное.

Позитивное направление, машинизация, индустриализация стратегии, соединение экспериментальных приемов с материалистически-рационалистическим мышлением конца XIX века представлено первым и наиболее ярким его защитником, Левалем, отрицающим военную историю, как метод изучения стратегии.

Военно-исторический метод, указанный Наполеоном, но с теми приемами, которые в него внесло научное развитие к началу XX столетия, представляет Верди-дю-Вернуа, создатель прикладного метода, самый интересный в научном отношении военный писатель, сложившийся под руководством Мольтке.

Фош, на наш взгляд, значительно уступает Верди, но положение, занятое им в мировой войне, оправдывает наше решение познакомить читателей с плюсами и минусами этого наиболее яркого выразителя французской стратегической мысли.

Фон-дер-Гольц резко выделяется между другими классиками отсутствием односторонней углубленности своего мышления, но это в силу того, что он, как профессор стратегии в турецкой академии генерального штаба, естественно должен был живо чувствовать зависимость стратегии от той аудитории, для которой она читается, от того театра войны и той армии, которые будут применять ее, и эту необходимость национально-географического подхода он оттеняет со свойственной ему широтой, красочностью и убедительностью.

Со стратегией Шлиффена русские читатели недавно познакомились по переводу труда его „Канны“ [1]). Приводимый нами очерк Шлиффена „Полководец“ особенно характерен для его стиля.

Из русских авторов мы привели заслуживающего, на наш взгляд, наибольшего внимания—Медема, совершенно забытого на родине, и вовсе неизвестного за границей. Мы руководились при этом стремлением засвидетельствовать высокий уровень стратегического мышления русского современника Клаузевица, особенно оттеняющий последующее падение этого мышления, а также присущий русскому исследователю нигилистический оттенок.

---

[1]) Ф. Шлиффен: „Канны“. Изд. ВВРС. 1923 г.

В нашем подборе мы исходили из стремления дать по возможности тех классиков, труды коих до сего времени не появлялись на русском языке, и являются неизвестными для подавляющего большинства командиров Красной Армии. Если труды Медема и плохой перевод Ллойда и имелись в русских изданиях сороковых годов, то это не мешает им в настоящее время быть в полном смысле слова новинками для современного читателя.

Мы полагали, что этот сборник явится не материалом для занятного чтения, а позволит интересующемуся стратегией приступить к серьезной работе. Поэтому, нам казалось невозможным еще больше урезать каждого автора, чем это сделали мы, потому что создание упрощенной стратегической хрестоматии, с мозаикой из трех десятков крупнейших военных писателей в одном томе, обесцветило бы характерные черты каждого классика; это не входило в наши намерения, и „числом поболее“—это не наш лозунг.

Поэтому, избирая для своего изложения хронологический порядок, мы знакомим читателя только с восьмью отдельными классиками, и оставляем пустые места начиная с Клаузевица, который имеется сейчас на русском языке, хотя и в неудовлетворительном переводе, Г. А. Леера, распространенного в большем числе изданий, а так же Бюлова, эрцгерцога Карла, Жомини, Бонналя, Фрейтаг-Лорингофена, Шлихтинга, Мольтке,—хотя каждый из них представляет огромный интерес по оригинальности и цельности стратегического мышления и полагаем заполнить эту пустоту в следующих томах нашего широко расчитанного издания; число, об‘ем и темп быстроты появления их будут зависеть от того признания, которое сумеет завоевать настоящий первый опыт.

Этот труд не сопровождается никакими картами, так как небольшое число географических названий, встречающихся в нем, можно разыскать в любом атласе, на любой карте Европы. Без этих пособий приступать к изучению стратегии нельзя. Впрочем, географическая геометрия играет в этом труде, уделяющем главное внимание методам, второстепенную роль. Мы рекомендуем совершенно не довольствоваться тем упоминанием о военно-исторических событиях, которые будут встречаться здесь в тексте, а усвоив положение, которое развивает автор, и указанную им военно-историческую ссылку, заинтересоваться данным военно-историческим положением, прочесть о нем в истории соответственной кампании, в крайнем случае проследить за ним по военно-энциклопедическому словарю или истории военного искусства, и составить таким путем собственное мнение об указанной автором иллюстрации его мысли.

Если управлять—это значит предвидеть, то в стратегии управлять означает предвидеть далеко вперед. Когда-то вожди именовались пророками; Мольтке отчасти был пророком, предсказывая за четверть века до мировой войны ее характер и продолжительность. Всякое указание далекой цели заключает в себе элемент пророчества. И если нет более трудной и неблагодарной задачи, как пророчествовать, то такие же трудности и терния представляет задача стратегии. В мировую войну военное ясновидение самых выдающихся вождей оказалось не на высоте.

Если бы задача изучения стратегии сводилась исключительно к тому, чтобы миллионам людей затрачивать свои силы и время на одоление премудрости, постичь которую удается единицам, то, может быть, не стоило бы и браться за это дело. Может быть, следовало бы ограничиваться отбором этих единиц, предназначенных для главного командования, и подвергать их особому научному режиму, как подвергают пчелы особому режиму особей, избранных быть матками...

Так, примерно, и обстояло дело вплоть до Семилетней войны включительно. В военном искусстве царил исключительно „гений". Однако, уже обстановка, в которой велась Семилетняя война, ясно указала на нерациональность этого решения. Опыт Семилетней войны указал, с одной стороны, на необходимость организации и подготовки генерального штаба, а с другой—дал могучий толчек пробуждению стратегической мысли [1]). Если научная работа в области стратегии насчитывает только полтораста лет, то это не фантазия, не каприз новейшей истории, а явление, предпосылками которого являлись глубокие изменения в характере ведения войны. До Семилетней войны все задачи частных начальников могли решаться исключительно с боевой точки зрения. Характер кабинетных войн изолировал войну в категорию особых явлений, связь которых с политикой, экономикой, народной жизнью направлялась исключительно через голову военного аппарата и правительства. Об'екты действий были чисто военные — неприятельская армия или неприятельская крепость; армии не имели точек соприкосновения с населением, располагались на отдых бивуаком, сражались только в поле, кормились из своих магазинов. По существу, воевали между собой два военных ведомства; народ в этой борьбе не принимал участия и дуэль двух армий могла регулироваться исключительно боевыми, т. е. тактическими соображениями. Весь ход

[1]) Стратегия возникла одновременно с привлечением общественного внимания к теоретической разработке политической экономии. Интересно, что Ллойд, первый писатель по стратегии, принадлежит к одному поколению с Адамом Смитом, вышел из той же среды и первый труд по стратегии появился почти одновременно (через 7 лет) с капитальной работой Адама Смита о богатстве народов.

развития военного искусства в новейшее время оказался направленным на уничтожение такого военного сепаратизма. Выражение, „теперь воюют не армии, а народы", надо понимать прежде всего, как обращение деятельности на войне в тот фокус, в котором отражаются все политические, экономические, классовые интересы, имеющиеся в данном государстве и как утверждение того, что линия поведения на войне никогда не может быть найдена, если исходить только из чисто боевых соображений и не считаться с определяющими войну общими интересами. Чем больше война задевает интересы населения, чем ярче основные ее линии обрисовываются требованиями политики и экономики, тем большее значение получает стратегия.

Как мы указывали выше, граница, проведенная нами между стратегией и тактикой, исходя из научных требований, совершенно не отвечает современной педагогической практике: тактика ныне чувствует себя в своих собственных пределах бессильной выдвинуть какую-либо чисто боевую цель, разрешить своими силами всецело какую-либо задачу; поэтому тактика широко анексирует себе соображения чисто стратегической категории и старается обосновать это тем, что она трактует все военное искусство в целом в пределах компетенции начальника дивизии. Таким образом у нас, в военно-учебных заведениях, преподавая вместе стратегию и тактику в пределах компетенции начальника дивизии, называют это „тактикой", а стратегию и тактику высшего командования именуют „стратегией".

Это указание мы делаем с исключительной целью подчеркнуть, что в стратегии, в истинном понятии этого слова, очень настоятельно нуждается не только главнокомандование, но и широкие массы командного состава. Стратегия нужна, чтобы армия понимала, относилась сознательно к выполняемому ею маневру, и чтобы стратегические вопросы, решаемые частными начальниками, до командира отделения включительно, находились в согласовании с указываемым главнокомандованием путем.

Уже понятие о пути отступления—чистая стратегия. Беглецы, дезертирующие из окопов с криком: „нас отрезывают", в сущности высказывают паническую оценку стратегического положения: „дело стратегически проиграно, наши тактические усилия обречены быть тщетными, бежим". Точно также, когда части выходят на неприятельские сообщения, берут, по красноармейскому выражению, противника „за жабры", то это тоже стратегическая оценка, та же Шлиффеновская мысль о „Каннах", из которой вытекает огромное значение предстоящего боя, необходимость проявления особого упорства, дабы одержать „чрезвычайную" победу.

„Чрезвычайная" победа, а не простой обмен на рану—рану, к чему преимущественно сводились действия русских войск

в мировую войну, не может быть добыта в плоскости тактического мышления. Она, помимо тактики, требует двух предпосылок: закала воли к борьбе, который может дать правильная воспитательная и политико-просветительная работа в войсках, в связи с соответственным направлением общей политики государства и затем—стратегического понимания требований войны и стоящей на очереди операции. Нужно, чтобы командиры и войска, когда надо, постарались бы и себя не пожалели. Если Шефферу-Бояделю удалось уйти из окружения, пробившись в ноябре 1914 года под Брезинами, если польская армия, с потерями, но все же ускользнула из Киева, а части Врангеля, бросив артиллерию, с'умели проскочить в Крым, то эти неполные удачи старой царской армии и новой красной армии как бы свидетельствуют о том, что нашей стратегии приходится иметь дело с равным напряжением боевых усилий войск, идет ли дело о второстепенном бое местного значения, или моменте, когда решается судьба кампании. Если немцы характеризовали маневрирование старой русской армии, как тяжеловесное, то они вовсе не имели в виду неспособность русского солдата пройти столько же верст, сколько делает немец, а хотели подчеркнуть известную стратегическую тупость русских войск, неспособность их резким броском немедленно полностью использовать благоприятный стратегический момент.

Война — это долгие месяцы трудов, лишений и жертв; войска равномерно тянут свою лямку; но они должны понимать, что бывают моменты, когда требуется собрать урожай, являющийся плодом всех этих усилий. Один день, говорит в таких случаях крестьянин в своем обиходе, целый год кормит. Тактика пашет и сеет, сбор урожая—это дело стратегии. Если забывать об урожае, то не стоит и хозяйством заниматься...

Чтобы покончить с идейной тяжеловесностью, нужна идейная гимнастика. Одной из основных ее форм является изучение классиков стратегической мысли. И нам кажется, что знакомство со всем разнообразием представленных в этом сборнике методов не будет лишним, так как современная стратегия требует синтеза.

А. Свечин.

МАТЕРИАЛИЗМ ЛЛОЙДА.

Генрих Ллойд (1729—1783 г.) не употребляет еще в своих трудах слова „стратегия", но в его лице европейская теоретическая военная мысль первый раз отчетливо поднялась в стратегический этаж военного искусства. Он уже ясно видит, помимо узко-тактической области, обширную область широких вопросов, связанных с ведением войны, и приступает к ее научному изучению.

Англичанин по рождению, Ллойд, как типичный мыслитель XVIII века, не стеснен рамками каких-либо национальных идей и привязанностей. Его интернациональное мышление находится в полном соответствии с его жизненной карьерой. Происходя из бедной семьи, получив высшее образование, он отправляется в путешествие по Европе; средства он получает от английского правительства, для которого, повидимому, он производит тайную разведку различных портов (Венеция, Брест). Вспыхивает Семилетняя война; он вступает в ряды враждебной Англии и Пруссии коалиции, и является сверхштатным ад'ютантом в австрийском генеральном штабе, при знаменитом его начальнике, генерале Ласси, которого так недолюбливал Суворов. Пробыв 3 года в рядах австрийцев, Ллойд уходит в отставку и вербуется к противникам австрийцев, пруссакам. Здесь два года Ллойд состоит при генерале, стяжавшем себе величайшую после Фридриха II славу в Семилетней войне— герцоге Фердинанде Брауншвейгском, которого впоследствии в период французской революции, жирондисты хотели пригласить командовать французскими армиями, но который предпочел пост главнокомандующего европейской контр-революцией. Затем мы видим Ллойда в мундире русского генерал-майора, с отличием участвующего в первой турецкой войне и пользующегося вниманием Екатерины II. Однако, и здесь открывается, что Ллойд состоит в каких-то сношениях с английским правительством и получает от него крупную пенсию. Ллойд окончательно покидает военную службу, на которой его во всех государствах преследовало подозрение в шпионаже и поселяется в Бельгии. Он собрал богатые материалы по Семилетней войне, ведя ежедневно записи, зарисовывая непосредственно расположение войск в бою и топографию поля сражения и намереваясь написать историю этой войны. Ему удалось закончить только первый том, в котором он развивает те научные основы, с которыми следует подходить к оценке явлений войны; смерть прервала дальнейшую работу.

Но и оставшийся после Ллойда единственный том свидетельствует об огромной мощи его военного мышления. Его современное значение для стратегии таково же, каково значение материалистической философии XVIII века для марксизма. Те удары, которые нанес Гегель в области общей философии непонимавшему идеи эволюции материализму XVIII века, в области военной мысли нанес, по представлениям Ллойда и Бюлова, дальнейшего, еще более

яркого представителя того же направления, Клаузевиц. Ллойд нас, военных, должен интересовать в той же мере, как представители материалистически-рациональной мысли XVIII века интересуют и по-сейчас мыслящих людей. Это—заря военно-научного позитивизма, это провозглашение торжества разума в военном деле, это призыв к сознательной критике всего военного искусства и к изгнанию из военного обихода всего того, что не оправдывается реальными требованиями войны.

Ллойд лично командовал отрядом австрийских легких войск, и на опыте и по рассказам ознакомился с действиями легкой татарской конницы. Тем ярче в его представлении обрисовалась беспомощность и малоподвижность грузных регулярных армий XVIII века, привязанных цепью к магазинам, из которых они получали довольствие. Ллойд дает теорию стратегии пятипереходной системы в момент, когда она в Европе достигла кульминационного пункта, и этим он выгодно отличается от Бюлова, который создавал свою теорию, основанную на перерыве снабжения неприятельской армии из магазинов в тот момент, когда французская революция уже совершенно изменила тип армий и уничтожила их зависимость от магазинов. Нам представляется, что такой острый наблюдатель действительности, как Ллойд, не впал бы в ошибку Бюлова.

Являясь стратегом-философом армий пятипереходной эпохи, Ллойд отнюдь не очарован ими, относится к ним вполне критически, и с философским презрением убеждает читателя, что эти армии вообще не способны на большие дела—не внесут никакой революции в установивший строй европейского равновесия, не совершат крупных завоеваний.

Операционная линия для Ллойда, впервые установившего этот термин, не представляет того отображения операции по идее и направлению, как определил этот термин Г. А. Леер, а представляет прозаическую дорогу от базисного магазина к цели операции. Мы решительно предпочитаем определение Ллойда определению Леера, и находим развитие его в XX веке в трудах известного германского писателя Верди-дю-Вернуа, который понимает под операционными линиями все дороги, которыми при своих операциях пользуются войска и их обозы; русскому уху, привыкшему к Леровским терминам, как-то странно слышать, например, о рокировочных операционных линиях, об операционных линиях для снабжения, но такое материализованное понимание операционных линий гораздо более отвечает современным условиям ведения войны.

Стратегия Ллойда сводится к тому, что если противник забыл, что он сидит на пятипереходной цепи, то ему об этом следует напомнить, обойдя его фланг и потряся за эту цепь путем нападения на двигающиеся к нему от базисного магазина транспорты. В эпоху Ллойда это был метод, неукоснительно дававший успех.

Лучший профессор стратегии русской академии генерального штаба, генерал Медем, отметил, как особенность взглядов Ллойда, большое внимание, уделяемое им моральному элементу; то же указание мы найдем в трудах его преемников, не всегда знакомившихся с первоисточником. Мы не можем присоединиться к этому мнению. Правда, Ллойд много говорит в своем труде о моральных силах, но это совершенно не та постановка вопроса о моральном элементе, как понимаем мы его после Клаузевица.

Ллойд в молодости написал научный труд о страстях, в котором нашли свой отголосок эмпирическая психология Локка и сенсуализм Кондильяка. Он очень проникся „Духом законов“ Монтескье, усвоил себе схему деления всех правительств на деспотические, монархические и республиканские и с этим багажем приступил к работе. Он обусловливает качество армии духом законов страны и географическими данными. Но дух законов—это обязательная для образованного писателя XVIII века дань Монтескье, квалификация политического учения которого нас не интересует, а географические данные—это уже подлинный Ллойд—материалист. У Ллойда вся вторая часть его труда (она состоит из пяти частей) посвящена философии войны, под которой следует понимать анализ морального элемента. Мне рисуется, что за исключением первой главы, все остальные семь глав этой части представляют заимствование, сделанное Ллойдом из своей юношеской университетской работы о страстях. Вот перечень этих глав: 1) о генерале; 2) об инстинкте самосохранения; 3) о чести и стыде; 4) о любви к богатству; 5) о свободе: 6) о религии; 7) о женщинах и влиянии их на сердца мужчин; 8) о музыке. Чтобы читатель согласился с моим определением Ллойда, как материалиста, я позволю себе привести рассуждение Ллойда о влиянии женщин на мужчин. Ллойд разницу в отношениях между полами у людей и животных видит в потребности человека в обществе и возникающих на этой почве привычках. В аристократическом бездельничающем обществе супруги не имеют никакой нужды друг в друге и когда их физическая страсть удовлетворена, они естественно остывают и ищут развлечений на стороне. Наоборот, в мелкой буржуазии, когда целый день проводится на работе, удовлетворение и радости связаны с возвращением в семью. Супруги постоянно имеют нужду друг в друге, в своем ремесле или в мелкой торговле, которую они ведут; в своей тяжелой борьбе за существование они устанавливают между собой тихую и спокойную дружбу, которая сменяет у них то бурное, беспокойное возбуждение, которое обычно зовется любовью. Мужчина дважды подвергается сильному влиянию женщин—в молодости, когда в нем говорит сильнее физическое чувство, и в старости, когда требуется утешение и поддержка. Любовь—это общее стремление к наслаждению, сосредоточенное на одном об‘екте. Чем более затворнический образ жизни ведут женщины, тем более они имеют возможность господствовать в этой области; наши европейские нравы ослабляют их влияние. Но мужчина может пойти все же на многое, чтобы заслужить в награду женщину.

Мы позволили себе привести это длинное переложение не только для того, чтобы поставить вопрос о том, при чем же тут философия войны и в частности военная психология, а с целью показать, что и затрагивая вопросы морального порядка, Ллойд остается материалистом чистой воды. Сенсуализм Ллойда очень любопытен, но пусть Ллойда оценивают с этой стороны специалисты по философии XVIII века, а мы со своей стороны только укажем, что материалистическое понимание психологии Ллойдом является для него достаточным основанием для выработки требований к начальнику по поддержанию духа его войск. Но этот чисто строевой подход к моральному элементу (ни малейшей связи между этим моральным элементом XVIII века и тактическими и стратегическими соображениями нет) и эту про-

пасть сумел перекрыть только Клаузевиц, стоявший на противоположном, по сравнению с Ллойдом, полюсе военного мышления.

Кроме этой второй части—материалистического исследования человеческого сердца и его страстей, представляющего, в общем, приспособление сенсуализма к командованию полком, труд Ллойда включает следующие части: первую—тактическо-административную, с известными абзацами, посвященными истории военного искусства; часть II—о связи, существующей между различными формами государственной власти и военными операциями; в этой части чувствуется повсюду Монтескье; часть III—о гражданской войне—оссбого интереса не представляет и написана, имея в виду борьбу, начатую Соединенными Штатами за освобождение от английского господства. Часть IV трактует собственно о стратегии. Она называется: о военных операциях, рассматриваемых в самих себе. В ней семь глав: 1) об атаке укрепленных лагерей; 2) о маршах и фронте марша: 3) об операционной линии; 4) о наступательной войне; 5) об оборонительной войне; 6) о легких войсках; 7) о пограничной линии. Часть V представляет „военный анализ различных границ в Европе“, здесь имеется одна глава, анализирующая и американский театр войны.

Из богатого материала, представляемого трудом Ллойда, мы избрали введение Ллойда, представляющее правда большей частью тактическое, но очень характерное для научных приемов Ллойда исследование об основных принципах войны и о характере различных европейских армий, главу об операционной линии и отрывки из двух глав о границах России и Европе.

Мы сознательно опустили несколько глав Ллойда о стратегии, так как в них читатель не найдет уже новых черт, характеризующих мышление Ллойда, и увидит лишь, что автор сумел подметить действительность Семилетней войны, отмечает значение энергии полководца, так как наблюдал лучших генералов Европы и рекомендует, в случае, если неприятель разделится, нападать на него по частям.

Все эти наставления не стоят многого, так как Ллойд, исходя из стратегической обстановки кабинетных войн XVIII века, принципиально отводит бою самое скромное место. Обладая знанием стратегии, по мысли Ллойда, „можно рассчитать все операции с геометрической точностью и вести постоянно войну, никогда не будучи вынужденным вступать в бой“. Это игнорирование боя царило в последние десятилетия пред французской революцией. Наполеон восстановил значение боя в действительной жизни, а Жомини—в теории.

Очерк русской границы нами приведен, как характерное для всех материалистов преувеличенное внимание, уделяемое географии. Предел этого увлечения отмечен трудами эрцгерцога Карла, а с Клаузевица замечается сильная реакция, проводником которой у нас в России является Милютин. Но мы все же не можем не удивляться множеству пророческих замечаний, разбросанных в главе о русских границах; и таковые же интересные замечания имеются в суждениях Ллойда и о других государствах. Мы убеждены, что всякий, кто прочтет военно-географическое исследование Ллойда, задаст себе вопрос: а что бы сказал Ллойд, предсказавший потерю Швецией Финляндии и об‘яснивший невозможность для Швеции отстоять от России прибалтийские провинции, о современной карте Европы?

Замечание о переводе: в виду отсутствия в Москве „Military memoirs" в английском оригинале, пришлось выполнить перевод для нашего издания с французского издания 1784 г. [1]). Французский переводчик не подписал своего имени, но, судя по примечаниям, сделанным им, нельзя ошибиться: это знаменитый французский военный писатель Ру-Фузильяк. Его перевод очень полный, однако точность его далеко не удовлетворительна, в особенности при переводе английских мер во французские им допущены крупные ошибки. Поэтому мы сличали французское издание с немецким переводом 1783 года, и перевод наш явился результатом такой критической работы, которая не заменила нам английского оригинала, но все же позволила избежать грубых ошибок [2]).

Относительно пассифистических нот в настроении Ллойда, его непонимания эволюции, переоценки значения математики, как основы военного образования, мы отсылаем читателя к нашим подстрочным замечаниям.

Редакция.

---

[1]) Все остальные переводы выполнены для настоящего сборника с оригинальных трудов. Перевод как философских, так и стратегических трудов представляет большие трудности, так как переводчик не может расшифровать в какую-либо сторону туманные и двухсмысленные в подлиннике фразы, не покушаясь на их глубину и связан поэтому гораздо больше в своем изложении иностранным текстом.

[2]) Г. А. Леер, пользовавшийся исключительно французским переводом, впал в ряд крупных ошибок: семиверстную географическую милю Ллойда французский переводчик именует бесцеремонно французской лье, в которой только 4 версты, что совершенно искажает всю цифровую часть труда Ллойда.

ВВЕДЕНИЕ К ИСТОРИИ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ 1756 ГОДА МЕЖДУ ПРУССКИМ КОРОЛЕМ И ИМПЕРАТРИЦЕЙ С ЕЕ СОЮЗНИКАМИ
или
ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ ГЕНЕРАЛА ЛЛОЙДА.

(Французский перевод. Издание 1784 года. Лондон).

I.

Рассуждения об общих принципах войны, а также о составе и характере различных европейских армий.

Что на свете не существует более трудной науки, чем военная, это всеми признанная истина; однако, по странному противоречию, свойственному человеческому уму, люди, которые посвящают себя военной профессии, мало или вовсе не уделяют внимания ее изучению. Они, повидимому, полагают, что достаточно знать несколько бесплодных детских маневров, чтобы стать великим военным вождем.

Этот предрассудок настолько распространен, что в некоторых армиях почти ничего не преподается, за исключением постоянно меняющихся и варьирующих упражнений в перестроениях и само это непостоянство строевого обучения ясно доказывает, что в основе всей тактики лежит простой каприз.

Между тем, война, как и все прочие искусства, базируется на постоянных принципах, и лишь приложение последних поддается известным вариациям.

Мне кажется, что наиболее трудную область военного искусства [1]) надо подразделить на две части; к одной из них будут относиться те материальные данные, которыми пользуется искусство, и эту часть возможно будет нормировать правилами; другая его часть не имеет названия, это высшая область военного искусства, которую невозможно ни определить, ни преподать; она заключается в методе верного и быстрого применения принципов к бесконечному разнообразию слагающейся обстановки. Ни история, ни научное исследование, как бы оно ни было упорно, ни опыт, несмотря на всю его

---

[1]) Ллойд употребляет выражение „война", которое мы переводим „военным искусством". *(Прим. перев.).*

продолжительность, не могут наставить нас в этой части военного искусства; оно является лишь достоянием гения, даровать которое может только природа. Вся техническая часть войны, касающаяся подготовки элементов армии ко всему многообразию операций, которые обстоятельства могут сделать неизбежными, может быть сведена к математическим началам: затем гений применяет их в соответствии с местностью, силой, пространством и количеством войск; все это может слагаться в бесконечное разнообразие комбинаций.

Военное искусство подобно искусству поэзии и красноречия. Многие знают их правила, но немногие обладают творческим талантом: когда они сочиняют, то их произведения, с таким трудом скомпанованные по правилам, за отсутствием божественной искры и небесного огня, являющихся истинной сущностью гения, остаются холодными и бесцветными. Также обстоит дело с нашим ремеслом; многие знают его правила, но когда речь заходит об их применении, они теряют под собой почву. Тогда они обращаются к своим рецептам и очень удивляются, что на месте не оказываются те леса, горы, долины и реки, которые необходимы их фантастическим планам; оказывается, наоборот, приходится подчиняться тому, с чем встречаешься, так как, в сущности, местность является единственным правилом и единственным указателем пути, которого надлежит следовать. Всякая операция, не сообразованная с условиями местности, является бессмысленной и смешной. Местность—это великая и единственная книга войны: всякий, кто ее не умеет читать, должен довольствоваться званием *храброго солдата* и не претендовать быть *генералом*.

Первой задачей материальной части искусства, как я ее называю, является: создать солдата, соответствующего тому применению, для которого он предназначается; снабдить его орудиями его ремесла, которые он должен употреблять изо дня в день, так как он не может носить на себе оружие всех сортов; обучить его, как использовать это оружие и ничему другому. Все, что я здесь говорю, настолько явно отвечает здравому смыслу, что я считаю себя в праве установить следующий первый принцип: 1) *солдат должен быть одет и вооружен в соответствии с требованиями боя;* 2) *он должен быть обучен всему тому, что разнообразие обстоятельств может заставить его делать, когда он окажется лицом к лицу с неприятелем;* 3) *кроме того, он должен быть обучен всему тому, что ему придется делать в частных условиях, в которых он может оказаться.*

Многие будут протестовать против этих предложений, в особенности те, кто уделяет все свое внимание многочис-

ленным ребяческим учениям, которыми утруждают все европейские армии; кругозор их науки ограничивается приемами утюжки шляп, полирования пуговиц и т. д., одним словом, всем тем мальчишеством, в котором, по их пониманию, только и проявляются знания и достоинства офицера. Подобным то пустякам они и приписывают славные победы Прусского короля [1]), в виду чего и ввели прусское строевое учение во всех европейских армиях, и изучают его с тщательностью и энергией, граничащими с манией. Все не прусское, по их мнению, хорошим быть не может.

Узкие мундиры, маленькие шляпы, очень белые лосиновые штаны, высокие башмаки и т. д., множество бесполезных движений и перестроений на учении — все это установлено исключительно потому, что происходит из Пруссии. Как будто подобные пустяки могли оказать влияние на выигрыш или проигрыш сражения, на искусство марша или операции, на успешность осады, или на удачный выбор лагеря или позиции.

Кажется, нельзя даже допустить, чтобы люди были настолько слепы, чтобы не чувствовать, что все то, чему они придают такое значение, не имеет ни малейшего отношения к войне, и тем более не может влиять на ход ее событий; однако, они настолько пристрастны к этим мелочам, что лишь постольку уважают человека, поскольку его считают постигшим эти великие тайны; все прочие, в их глазах, являются достойными презрения невеждами.

Я же, в свою очередь, считаю ни во что людей, придающих значение этим жалким мелочам и совершенно не интересуюсь мнением, которое они могут себе составить обо мне и о моих трудах.

Если рассмотреть современное обмундирование войск, согласно с установленными мною принципами, то оно окажется совершенно не отвечающим своему назначению. Существует ли что-нибудь более неудобное, и более беспокойное, чем современный головной убор? Он не исполняет никакого назначения: он не защищает лица от солнца, не предохраняет щек и шеи от холода и дождя, и бедные солдаты очень скоро толпами попадают в госпитали.

Мундир и куртка являются равно бесполезными, так как они не предохраняют от непогоды и настолько сковывают человека, что мешают его движениям.

Ко всем этим неудобствам, из-за которых в каждом походе, в особенности, если он затягивается на зиму, гибнет пятая часть армии, надо еще прибавить, что во время продолжительных дождей солдат не может пользоваться оружием, так как пока он изготовляет и приводит в порядок

---

[1]) Фридриха Великого. *(Прим. перев.).*

ружье, случай использовать его уже ускользает. В виду этого, я хотел бы, чтобы изобрели другой способ одевать солдат, более гуманный и более выгодный для интересов родины; оба эти требования гораздо больше связаны между собой, чем это обычно думают.

Что касается до вооружения, то без сомнения, полагают, что ружье является наиболее подходящим оружием для пехоты, так как последняя вооружена исключительно им.

Однако, если на вооружении останутся исключительно ружья, надо пожелать, чтобы их удлинили, считая со штыком, на два фута; я думаю, что можно без неудобств снабдить таким оружием солдата.

Если бы мушкет был устроен таким образом, чтобы он заряжался с казны и центр его тяжести оказался отнесенным за замок к прикладу, то перевес дула его уменьшился бы сравнительно с современными ружьями; применение его в бою дало бы большие выгоды.

Мориц Саксонский изобрел подобное оружие и снабдил им своих улан; но оно отличалось многими неудобствами, которых можно избежать; оружие, которое я предлагаю, в особенности подходит для кавалерии.

Пехота должна была бы иметь каски и кирасы из твердой кожи, которые защищали бы ее от сабельных и штыковых ударов и даже от выстрелов, произведенных с известного удаления.

Во Франции была обещана премия за секрет изготовления такой кожи, которая бы могла противостоять пуле.

Хотя пика совершенно изгнана из вооружения, однако, при многих обстоятельствах, по моему мнению, она является лучшим холодным оружием, в особенности при атаке и обороне укреплений и при отбитии кавалерийских атак; в виду этого я бы не хотел, чтобы она была вовсе заброшена.

Если бы то, что называют тактикой, т. е. построение батальонов, исходило бы из других основ, которые я считаю лучшими, то пика могла бы быть использована с большой выгодой.

Согласно со вторым предложенным нами правилом, ружейные приемы должны быть сведены к шести, самое большее к восьми, так как перед лицом противника в большом количестве их не должно быть необходимости.

Третье правило более широкое, оно включает все, что в военном искусстве можно изучить: я упомяну лишь вопросы, которые должны главным образом привлекать внимание людей, посвятивших себя военному ремеслу.

Из всех элементов этой материальной части искусства, наибольшее значение имеют движения: это ключ к самым высшим маневрам армии, и последние абсолютно находятся в зависимости от движений. Человек может быть атакован с че-

тырех сторон, но защищаться или сам атаковать противника он может только с той стороны, куда он обращен лицом. Таким образом, все принципы маршей сводятся к следующему: двигаться фронтом или флангом на определенный пункт, так как невозможно одновременно пятиться назад и противостоять противнику.

Для выполнения этих различных целей имеется только три шага: обыкновенный шаг, беглый шаг и движение в пол-оборот, или шаг для примыкания.

Первый шаг применяется при движении вперед, когда противник еще находится далеко, или при неровной и ухабистой почве, чтобы не сломать общий фронт линии, и позволить ей без перерывов поддерживать оживленный регулярный огонь.

Второй шаг главным образом необходим, когда хотят предупредить неприятеля в занятии какого-нибудь пункта, расположенного у выхода из теснины, и в особенности при атаке укреплений, чтобы быстро пройти пространство, поражаемое как артиллерийским, так и ружейным огнем. И наконец, при сближении с противником: тогда надо ускорить темп до беглого шага, беря ружья на руку и энергично бросаться в атаку.

Движение в пол-оборота имеет громадное значение как для кавалерии, так и для пехоты; это лучшее всякого другого метода средство для свертывания или развертывания колонн на наименьшем пространстве, а следовательно и в возможно кратчайший срок. При выходе из теснины, вы быстро можете развернуть ваш фронт, не подставляя фланга противнику, что неизбежно должно произойти, если вы будете придерживаться прусского метода развертывания, т. е. будете заходить к флангу на 90°, чтобы очистить место для спокойного построения следующих за вами плутонгов [1]) или дивизионов.

Применяя движение в пол-оборота, можно легко и надежно развернуться, даже находясь на близком расстоянии от противника, так как войска остаются обращенными к нему лицом, и их движения по выходе из теснины могут быть прикрыты и обеспечены. Так же должна строиться и колонна, будет ли это с движением вперед, или с движением назад; это очень существенно. Вот основная аксиома: ни один маневр, каков бы он ни был, в особенности на глазах у противника, не должен производиться, не будучи прикрыт и обеспечен несколькими дивизионами.

В природе людей лежит гораздо больший страх перед опасностью, которую не видят и не ожидают, чем перед

---

[1]) Плутонг — это один из восьми взводов, на которые рассчитывался в строю батальон, не считаясь с ротной организацией. (*Прим. редакц.*).

таковой, которая у нас перед глазами: это естественно относится к движениям, связанным с захождением плечом, при которых солдат не видит противника и обращает к нему незащищенный бок.

Таким образом, в виде следствия, я вывожу следующее общее правило: на глазах у противника никогда не надо производить каких-либо захождений, разве что для того, чтобы образовать новый фронт, когда противник атакует с фланга. Я не буду сейчас рассматривать те разнообразные эволюции, которые применяются в настоящее время, и лишь ограничусь установлением общего принципа, пригодного, как для оценки отдельного перестроения, так и для сравнения одних с другими. Лучшим способом перестроения является тот, который может быть выполнен известным числом людей в кратчайший срок и на наименьшем пространстве.

Теперь не существует ни одного геометрического вензеля, который наши современные тактики не вводили бы для перестроения армий, не считаясь с тем, насколько они применимы на практике.

Мы можем предвидеть все случаи, которые могут произойти на войне, и все порядки для боя, которые всегда сводятся к колонне или развернутому фронту: таким образом, лучшей геометрической линией является та, которая при атаке и при обороне, каковы бы ни были условия местности, позволяет скорей всего перестроиться из колонны в развернутый строй и из развернутого строя в колонну, смотря по надобности.

Во всех европейских войсках очень распространен предрассудок, обоснованный на общей для всех практике, что колонна не может двинуться, не разомкнувшись на двойную дистанцию по сравнению с той, на которой она располагается, стоя на месте, так как при такой глубине рядов люди не могут двигаться одновременно и это неизбежно ведет к растяжке; правда, это можно наблюдать простым глазом и даже маршал Саксонский полагал, что с растяжкой можно бороться лишь путем размеренного шага. Однако, нет ничего более легкого, как исправить этот недостаток и это очень важно, так как я уже говорил, что движения являются самым существенным вопросом материальной части военного искусства.

В строю человек занимает в ширину, от одного локтя до другого, около двух фут, а в глубину, от груди до спины, приблизительно, один фут, так как толщина человека немного меньше фута; таким образом, при повороте направо дистанция между людьми равняется приблизительно одному футу; если они не одновременно двинутся и не будут идти в ногу, то она увеличится еще на два фута: следовательно,

все затруднение состоит в том, чтобы заставить всех одновременно двинуться с той же ноги и постоянно поддерживать движение в ногу. Достигнуть этого очень легко, отбивая такт посредством барабана или оркестра, во избежание беспорядка и спутывания; к этому необходимо часто прибегать при выходе из теснины или при движении по ухабистой и неровной местности [1]).

Итак, вопросы о движении являются самыми существенными, им надо уделить наибольшее внимание; можно утверждать, что при прочих равных условиях, победа останется за той армией, которая лучше всех марширует. Если то, что я предлагаю, и что уже с большой точностью осуществляется португальскими войсками, когда-нибудь установится и у нас, и каждая колонна силой, например, в два батальона достигнет совершенства в выполнении, то не подлежит сомнению, что и армия в сорок батальонов сделает любое перестроение в два раза скорей, чем она его делает теперь, и это можно проверить на опыте.

Что касается различных способов ведения огня, то они почти все связаны с опасностью или на практике вовсе неприменимы.

Стрельба плутонгами необходимо вызывает общее замешательство: шум всех этих перекрещивающихся команд, ломка фронта, необходимость первой шеренге стрелять с колена является тремя огромными неудобствами, которые делают этот вид огня невыполнимым пред лицом противника. Следовательно, этот вид огня надо изгнать из военных уставов; таково же мнение короля прусского, который говорит: „Стрельба плутонгами вероятно была бы наилучшим видом огня, если бы она была осуществима“. Таким образом, этот вид огня представляет на практике такую опасность, что я считаю возможным установить следующие правила:

1. Так как необходима полнейшая тишина, то слово должно принадлежать исключительно батальонному командиру.

2. Когда полк или батальон наступает на противника, фронт никогда не должен ломаться, за исключением тех случаев, когда это вызывается условиями местности.

3. Первая шеренга никогда не должна становиться на колени, чтобы дать возможность стрелять третьей, так как на виду у противника это весьма опасно: кроме того, повторение этого движения утомляет солдата и скоро делает его

---

[1]) Нам эти соображения Ллойда о движении кажутся теперь очень наивными, но не будем забывать, что мы находимся у самого истока материалистически-позитивного подхода к исследованию военных вопросов; работу Ллойда через столетие продолжил Леваль (смотри ниже), и в результате создалась современная теория походного движения. (*Прим. редакц.*).

усталым[1]). К этому я добавлю, что существует еще очень много вопросов, которые должен знать солдат: как окапываться, как делать туры и фашины, как работать сапой и т. д.

То, что я только что сказал, в одинаковой мере касается, как солдата, так и офицера; дальше я буду говорить, имея в виду исключительно последних.

Так как все перестроения основаны на комбинированном расчете пространства и времени, то каждому офицеру необходимо иметь некоторое представление о геометрии и арифметике.

Чтобы иметь возможность свести к геометрической точности все перестроения, прежде всего надо учитывать, что каждый солдат с ружьем занимает по фронту два фута от локтя до локтя и что во время движения обыкновенным шагом он должен делать 110 шагов в минуту, по двадцать дюймов каждый. Таким образом, пространство, занимаемое частью и скорость ее движения представляют определенные данные, и каждый с легкостью может вычислить отношения части, которой он командует, к пространству, которое он собирается занять и имеющемуся в распоряжении времени.

Опыт, плюс эта теория, создают глазомер, который делает офицера способным точно и быстро оценить время и пространство, необходимые для выполнения любого маневра. Это может очень пригодиться в день боя, когда глазомер позволит вам выполнить тысячу движений на глазах у противника, могущих иметь решающее значение, если они осуществляются верно и точно, а предпринять их вы бы никогда не рискнули, если бы не имели уверенности в возможности их закончить.

Неуверенность, в которой вы застаете генералов в какомнибудь бою, является последствием их невежественности в этой деликатной области военного искусства. Они неспособны изменить свой план в соответствии с новыми обстоя-

---

[1]) В то время, чтобы зарядить ружье, солдат обязательно должен был встать во весь рост, чтобы вложить в дуло вертикально поставленного ружья заряд пороха и пулю; таким образом, при скорости огня в 2—3 залпа в минуту (у пруссаков), первая шеренга каждую минуту должна была соответственное число раз опускаться на колено и подниматься, что, конечно, до крайности утомляло солдата в бою.—Соображения Ллойда о недопустимости ломки фронта относятся к наступлению с огнем плутонгами; первый плутонг батальона продвигался вперед на десяток шагов и давал залп, после чего к нему выходил, пристраивался и давал залп второй плутонг, затем третий, и так до восьмого плутонга, после чего первый, с уже заряженными ружьями, вновь повторял свой маневр. Раздавалась масса команд, все происходило в бешено-скором темпе, и фронт батальона легко ломался.—Будем помнить, что тактические рассуждения Ллойда относятся к эпохе линейного боевого порядка, и тогда мы согласимся, что он трактует действительно существенные для того времени вопросы.

(*Прим. редакц.*).

тельствами; их беспокойство, естественно, увеличивается по мере приближения противника. На его глазах они справедливо опасаются производить какое-либо движение, так как не знают, позволят ли время и местность довести до конца тот или иной маневр, хотя бы он и являлся необходимым. Результатом этого следует, что большинство сражений скорей решаются случайностями, чем мудрыми приказаниями, которые бы сделали честь человеческой предусмотрительности.

Генералы составляют свои планы в кабинете и предполагают достаточное число обстоятельств, которые никогда не имеют места в действительности, во всяком случае в таком виде, как они им рисовались. Но существует очень немного людей, обладающих тем глазомером высшего порядка, которые в течение самого боя подмечают новые данные и умеют искусно их во-время использовать.

Знание математики также необходимо для определения количества движения, с которым одушевленные или неодушевленные тела сталкиваются друг с другом при ударе, и которое пропорционально массе и скорости движения. Если лошади вашей кавалерии меньше неприятельских, то вы можете увеличить их силу, прибавив скорость; по этой-то причине испанская кавалерия, имевшая мелких лошадей, почти во всех войнах опрокидывала австрийскую; на этом же основании наши крупные и сильные лошади, несомненно, уступают охотничьим. Разница в пользу последних стала бы еще резче, если бы было уделено большее внимание на то, чтобы приучить этих лошадей, несущих свой корпус слишком на передних ногах, работать более в сборе.

Учет этого обстоятельства сильно способствовал бы перестроениям кавалерии; можно было бы двигаться с места галопом, не проходя через последовательные стадии шага и рыси: пока вы раскачиваетесь столь медленным движением, мелкие лошади успеют охватить ваш фланг, или, заменяя скоростью недостаток своей массы, налетают на ваш фронт и опрокидывают его.

Без математики невозможно точно рассчитать движения армии, так как все то, что не сводится к расчету времени и пространства, на практике является туманным и неопределенным [1]).

---

[1]) Боевая мысль просветительной философии XVIII века, определявшей мышление Ллойда. Конечно, нам кажется странным такое увлечение математикой; оказывается, что даже верхом нельзя прилично ездить, если не держать в голове несколько математических формул и нельзя без геометрии провести приличного батальонного учения. Наполеон также имел значительную склонность к математике и последняя окрашивала все направления французской военной мысли в XIX веке. Понятен становится энергичный протест против засилья математики в военном образовании, который мы встречаем очень часто у Леваля (см. ниже), Бонналя, Серины и др.; Леваль и Сериньи

Два принципа—геометрия и гений—обусловливают выбор укрепленных лагерей; геометрия отмеривает пространство в соответствии с численностью и качеством войск, составляющих армию.

Гений [1]) комбинирует все отношения, существующие между армией и данной местностью; он выбирает именно ту комбинацию, которая является наиболее выгодной. Это искусство приобрести нельзя, оно представляет дар природы, независимый от математики и сильно ее превосходящий.

У великих гениев быстро складываются широкие замыслы; они одновременно охватывают и причины, и следствия, и всю массу связанных с ними комбинаций: они не руководятся обыкновенной логикой, при которой одна мысль медленно развивается из другой; в их воображении вся совокупность обстановки рисуется так же отчетливо, как на большой картине, на которой были бы изображены обстоятельства в настоящем и следствия в будущем; для них не существует геометрии; но природа скупа на таких людей; середняк—генерал [2]) во избежание крупных ошибок должен опираться на геометрию и на опыт.

Другую, весьма широкую часть искусства представляет фортификация, которая в приложении к практике является чистой математикой; сооружение каждого укрепления базируется на геометрических отношениях, и следовательно, каждый может их изучить; но применение к местности, как и выбор лагеря, зависит исключительно от гения, и не подчиняется правилам. Так как начертание всех крепостей составлено по одному и тому же шаблону и все они так же похожи одна на другую, как улья для пчел, то это доказывает, что инженеры, которые их строили, знали только то, чему их учили, и чему они были способны обучиться; но в них не было ни искры гения, которая заставляет бесконечно творить и варьировать комбинации, сообразуясь с множеством обстоятельств, которые могут и необходимо должны представляться.

также проникнуты основными идеями Ллойда, также строят все на расчете, но умение считать в нашем представлении уже не смешивается с математическим построением образования командного состава. Разумеется, соображение Ллойда о преимуществах маленьких резвых лошадей над крупными тихоходами вытекало не из математических формул, как силится он показать, а из наблюдавшихся им в Семилетнюю войну успешных атак гусарских частей на кирасирские полки. (*Прим. редакц.*).

[1]) Старый римский Genius—ангел-хранитель, филологически пережил в течение тысячелетий огромную эволюцию. На французском языке это слово (le génie) означает одновременно и выдающееся природное дарование и инженерное искусство. У Ллойда эти представления еще не вполне разделены, но мы все же ближе к его мысли, употребляя в нашем переводе понятие „гений", а не „инженер". (Прим. редакц.).

[2]) В подлиннике „Le peuple des généraux"—толпа, народ генералов. (*Прим. переводч.*)

Дело с местностью обстоит так же, как с лицами; на всем свете не существует двух совершенно одинаковых лиц, также не существует двух участков местности, которые на известном протяжении были бы абсолютно подобными, и к которым, следовательно, можно было бы применить одинаковые укрепления или одинаковые решения. Гений схватывает мельчайшие оттенки различия, ускользающие от зрения простых смертных, и пользуется ими для своих замыслов. Из этого видно, насколько непоследовательны те инженеры и тактики, которые стремятся подвести под одно общее правило все бесконечное разнообразие местных условий.

Большим усовершенствованием нашего искусства было бы изобретение такого рода укреплений или боевых порядков, которые могли бы в одинаковой мере применяться ко всевозможной местности; но так как это невозможно, то остается только найти такой характер укреплений и такие построения, которые можно было бы простейшим, а следовательно и скорейшим образом, приспособлять к множеству частных случаев. Это должно являться постоянной целью нашей научной работы, и только геометрия может нас привести к этому результату.

Артиллерия, которая ныне стала душой военных операций, не может обходиться без геометрии. Мюллер очень удачно заметил, что калибр орудий должен определяться сообразно с задачами, для которых они предназначаются; а я бы еще добавил, что также сообразно с характером того театра, на котором хотят их использовать. В виду того, что столь естественной мысли не было уделено надлежащего внимания, то в отношении калибров орудий не придерживались каких-либо правил, кроме каприза или слепого подражания.

В царствование Людовика XIV французы задавали тон всей Европе; следовательно, в этом важном вопросе им подражали также, как в их модах и их обычаях. Столь тяжелые и малоподвижные 24-х фунтовые пушки [1]) применялись монархами, которым не предстояло ни осаждать крепостей, ни самим оборонять их, и в чьих странах отсутствовали удобные дороги для перевозки этих тяжеловесных машин. Следуя моде, армии обременялись без всякой надобности.

Мне кажется, что следовало учесть, что французы воевали на открытой местности, пересеченной многими каналами и большими шоссе.

Надо было обратить внимание, что Людовик XIV и Людовик XV действовали вблизи своих границ и имели в своем тылу большие крепости, в которых располагались магазины очень недалеко от театра действий; и наконец, ведь без

[1]) 6-ти дюймовые пушки.

серьезной осады во Фландрии нельзя продвинуться ни на один шаг.

Французская артиллерия была организована в соответствии со всеми этими обстоятельствами, что являлось вполне целесообразным. Но почему Англия и другие державы последовали этому примеру, не имея подобных оснований, этого я никак не могу понять. Я очень доволен, что у нас постепенно вводится система Мюллера, и надеюсь, что впредь мы встретим в наших армиях полезную согласованность между артиллерийским парком и военными операциями, для которых он предназначен. В своих трудах этот офицер предложил очень много полезных мероприятий, в виду чего я считаю для себя излишним высказываться по этому поводу.

Для общего блага я высказываю пожелание, чтобы он, для окончания цикла своих полезных трудов, написал полный трактат об осадах с теорией и практикой минного искусства.

Для тех, которые мечтают быть полководцами, может быть самым важным предметом является география, или точнее топография, так как для них общего понятия о стране недостаточно, и они должны иметь подробное представление о местности [1]). Надо основательно знать состояние и производительность провинций, и в особенности такие их особенности, столь тесно связанные с военными операциями, как реки, их истоки и течение, текут ли они к противнику, или от него, их ширина, глубина, падение, извилистость, броды и мосты, судоходна ли река или нет?

Если река течет к нам, то надо иметь крепость, расположенную возможно выше по течению, чтобы воспрепятствовать противнику воспользоваться судоходством по ней, что может быть ему весьма полезно, так как удобный речной путь крайне облегчает операции армии, и крупные полководцы всегда считали особенно важным, поскольку возможно, использовать это преимущество. По этому поводу надо отметить, что австрийцы, после того, как они оставили Дунай, почти все время терпели неудачи против турок.

Если же река течет из вашей страны к противнику, то надо, наоборот, иметь крепость возможно ниже по течению, что позволяет вам образовать там магазины, как только вы переступите на неприятельскую территорию.

Если река течет вдоль ваших границ, как, например, Рейн окаймляет Францию, то на ней необходимо занять два или три важнейших хорошо укрепленных пункта, которые бы прикрывали ваше государство от вторжения противника и

---

[1]) Высокая расценка топографии об'ясняется отсутствием сколько-нибудь сносных карт в эпоху Ллойда. В русской академии, почти через сто лет топографическое искусство Стефана продолжалось еще выдвигаться на первый план... (*Прим. редакц.*).

лишали бы его возможности вступить на вашу территорию, не предоставив вам случая в свою очередь вторгнуться в его страну и отрезать подвоз продовольствия к его армии. Даже не будучи судоходной, река все же может быть весьма пригодна для операций армии, в особенности если она течет параллельно неприятельской границы и пересекает главнейшие дороги, ведущие в его страну, так как ее берега образуют великолепные позиции. Если вы ведете войну на реке, то надо стремиться овладеть обоими ее берегами, иначе она вам мало пригодится, и может быть использована только для занятия позиции за ней. Если вы владеете крепостью на судоходной реке, то вам достаточно иметь горсть солдат, чтобы доставить много хлопот большой армии.

Переправу через реки справедливо считают одной из самых опасных и деликатных военных операций, однако обычно она удается, так как обороняющий реку недостаточно знает ее течение, внимание и энергия его недостаточны. И действительно, если противник и окажется не в состоянии помешать вам навести под прикрытием артиллерии мост, то он все же может расположиться таким образом, чтобы воспрепятствовать вам занять достаточное пространство для развертывания и, не подвергаясь вашему огню, атаковать ваши дивизии порознь, по мере того, как они будут переправляться через реку. Лучше применять этот метод, чем пытаться воспрепятствовать устройству самой переправы; замечательный пример этому дает борьба в Италии во время войны за испанское наследство.

Принц Евгений хотел переправиться через реку, которой герцог Вандомский предусмотрительно завладел много раньше его; после многих попыток ему удалось скрытно совершить марш; он уже навел мост, по которому переправилась большая часть его армии и даже успела укрепиться на противоположном берегу под прикрытием батарей, расположенных на другом берегу реки, так что герцог Вандомский не мог ее атаковать без крупных потерь и риска; французский генерал устроился в возможно близком расстоянии и изготовился атаковать противника, как только последний рискнет выйти из своих укреплений, чтобы построиться и развернуть свой фронт. Французская армия образовала дугу, охватывающую имперские укрепления, так что последние обратились в ловушку для снарядов, куда сосредоточивался перекрестный артиллерийский и ружейный огонь французов.

Обследовав положение, принц Евгений, который был слишком умен, чтобы вступать в сражение, находясь в таком положении и имея в тылу реку, переправил обратно свою армию и снял мост [1]).

---

[1]) Переправа через р. Адду у Парадиза. (*Прим. ред.*).

Вот лучший урок, который можно дать по обороне рек. Если течение реки образует изгиб в вашу сторону, то вам будет очень трудно помешать переправе противника, так как вы при этом должны двигаться по окружности, а он по хорде, и следовательно ему будет предстоять пройти гораздо меньшее расстояние, чем вам. Правда, ему также придется преодолеть крупные препятствия в виде командования противоположного берега, так как высокий берег обычно бывает при изгибе течения реки на выгнутой стороне. При таких условиях местности, навести мост является невозможным; если же течение реки очень извилисто, то обыкновенно командование будет принадлежать попеременно то выпуклой, то выгнутой стороне.

Когда приходится оборонять берег реки, то, в зависимости от ее характера, необходимо разделить армию на две или несколько крупных частей, расположенных таким образом, чтобы они могли обнаружить место неприятельской переправы, и достаточно сильных, чтобы воспрепятствовать ему занять намеченный им прибрежный участок, который дал бы ему возможность развернуться, так как иначе вы бы лишились особых выгод, когда предпримите атаку. Если ко всему только что указанному мною присовокупить еще полнейшее знание обороняемой реки, то для противника выполнить переправу окажется невозможным.

Я удивляюсь, почему не используются ручьи и маленькие речки для устройства наводнений, которые бы обеспечивали укрепление лагерей; наводнения без особых трудов и расходов легко создаются на любой местности и сделают укрепленный лагерь столь же сильным, как крепость. Таким способом следовало бы прикрывать все важные позиции, так как лучших укреплений на свете не существует: в этих случаях плотины должны строиться очень невысокими, и каждая из них должна защищаться надежным укреплением.

Если местность гористая, то она обязательно будет изобиловать теснинами, образованными лощинами и потоками, и следовательно предоставлять множество выгодных позиций и мест для укрепленных лагерей.

Знание всех этих подробностей, использованное крупным талантом, дает возможность маленькой армии вести войну с весьма превосходными силами [1]): прекрасные примеры тому

---

[1]) Для XVIII века типично малое значение, придаваемое превосходству в числе. Магазинная система в такой степени стесняла маневрирование крупных сил, линейный порядок настолько затруднял их использование на поле сражения, война на измор представляла им столь невыгодную арену действий, что качество решительно предпочиталось численности. Только французская революция двинула массы на войну, Наполеон показал пример их использования, а Жомини создал теорию стратегии, основанную исключительно на стремлении добиться численного перевеса на решительном пункте. Приводимый пример относится к неудачным действиям французских армий в Семилетнюю войну на второстепенном для Фридриха Великого театре. (*Прим. ред.*).

дает кампания герцога Фердинанда Брауншвейгского в Гессене.

Необходимо тщательно следить за тем, чтобы армии предшествовали отряды, которые бы занимали все высоты без исключения. Правда, в пересеченном районе имеется, конечно, не много подходящих дорог для кавалерии и артиллерии, однако надо твердо помнить, что если этот район достаточно населен, то в самых крутых и отвесных его горах, в самых густых и непроходимых его лесах все же найдутся, по меньшей мере тропинки для пехоты; таким образом в подобной местности никогда не следует располагать лагерь, не заняв предварительно всех окружающих высот; это дает вам двойное преимущество—обеспечивает вашу позицию и позволяет наблюдать движения противника, и в то же время препятствует ему наблюдать за вашими. Это столь важный вопрос, что я устанавливаю, как общее правило, следующее положение: никогда не позволять приближаться к себе неприятельским патрулям и в то же время всегда устраивать так, чтобы самим посылать патрули на неприятельские фланги.

Хорошенько рекогносцировав местность и заняв горы, располагаться лагерем всегда надо позади них; таким образом вы остаетесь вне взоров противника, что создает для него вечную неуверенность, являющуюся на войне для вас крупным преимуществом. По той же причине, никогда не следует располагаться возле леса, не заняв его целиком; иначе за этой завесой противник сможет выполнить решительный маневр, о котором вы узнаете лишь тогда, когда принять меры для отражения его будет уже поздно. Если бы это правило было соблюдено при Мальплаке, Гастеймбеке и Торгау, то я думаю, что события приняли бы другой оборот.

Таким образом, я устанавливаю, как абсолютное правило, которое невозможно нарушить, не подвергаясь величайшему риску, что армия никогда не должна приближаться к лесам или горам, не занимая их целиком.

Кроме того, надо иметь точные представления о городах и даже о селениях, в особенности о тех, через которые проходят большие дороги, так как они также представляют собой теснины, в которых можно задержать противника в то время, когда, прикрываясь ими, вы принимаете решение, которое считаете нужным [1]).

На этом-то изучении местности и следует проэктировать позиции, лагери, марши, одним словом весь план операций кампании: только эти данные позволяют установить число и род войск, которые должны войти в состав армии, а следовательно количество и качество магазинов и пункты, в которых

[1]) Типичное для XVIII века представление о селении, как теснины, непригодной для боя крупных сил. (*Прим. редакц.*).

они должны быть собраны. Всякий план, не построенный на этих данных, когда дойдет очередь до его выполнения, разочарует своего автора, если только противник обладает здравым смыслом. Следовательно, решение всех крупных и существенных вопросов, выдвигаемых войной, как в совещаниях, так и в поле, находятся в исключительной зависимости от знания местности, и осторожный генерал будет основываться больше на местности, чем на слепой судьбе сражений. Обладая всеми этими знаниями, можно рассчитать все операции с геометрической точностью и вести постоянно войну, не будучи вынужденным вступать в бой [1]). Маршал Саксонский писал, что сражения, цель которых остается непонятной, являются излюбленным приемом невежд.

После топографии естественно-историческое изучение страны, а также знакомство с ее политической конструкцией, представляют предметы, достойные особого внимания; также необходимо знать, что и в каком количестве она производит, почву, климат, питание народа и формы государственного управления, так как эти факторы обусловливают физические и моральные свойства населения. Население равнин и богатых стран обыкновенно не имеет надлежащего закала и мало пригодно к войне; маленькая усталость внушает ему отвращение к походу, оно подвержено заболеваниям, требует больше пищи и не имеет ловкости, свойственной горцам, которые во всех отношениях бесконечно лучше. Чего только не делали и чего не претерпели наши бедные горцы? Они перенесут то, от чего неизбежно погиб бы самый храбрый и страстно стремящийся к славе англичанин; это обусловливается исключительно различием в воспитании.

Кроаты, состоящие на службе у императора, редко, можно даже сказать никогда, не располагаются лагерем; они подвергаются всем ненастьям погоды и, однако, смертность среди них, сравнительно с другими войсками, гораздо меньше, что можно приписать только различию стран, откуда они происходят [2]).

Жители больших городов еще хуже населения плоских и плодородных местностей, о котором я говорил. Они нервны,

---

[1]) Разрядка редактора. Все внимание—географическому элементу; что касается до „варварских“ приемов боя, то они даже не на втором плане. Типичные следствия просветительной философии XVIII века. (*Прим. редакц.*).

[2]) Легкая австрийская пехота (кроаты), прославившаяся в Семилетнюю войну, правда, не имела палаточного обоза, но, действуя по-партизански, устраивалась в деревнях гораздо лучше, чем линейные части в своих выравненных лагерях; но, конечно, они представляли собой крестьян, взятых по повинности (род австрийских пеших казаков), тогда как линейные части по преимуществу укомплектовывались опустившимися безработными города; разумеется, преимущество в здоровьи находилось целиком на стороне кроатов (*Прим. ред.*).

вследствие длительных порочных привычек и их последствий, неспособны переносить усталость и к тому же слишком много рассуждают, чтобы из них можно было сделать сильных и дисциплинированных солдат.

Политическое устройство и форма правления государства не меньше отражаются на характере людей, чем физические и естественные причины. Подданные деспотического государства, с детства подверженные безмерной дисциплине, привыкшие к слепому послушанию, были бы хорошими солдатами и им надо было бы оказывать предпочтение перед гражданами свободных государств, если бы деспотический режим не вызывал в них общего отвращения и они не были бы подавлены нищетой и не были бы так угнетены. В пользу граждан свободного государства говорит их энтузиазм к свободе, искусная рука может легко его воспламенить и тогда они делаются непобедимыми, но вне этого порыва они являются плохими солдатами, так как их свободные идеи находятся в вечном противоречии с тем слепым военным послушанием, которое, однако, и создает истинный дух хорошей армии.

Рабы деспотизма не имеют чувства свободы и в виду этого представляют среду, не поддающуюся тому же энтузиазму, но у них он с успехом заменяется религиозным фанатизмом; когда же оба эти побудителя—чувство свободы и религиозный фанатизм комбинируются и соединяются, то нет силы, которая могла бы устоять против них. Если взвесить силу влияния двух этих побудителей на человеческое сердце и подумать, как нетрудно их вызвать, то можно только удивляться, почему современные генералы относятся к ним с таким пренебрежением: это лишь доказывает, что они не знают тайных, но действующих без осечки пружин, которые приводят в движение человеческое сердце.

Существует еще и другой вид энтузиазма, правда, менее пылкий, чем первый и скорей заслуживающий название страсти: это любовь к славе и богатству. Это естественная слабость человеческого сердца, и если овладеть искусством развить ее и ею руководить, то можно было бы добиться блестящих результатов. Офицеры более подвержены этой страсти, так как их звание и их положение открывают им большую возможность использовать войну. Этот побудитель работает особенно активно в монархическом государстве, где титулы и состояние человека особенно подчеркивают его положение и преимущества, которыми он пользуется.

Эти принципы морального и физического порядка являются элементами, образующими национальный характер. Последний, в большей или меньшей степени, в зависимости от того, какому давлению он подвергался от военной дисциплины, отражается на каждой армии. Если дисциплина су-

ровая и основана исключительно на начале устрашения, то она уничтожает национальный тип, но не создает ничего, чтобы могло его заменить. Истинной дисциплиной является та, которая базируется на развитии национального характера. Если те, на которых возлагаются задачи создания армии и руководство ими, недостаточно знакомы с человеческой природой вообще, и с различиями, вносимыми в нее климатом [1]) и законодательством в частности, то они совершенно неспособны составить кодекс военных законов, который бы вполне отвечал характеру нации, и в виду этого вынуждены базировать его на слабых, неверных и презренных основах страха. Поскольку мы можем судить по историческим данным всех времен, это вероятно и является той причиной, по которой современные армии настолько уступают древним.

Веселый, живой и ветренный француз управляется лучше внезапным импульсом и случайным порывом, чем рассудительностью и доводами убеждения. Климатические условия об'ясняют особую деликатность его чувств: он все воспринимает очень живо, но и впечатления его мимолетны и быстро изглаживаются новыми восприятиями от других встреч. Результатом этого является то, что первая атака французов представляет что-то неистовое и непреодолимое, проявляется вся гамма зверских инстинктов; мы бы сказали, что они охвачены припадком судорожной ярости; в течение одного мгновения они производят сверхестественные усилия, но скоро истощаются и впадают в апатию и уныние; нельзя себе представить, что это те же самые люди.

При таком национальном характере, можно без особых неудобств комплектовать армии рабочими и городскими ремесленниками, хотя обычно эти элементы представляют наименее подходящий материал для выработки солдата, так как они упрямы, нетерпеливы и резонируют. Они идут, как будто уверенные в победе, преисполненные самоуважения и презирая остальных; но если они отбиты, то все их высокие чувства сменяют стыд и такой упадок духа, что ничто больше уже не может заставить их возобновить атаку; их тщеславие не позволяет им сознаться в допущенных ошибках и они сваливают всю вину на своих начальников, а сами начинают бунтовать и дезертировать.

Таким образом, если вы воюете с французской армией, то необходимо придерживаться следующего общего правила: не давать противнику спокойно отдыхать на месте и в особенности заставлять его двигаться в дурную погоду; всегда атаковать французов первыми и всегда итти в разрез с решениями, заставляя подчиняться вашей воле. Вскоре их при-

---

[1]) Преувеличенное понимание значения климата для психологии бойца материалисты XVIII века заимствовали у Вегеция (*Прим. ред.*).

родное нетерпение заставит их сделать какую-нибудь капитальную ошибку; а если их генерал окажется настолько благоразумным, что будет противиться их необоснованным пожеланиям, то они проникаются презрением к нему, становятся беспокойными и начинают дезертировать.

Теперь их военный министр хочет установить во Франции немецкую дисциплину, не учитывая различия характеров обеих наций; я сомневаюсь, чтобы это ему удалось: можно работать над развитием и перевоспитанием природных данных, но устранить их невозможно [1]).

Австрийская армия состоит из крестьян; они покорны и терпеливы; работа и самая тяжелая усталость не вызывают в них никогда ропота, несмотря на то, что у них нет религиозного энтузиазма, вероятно по вине их наставников в религии; однако, их религиозные понятия достаточны, чтобы создать надлежаще упорядоченные нравы. Их ум медленно поддается впечатлениям; но это же является причиной того, что они долго их сохраняют; по природе и по воспитанию они мало подготовлены рассуждать о следствиях и причинах, и составлять собственное мнение; тем лучший элемент представляют они для солдатского ремесла; я думаю, что нет солдат, которые бы их превосходили, за исключением тех, которые одухотворены фанатизмом.

Ко всем этим качествам немецкого солдата, русские еще присовокупляют идолопоклонческое почитание своего царя, представляющее в своем роде энтузиазм, благодаря которому они неизбежно должны превосходить всякую другую армию, не отличающуюся таким фанатизмом; эта неоспоримая храбрость позволила им одерживать победы, несмотря ни на какие трудности, которые вызывались грубой невежественностью русских офицеров.

Прусская армия представляет сброд иностранцев всех национальностей, самых разнообразных нравов, религий, обычаев и характеров; их связывают в одно целое только железные узы зверской дисциплины. Эта суровость и внимание, вечно обращенное на строгое соблюдение установленного порядка, обращают армию в большую, регулярно работающую машину, поддерживаемую и одухотворенную могучим гением, создавшим ее. В таких условиях прусская армия должна учи-

---

[1]) Это очень интересная характеристика французской армии сохраняет свое значение и до сего времени. „Тактика пехоты“ Модюи представляет, по существу, только попытку приспособить методы пехотного боя к французской психологии. Германская тактика встречного боя как-будто базируется на советах Ллойда. Не представляет ли сражение под Росбахом высшее проявление стратегической нетерпеливости и тактической невоздержанности? Предсказание Ллойда о неудаче реформы министра графа Сен-Жермена, стремившегося пересадить во Францию основы прусской дисциплины, оправдалось полностью. (*Прим. редакц.*).

тываться, как одна из наиболее грозных в Европе, но если только на одно мгновение будет ослаблена пружина, которая приводит ее в действие и все ее разнородные части отделятся друг от друга, то машина обратится в развалину; после нее останется лишь воспоминание о ее коротком и славном существовании [1]).

Прусская армия, сравнительно со всеми другими европейскими армиями, необыкновенно легко маневрирует; это и является главной причиной ее побед; выдающийся гений прусского короля, располагая этим качеством своих войск, способен был разрешить все задачи, но без него оказался бы бессильным.

Испанцы храбры и терпеливы, кроме того, у них высокие представления о чести, которые можно еще развить в них и тогда они станут превосходными солдатами, но в настоящее время в течение двух или трех первых лет войны испанская армия имела бы лишь жалкий вид, так как испанские генералы не имеют ни опыта, ни образования.

Англичане не столь впечатлительны, как французы и не столь тяжеловесны, как немцы. Однако, они несколько больше приближаются к французам: они часто проявляют столько же нетерпения и порывистости.

Если бы английская конституция позволила влить новую энергию в дисциплину и более справедливо распределять блага и награды между военными и в особенности отказаться от продажи и покупки военных должностей, то я думаю, что английская армия была бы первой или по крайней мере одной из первых армий в мире.

Турки, как и вообще все народы, во главе которых стоит чисто военное правительство, могут лишь клониться к закату, разве что их военный дух будет питаться постоянными войнами и тем самым фанатизмом, из которого он зародился.

Магомет настолько хорошо это понимал, что он эту основу превратил в религиозный догмат и воспретил своим последователям когда-либо слагать оружие и прекращать борьбу со своими врагами.

Так как сила турецких армий заключается только в численности и энтуазиазме, то стоит последнему когда-нибудь потухнуть, что, повидимому, должно произойти и ее численность не будет пригодна ни к чему; это огромное тело, лишенное единственного начала, которое его одушевляет и поддерживает, распадается само под тяжестью собственного веса.

Таковы начала, излагаемые мною здесь только бегло; весь труд в целом будет посвящен обсуждению их, с целью установить их на основе неоспоримых доказательств.

---

[1]) Ллойд прямо предвидит Иену и развал старой Фридриховской армии. (*Примеч. ред.*).

II.

Об операционной линии.

Если вы хотите вторгнуться в неприятельскую страну, как татары, с исключительной целью пограбить и разорить, то вам надо, по их образцу, иметь многочисленную конницу, ворваться с одной стороны на неприятельскую территорию, сметая все на вашем пути и как можно скорее отступить через другую часть страны, захватив всю вашу добычу.

При таком жестоком и варварском способе ведения войны ста тысяч коней было бы достаточно, чтобы разграбить и разорить всю Европу, несмотря на имеющиеся в ней большие регулярные армии, в состав которых входит много тяжелой кавалерии, артиллерии и т. д.; и это потому, что подвижность—это все на войне, а наши армии таковой абсолютно лишены. Они ходят на цепи около какой-нибудь крепости, где помещаются их магазины и не рискнут удалиться от нее на расстояние в двадцать миль. Они скованы в тесном кругу, центр которого представляют их магазины.

Татары не имеют магазинов и в таковых не нуждаются: быстрота движений позволяет им находить на месте все, в чем они нуждаются. Мы же с нашими огромными и тяжеловесными армиями вторгаемся в неприятельскую страну лишь с целью овладеть какой-нибудь провинцией или несколькими крепостями; но в виду того, что мы на нашем пути не можем найти достаточного количества продовольствия, то мы вынуждены заранее наметить несколько постоянных пунктов, где располагаем склады продовольственных и боевых припасов и т. д., и уже отсюда затем питаем армию. Эти пункты служат базой для операций, которые ведутся против других определенных и точно намеченных пунктов на неприятельской территории, если вы ведете наступательную войну; при оборонительной войне операции направляются от базисных пунктов на другие пункты уже в пределах собственных границ.

Линия, соединяющая между собою эти пункты, по которой должна оперировать армия, называется *операционной линией*; из всех вопросов, затронутых до сих пор в нашем труде, этот вопрос заслуживает максимальное внимание. Хороший или неудачный выбор операционной линии имеет решающее значение для последующих успехов на войне. Если, на ваше несчастие, выбор будет сделан неудачно, как бы блестящи не были ваши успехи, они все же ни к чему не приведут.

Я хочу раз'яснить это на примере. Предположим, что мы располагаем армией в сорок тысяч пехоты и десять тысяч

коней с артиллерийским парком, продовольственными транспортами, офицерскими обозами и т. д., что потребует еще такого же количества лошадей: эта армия расположена у Эксетера, где помещаются все ее магазины и предполагает наступать на Лондон. На меня возложено противодействовать ей, при чем моя армия насчитывает всего тридцать тысяч человек. Для выполнения моей задачи располагаюсь также возможно ближе к Эксетеру; занимая несколько выгодных позиций, я заставляю противника потерять две недели, прежде чем он достигнет Дорчестра или Бландфорта. Я группируюсь против фронта неприятельской армии, направляя небольшие отряды на его фланги; но к моменту, когда он окажется на расстоянии шести или девяти миль [1]) от Эксетера, где помещаются все его склады, я вместо того, чтобы фронтально противиться его движению всеми своими войсками, оставляю на направлении его марша всего десять тысяч человек, столько же группирую против его левого фланга, а остальные десять тысяч растягиваю вдоль его операционной линии от пункта, где бивуакирует его армия, вплоть до складов в Эксетере. Эту часть моей армии я делю на четыре или пять отдельных отрядов, которые поддерживают связь друг с другом, чтобы образовать сплошную цепь с одного до другого конца неприятельской операционной линии; таким образом, ни один зарядный ящик не может проскочить из магазинов в армию, так как будет замечен и перехвачен одним из моих отрядов. Чтобы уничтожить транспорт, заставив разбежаться обозных, перебив или захватив лошадей, изломав повозки и т. д., достаточно сотни драгун. Таким образом, неприятелю придется выделить для сопровождения своих транспортов большие силы, например десять тысяч человек. Тогда я делаю всей своей армией движение вправо, так, чтобы мое левое крыло оказалось на продолжении неприятельского, а центр и правое крыло углубились далеко за неприятельский фронт. Каким бы способом прикрытие транспорта не располагалось, впереди него или отделяя часть сил в середину и в хвост транспорта, я утверждаю, что оно не сможет спасти. Эта задача окажется не по силам ни десяти, ни двадцати тысячам солдат; они будут связаны транспортом, от которого не могут удалиться и лишены возможности переменить свою позицию; мои же войска свободны в своих движениях и маневрируют, как им выгодно; они развертываются по своему усмотрению, атакуют где, как и когда им будет угодно; они могут решительно напасть на противника, или некоторое время развлекать его внимание у какой-нибудь теснины, леса и т. д.; пока эти неприятности будут тянуться, весь транспорт окажется застывшим на одном месте;

---

[1]) Миля—7 верст. (*Прим. перевод.*).

тогда две или три тысячи человек, разбитые на небольшие отряды, атакуют всю линию повозок от одного конца до другого; достаточно, чтобы удалась хоть одна из этих маленьких атак, чтобы развалить и рассеять весь транспорт.

Также может оказаться выгодным атаковать большей частью ваших сил отряд, образующий голову транспорта, если место нападения будет удалено на две или три мили от лагеря главных сил неприятеля, вы могли бы полностью уничтожить все прикрытие, а также и самый транспорт. Правда, главные силы противника могли бы немедленно обратиться назад, чтобы поддержать прикрытие своего транспорта, однако, это не легкий маневр, фланг неприятеля подставляется под удары нашего центра и всего левого крыла, расположенных под прямым углом к направлению неприятельского маневра; кроме того, несомненно неприятель подошел бы слишком поздно, чтобы помешать уничтожению своего транспорта, что и является нашей целью.

Пусть противник будет расположен не в шести или девяти милях от Эксетера, как я предположил, а в двадцати одной или двадцати двух милях, например, в Салисбюри. Я оставляю предпосылку, что он продолжает питаться транспортами из Эксетера, или какого-нибудь другого магазина, также удаленного на двадцать слишком миль. Я утверждаю, что в таких условиях противник не может больше двух недель удержаться в своем лагере, хотя бы ему пришлось при этом преодолевать лишь те препятствия, которые слагаются исключительно из удаления от магазинов, из плохого состояния дорог, скверной погоды и тому подобных явлений.

При кругообороте обозов в сорок четыре мили, как в данном случае, совершенно невозможно сосредоточить и постоянно пополнять достаточное количество продовольствия, фуража, лошадей, подводчиков, повозок и т. д. при потребностях армии в пятьдесят или шестьдесят тысяч человек и всего того небоевого элемента, который тянется за ними в расположение лагеря. Я настолько убежден в невыполнимости этого, что иду еще дальше; если вы расположите всего двадцать тысяч человек пехоты и пять тысяч коней на позиции и они будут иметь возможность получать необходимое им довольствие лишь из определенного пункта, расположенного на расстоянии в двадцать миль, то через неделю они окажутся в необходимости самим двинуться навстречу своих транспортов или рассеяться и погибнуть.

Теперь прибавим к этим естественным, однако непреодолимым трудностям еще те, которые может создать искусный генерал, действующий в согласии с изложенными нами выше принципами. Мне представляется совершенно очевидным и неоспоримым, что не существует армии, будь то большая или маленькая, которая могла бы действовать на операционной

линии в двадцать миль, если только противник может еще продолжать борьбу в поле и достаточно осторожен, чтобы избежать решительного сражения [1]).

Чем больше местность стеснена и пересечена лесами, горами, оврагами, узкими и трудно проходимыми теснинами, тем больше препятствий перед неприятелем, тем труднее окажутся для него дороги, и тем выгоднее сложится для вас обстановка, так как отсюда вытекает большая легкость предприятий против неприятельской операционной линии. На подобной местности вы должны повсюду организовать засады против неприятельских отрядов и даже главных сил его армии, и эти предприятия почти всегда будут иметь успех. Всякий, кто внимательно взвесит все, что я только что сказал, несомненно убедится, что всякая мысль о вторжении в Англию совершенно нелепа, и все опасения по этому поводу являются лишь паническими страхами [2]).

Эти рассуждения, в справедливости коих я убедился на опыте, об'ясняют, почему наши усилия против Америки имели так мало успеха и почему, несмотря на наше превосходство во всех отношениях над инсургентами, мы, однако, никогда не могли проникнуть в глубь их страны более, чем на десять миль и даже, углубляясь всего на четыре или шесть миль, мы не могли удержаться ни в одном пункте.

Опираясь на множество приведенных рассуждений, я делаю следующие выводы, которые и выдвигаю, как правила или как аксиомы.

1. Когда природа границы, которую вы должны атаковать и расположение ваших складов открывают перед вами свободу выбора, то вы должны избрать кратчайшую и представляющую наименьшие затруднения операционную линию.

2. Вы должны избрать такое направление, чтобы противник не мог действовать на ваши фланги, а следовательно и против вашей операционной линии; а последнее неизбежно произойдет, если он господствует в провинциях, расположенных вправо и влево от направления вашего наступления [3]); при таких условиях, чем больше вы углубитесь в страну, тем вернее будет

---

[1]) 20 миль—140 верст, этот предел наступательной операции, который Ллойд старается мотивировать, представляет пять не малых переходов. Отсюда и пятипереходная система. *(Прим. ред.)*

[2]) Упорная историческая традиция гласит, что это заключение о невозможности высадки на берега Англии написано Ллойдом только для широкой публики и что одновременно с этим он будто бы представил английскому правительству секретный доклад о возможности таковой операции и получил 500 фунт. стерлингов за обязательство никогда не разглашать тайны удобнейшей операционной линии для захвата Лондона. *(Прим. ред.)*

[3]) Это, между прочим, может быть применено и к наступлению русских армий к Верхней Силезии в начале ноября 1914 г., между Восточной и Западной Пруссией, с одной стороны, и Западной Галицией с другой. Лодзинская неудача была почти неизбежна. *(Прим. ред.)*

ваша гибель. Вскоре вы утратите связь с вашими магазинами; ваша операционная линия будет уничтожена, вы будете полностью окружены и обречены на гибель.

3. Необходимо, чтобы эта операционная линия приводила вас к какой-нибудь существенной цели, иначе и десяток, хотя бы весьма удачных, кампаний не дадут вам никаких выгод.

Если трудности всегда возрастают пропорционально длине операционной линии, то при более или менее одинаковых прочих условиях, все выгоды должны быть на стороне той армии, которая будет действовать по кратчайшей линии, хотя бы она и уступала в силах; необходимой предпосылкой для ее успехов является лишь осторожное и активное руководство.

III.

О границах России.

Я буду рассматривать турецкую границу лишь с точки зрения возможной войны с Россией.

Эта граница тянется от Хотина на Днестре до Черного моря, вдоль него до Очакова на Днепре, вдоль Крыма и к Дону. Правда, что татары, населяющие побережье Черного моря между Днестром и Доном, не являются подданными султана, но они находятся в столь тесной зависимости от него, что всегда действовали и будут действовать в согласии с ним. На этой границе турки имеют крепости Хотин, Бендеры, Очаков и Перекоп на перешейке, отделяющем Крым от Малой Татарии. Все эти крепости могут служить им магазинами, которые легко могут быть пополнены средствами как Европы, так и Азии.

Русская граница идет здесь от Киева по правому берегу Днепра до Кинбурна, расположенного у устья реки, против Очакова. Близ этой границы русские имеют всего одну крепость, а именно Полтаву, знаменитую тем, что она явилась пределом, где закончилось процветание и слава Карла XII. Эта линия тянется приблизительно на сто миль.

Главная турецко-русская операционная линия должна тянуться от Хотина к Киеву; это расстояние в пятьдесят четыре мили. Если ни Россия, ни Турция не займут Польши с целью извлекать из нее продовольствие для своей армии, то обе эти державы будут лишены возможности действовать на этой линии и тогда военные действия сосредоточатся в Малой Татарии и в Крыму. В этом случае выгоды будут на стороне русских, в отношении которых благоприятствует

направление границы, открывающей им несколько подступов для вторжения на неприятельскую территорию; положение русских также выгоднее в отношении близости их средств к театру действий, направления течения рек и т. д.

Но и в настоящее время и в будущем Польша всегда будет добычей того, кто раньше ее окупирует. Таким образом, обе державы будут иметь возможность действовать по главной операционной линии от Днестра на Киев. Направление турецкой границы делает очевидным, что если только турки двинут тридцать или сорок тысяч татар через Польшу, между Бугом и Днепром и между Днепром и Доном, то русские не будут иметь возможности приблизиться к Днестру. Турки могли бы даже двинуть кубанских татар между Доном и Волгой. Если бы таков был турецкий план, то русские не только бы не продвинулись до Молдавии, но даже с трудом прикрывали бы собственную плоскую и открытую страну, которую, следовательно, очень трудно защищать от вторжения ста тысяч конницы армиями, образованными по нашему современному образцу. Разве мы не видали недавно, как несчастный бродяга Пугачев во главе нескольких тысяч разбойников прошел почти всю российскую империю. Никогда не будет излишним повторять: наши армии в их современном состоянии могут маневрировать лишь в пределах очень ограниченного круга и по очень короткой операционной линии; они не в состоянии вызвать ни крупных пертурбаций, ни сделать обширных завоеваний.

Русская граница в Европе начинается в Финляндии на речке Кюмень, отделяющей Швецию от России; затем она тянется вдоль берега Финского залива и части Балтийского моря до устья Западной Двины, где расположена Рига, которая представляет важную крепость и крупный коммерческий город. Отсюда эта линия продолжается до истоков Западной Двины и далее до Смоленска, расположенного у истоков Днепра, откуда она следует по течению этой реки до Черного моря, против Очакова; русские захватили несколько областей на правом берегу Днепра. Я разделяю эту линию на три части: первая, которая прикрывает Финляндию со стороны Швеции, вторая, которая тянется от устья Двины до Смоленска и третья—от Смоленска до Черного моря.

Русская часть Финляндии представляет собой некультурную и дикую страну, пересеченную высокими (? редакц.) горами и полную озер, болот, скал и лесов; эта бедная и нищая страна, которая даже не может прокормить своего редкого населения, не превосходящего ста тысяч душ. Эта местность настолько сильная, что трех или четырех полков, разбросанных по ней, было бы достаточно, чтобы защитить

ее от вчетверо сильнейших войск, тем более, что русские, благодаря заливу, имеют возможность посылать из Кронштадта любое количество солдат, которых они могут высадить в тылу шведской армии, пожелавшей продвинуться на Кюмень. Таким образом, какую бы позицию не заняли шведы, русские всегда могут действовать против их фронта и флангов и оттеснить их к морю, как они это и сделали в последнюю войну или заставить их отступать вдоль Ботнического залива в сторону Торнео, где шведы неизбежно должны погибнуть за отсутствием продовольствия.

Русская операционная линия идет от Петербурга через столицу Финляндии Выборг, а оттуда на Фридрихсгам, расположенный около р. Кюмень. Все эти крепости очень хорошо укреплены. Шведская операционная линия тянется от той же р. Кюмень на Або, а оттуда через Ботнический залив до Стокгольма, расположенного на берегу Балтийского моря. Русская операционная линия тянется на 32 мили, а шведская—на 87 миль. Русская операционная линия располагает хорошей дорогой, посредством которой легко удовлетворить все потребности армии и к тому же она имеет водное сообщение с Кронштадтом, Нарвой, Ревелем и друг. Шведы же должны все черпать из Стокгольма и других пунктов, расположенных за Ботническим заливом.

Кто взвесит все эти обстоятельства, различие в длине операционных линий и, наконец, значительное превосходство в силах, находящееся на стороне России, легко поймет, что шведы не только никогда не будут в состоянии успешно атаковать русских, но даже не будут иметь возможности больше месяца защищать собственные границы: в виду этого шведскому трону было бы благоразумнее добровольно уступить этот район, чем отстаивать его в столь сомнительных условиях [1]). Оставление данного района даже значительно

---

[1]) Не рискуя браться за опасное ремесло пророка, можно утверждать, что политическая организация стремится принять устойчивые формы; как в категории моральных явлений, так и в категории явлений материальных, какие то следствия системы аналогии заставляют всякий предмет стремиться занять место в соответствии со своим удельным весом.

После падения римской империи вся Европа представляла хаос; установился феодализм, который после долгой и трудной борьбы был раздавлен монархизмом. Гибель баронов открыла свободную арену для государей, которые продолжают борьбу между собой до сегодняшнего дня. Счастие и случай руководили дележом; мнения природы спросить забыли. А между тем, природа сама провела границы—моря, больщие реки, горные цепи, представляющие линии, которыми она рисовала географическую карту. Можно предвидеть, что все споры и претензии народов друг к другу закончатся тем, что каждая держава должна будет заключиться за теми преградами, которые возвела сама природа; проходящие страсти и капризы людей с течением времени не могут противостоять постоянным и неизменным законам природы. Тогда прекратятся вторжения; каждый народ в своих естественных, физических границах будет заниматься своими частными интересами.

усилило бы Швецию, так как ей бы пришлось считаться с одной Данией, столь уступающей ей во всех отношениях. В этих моих замечаниях заключается истинная причина потери Карлом XII шведских провинций, расположенных к юго-востоку от Балтийского моря. Как мог этот монарх расчитывать с теми силами, которые он мог собрать и содержать, быть в состоянии удержать столь удаленные провинции, отделенные очень трудным для плавания морем, которое покрыто льдом шесть месяцев в году (? редакц.), против превосходных сил русских, находящихся в ближайшем соседстве к атакуемому району и имеющих свободу действий почти круглый год. Исход этой войны и вероятно всех войн, которые будут вестить на столь растянутых операционных линиях, всегда подтвердят доктрину, установленную мною в настоящем труде: эти войны будут заканчиваться постыдно и позорно для тех, которые будут пытаться их вести.

Между Петербургом и Ригой на Западной Двине находятся Нарва и Ревель, которые являются хорошими опорными пунктами для русских эскадр. Берег здесь высок и опасен для больших кораблей; они не рискнут задержаться в верхней части Финского залива, откуда восточные ветры прогонят их очень далеко от цели. Таким образом, русским нечего опасаться с этой стороны и еще меньше на всем пространстве от Финляндии до Риги; здесь у них всегда расквартировано пятьдесят тысяч солдат.

Местность, занимаемая русскими от Риги по Двине, несколько лучше, чем Финляндия, однако, она также полна

Соседство двух народов не будет делать из них врагов; у них не будет, что делить между собой. Это будет веком, когда произрастет семя, посеянное философией. Много еще надо совершить ошибок, и многое еще надо изменить в нравах, но приятно видеть в перспективе общее счастье человечества (примечание французского офицера, переводившего Ллойда в 1774 году).

Мы привели это примечание Ру-фузильяка, как очень любопытное толкование и развитие идей Ллойда. Оно характеризует пассифистическую позицию военного мышления XVIII века, отсутствие всякого представления об эволюции, переоценку военно-географического элемента, веру в силу разума и представление о золотом веке будущего. Строгое мышление Ллойда привело его лишь к пророческому заключению, что Швеция, под натиском России, не сможет удержать своих позиций в Финляндии; но дальнейшие писатели XVIII века, и в особенности самый блестящий военный представитель эпохи просвещения и энциклопедистов, Бюлов, попытались даже нарисовать картину будущей идеальной Европы, где все государства вошли в свои естественные границы. Ллойд, как и Бюлов, видит назначение армий в сохранении европейского равновесия, совершенно не понимает прогрессивного значения насилия, как уборки политических трупов с арены и понимает положительные задачи войны, только как достижение естественных границ, что должно приблизить нас к золотому веку. Мираж естественных границ теперь, конечно, рассеян, раз мы видим в народах живые организмы, вырастающие, расползающиеся, или, наоборот, худеющие и исчезающие.

(*Примеч. редакц.*).

озер, лесов, болот и т. д., а следовательно мало культурна и редко населена. На всей этой границе имеется только два пункта, через которые противник мог бы проникнуть в глубь страны; один из них находится близ Риги, и отсюда противник мог бы продвинуться до Петербурга; другой, расположенный в окрестностях Пскова, является ключом [1]) к Новгороду и Москве. Утрата Пскова, расположенного на озере Пейпус, повлекла бы за собой потерю прибалтийских провинций. Если бы Карлу XII удалось овладеть Псковом, то он воспрепятствовал бы русским удержаться на Неве в Ингерманландии; действуя против операционной линии Москва—Новгород, он принудил бы русских отойти за верхнюю Волгу. Псков был бы очень важным пунктом для русских, если бы им приходилось с этой стороны опасаться какого-нибудь сильного врага; но такового здесь нет, так как пруссаки, несмотря на свою мощь, даже если бы им не приходилось ничего опасаться со стороны Германии, все же никогда бы не рискнули продвинуться на Двину. Главные силы Пруссии сосредоточены к западу от Одера; там то и надо их опасаться, конечно только на суше, так как прусский король не держит флота.

Во-первых, русские могут посылать флот, который опустошит побережие от Мемеля до Штетина. Затем они могут фронтально вторгнуться в Восточную Пруссию и занять ее, прежде чем противник успеет собрать свои силы. Наконец, они могут послать значительный корпус, состоящий преимущественно из легких войск, для действия против прусской операционной линии от Кенигсберга до Вислы; он даже может переправиться за Вислу и распространиться до Варты. Войска этого рода не нуждаются ни в базах, ни в магазинах.

Смоленск укреплен, но слишком недостаточно, чтобы оказать серьезное сопротивление; это самый важный пункт на всех русских границах; он расположен всего лишь в сорока милях от Москвы, являющейся узлом сообщений между Петербургом и югом. Если бы Москва была взята, то Российская империя была бы сокрушена. В те времена, когда поляки еще вели успешно войны с Московией, они вторгались в Россию через Смоленск. Их успехи были продолжительными и настолько блестящи, что они даже посадили своего ставленника на русский престол.

Если бы Карл XII, господствовавший в Польше, вместо того, чтобы итти на Полтаву, захватил бы Смоленск и двинулся оттуда на Москву, то одной победы ему было бы достаточно, чтобы овладеть этим важным центром и всей империей. Однако, он не смог бы аннексировать и присоединить русские

---

[1]) Отсюда ведут свой род знаменитые „Стратегические ключи“, являющиеся следствием переоценки географического элемента. (*Прим. редакц.*).

земли к шведским по тем же причинам, по которым я считаю невозможным для Швеции удержать провинции, расположенные за Балтийским морем. Достаточно было бы одной неудачи, чтобы исчезли все плоды недавней победы, и этого всегда надо ждать, когда действуют по столь длинной операционной линии.

Когда я говорил о границах Турции, я уже описал пространство, которое тянется от Смоленска до Киева и затем к Черному морю. Я прибавлю к этому следующее замечание: какие бы стремления не проявляла Россия принять участие в делах Германии, она может вмешаться в них лишь как вспомогательная сила и действовать в пределах Германии только в течение нескольких месяцев в году. Для нее является совершенно невозможным удержать какое-либо завоевание к западу от Вислы [1]), как бы далеко не проникнул ее флот; после приобретения новых земель прусским королем в Польше, крупные достижения для русских становятся еще труднее. Новые приобретения связали Пруссию с другими провинциями Бранденбургского дома и сообщения с нею надежно обеспечены новой крепостью, построенной близ Мариенвердера на Висле. Бросим взгляд на карту, и мы увидим, что турки и пруссаки являются единственными противниками, имеющими возможность приблизиться к русским границам; в виду этого Австрия сильно заинтересована в наблюдении за этими двумя державами, и тесный союз между императором и русской царицей, кажется, представляет для обоих значительные выгоды.

---

[1]) В мировую войну мы ярко ощущали шаткость нашего положения к западу от Вислы, и это замечание Ллойда является пророческим.
(*Прим. редакц.*).

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ НАПОЛЕОНА и СИСТЕМА РОНЬЯ.

Наиболее последовательно и глубоко Наполеон высказал свои мысли о военном искусстве в своем разборе книги Ронья.

Ронья — военный инженер, работавший во французской армии, действовавшей на испанском театре войны, а в 1813 году руководивший всей инженерной частью „великой армии" в Германии. На следующий же год после Ватерлоо, в момент, когда Бурбоны решили совершенно заново начать устраивать французскую армию, Ронья напечатал труд „Размышления о военном искусстве" [1]). Выводы из великой эпопеи революционных и Наполеоновских походов рисуются Ронья в удивительно исковерканном освещении. Перед нами типичный представитель своего цеха, остающийся еще в плоскости мировоззрения XVIII века, схоластик, читавший „Дух законов" Монтескье, незаметивший, что пятипереходная система отжила свой век и запомнивший из всех войн Наполеона только неудачи, обрушившиеся на французов в Испании и России. Не понимая духа Наполеоновской стратегии сокрушения, Ронья упрекает его в недостаточной методичности и требует, чтобы война сводилась к движению от укрепленного рубежа к новому рубежу, с немедленным приступом к его укреплению; Ронья требует выделения для окупации и укрепления тыла особой резервной армии. Это не предчувствие необходимости подготовки в гигантском размере пополнений для действующей армии, это страх перед „казаками" и испанскими бандами тылового деятеля, который со своей тыловой точки зрения хочет охватить все проблемы военного искусства. Короткие выдержки из его труда, предшествующие тексту Наполеона, характеризуют в достаточной степени этого, по - своему неглупого, тылового систематика.

Труд Ронья, дошедший на острове Св. Елены до Наполеона, не мог не вызвать возмущения Наполеона таким полным непониманием характера войн, которые он вел; Наполеон испещрил его отметками и продиктовал своим спутникам 17 замечаний, занимающих в общем 183 страницы в шеститомном издании его „Коментариев". Мы здесь приводим самое значительное, седьмое замечание, посвященное вопросу о наступательной войне. Представлениям Ронья о методической войне Наполеон отвечает целой программой по истории военного искусства—очень кратким, но ярким изложением поучительнейших походов великих полководцев, в том числе и своих.

Здесь вся мысль Наполеона: как нельзя создать такой курс грамматики, изучение которого позволило бы каждому сравниться с Гомером или Корне-

---

[1]) Baron Rogniat, lieutenant-général. Considérations sur l'art de la guerre. Paris. 1816.

лем, так нельзя и написать учебник, знание которого открывало бы всем путь к победе. Эти знания могут быть добыты лишь личной работой в области военной истории.

Против этого положения иногда приводят обрывки фраз, брошенных при каком-нибудь случае Наполеоном и на-лету записанных кем-либо из окружающих его. Так, в мемуарах Сен-Сира значится, что 8 Сентября 1813 г. Наполеон сказал, что он когда-нибудь напишет книгу, в которой столь исчерпывающим образом изложит основные положения военного искусства, что оно станет понятным каждому офицеру и что тогда можно будет изучать военное искусство, как всякую другую науку. Но ссылка на такие обрывки фраз является безусловно ненаучным приемом, злоупотреблением. Они выражают не определенную мысль, а чувства, реакцию на внешнее раздражение. В частности, означенная фраза была произнесена Наполеоном в момент, когда он получил донесение, что двинутая им на Берлин армия маршала Нея на-голову разбита под Деневицем. Понимать замечание, сделанное в такую минуту, не как упрек маршалу, который нуждается в прописях, чтобы не быть битым, а как обоснование взглядов на значение теории в военном деле, могут только люди, не понимающие исторической действительности.

К вопросу о значении военной истории, как базы всего военного мышления, Наполеон подходил в 1807 г., когда он в Финкенштейне, 19 Апреля, набрасывал учебный план военной школы. Он писал:

„Преподаватель истории французского военного искусства ознакомляет с планами различных походов, принятыми в различные эпохи нашего прошлого, как для завоеваний, так и для оборонительной войны; с причинами успехов и поражений; с трудами и мемуарами, в которых можно найти детальное описание фактов и предпосылок случившегося. Эта часть истории представляет интерес для всех; она очень важна для военных и будет весьма полезна и для государственных деятелей. В военно-инженерной школе учат показом искусству осады и обороны крепостей; но нельзя показать искусство ведения большой войны, так как таковое еще не создано, если вообще оно только может быть создано. Кафедра истории, где будут изучать, как наши границы защищались великими полководцами в различных войнах, может быть только полезна“.

„Я много изучал историю [1]), и часто за неимением руководителя, терял много времени за бесполезным чтением“.

„Без такой кафедры, военные, например, долго не будут иметь возможности изучить и использовать ошибки, вызвавшие неудачи и обдумать распоряжения, которые позволили бы их избежать. Все революционные войны могли бы дать много полезных уроков, но чтобы извлечь их, надо часто затрачивать даром много труда и тщетных поисков. Это происходит не потому, что факты не описаны во всех их подробностях; о них писали с самых раз-

---

[1]) Подробное исследование Колена установило, что Наполеон, до своих первых походов, даже когда изучал военно-исторический труд, интересовался только заключавшимися в нем политическими и статистическими данными. Только уже после первых побед он ревностно принялся за военную историю. На острове св. Елены он стал настоящим историком, с явно выраженным доктринерским оттенком.

личных точек зрения и повсюду, но никто не работал над тем, чтобы облегчить поиски и поставить это изучение в рамки здравого смысла" [1]).

Приводимый далее отрывок Наполеона образовал программу новой дисциплины—истории военного искусства и могущественно воздействовал на военное мышление. Наполеон оправдывается, что ни в России, ни в Испании он не занимался авантюрами. Отсюда профессора стратегии вывели заключение о том, что полководец должен быть очень положительным человеком, избегающим всякого риска и прежде всего заботящимся о безопасности своей операционной линии. Историки военного искусства рабски пошли за мыслью Наполеона, эпохе которого еще было чуждо понятие об эволюции и начали заниматься тем, что устанавливали, что все великие полководцы действовали по одному учебнику стратегии, и именно по тому, который в данный момент был принят в школе. С этой точки зрения приводимый отрывок Наполеона гораздо ярче высказывает всю ту мудрость, которая долгое время составляла все содержание кафедры истории военного искусства.

Отсутствие представления об исторической перспективе заставляло во многом слушаться уже отживших мыслей Наполеона. Только Мольтке в 1866 году рискнул нарушить правило Наполеона, приводимое ниже: на одном театре военных действий может действовать только одна армия. Австрийцы в ту же кампанию остались верны букве Наполеона, об'единив в руках Бенедека командование армией из 8-ми корпусов и 3-х кавалерийских дивизий. Они забыли, что основная мысль Наполеона заключается в ничтожестве всех правил, так как на войне надо действовать по обстоятельствам. То же мы скажем об отвергаемом Наполеоном предложении Ронья иметь резервную армию, как стратегический резерв. Мысль Ронья была ошибочна для своего времени, но нарождение железных дорог дало ей новое содержание [2]).

Наполеон и его кодификатор Жомини являются представителями чисто исторического метода познавания стратегии. В конце всех критических замечаний его на книгу Ронья, под № 41, стоит следующий вывод: „ведите наступательную войну, как Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав-Адольф, Тюрен, принц Евгений и Фридрих; читайте и вновь перечитывайте историю их 83 походов и формируйте на них свое мышление; это единственное средство стать великим полководцем и разгадать тайны искусства; ваше сознание, просвещенное таким путем, отбросит правила, противные началам, которых держались великие люди".

Об'ем нашего сборника не позволил поместить всю работу Наполеона по труду Ронья, уделяющую много места тактике. Приведем несколько мыслей Наполеона из его общих замечаний:

№ 40. „Нужно иметь только одну армию, так как единство командования—важнейшее требование на войне. Армию нужно держать в сборе и сосредотачивать возможно больше сил на поле сражения, пользуясь каждым случаем; фортуна—женщина, и если вы не воспользуетесь ею сегодня, не ожидайте, что она встретится вам завтра.

---

[1]) Эти мысли Наполеона целиком относятся и к изучению в современных условиях опыта гражданской войны и указывают задачи кафедры истории гражданской войны.

[2]) Обстановка нашего времени вообще придает известную остроту и злободневность мышлению Ронья, воспитанному на материалистах XVIII века.

№ 42 . . . . . . „Старайтесь иметь все шансы на успех, когда вы намечаете вступить в большую битву, в особенности, если имеете дело с великим полководцем, так как, если вы будете разбиты, то хотя бы вы находились и вблизи от ваших магазинов и крепостей, горе будет побежденному".

№ 47 . . . . . . „По обстоятельствам".

№ 49 . . . . . . „Лучше централизовать, сосредоточивать, сближать свои силы, пушки, военные машины, чем разбрасывать их".

В ответ на предложение Ронья занимать обороняющейся армией всегда фланговую позицию, чтобы задержать наступление противника, Наполеон замечает:

№ 50. „Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав-Адольф, Тюрен, принц Евгений, Фридрих Великий очень затруднились бы ответить на этот вопрос, представляющий задачу транцендентной геометрии, имеющую множество решений. Только новичек может думать, что она проста и легка; Эйлер, Лагранж, Лаплас провели бы много ночей, прежде чем вылили бы ее в уравнения и выяснили неизвестные".

Редакция.

КОММЕНТАРИИ НАПОЛЕОНА I О НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ВОЙНЕ.

Из труда „Семнадцать примечаний к сочинению, озаглавленному „Размышления о военном искусстве“ [1]).

I.

Текст Ронья.

„В деспотических странах в войне принимают участие только армии, которые в общем дерутся без увлечения, а потому и очень плохо, за исключением тех случаев, когда они воодушевляются духом фанатизма, воздействию которого они только и поддаются. Народ не проявляет к войне ни малейшего интереса, лишь бы не затрагивали его обычаев и его религии, иногда он даже при этом в тайне мечтает о свержении давящего на него трона и протягивает руки врагам своего тирана, как своим освободителям. Республики же, наоборот, ограждаются преданностью своих граждан; война получает национальный характер, армии поддерживаются и укомплектовываются всем населением, каждый берется за оружие и с рвением сражается за важнейшее из благ—за политическую свободу.

В первом случае одного сражения достаточно, чтобы опрокинуть империю, так как деспотическое правление, в своем существе военное, поддерживается исключительно армией. Как только последняя разваливается, рушится и трон и победитель воздвигает новый на развалинах старого, чему нация не оказывает сопротивления; она представляет стадо рабов, которое переменило хозяина... Республиканцы же проявляют при обороне такую силу характера и воли, о которую разбиваются и распыляются все победы противника...“.

---

[1]) Эти примечания к труду генерал-лейтенанта барона Ронья, изданному в 1816 г., первый раз были напечатаны в труде Монтолона „Мемуары Наполеона“, изд. в 1830 г. Перевод здесь выполнен с официального издания полного собрания трудов Наполеона эпохи второй империи (1867). Мы приводим сначала текст Ронья, вызвавший Наполеона на ответ, а затем уже мысли Наполеона.

„Русские могут победить турок и изгнать их из пределов Европы, но не покорить их, так как армию завоевать нельзя. Успех завоеваний в Европе замедляется еще другой причиной, не менее могущественной, чем народный патриотизм, а именно политикой монархов, которая не позволяет им без зависти смотреть на успехи соседей“...

„Таким образом, наш метод снабжения продовольствием обусловливает необходимость создавать заведения для выпечки хлеба или сухарей, наиболее трудно изготовляемых продуктов. Наш метод боя поглощает боевые припасы, которые беспрерывно приходится возобновлять; наши укрепления должны строиться солидно, чтобы иметь возможность выдержать артиллерийский огонь; завоевания затрудняются народным патриотизмом и принятой в Европе системой политического равновесия. Все это обусловливает требование-закон: в неприятельскую страну надлежит углубляться лишь постепенно, обеспечивая тыл и сообщения, эшелонируя склады продовольствия и боевых припасов, наблюдая за безопасностью флангов, подчиняя своей власти население тех районов, которые мы оставляем за собой, посредством резервных войск; надо, одним словом, вести методическую войну.

Этот образ ведения войны вызывает требование, до сих пор не вполне усвоенное, а именно—наличия двух армий, одной действующей и одной резервной. В состав действующей армии должны входить все лучшие части, способные по своей дисциплине, храбрости и опытности успешно сражаться в чистом поле; это будет армия полей сражения. На долю этой армии, двигающейся впереди, выпадает вторжение в глубь вражеской страны, атака неприятельских армий, разгром или оттеснение ее и захват пространства. Но в этой армии беспрерывно возникают новые потребности; она должна продовольствоваться, получать пополнение взамен людей и лошадей, которых она ежедневно теряет от свинца или болезней, и в особенности ей беспрерывно приходится пополнять боевые припасы, которые она расходует в боях; как я уже говорил, армия, чтобы не перегрузить и не слишком растянуть свои походные колонны, может иметь при себе запас, достаточный лишь на одно сражение...

Склады и магазины боевых припасов и продовольствия должны быть обеспечены от партий неприятеля и покушений населения завоеванного района укреплениями, защита которых может быть возложена на рекрут. Но этого недостаточно; сверх того надо сохранять господство над страной, чтобы извлекать из нее продукты для образования складов; особенно необходимо наблюдать за тем, чтобы сообщения между складами и действующей армией никогда не прерывались и транспорты могли регулярно подходить. Эти две

задачи могут быть разрешены только войсками, действующими вне укреплений, которые образуют резервную армию; она удерживает в нашей власти страну и выметает все партии неприятеля, проникающие в тыл действующей армии...".

„... Но главной задачей резервной армии является, в случае неудачи, поддержка и обеспечение отступления действующей армии, подготовка для нее линии обороны, где бы она могла вновь собраться, переформироваться, пополниться людьми, лошадьми и оружием, остановить неприятельское преследование под двойной защитой преград, созданных природой и искусством, восстановить свое мужество и энергию. Это та оборонительная линия, без которой невозможно сконцентрировать разумный план войны и которую я называю оперативной базой..."

„Исследуем теперь вопрос, насколько действующая армия может удалиться от оперативной базы, не рискуя своим существованием. Не надо упускать из вида, что действующая армия может довольствоваться только хлебом, который изготовляется в хлебопекарнях, устроенных на базе; этот способ питания обычно замыкает ее движения в известные пределы, протяжение которых поддается приблизительному исчислению; это определяет искомое нами удаление армии необходимостью удовлетворить ее наиболее насущные потребности, а именно: продовольствие".

„... Нормально наши солдаты несут на себе хлеба на четыре дня; но их удобно снабжать продовольствием на восемь дней, заменив хлеб сухарями, которые они носят в особых кожаных ягташах, составляющих часть их снаряжения. Семь или восемь фунтов сухарей должны хватить солдату на восемь дней, при условии, что он будет получать фунт мяса, вместо пол фунта, что никогда не вызовет затруднений, раз за походными колоннами будут следовать стада с желательным числом голов рогатого скота. Этим мы удвоим носимый запас продовольствия, не обременяя солдат лишней нагрузкой; они будут лучше питаться и в то же время операции армии будут менее связываться недостатком продовольствия..."

„... Предположим, что мы хотим вторгнуться в соседнее государство действующей армией в 120.000 человек, распределенных на четыре корпуса. Прежде всего, мы располагаем в двух—трех крепостях, расположенных близ границы, которую мы предполагаем атаковать, боевые и продовольственные склады, лазареты и всевозможные магазины и затем внезапно сосредоточиваем под этими крепостями войска, предназначенные для образования четырех корпусов действующей армии; мы снабжаем солдат сухарями на восемь дней и немедленно двигаемся вперед, не дав противнику времени изготовиться к обороне. Мы переходим границу и тремя колон-

нами двигаемся на противника. Конечно, полный успех был бы достигнут, если бы нам удалось форсированным маршем внезапно ворваться в центр неприятельского расположения, атаковать, преследовать части противника по всем направлениям, мешая им соединяться и таким образом распылить с самого начала войны разбросанные части, не подвергаясь при этом случайностям сражения. Но мы не можем рассчитывать, что противник окажется настолько неловок, чтобы позволить себя захватить врасплох. В виду этого более вероятно, что мы встретим его армейские корпуса в сборе, готовые или вступить в сражение, долженствующее исчерпать спор или оспаривать у нас пространство путем уловок оборонительной войны, не подвергая риску судьбу армии. В том и другом случае мы без колебания двигаемся на противника, так как наступление начато нами исключительно потому, что мы оцениваем превосходство сил на нашей стороне.

Однако, на границе мы замещаем армию полей сражения запасными и гарнизонными частями, рекрутами, над которыми ежедневно идет усиленная работа по вооружению, обмундированию и обучению; все эти молодые, вновь сформированные когорты по своей неопытности лишены возможности фигурировать на поле сражения и из них мы образовываем резервную армию. Не пытаясь установить жесткой пропорции между численностью этой армии и действующей, так как она в значительной степени зависит от затруднений, которые испытываются в населенных пунктах, в которых приходится оставлять гарнизоны, мы предположим все же, что в ней будет 60.000 человек, составляющих два армейских корпуса. Эти части двигаются по следам действующей армии, охраняют ее обозы, очищают ее тыл от неприятельских партий, держат в руках и обезоруживают население городов и селений, и наблюдают, обкладывают или осаждают неприятельские крепости.

Если действующая армия после восьми дней крупных операций, спешных и непрерывных маршей, сражений и успехов над неприятельской армией достигнет реки, протекающей поперек пути наступления, в 120 или 160 километрах от границы, то ей пора остановиться, чтобы передохнуть, перегруппироваться и подготовить новую операционную базу. К этому моменту захваченные ею запасы должны истощиться, сообщения со складами, в виду их удаленности, начинают становиться затруднительными, и ей необходимо возобновить свои боевые припасы и собрать большое число отсталых, которые всегда оказываются в тылу после ночных переходов и рокировочных движений. На вновь избранной базе она немедленно приступит к укреплению некоторых пунктов.

Здесь как раз случай, чтобы возвести временные крепости, которые я описал в IX главе этого труда. Эти укрепления устраиваются в течение двух недель и их будет достаточно, чтобы предохранить от всякого покушения наши магазины и всевозможные учреждения, обеспечить мосты через реку, избранную для нашей новой базы и создать опорные пункты, необходимые на случай неудачи. Этот вид смешанной фортификации представляет среднее между долговременной и полевой фортификацией, хотя до сего времени он пользуется очень малым распространением, однако, лучше всего отвечает спешно возникающим, преходящим потребностям армий. Он в течение нужного момента выполняет задачу долговременных укреплений, постройка коих столь медлительна и связана с большими расходами и имеет большую стойкость и надежность, чем полевые укрепления. Чрез две недели каждый корпус возведет такой укрепленный лагерь в одном из важнейших пунктов, где главные дороги пересекают реку, и таким образом в короткий срок в нашем распоряжении окажутся четыре временные крепости, способные обеспечить нашу новую базу. Одновременно мы перевезем туда склады боевых припасов и сосредоточим там продовольствие, а также образуем арсеналы, госпитали, провиантные управления и магазины и передвинем туда резервную армию...

...При этих условиях я допускаю, что наша действующая армия, ищущая новых боев, встретит армию противника, устроившуюся, чтобы дать нам сражение на самом большем удалении, в 120 или 160 верстах от нашей новой оперативной базы; это является наименее благополучным для нас предположением. Противник не может пытаться двинуться между нашей действующей армией и нашей оперативной базой, прерывая наши сообщения с магазинами, которые обычно называют операционной линией [1]: осторожность не позволит ему решиться на такой шаг, так как при этом он оказался бы между двумя нашими армиями, действующей и резервной, из которых одна будет действовать против его тыла, а другая в то же время атакует с фронта; это такое положение, в котором малейшая неудача влечет за собой полный разгром, так как он лишен возможности отступления. Кроме того, это неосторожное движение может быть осуществлено лишь поскольку его допустит наша действующая армия, которая всегда имеет возможность воспротивиться маршу неприятеля, пытающегося проникнуть в ее тыл. Следовательно, противник атакует нас только с фронта или с фланга. Если сражение будет проиграно, то и в первом, и во втором случае нам обеспечено отступление: резервная

---

[1]) Теперь нет. Это—коммуникационная линия. *(Прим. редактора).*

армия высылает навстречу отступающей армии несколько легионов, которые уничтожают легкие неприятельские войска, стремящиеся проникнуть на наши операционные линии; резервная армия протягивает нам руку и после четырех, максимум пяти, отступательных переходов, что не слишком трудно и не слишком долго, чтобы обусловить падение духа в армии, мы достигаем нашей операционной базы.

По прибытии мы усиливаем действующую армию за счет резервной, вливая ее солдат на укомплектование действующих легионов и на восполнение потерь; кадры резервной армии, таким образом растворившейся в действующей армии, отправляются на границу для приема рекрут и формирования новой резервной армии на нашей первоначальной операционной базе. В складах наших четырех временных крепостей мы почерпаем орудия, зарядные ящики и боевые припасы, необходимые в замен израсходованного или потерянного снаряжения; мы находим там в изобилии продовольствие для наших войск. Одним словом, во мгновение ока мы восстановляем и реорганизуем весь наш личный состав и материальную часть.

II.

Текст Наполеона.

Македония при преемниках Александра, Азия при Митридате, Парфянское царство при династии Арзассов, Пруссия при Фридрихе Великом, Россия и Испания в последнее время разве не были деспотическими монархиями? Ахайя и Этолия во времена Павла-Эмилия, Голландия в 1786 году, Венеция в 1797 году, Швейцария в 1798 году разве не были республиками? Народы, как и люди, проходят через различные возрасты—детство, расцвет и старость. Всякое правительство, которое зародилось и держится без вмешательства чужеземной силы, является национальным. Собственность, гражданские законы, любовь к родине и религии представляют устои, которыми держатся самые различные по характеру правительства. Если когда-нибудь победоносная армия войдет в Лондон, то все удивятся тому малому сопротивлению, которое окажут англичане.

Когда русские овладеют Константинополем, то в их распоряжении будет столько мусульман, сколько русским будет угодно; нужно лишь обеспечить им собственность и проявить терпимость к их религии. В Испании мавры подчинялись всему, даже инквизиции. Для их изгнания потребовался прямой приказ Фердинанда и Изабеллы; все косвенные средства выжить их потерпели неудачу. Теперь турецкая армия не

много стоит: как только Россия, которая господствует в Крыму, в Закавказьи и на берегах Каспийского моря, распространит свое господство и на Константинополь, турки не удержатся, ни в Малой Азии, ни в Сирии, ни в Египте.

Патриотизм народов и политика дворов Европы не воспрепятствовали ни разделу Польши, ни ликвидации нескольких наций и они также не воспрепятствуют крушению Оттоманской империи. Мария-Терезия против своего желания вступила в заговор против Польши, которая расположена у врат Европы, чтобы защищать ее от вторжения северных народов. В Вене опасались всех неудобств, связанных с расширением России; тем не менее, огромное удовлетворение было получено от обогащения несколькими миллионами душ и увеличения доходов казны на много миллионов. Как тогда, так и теперь, австрийскому царствующему дому это будет не по душе, но в конечном счете он пойдет на раздел Турции; его будет ласкать сознание, что его территориальные владения расширились от включения Сербии, Боснии и древних Иллирийских провинций, столицей которых когда-то была Вена. Что будут делать Англия и Франция? Одна из них возьмет Египет, слабое вознаграждение... Один выдающийся государственный деятель говорил: „каждый раз, когда до меня доходит весть, что православная эскадра бросила якорь у стен Сераля, мне представляется, что я слышу крик, предвещающий гибель империи Полумесяца".

Азия и Европа поставлены в различные территориальные условия. Пустыни, которые замыкают Азию со всех сторон, населены многочисленными варварскими племенами, которые разводят большие стада лошадей и верблюдов. Скифы, арабы, татары при халифах, Чингиз-ханах, Тамерланах и т. д. вышли из этих обширных пустырей; миллионами всадников они наводнили равнины Персии, Ефрата, Малой Азии, Сирии и Египта. Их завоевания развивались очень быстро, так как они предпринимались целыми племенами, закаленными войной и полной лишений тяжелой жизнью в пустыне. Но Европа, с Севера до Юга и с Востока до Запада, населенная цивилизованными народами, вовсе не подвержена опасности подобных революций.

Всякая наступательная война является войной вторжения, всякая хорошо веденная война является методической войной. Оборонительная война не исключает наступление, равно как и наступательная война не исключает оборону, хотя ее целью и является переход через границу и вторжение в неприятельскую страну. Принципами войны являются те начала, которыми руководились великие полководцы, о блестящих подвигах которых гласит история: Александр Македонский, Ганнибал, Цезарь, Густав-Адольф, Тюрен, Евгений Савойский, Фридрих Великий.

Александр Македонский провел восемь походов, во время которых он покорил Азию и часть Индии. Ганнибал—семнадцать: один в Испании, пятнадцать в Италии и один в Африке. Цезарь—тринадцать: восемь против галлов и пять против легионов Помпея. Густав-Адольф—три: один в Ливонии против русских и два в Германии против австрийского царствующего дома. Тюрен—восемнадцать: девять во Франции и девять в Германии. Принц Евгений Савойский—тринадцать: два против турок, пять в Италии против Франции, шесть на Рейне или во Фландрии. Фридрих Великий—одиннадцать: в Силезии, Богемии и на берегах Эльбы. Тщательно составленная история этих восьмидесяти трех походов представляла бы полный трактат по военному искусству; принципы, которых надлежит держаться в оборонительной и наступательной войне, вытекали бы из него сами собой.

В 334 году до Р. Хр. Александр Македонский перешел Дарданеллы с армией приблизительно в 40.000 человек, в которой восьмую часть составляла кавалерия; он переправился с боем через р. Граник, имея против себя армию Мемнона, грека, командовавшего от имени Дария на азиатском побережьи и употребил весь 333 год на установление своего господства в Малой Азии; ему содействовали греческие колонии, окаймлявшие берега Черного и Средиземного морей: Сарды, Эфес, Тарс, Милет и т. д. Персидские цари предоставляли своим провинциям и городам жить по собственным законам; Персидское царство представляло федерацию государств, но не единую нацию, что облегчало покорение его. Так как Александр Македонский стремился только захватить трон монарха, то он легко приспособился к его прерогативам, не затрагивая при этом ни обычаев, ни нравов, ни законов этих народов: в своем положении они не испытали ни малейшей перемены.

В 332 году Александр встретился с Дарием, который, во главе армии в 60.000 человек, занял позицию на р. Иссе близ Тарса в Киликии; он разбил ее, вошел в Сирию, захватил Дамаск, где хранились богатства великого персидского царя и осадил Тир. Эта метрополия мировой торговли задержала его на девять месяцев. После двухмесячной осады, он взял Газу, в семь дней перешел через пустыню, вошел в Пелузу и Мемфис и основал Александрию. Он не встретил никаких препятствий, так как интересы Сирии и Египта искони были связаны с Грецией, так как арабские племена ненавидели персов и эта ненависть имела корни в религии и, наконец, потому, что греческие войска сатрапов перешли на сторону Македонян. Не прошло и двух лет, как, после двух сражений и четырех или пяти осад, побережие Черного моря, от Закавказья до Византии и Средиземного моря, до Александрии, вся Малая Азия, Сирия и Египет были покорены Александром Македонским.

В 331 году Александр вновь прошел через пустыню, отдохнул в Тире, пересек Сирию, вошел в Дамаск, переправился через Евфрат и Тигр и в сражении при Арбеллах разбил Дария, встретившего его с армией, по силе еще превосходившей ту, которая была выставлена на р. Иссе. Вавилон открыл ему свои ворота. В 330 году он форсировал теснины Сузы, взял самый город, а затем Персеполис и Пасаргу, где находилась гробница Кира. В 329 году он вновь поднялся на север и вошел в Экбатану, распространил свои завоевания до Каспийского моря, расправился с Бессусом, презренным убийцей Дария, проник в Скифию и разбил скифов. В этом-то походе он замарал свою славу убийством Пармениона. В 328 году он форсировал переправу через Аму-Дарью, получил из Македонии 16.000 новобранцев и подчинил себе соседние народы. В том же году он собственной рукой убил Клита и хотел, чтобы македоняне признали за ним божественное достоинство, на что македоняне не пошли. В 327 г. он перешел Инд, в настоящем сражении разбил Пора, взял его в плен, но держался с ним, как с царем. Он проектировал переправиться через Ганг, но войска отказались. В течение 326 года он поплыл на восьмидесяти судах по Инду; дойдя до океана, он отправил Неарха с флотом вдоль берегов Индии к устью Евфрата. В 325 году он употребил шестьдесят дней, чтобы пройти через Гедрасскую пустыню, вошел в Керман, затем возвратился в Пасаргу, Персеполис и Сузу и женился на дочери Дария Статире. В 324 году он вновь отправился на север, прошел в Экбатану и закончил свой жизненный путь в Вавилоне, где был отравлен.

Войны, которые вел Александр Македонский, были методичны и достойны самой большой похвалы. Ни один из следовавших к нему транспортов не был перехвачен и сила его армии все время росла. Самые слабые силы он имел на р. Гранике, т.-е. в самом начале; на Инде она уже увеличилась втрое, не считая войск, находившихся в ведении командующих покоренными областями, в состав которых входили македонцы—инвалиды или ослабевшие, новобранцы, прибывшие из Греции или взятые из числа греческих наемников, служивших в войсках сатрапов, или, наконец, чужеземцы, набранные на месте из туземцев, Александр Македонский заслужил славу, которой он в течение стольких веков пользуется среди всех народов. Но если бы он был разбит на Иссе, где боевой порядок армии Дария преграждал ему путь отступления, имея левый фланг упертый в горы, а правый в море, тогда как македоняне стояли правым флангом к горам, а левым к морю и имели Киликийский проход в своем тылу! Но если бы он был разбит под Арбеллами, имея в своем тылу Тигр, Евфрат и пустыни, без единой крепости, находясь в 3.600 верстах от Македонии! Но если бы он был разбит Пором, имея за собой Инд!

В 218 году до Р. Х. Ганнибал выступил из Карфагена, перешел Эбро и Пиренеи, не известные до сих пор карфагенским войскам, затем Рону и Альпы и после первого похода расположился среди цизальпийских галлов, которые были вечными врагами римлян, иногда их побеждали, чаще же оказывались побежденными, однако никогда не были покорены. На этот переход в 1.600 верст он употребил пять месяцев, при чем в своем тылу не оставлял никаких гарнизонов, никаких складов; он не сохранил никаких сообщений ни с Испанией, ни с Карфагеном, связь с которыми он восстановил лишь через Адриатическое море после Тразименского сражения. Ни один человек еще не осуществил более широкого по своему размаху плана. Предприятие Александра было гораздо менее дерзким и легче осуществимым: оно имело большие шансы на успех. Несмотря на это, наступательная война Ганнибала была методичной. Цизальпийцы, населявшие Милан и Болонию, с точки зрения Ганнибала, стали карфагенянами [1]). Если бы он оставлял позади себя гарнизоны и склады, он ослабил бы свою армию и скомпрометировал бы успех своих операций, он стал бы уязвимым повсюду. В 217 году он перешел через Аппенины, разбил римскую армию на Тразименском поле сражения, обогнул Рим и вышел на южное побережье Адриатического моря, откуда он установил связь с Карфагеном.

В 216 году Ганнибала атаковало 80.000 римлян, которых он разбил при Каннах. Если бы он начал преследование, то через шесть дней он был бы в Риме и Карфаген стал бы владыкой мира. Но и так победа дала огромные результаты: Капуя открыла ему свои ворота, огромное количество южноитальянских городов пошло за победителем и изменило интересам Рима. Принципы Ганнибала заключались в том, чтобы все его войска находились в сборе, чтобы гарнизон иметь только в одном пункте, предназначенном для размещения заложников, больших машин, знатных пленников и больных, в отношении же сообщений он всецело полагался на добрую волю своих союзников. В Италии он продержался шестнадцать лет, не получая никакой поддержки из Карфагена и очистил ее лишь по приказу своего правительства, чтобы поспешить на защиту родины. При Заме счастье изменило ему и Карфаген перестал существовать. Если бы он был разбит на Требии, Тразименском озере или под Каннами, могло ли бы с ним случиться что-нибудь худшее, чем катастрофа, последовавшая за Замой? Он был побежден у ворот собственной столицы и все же не смог спасти свою армию от полного уничтожения.

---

[1]) Т. е. Ганнибал нашел себе в Ломбардии временнную базу. (*Прим. редакц.*).

Когда Цезарь в 58 году до Р. Х., т.-е. через сто сорок лет после Ганнибала, начал свой первый поход, ему было 41 год. В те времена 300.000 человек—племена, населявшие Гельвецию, покинули свою страну, чтобы устроиться на берегах океана. Они насчитали 90.000 вооруженных и двинулись через Бургундию. Население Отена позвало Цезаря на помощь [1]). Цезарь выступил из Вьены, крепости римской провинции, поднялся вверх по Роне и в Шалоне переправился через Сону; он настиг армию гельветов в одном переходе от Отена и разбил ее в сражении, участь которого долго колебалась. После того, как он заставил гельветов возвратиться в свои горы, он вновь переправился через Сону, овладел Безансоном, перешел Юру и двинулся навстречу армии Ариовиста. Он встретил ее в нескольких переходах от Рейна, разбил ее и заставил вернуться в Германию. Сражение с армией Ариовиста происходило в 360 верстах от Вьены, а с гельветами—в 280. Во время этого похода Цезарь постоянно держал в сборе все шесть легионов, составлявшие его армию. Заботы об обеспечении сообщений он возлагал на своих союзников, но в своем лагере всегда имел продовольствия на месяц, и еще столько же в крепости; в ней он, по примеру Ганнибала, размещал заложников, магазины и госпитали; руководясь теми же принципами, он провел и семь других походов в Галлии.

Зимой 57 года белги мобилизовали армию в 300.000 человек, которую они вверили суассонскому королю Гальбе. Цезарь, предупрежденный своими союзниками, населявшими окрестности Реймса, спешно выступил и расположился лагерем на р. Эн. Гальба, отчаявшись в успехе атаки лагеря Цезаря, переправился через Эн и двинулся на Реймс, но Цезарь расстроил этот маневр и белги разошлись. Города их союза стали подчиняться один за другим. Племена Генегау напали на него врасплох на Самбре, в окрестностях Мобежа; Цезарь не имел времени построить свои войска в боевой порядок: из восьми легионов, которыми он в то время располагал, шесть было занято возведением лагерных укреплений, а два еще находились в тылу с обозами. В этот день судьба ему не благоприятствовала; трирский отряд конницы покинул его и повсюду разгласил об уничтожении римской империи; однако, победа осталась на его стороне.

В 56 году Цезарь перекинулся, нигде не задерживаясь, к Нанту и Вану, выделив сильные отряды в Нормандию и

[1]) Наполеон излагает здесь версию Юлия Цезаря, которую сам считает в других своих трудах непонятной. Современная историческая критика пришла к убеждению, что Цезарь выдумал басню о переселении гельветов, чтобы оправдать перед римским народом свое решение завоевать Галлию. Повода для начала войны не было, он был выдуман. (*Прим. редакц.*)

Аквитанию. В то время ближайшим его складом являлась Тулуза, от которой его отделяли 520 верст пути, пересеченного горами, большими реками и лесами.

В 55 году он перенес войну вглубь Голландии, где 40.000 варваров переправились через Рейн, чтобы завладеть галльскими землями. Он их разбил, при чем большая часть их была убита, и далеко отбросил остатки. В Кельне он переправился обратно через Рейн, пересек Галлию, в Булони погрузился на суда и высадился в Англию.

В 54 году он со своими пятью легионами опять пересек Ла-Манш и к равноденствию вернулся в Галлию. Осенью, узнавши, что подчиненный ему Сабиний с 15-ю когортами был около Трира вырезан и что Квинтий Цицерон осажден в лагере у Тонгра, он собрал 8.000—9.000 человек и выступил, разбил Амбриокса, который двинулся ему навстречу, и освободил Цицерона.

В 53 году он подавил восстание племен Санса, Шартра, Трира и Льежа и вторично переправился через Рейн.

Галлы уже волновались и восстания вспыхивали повсюду. Зимой 52 года они все взялись за оружие, даже столь верные племена Отена приняли участие в войне. Галлам римское иго стало невыносимо. Цезарю советовали отойти в римскую провинцию или даже отступить за Альпы: он не пошел ни на одно из этих предложений. Он располагал тогда десятью легионами. Он переправился через Луару и в середине зимы осадил Бург, взял этот город на глазах армии Верцингеторикса и обложил Клермон: здесь потерпел неудачу, потерял заложников, магазины и конский запас, которые сосредоточивались в крепости Невер, служившей ему базой; Невер был захвачен племенами Отена. Его положение было самое критическое. Его помощник Лабениус имел схватки с племенами Парижа; он притянул его к себе и, сосредоточивши свою армию, осадил Алезию, где заперлась гальская армия. Он потратил пятьдесят дней на укрепление своих контрваллационных и циркумваллационных линий. Галлия выставила новую армию, еще сильнее той, которую она потеряла; только племена Реймса остались верными Риму. Галлы подошли, чтобы заставить снять осаду; в течение трех дней осажденные вместе с подошедшей выручкой прилагали все усилия, чтобы прорвать римские позиции. Цезарь восторжествовал над ними, Алезия пала и галлы покорились.

В течение этой величественной борьбы, вся армия Цезаря была собрана в его лагере и у него не было каких-либо уязвимых пунктов. Он воспользовался этой победой, чтобы вновь привязать к себе племена Отена, среди которых он провел зиму; в то же время он последовательно предпринял несколько экспедиций в пункты, удаленные на четыреста верст один от другого; эти экспедиции велись попеременно разными

частями его войск. Наконец, в 51 году он осадил Кагор, где погибли последние галлы. Галлия превратилась в римскую провинцию; их дань ежегодно обогащала Рим на 8 миллионов.

В походах гражданской войны Цезарь одержал верх, придерживаясь того же метода и тех же принципов; но при этом он подвергался гораздо большим опасностям. Имея всего один легион, он перешел через Рубикон, захватил в Корфиниуме тридцать когорт и через три месяца выгнал Помпея из Италии. Какая быстрота, какая стремительность, какая смелость! Пока готовились суда, необходимые для переезда через Адриатическое море и преследования соперника в Греции, он перешел Альпы и Пиринеи, пересек Каталанию во главе 900 человек конницы, которых едва хватало для его конвоя, подошел к Лериде и в сорок дней подчинил себе легионы Помпея, которыми командовал Афраний. Одним махом он прошел дистанцию, отделяющую Эбро от Сиерра-Морена, умиротворил Андалузию и вернулся для торжественного в'езда в город Марсель, который только что сдался его войскам. Наконец, он прибывает в Рим, действует там в течение десяти дней, как диктатор, и затем отправляется, чтобы стать во главе двенадцати легионов, которые Антоний сосредоточил в Бриндизи.

В 48 году Цезарь с 25.000 человек переправляется через Адриатическое море; в течение нескольких месяцев сковывает все силы Помпея, пока к нему не присоединяется Антоний, переплывший Адриатическое море, бравируя неприятельский флот, затем с соединенными силами направляется на Дирахиум, крепость—базу Помпея и обкладывает его. В это время Помпей располагался лагерем на берегу моря в нескольких милях от Дирахиума. Тогда Цезарь, которому было мало обложения Дирахиума, обложил и неприятельский лагерь. Пользуясь вершинами окружающих его холмов, Цезарь возводит на них двадцать четыре форта, и таким образом, образует контрваллационную позицию, длиной в 24 версты. Помпей, опиравшийся на море, получал продовольствие и подкрепления посредством своего флота, господствовавшего в Адриатическом море; он использовал свое внутреннее положение, атаковал и разбил Цезаря, который потерял тридцать знамен и несколько тысяч солдат, цвет своих ветеранов. Казалось, что счастье Цезаря пошатнулось: он больше не мог надеяться получить подкрепления, море для него являлось недоступным—все преимущества были на стороне Помпея. Он делает переход в двести верст, переносит войну в Фессалию и разбивает армию Помпея под Фарсалом. Почти всеми покинутый Помпей, несмотря на свое господство на море, бежит и с мольбой о помощи является на берега Египта, где и находит смерть от руки подлого убийцы.

Несколько дней спустя, по следам Помпея, туда же является Цезарь, вступает в Александрию, и там во дворце и прилегающем амфитеатре оказывается окруженным населением этого огромного города и армией Ахилла. Но после девяти месяцев постоянных опасностей и беспрерывных боев, проигрыш хотя бы одного из которых привел бы его к гибели, он победил египтян.

В это время Сципион, Лабениус и царь Юба с четырнадцатью легионами, остатки партии Помпея — господствовали в Африке. Они имели многочисленные эскадры, которые владели морем. Катон будил из Утики ненависть во всех сердцах. Цезарь грузится с небольшим количеством войск, прибывает в Адрумет, в нескольких столкновениях терпит неудачи, но затем к нему присоединилась вся его армия и он разбивает при Тапсе Сципиона, Лабениуса и царя Юба. Катон, Сципион и Юба покончили самоубийством. Ни крепости, ни многочисленные эскадры, ни присяга и гражданский долг населения не смогли спасти побежденных от наседания и энергии победителя.

В 45 году сыновья Помпея, собрав в Испании остатки войск, дравшихся под Фарсалом и Тапсом, оказались во главе армии более многочисленной, чем армия их отца. Цезарь выступил из Рима, через двадцать три дня достиг Гвадалквивира и при Мунде разбил Секста Помпея. Говорят, что здесь, когда он чуть не был разбит, и его старые легионы, казалось, поколебались, он думал покончить с жизнью; Лабениус остался на поле битвы; голова Секста Помпея была принесена к ногам победителя.

Шесть месяцев спустя, 15-го марта Цезарь был убит в римском сенате. Если бы он был побежден под Фарсалом, Тапсом или при Мунде, ему также предстояла судьба великого Помпея, Метелла, Сципиона или Секста Помпея. Помпей, которого так любили римляне и которого прозвали Великим, когда ему было всего двадцать четыре года, Помпей победоносно закончивший восемнадцать походов, восторжествовавший над тремя частями света и так высоко вознесший славу римского имени, закончил свою карьеру после поражения при Фарсале; а между тем он еще господствовал над морем, а его соперник не имел флота.

Принципы Цезаря были те же, что Александра и Ганнибала: держать свои силы сосредоточенными, не быть уязвимым ни в каком пункте, быстро устремляться к важным пунктам, опираться на моральные средства, на обаяние успехов своего оружия, на внушаемый им страх, а также на политические средства, чтобы обеспечивать верность своих союзников и держать в послушании покоренные народы.

Густав-Адольф переправился через Балтийское море, овладел островом Рюген, Померанией и затем двинул свои войска

на Вислу, Рейн и Дунай. Он дал два сражения, он одержал победу как под Лейпцигом [1]), так и под Люценом, но в этом сражении он нашел смерть. Эта короткая военная карьера, вследствие смелости и быстроты исполненных маневров, дисциплинированности и неустрашимости войск, оставила о себе великие воспоминания. Густав-Адольф был воодушевлен принципами Александра, Ганнибала и Цезаря.

Тюрен провел пять кампаний до Вестфальского мира, восемь между Вестфальским и Пиринейским миром и пять от Пиринейского мира до своей смерти, последовавшей в 1675 году. Его маневры и марши в течение походов 1646, 1648, 1672 и 1673 г.г. построены на принципах Александра, Ганнибала, Цезаря и Густава-Адольфа.

В 1646 году Тюрен выступает из Майнца, спускается вдоль левого берега Рейна до Везеля, где переправляется на правый берег, подымается вдоль правого берега до р. Лан, присоединяется к шведской армии, переправляется через Дунай и Лех и таким образом совершает марш в 800 верст по неприятельской стране. Достигнув Леха, он имеет сосредоточенными все свои войска и на подобие Цезаря и Ганнибала, оставляет охрану сообщений на попечении своих союзников, или же временно отказывается от связи со своими резервами, от сохранения сообщений, оставляя в своем распоряжении лишь крепость-склад.

В 1648 году Тюрен в Оппенгейме переправляется через Рейн, в Ганау, соединяется с шведской армией, направляется на р. Рейдниц, отходит затем к Дунаю, через который переправляется у Диллингена, при Зюсмарсгаузене, бьет Монтекукколи, у Райна переправляется через Лех и у Фрейзинга— через Ин. Баварский двор в панике покидает Мюнхен. Тогда он переносит свою ставку в Мюльдорф, на который накладывает контрибуцию и опустошает все владения курфюрста, чтобы наказать его за вероломство.

В 1672 году Тюрен, под общим начальством Людовика XIV, руководил завоеванием Голландии. Он спустился вдоль левого берега Рейна до того пункта, где он разветвляется на несколько рукавов, переправился через него и завладел шестнадцатью крепостями: его авангард достиг Наардена. Неизвестно, какой рок судьбы остановил его, что он не занял Амстердам. Голландцы, придя в себя от внезапности поразившего их удара, открыли шлюзы; страна была затоплена; французская армия, ослабленная выделением гарнизонов в захваченные крепости, больше ничего не сделала. Король возвратился в Версаль, предоставив командование маршалу Люксембургу. Тюрен с выделенным отрядом переправился

---

[1]) Вернее при Брейтенфельде, в 8-ми километрах от Лейпцига. (*Примечание редакции*).

через Рейн и двинулся на помощь Мюнстерскому и Кельнскому архиепископам, союзникам короля. Вдоль правого берега он поднялся до р. Майн и сковывал там 40.000 армию Великого Курфюрста до того момента, пока к последнему не присоединилась армия герцога Лотарингского, после чего Тюрену пришлось укрыться за Рейн, что дало возможность противнику двинуться на Страсбург, куда принц Кондэ подоспел как раз во-время, чтобы разрушить мост, благодаря чему план Великого Курфюрста еще раз потерпел неудачу; последний направился к Майнцу, где навел мост на Рейне на удалении пушечного выстрела от крепости и наводнил левый берег мелкими отрядами. Зимой Тюрен переправился через мост в Везеле на правый берег, разбил Великого Курфюрста, оттеснил его до Эльбы и 10-го апреля заставил его подписать сепаратный мир с Францией. Столь смелые и столь длинные марши вызвали удивление во Франции; но они подвергались критике посредственных людей, пока не нашли себе оправдания в успехе.

В 1674 году Монтекукколи захватил инициативу и переправился на левый берег Рейна с целью перенести туда военные действия. Тюрен не подпал под влияние этой инициативы, сам переправился через Рейн и принудил Монтекукколи переправиться назад на правый берег.

Тюрен расположился лагерем в Вильштете, чтобы прикрыть Страсбург, находившийся в восьми верстах позади него, и Оттенгеймский мост, расположенный в шестнадцати верстах вправо. Монтекукколи бивуакировал за р. Кинтциг в шести верстах от французской армии, опираясь на крепость Оффенбург, где стоял его гарнизон. Положение Тюрена было трудное, для него было бы предпочтительнее дать сражение, чем рисковать потерять Оттенгеймский мост и пути отступления, или мост у Страсбурга.

Если бы Монтекукколи одним шестичасовым ночным переходом перекинулся к Оттенгейму, направив свою операционную линию [1]) на Фрейбург, ему бы удалось форсировать Оттенгеймский мост раньше, чем французская армия успела бы подойти для его защиты. Однако, Монтекукколи ничего не предпринял, действовал ощупью и удовлетворился тем, что растянулся влево. Он считал, что нескольких демонстраций будет достаточно, чтобы заставить противника оставить Вильштетский лагерь и обнажить Страсбург. Тюрен на это не пошел и лишь ухудшил свое положение, растянувшись вправо. Однако, он наконец понял, насколько его положение рискованно: он снял мост у Оттенгейма и навел его в Альтенгейме и таким образом, на восемь верст приблизил его к

[1]) Теперь сказали бы: „изменив свою коммуникационную линию на Фрейбург". (*Прим. редакции*).

Страсбургу и к своему лагерю в Вильштете. Но мост все еще находился слишком далеко от Страсбурга; его надо было навести в четырех верстах от города.

Монтекукколи изменил свой план: он решил переправиться через Рейн ниже Страсбурга. С этой целью он заказал жителям Страсбурга, которые все ему продались, мост в полном составе и двинулся вперед, чтобы его принять. Тюрен занял острова, построил эстакаду и возвел укрепления на р. Ренче. Монтекукколи, увидев себя отрезанным от Оффенбурга и от корпуса Капрары, должен был отказаться от своего плана.

В эту кампанию Тюрен допустил крупную ошибку, которая привела бы к гибели его армию, если бы он имел дело с принцем Кондэ: ошибка эта состояла в том, что он навел мост в шестнадцати верстах от Страсбурга, вместо того— чтобы установить его на малой дистанции от города. Однако, он показал свое несравненное превосходство над Монтекукколи: 1) заставив его подчиниться своей инициативе и отказаться от собственной; 2) воспрепятствовав ему вступить в Страсбург; 3) перехватив заготовленный в Страсбурге мост; 4) отрезав на Ренче армию Монтекукколи от корпуса Капрары, что неукоснительно заставило противника перевалить назад через Шварцвальд, что увенчало успех Тюрена в этой кампании.

В кампании 1697 года принц Евгений Савойский победил турок, и сражение на Зенте привело к миру. В 1701 году он, во главе 30.000 человек, через Триент вступил в Италию, у Капри переправился через Эч, проник в Брешию и отбросил Катина за р. Оглио. У Чиари он разбил Виллеруа. В 1702 году он захватил нечаянным нападением Кремону, а при Люццаре проиграл Виллеруа сражение. В 1704 году он действовал во Фландрии и выиграл сражение при Хохштедте[1]). В 1705 году он провел Итальянскую кампанию против Вандома; он потерпел неудачу при Кассано. В 1706 году он выступил из Триента вдоль левого берега Эча, переправился через него на глазах французской армии, двинулся вверх по левому берегу По и, подставив фланг противнику, переправился через Танаро, имея против себя герцога Орлеанского. Около Турина он соединился с герцогом Савойским, обошел все укрепления французов и атаковал и прорвал их правое крыло между Стурой и Дорой. Этот марш представлял верх дерзости.

В 1707 году он проникнул в Прованс и осадил Тулон. В 1708 году он действовал на Рейне, дал сражение при Уденарде и в течение четырех месяцев осаждал Лиль. В 1709 г. он выиграл сражение при Мольплакэ. В 1712 году он взял ле-Кенуа и осадил Ландреси. Маршал Виллар спас Францию

---

[1]) В Баварии. *(Прим. редакции).*

при Денене. Мир 1714 года положил конец этой войне. Во время войны 1716 года с турками принц Евгений победил при Петервардейне; он осадил и взял Белград и заставил Блистательную Порту заключить мир. В 1733 году он провел последнюю кампанию; его преклонный возраст, однако, обусловил его нерешительность; он не захотел в восемнадцатом сражении рискнуть своей славой: на своих глазах он допустил маршала Бервика взять Филипсбург.

Фридрих Великий во время своих вторжений в Богемию и Моравию, походов на Одере и на берегах Эльбы и Заалы часто осуществлял на деле принципы великих полководцев; больше всего он уповал на дисциплину, храбрость и тактику своей армии.

Наполеон [1]) провел четырнадцать походов: два в Италии, пять в Германии, два в Африке и Азии, два в Польше и России, один в Испании и два во Франции.

Во время первой Итальянской кампании 1796 года, он выступил из Савоны, перевалил через горы в наиболее доступном месте, где кончаются Альпы и начинаются Аппенины, отрезал австрийскую армию от сардинской, овладел крепостью Хераско, расположенной при слиянии Танаро и Стуры, в 80 верстах от Савоны и устроил там свои магазины. Он принудил короля Сардинии передать ему крепость Тортону, расположенную в 30 верстах к западу от Хераско в направлении на Милан, устроился в ней, переправился через По у Пьяченцы, захватил крепость Пиццигеттоне, расположенную на Адде, в 100 верстах от Тортоны. Затем он двинулся на Минчио, где овладел Песксьерой, расположенной в 120 верстах от Пиццигеттоне и далее на линию Эча, где занял на левом берегу ограду и форты Вероны, которые обеспечивали ему три каменных моста этого города и Порта—Леньяго, дававшего ему еще новый мост через реку. В этом положении он оставался до взятия Мантуи, которую он обложил и осадил. Между его лагерем под Вероной и Шамбери, его исходной базой на французской территории, он имел четыре расположенные одна за другой крепости, в которых помещались госпиталя и магазины и для которых требовался гарнизон всего в 4.000 человек; для этого хороши были и выздоравливающие и рекруты: таким образом на этой линии в 400 верст он имел крепость-склад через каждые четыре перехода. Когда он, после взятия Мантуи, двинулся в Церковную область, его базой на По явилась Феррара и далее в семи или восьми переходах его второй базой у подножья Аппенин являлась Анкона. В течение кампании 1797 года, Наполеон переправился через Пиаве и Тальяменто, укрепив при этом Пальманову и Осоппо, расположенные в восьми переходах от Мантуи.

---

[1]) Наполеон I пишет о себе в третьем лице. (*Прим. переводч.*)

Он перевалил через Юлийские Альпы, восстановил старые укрепления Клагенфурта, расположенного в пяти переходах от Осоппо и занял позицию на р. Земринге. Он находился в 320 верстах от Мантуи, но на этой операционной линии у него было три эшелонированные крепости, т. е. опорный пункт через каждые пять или шесть переходов.

В 1798 году Наполеон ознаменовал начало операций на Востоке взятием Александрии, укрепил этот большой город и сделал его центральным пунктом своих складов и всей создаваемой организации. Двигаясь на Каир, он приказал возвести форт в Эль-Рамани, на Ниле, в 80 верстах от Александрии и вооружил цитадель и несколько фортов в Каире. Затем он возводит форт в Сальгее, в 120 верстах от Каира, где дорога на Газу вступает в пустыню. Армия, бивакировавшая у этого селения, находилась в пятнадцати переходах от Александрии и имела на этой операционной линии три укрепленных опорных пункта.

Во время кампании 1799 года Наполеон прошел 320 верст по пустыне, осадил Сен-Жан-д-Акр и выдвинул свой обсервационный корпус на Иордан, в 1.000 верстах от его главной базы, Александрии. Он возвел один форт в Катие, в пустыне, в 80 верстах от Сальее, другой в Эль-Ариш, в 120 верстах от Катие, и третий в Газе, в 80 верстах от Эль-Ариш. На этой операционной линии в 1000 верст он имел восемь опорных пунктов, достаточно укрепленных, чтобы устоять против неприятеля, которого приходилось иметь в виду. И действительно, в этих четырех кампаниях не было перехвачено ни одного обоза и ни одного курьера. В 1796 году несколько одиночных людей было убито в окрестностях Тортоны; в Египте несколько джерм [1]) было захвачено на Ниле, между Розеттой и Каиром. Но такие случаи имели место лишь в самом начале операций. Полки на верблюдах, которые он сформировал, настолько освоились с пустыней, что поддерживали постоянную неприкосновенность сообщений между Каиром и Сен-Жан-д-Акром, а также в верхнем и нижнем Египте. Имея армию всего в 25.000 человек, он занимал тогда Египет, Палестину и Галлилею, что приблизительно представляло треугольник, площадью в 480.000 квадратных верст. От его ставки под Сен-Жан-д-Акром до его штаба Дезэ в верхнем Египте было расстояние в 1.200 верст.

Кампания 1800 года была построена на тех же принципах. Когда армия, действовавшая на германском театре, вышла на Ин, она овладела Ульмом и Ингольшадтом, что давало ей две крупных крепости для складов. В Парсдорфском перемирии упустили потребовать передачи этих пунктов. Наполеон считал эти пункты настолько важными для обеспечения успе-

---

[1]) Барок. (*Прим. переводч.*).

хов операций в Германии, что передача их явилась условием sine qua non[1]) для нового продолжения перемирия.

В Нюренберге галло-батавская армия обеспечивала левое крыло на Дунае, а Граубинденская армия правое крыло в долине р. Ин. Когда резервная армия спустилась с Сен-Бернара, Наполеон устроил первую базу в Иврее. Даже после Маренго он считал, что Италия будет вновь завоевана лишь после того, как все крепости по сю сторону Минчио будут заняты его войсками; он разрешил Меласу двинуться к Мантуе только под условием, что они все будут ему сданы.

В 1805 году, захватив Ульм с австрийской армией, силой в 80.000 человек, Наполеон двинулся на Лех, восстановил старые валы Аугсбурга, вооружил их и превратил этот город, доставлявший ему столько средств, в свою базу. Он восстановил бы и Ульм, но его укрепления были срыты, и местность представляла большие неудобства. Из Аугсбурга он перешел в Браунау и обеспечил себе занятием этой важной крепости мост через Ин. Это была вторая база, которая позволила ему дойти до Вены; сама эта столица была обеспечена им от нечаянного нападения. После этого он двинулся в Моравию и захватил цитадель Брюна, которая немедленно была вооружена и снабжена; расположенный в 160 верстах от Вены, Брюн стал его опорным пунктом для операций в Моравии. В одном переходе от этого пункта он дал Аустерлицкое сражение. С этого поля сражения он мог отступить на Вену, чтобы переправиться там через Дунай, или же отойти левым берегом до Линца и переправиться через реку по мосту в пределах этого города, прикрытого сильными укреплениями на окрестных холмах.

В 1806 году Наполеон расположил свою ставку в Бамберге и сосредоточил армию на р. Рейдниц. Прусский король, направляясь на Майн, думал перерезать его операционную линию на Майнц и остановить тем его марш. С этой целью он направил туда корпуса Блюхера и герцога Веймарского, но линия сообщений французской армии уже не направлялась на Майнц; она шла от форта Кронах, расположенного у выхода из Саксонских гор, на крепость Форхгейм, расположенную на Рейднице и оттуда на Страсбург. Вследствие этого Наполеону нечего было опасаться наступательного движения пруссаков и он выступил тремя колоннами: левая, в составе V и VII армейского корпуса, которыми командовали герцог Монтебелло и герцог Кастильоне, двинулась через Кобург; центральная, в составе I и III корпуса, которыми командовали маршал Бернадотт и принц Экмюльский, гвардии и резервной кавалерии, двигалась на Кронах и Шеслин; с этой колонной следовал Наполеон; правая, в составе IV и VI корпуса, кото-

[1]) Непременным. *(Прим. переводч.)*.

рыми командовали герцог Далматский и князь Московский [1]), через район Байрейта в направлении на Гоф. Прусская армия, находившаяся уже в движении к Майну, чтобы поддержать свой авангард между Веймаром и Нейштадтом, остановилась. Она оказалась отрезанной от Эльбы и Берлина и потеряла все свои магазины; вся опасность положения была опознана ею лишь когда оно стало безнадежным; и несмотря на то, что она находилась так близко от Магдебурга, в центре своего государства и в двух переходах от Эльбы, она всетаки была разбита, отрезана и не могла спастись отступлением. Из этой старой Фридриховской армии не ускользнул ни один человек, за исключением короля и нескольких эскадронов, которые с трудом достигли правого берега Одера: 100.000 человек и сотни пушек и знамен были трофеями этого дня.

В 1807 году, владея Кюстрином, Глогау и Штеттином, Наполеон в Варшаве переправился через Вислу и укрепил Прагу, которая служила ему сразу и предмостным укреплением и базой. Он основал Модлин [2]) и привел Торн в оборонительное состояние. Армия заняла позицию на р. Пассарге, чтобы прикрывать осаду Данцига, который впоследствии стал ее базой и опорным пунктом для операций, предшествовавших сражению при Фридланде, разрешившему войну. Если бы военные действия продолжались, то расстояние от армии до ближайшего опорного пункта сократилось бы, так как крепость Пиллау была бы взята раньше, чем армия переправилась бы через Неман.

В 1808 году, когда французская армия двигалась на Бургос, французы занимали большинство крепостей северной Испании—Сан-Себастьяно, Помпелуно, Фигьер, Барселону.

В 1809 году первые пушечные выстрелы раздались около Регенсбурга: Аугсбург явился для Наполеона операционным центром. Так как австрийцы срыли укрепления Браунау, Наполеон избрал опорным пунктом крепость Пассау, расположенную при слиянии Ина и Дуная и дававшую большие выгоды, так как она одновременно обеспечивала мосты через обе реки. Он укрепил его и первоклассными фортификационными сооружениями обеспечил мост в Линце. Армия Наполеона, прибывшая в Вену, независимо от сообщений через Баварию, имела еще обеспеченное сообщение с Италией через замок Грац и крепость Клагенфурт.

В 1812 году Данциг, Торн, Модлин и Прага являлись крепостями Наполеона на Висле; Велау, Ковна, Гродна, Вильна и Минск—его складочными пунктами в районе Не-

---

[1]) Наполеон называет своих маршалов по их титулам: герцог Монтебелло, это маршал Лан; герцог Кастильоне—Ожеро; принц Экмюльский—Даву; герцог Далматский—Сульт; князь Московский—Ней (*прим. переводч.*).

[2]) Новогеоргиевск. (*Прим. переводч.*).

мана; Смоленск—его главной базой для движения на Москву. Во время этой операции, на каждых восьми переходах у него имелся укрепленный опорный пункт. В домах, где располагались почтовые станции, были устроены бойницы и кругом возведены окопы: каждая из них охранялась ротой солдат и одним орудием, что настолько обеспечивало службу связи, что за всю кампанию не было захвачено ни одной эстафеты и ни одного транспорта. Даже во время отступления, за исключением четырех дней, в течение которых адмирал Чичагов был отброшен за Березину, сообщения армии с ее базисными пунктами были всегда свободны.

В 1813 году Кенигштейн, Дрезден, Торгау, Виттенберг, Магдебург и Гамбург были опорными пунктами Наполеона на Эльбе. Мерзбург, Эрфурт и Вюрцбург эшелонировались на пути к Рейну.

В кампанию 1814 года Наполеон повсюду имел в своем распоряжении крепости, и всем стало бы ясно значение фландрских крепостей, если бы изменнически не был сдан Париж: и даже после его падения, если бы переход на сторону противника VI корпуса не помешал движению Наполеона на Париж. Союзники были бы вынуждены оставить столицу, так как их генералы, несомненно, никогда бы не рискнули вступить в сражение на левом берегу Сены, имея у себя в тылу этот огромный город, который они окупировали только в течение трех дней. Измена нескольких министров и представителей гражданской власти благоприятствовала вступлению противника в Париж: но временное занятие столицы не стало трагическим для союзников только вследствие измены маршала.

Планы всех четырнадцати кампаний Наполеона отвечают истинным принципам войны. Его войны дерзки, но методичны; этого ничто лучше не доказывает, как оборона р. Эча в 1796 году[1]), в течение которой австрийская династия потеряла несколько армий и оборона р. Пассарги в 1807 году, имевшая целью прикрытие осады Данцига.

Может быть, кому-нибудь нужен пример наступательной войны, которая бы была построена на ложных принципах? Таковым был поход 1796 года в Германию. В то время, как Самбро-Маасская французская армия, в составе 50.000 человек, овладела цитаделью Вюрцбурга и расположилась на Рейднице, левое крыло и центр Рейнско-Мозельской армии еще переправлялись через Неккар и с 50.000 человек направлялись на Нересгейм, а ее правое крыло, в составе 20.000 человек под начальством Ферино, двигалось вдоль подножия

---

[1]) Знаменитая операция по прикрытию Бонапартом осады Мантуи, когда австрийцы были на-голову разбиты в 4 попытках выручить крепость (Кастильоне, Арколе, Риволи). (*Прим. редакц.*).

Тирольских гор на Форарльберг; каждая из этих трех войсковых групп, отделенная друг от друга горами и большими реками, имела собственную коммуникационную линию с Францией; таким образом, поражение одной из них влекло за собой грозную опасность для двух остальных. Фланги являются слабыми пунктами вторгающейся армии, в виду чего надо всегда стремиться опереть, если не оба фланга, то по крайней мере один из них на нейтральное государство или на большую естественную преграду. Вопреки этому первому принципу войны, французская армия, разделившись на три отдельных группы, создала себе шесть флангов, в то время, как при правильном маневре было бы не трудно крепко опереть оба ее крыла. Средняя колонна дралась под Нересгеймом, имея левое крыло на воздухе, а правое даже не опиралось на Дунай, так как не удосужились захватить покинутую противником крепость Ульм, занятие которой только и могло упорядочить эту кампанию. Таким образом, эта группа висела в пространстве, в 320 верстах от Рейна, не имея ни одного опорного пункта в виде промежуточной базы. Эрцгерцог убрал большую часть сил, выставленных им против Самбро-Маасской армии и правой группы, которой командовал Ферино, и направился на Нересгейм. Потерпев здесь неудачу, вследствие энергии и мужества французов, он вновь переправился через Дунай и Лех, оставив 25.000 человек перед левым крылом и центром Рейнско-Мозельской армии, которая только что побила его под Нересгеймом, и отправился колотить и гнать за Рейн Самбро - Маасскую армию.

В этом походе командующий Рейнской армией [1]) допустил еще одну крупную ошибку: он оставил в своем тылу не обложенными две крупные крепости, Филипсбург и Мангейм, для наблюдения за которыми был оставлен отряд всего в 4.000 человек. Их надлежало тесно обложить, чтобы лишить их всяких сообщений с эрцгерцогом, каких - либо сведений о ходе войны и всяких сношений с окрестностями; такая блокада явилась бы подходом к овладению этими крепостями. За эту оплошность он понес жестокую кару; как только гарнизоны этих крепостей узнали об успехах эрцгерцога, они немедленно прогнали наблюдавшие за ними части за Рейн, призвали к оружию крестьян и перехватили сообщения; они даже чуть было не захватили внезапным нападением Кель и Страсбургский мост. Никогда принципы войны и осторожности так не нарушались, как в эту кампанию. Составленный в Париже план имел изъяны, но выпол-

---

[1]) Моро, генерал, которого особенно не любил Наполеон, почему критика его действий, быть может, не вполне об'ективна.

(*Примеч. редакции*).

нение отличалось еще большими дефектами. Что же следовало делать? 1) Все три группы войск должны были объединяться под командованием одного лица. 2) Следовало двигаться в сборе, имея всего два крыла, из которых одно должно было постоянно опираться на Дунай. 3) Предварительно надлежало овладеть четырьмя неприятельскими крепостями на Рейне или, по меньшей мере, перед двумя из них начать осадные работы; обеспечить за собой Ульм, чтобы иметь главную базу на Дунае, у выхода из Шварцвальда.

Наступательной кампанией, в которой также были нарушены важнейшие правила военного искусства, была португальская. Англо-португальская армия состояла из 80.000 человек, из которых 15.000 представляла милиция, наблюдающая за Коимброй, опираясь на Опорто. Французская армия в составе 72.000 человек, взявши Сиудад — Родриго и Альмеиду, вступила в Португалию; она атаковала противника, занимавшего позицию на высотах Бусако. Оба противника имели равные силы, но позиции у Бусако были очень сильны: французская армия потерпела неудачу, и на следующий день обошла неприятельские позиции в направлении на Коимбру. Тогда противник отошел на Лиссабон, по дороге сжигая и опустошая страну.

Французский генерал по пятам следовал за противником, причем не оставил каких-либо сил для наблюдения дивизии из 15.000 португальских милиционеров, которая находилась в Опорто; он бросил весь тыл и Коимбру, которая являлась его базой, и где он оставил 5.000 раненых и больных. Он еще не дошел до Лиссабона, как португальская дивизия овладела Коимброй и отрезала ему отступление. Он должен был бы оставить отряд в 6.000 человек для защиты и укрепления Коимбры и чтобы сковать португальскую дивизию в Опорто.

Правда, что в таком случае он подошел бы к Лиссабону всего с 60.000 человек, но этого было бы достаточно, предполагая, что командующий английской армией намеревался погрузиться на суда; если же, наоборот, он имел намерение оставаться в Португалии, чего и надо было ожидать по всем данным, то французы не должны были продвигаться дальше Коимбры; они должны были занять хорошую позицию перед городом, или даже в нескольких переходах от него, укрепиться, отдельным отрядом занять Опорто, организовать тыл, установить сообщение с Альмеидой и ждать взятия Бадахоса и выхода Андалузской армии на Тахо.

Достигнув до подножия лиссабонских укреплений, французский генерал оказался недостаточно решительным, а между тем он заранее знал о существовании линии этих укреплений, так как противник работал над ней уже в те-

чение трех месяцев. Общее мнение гласит, что если бы он атаковал их в день своего прибытия, то он захватил бы их; но через два дня это уже было невозможно. Англо-португальская армия была усилена большим количеством батальонов милиции; таким образом, французский генерал потерял 5.000 раненых и больных и тыловые сообщения, не приобретя при этом никаких выгод. Дойдя до Лиссабона, он выяснил, что у него не имеется надлежащего количества боевых припасов для артиллерии; он не продумал свою операцию.

Наступательная кампания Карла XII в 1708 и 1709 годах также велась против всех принципов войны. В сентябре 1707 года этот монарх, во главе 45.000 человек, выступил из своего лагеря Альт-Ранштедт, под Лейпцигом, и прошел Польшу; 20.000 человек, под командой графа Левенгаупта, высадились в Риге; 15.000 человек находилось в Финляндии. Следовательно, он мог сосредоточить 80.000 человек лучших войск в мире. Оставив 10.000 человек в Варшаве для охраны короля Станислава, он прибыл в январе 1708 года в Гродну, где и зимовал. В июне он прошел Минские леса, подошел к Борисову, преодолел сопротивление русской армии, занимавшей левый берег Березины, разбил 20.000 русских, укрепившихся за болотами, в Могилеве переправился через Днепр и 22 сентября, недалеко от Смоленска, разбил отряд русских в 16.000 человек. Он находился на границе Литвы; ему предстояло вступить на исконную русскую территорию: испуганный царь предложил ему заключить мир. До этого момента марш Карла XII отвечал всем правилам, и его сообщения были обеспечены. Он господствовал в Польше и Риге и находился лишь в десяти переходах от Москвы, которой он, вероятно, и достиг бы, если бы в это время он не оставил большую Московскую дорогу и не направился на Украину, чтобы присоединиться к Мазепе, который в результате привел к нему всего 6.000 человек. Вследствие этого марша, его операционная линия, шедшая из Швеции, подставляла свой фланг России на протяжении 1.600 верст. Он не смог ее удержать и был лишен возможности получить какое-либо подкрепление. Генерал Левенгаупт с 16.000 человек и 8.000 повозок переправился в Могилеве через Днепр на двенадцать дней позже Карла XII; он едва успел сделать четыре перехода в направлении на Украину, как его атаковал русский царь во главе 40.000 человек. Левенгаупт храбро дрался 7, 8, 9 и 10 октября, но в результате потерял обоз и 11.000 человек, так-что присоединился к своему монарху на Украине всего с 5.000 человек, которые сами нуждались в снабжении. В мае 1709 года у царя в Полтаве имелись крупные магазины, почему Карл XII и осадил этот город, но в июне царь подошел с армией в 60.000 человек, чтобы заставить снять осаду. Король имел

всего 30.000 человек, в том числе и Украинских казаков: он атаковал русскую армию и был разбит. Разгром его армии был полный; король, переправившись через Днепр приблизительно с тысячью человек, с трудом добрался до Турции.

Если Карл XII хотел итти на Москву, то он соответственно действовал до прибытия в окрестности Смоленска, и его операционная линия на Швецию, через Ригу до Днепра у Могилева, прикрывалась Двиной; но если он намеревался зимовать на Украине, чтобы там поднять казаков, то он не должен был бы в Гродне переправляться через Неман и проходить Литву. Ему следовало выступить из Кракова, достигнуть нижнего течения Днепра и направить свои сообщения с Швецией по Краковской дороге и далее под прикрытием Одера и Вислы; надеяться, что удастся сохранить сообщения с своими землями по линии, шедшей на протяжении 1.600 верст вдоль русской границы и подставлявшей ей фланг, было невозможно; между тем сохранить путь на Краков, прикрытый Литвой, Неманом и Вислой, было легко. С другой стороны, если генерал Левенгаупт, который командовал столь значительным отрядом и сопровождал столь важный транспорт, следовал за ним на удалении двенадцати переходов, то следовательно он не организовал войну так, как Ганнибал, чтобы обходиться вовсе без сообщений со Швецией; следовательно, в его расчет входило прибытие генерала Левенгаупта.

К этой первой ошибке, которая должна была привести к гибели Карла XII, он присовокупил еще вторую, атаковав русскую армию под Полтавой. Он находился лишь в 48 верстах от Днепра; следовательно, в два перехода он мог бы поставить эту реку между собой и царем и оказался бы на Волыни и в Подолии. Зачем было давать сражение? Даже если бы под Полтавой он оказался победителем, на что мог он еще претендовать, насчитывая в своей армии всего 18.000 шведов и находясь в сорока переходах от Москвы? Он больше не мог думать о нанесении решительного удара противнику; следовательно, все говорило в пользу того, чтобы воспользоваться благоприятным временем года и страхом, который он еще внушал русским, чтобы в мае уйти через Днепр и возвратиться в Польшу. Ему пришлось бы дать бой так, чтобы обеспечить себе отступление, а также иметь суда и форт на Днепре, в 48 верстах от Полтавы; но он не являлся организатором войны и не понимал ее, он был только храбрым и неустрашимым солдатом. Как только он покинул большую Московскую дорогу, он немедленно утратил свою коммуникационную линию и больше не получал известий из Швеции; о катастрофе, постигшей генерала Левенгаупта, он узнал только от него самого. Утверждают, что многие офицеры его штаба видели ошибочность его маневра и, не надеясь заставить его отказаться от плана движения на Украину, упорно настаивали на

том, чтобы он дождался в Смоленске прибытия генерала Левенгаупта и его драгоценного транспорта.

После этого краткого очерка походов величайших полководцев, мы считали излишним приводить какие-либо замечания относительно так называемых систем военного искусства. Во время Ганноверской войны [1]) было построено большое количество крепостей, которые должны были служить операционными базами для французских армий; армии были ослаблены выделением для них гарнизонов, что только облегчило и сделало более блестящими успехи принца Фердинанда Брауншвейгского. Когда генералы укрепляют столицы, в их распоряжении все источники и богатства, и все их влияние; там имеются погреба и общественные здания, которые могут быть использованы под военные склады. Эти города почти всегда были когда-то укреплены и в них сохранились остатки каменных стен, рвов с вододействием и т. д., что может весьма пригодиться. Крепости же с земляными укреплениями не обеспечены от нечаянного нападения, если только в них нет столь же многочисленного гарнизона, как в укрепленном лагере. Какую колоссальную работу пришлось бы выполн ь, чтобы возвести блокгаузы, которые бы защитили армейск склады от непогоды, от бомб и ядер.

Если резервная армия состоит из необуче ых новобранцев, то она окажется совершенно бесполезной и не явится опорой, около которой могли бы собраться и задержаться действующие армии, потерпевшие поражение, а также не сможет удержать в подчинении завоеванную территорию. Эта система создает уязвимые пункты для противника, который в своих пределах, по желанию, может менять свои операционные линии.

Победитель должен держать в повиновении покоренные провинции посредством моральных средств, ответственности общин и метода организации управления. Заложники являются одним из самых могущественных средств; но надо их брать в большом числе, выбирая их между влиятельными людьми, и население должно быть твердо убеждено, что в случае нарушения доверия, оказанного ему, немедленным следствием явится казнь заложников.

Единство командования является самым основным требованием войны. Двух армий никогда не должно быть на одном театре. Современные войска не больше нуждаются в хлебе и сухарях, чем римляне: во время марша выдавайте им муку, рис или овощи, и они страдать не будут. Совершенно ошибочно предполагать, что полководцы древности не уделяли большого внимания своим магазинам, из „коментариев Цезаря“ видно, насколько сильно его занимала эта важная забота

---

[1]) Семилетней войны (*Прим. редак.*).

в течении нескольких его походов. Но эти полководцы постигли искусство—не быть рабами, получить независимость от своих снабженцев; этим искусством отмечены все великие полководцы. Система, которой держались французы во время Ганноверских походов [1]), представляет искусство так подставлять большие армии, чтобы их били бы малые, и ничего не совершить, располагая огромными средствами.

Полководцы руководствуются своим опытом или своим гением. Тактику, перестроения, инженерные и артиллерийские науки можно изучить по учебникам приблизительно так же, как изучается геометрия; но знание высших областей войны приобретается только опытом и изучением истории войн и сражений великих полководцев. Разве грамматика может научить нас слагать песню из Иллиады или сочинять трагедию Корнеля?

---

[1]) Семилетняя война (*Прим. перевод.*).

КРИТИЧЕСКОЕ ОТРИЦАНИЕ МЕДЕМА.

Первый русский профессор стратегии и истории военного искусства [1]) заслуживает вполне нашего внимания. Отзывы учеников его, Петра Кононовича Менькова и Дмитрия Алексеевича Милютина, звучат восторженно Милютин [2]) очерчивает его так:

„Барон Медем уже в то время был человек пожилой, с сильной глухотой и постоянным легким кашлем. При этих физических недостатках он не обладал особенным даром слова. И не смотря на все это, лекции его были чрезвычайно занимательны. Он говорил с одушевлением, с любовью к предмету. Рассказывая какую-либо из классических кампаний Наполеона, он умел заинтересовать слушателей, осмыслить каждый факт; наводил самих слушателей на обсуждение значения его и на выводы поучительного заключения. Еще более интересовали нас лекции по стратегии, хотя надобно сказать, что под этим именем барон Медем излагал не столько теорию, сколько историю и литературу стратегии. Исходным его пунктом было, что никакая теория не может выучить искусству вести войну; что все попытки изложить такую теорию ограничивались только указанием значения или влияния на ход войны которого-либо из многих „элементов“, обусловливающих успех на войне. С этой точки зрения разбирал он известные сочинения о стратегии, начиная с Ллойда и Бюлова, писавших еще в прошлом столетии, и постепенно переходя к сочинениям эрцгерцога Карла, генералов Ронья, барона Жомини, Наполеона I, Деккера, Вагнера и кончая недавно появившимся большим сочинением генерала Клаузевица (Vom Kriege), которое рассматривалось обстоятельнее всех других. Лекции барона Медема по Стратегии, несмотря на кажущуюся сухость предмета, несмотря на недостатки голоса и кашель лектора, до того были занимательны, можно сказать, увлекательны, что мы слушатели, приходили в восторг и с трудом удерживались от гласного выражения его“.

В лице Медема мы видим одного из современников Клаузевица, представителя того поколения, которое стремилось осмыслить опыт революционных и Наполеоновских войн, и дало стратегической мысли огромный размах и углубление. Мы приводим здесь жесткую критику учения Жомини [3]) гремевшего тогда в Европе и пользовавшегося особым положением, в качестве основателя русской академии и особенно уважаемой мировой знаменитости

---

[1]) По существу таковой являлась „военная история“ в изложении русских курсов до Милютинского периода. *(Прим. редакц.)*.

[2]) Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, т. I, стр. 116—117. Томск. 1919 г.

[3]) Первый труд относится к 1806 году, второй—к 1835 г.

на жаловании при русском дворе. С безукоризненной логикой и громадным пониманием военной истории Медем выясняет, что принципы Жомини суть ни что иное, как правила, пригодные в одних случаях и даже вредные при других обстоятельствах. Тогда как для многих последующих писателей представлялось, что Жомини пошел слишком далеко в признании за политикой права голоса при выработке плана войны, Медем резко указывает на половинчатость мысли Жомини, признающего значение политики при принятии основного стратегического решения и отказывающегося согласиться с ее влиянием на дальнейшее развитие стратегической мысли, при принятии частных стратегических решений.

Мы оценим гражданское мужество и смелость мысли Медема, если сравним его лекции, при суровом Николаевском режиме, с тем, что раздавалось 20 лет спустя с академической кафедры стратегии, в период либерального начала царствования Александра II: „По моему мнению, вся политика войны состоит в том, чтобы увидев неприятеля, наносить ему возможный вред. Что же касается до военно-политических отношений союзных держав и армий, условия, противные дисциплине и правилам Военного Искусства и военной службы, не должны их допускать". Или: „Убеждения войны состоят в уничтожении неприятеля, пока не заставят согласиться на требования политики". „Создавая особенные науки Политику Войны и Военную Политику [1]), как Военную Географию, можно затемнять еще более стратегические истины". „Вникая в сущность дела, кажется невозможным открыть Политику в войне". „Эти два предмета совершенно противоположны друг другу. Какая может быть Политика там, где бьются на смерть. Можно вообразить, как трудно создать науку, основываясь на том, что Политика входит в высшие военные соображения. На таком непрочном фундаменте можно сказать, что она установиться не может и должна рушиться сама собой".

Мы привели эти махровые цветы профессорского красноречия, чтобы подтвердить наше мнение о том, что стратегический уровень мышления сильно упал во второй половине столетия. Люди, пережившие революцию и Наполеоновскую эпоху, хорошо понимали, что там, где люди бьются на смерть, политика не только может, но и должна быть, так как если она отсутствует, то война теряет свой смысл, а бессмысленная драка возможна только с пьяных глаз.

Позитивисты—в нашем сборнике представлен их наиболее выдающийся писатель, Леваль—всячески стремились исключить влияние политики на стратегию, так как допустив его, приходится признать условность всех стратегических положений. Политика может быть разная, и на этом фундаменте позитивист может допустить только постройку карточного домика, но не твердой научной системы. Этой причиной руководствовался и Жомини, соглашаясь, под натиском идей Клаузевица, на „Военную политику", учитываемую в течение войны лишь однажды, при составлении плана кампании.

Медем не принадлежит к числу трусливых мыслителей, умышленно одевающих на себя шоры, чтобы не видеть тех явлений, которые мешают им создавать округленную систему. Он предпочел отрицание; он ознакомился

---

[1]) Как предлагал Жомини. Только преемник по кафедре Медема подходит к предложению Жомини уже с обратной, по сравнению с Медемом, точки зрения.

со всеми трудами по стратегии, существовавшими в его время, отдавал предпочтение Клаузевицу, но отрицал их все, как учения, претендующие на научную точность, выдвигая ряд противоречащих им фактов. Критика учения Клаузевица Медемом основана на противоречии, действительно имеющемся в его труде „О войне", где Клаузевиц признал стратегию сокрушения и стратегию ограниченных целей (ныне измора); но не переделал под этим углом зрения своего сочинения и включил в него, якобы, абсолютное правило, пригодное, однако, не для всех случаев, а только для стратегии сокрушения: „все соображения полководца должны иметь главным предметом бой, который есть единственное средство к достижению цели войны".

Если мы сравним труд Медема с лучшей историей стратегии XX века Кеммерера [1]), то должны будем признать, что несмотря на все выгоды, которые дает последнему большая историческая перспектива, большее удаление от событий, многочисленные критические труды и т. д., все же Кеммерер не превосходит Медема по точности характеристик и оценок, по уловлению сущности учения каждого из стратегических писателей.

Курс стратегии, который читал Медем, сводился к ознакомлению его аудитории с военными классиками, и в этом отношении он за 90 лет предвосхитил идею настоящего собрания классиков. Несмотря на то, что он давал слушателям только стратегическое развитие, демонстрируя перед ними, во всей их односторонности, различные стратегические системы, прилагая их к фактам военной истории, и после внимательного изучения, отвергая их; несмотря на то, что он сам и не пытался создать свое положительное учение, мы выдвигаем Медема, как наиболее выдающегося представителя русской стратегической мысли [2]).

Редакция.

---

[1]) R. von Caemmerer. Die Entwicklung der strategish n Wissenschaften im 19. Jahrhundert. Берлин 1904 г. стр. 213. Редакция имеет в виду ознакомить читателей с этим трудом в будущих сборниках.

[2]) Особенно выигрывает Медем, если сравнить его труд с трудом ученика Г. А. Леера профессора академии Баскакова, написанным спустя 60 лет, и представляющим такую же попытку изучить классиков стратегии. Если что-нибудь можно понять из труда Баскакова, то это мысли, списанные им у Медема. Но какому уродованию и затемнению они подверглись! У редакции существуют большие сомнения, знакомились ли вообще, после Медема, русские писатели по стратегии с классиками в подлиннике.

МЕДЕМ.

I.

О первых сочинениях генерала Жомини [1]).

После Бюлова является в литературе стратегии генерал Жомини. Описывая и сличая деяния двух знаменитейших полководцев нового времени—Фридриха II и Наполеона, он предположил себе целью извлечь из сих деяний общие основные правила стратегии.

Генерал Жомини начал разбором войн Фридриха II. В них более всего поразило его, первое, что государь этот, будучи гораздо слабее неприятеля, всегда успевал на том месте, где предполагал дать сражение, сосредоточивать силы достаточные для вступления в решительный бой; второе, что расположение сил его, в отношении к силам противников, особенно способствовало этому быстрому сосредоточиванию.

Принужденный сопротивляться нападению с разных сторон, Фридрих II находился как бы внутри круга, которого окружность занимали его противники, а потому он мог удобнее последних переводить войска с одного пункта на другой и быстро сосредоточивать их там, где встречалась надобность. Это обстоятельство подало генералу Жомини первую мысль о выгоде внутренних линий, и эта мысль показалась ему одним из главнейших основных правил всех действий Фридриха.

Потом, рассматривая первые действия Наполеона, генерал Жомини нашел, что отличительною чертою их было постоянное стремление предупреждать неприятеля в наступательном движении, всегдашнее совокупное действие главных сил и быстрое направление их на решительные пункты театра войны, с целью одним сражением ее окончить, или, по крайней мере, достигнуть весьма важных результатов.

Таким образом, составилось два рода правил, которые казались не совсем между собою согласными. Система вну-

---

[1]) Обозрение известнейших правил и систем стратегии. Составил б-н Николай Медем, Артиллерии Генерал-Маиор, Профессор Стратегии и Военной Истории в Императорской Военной Академии Санктпетербург, 1836 года стр. 210.

тренних линий требовала разделения войск на части, а походы Наполеона доказывали, очевидно, пользу действия совокупными силами. Генерал Жомини вознамерился слить оба эти рода правил, а от взаимного их совокупления произошел следующий вывод: „стремиться всегда совокупностью сил на решительные пункты театра войны; а там, где тому препятствует свойство театра войны, или где неприятель, действуя сам двойною или тройною операционною линиею, принуждает и нас к подобному же разделению, там всегда предпочитать внутренние линии наружным, чтобы быть в состоянии сосредоточивать силы свои скорее неприятеля на том пункте, где в стратегическом отношении признано будет за выгоднейшее дать сражение".

Но чтобы эти правила сделать определеннее и яснее, надобно еще показать, какие именно пункты театра войны суть решительнейшие, или где именно в стратегическом отношении выгоднее дать сражение.

Это также выведено генералом Жомини из военных действий Фридриха и Наполеона, следующим образом:

1) Определение выгоднейшего пункта для направления на него решительных действий зависит от расположения неприятельских сил [1]).

2) Против неприятеля, имеющего фронт действия слишком растянутый, или действующего не одною, а несколькими операционными линиями, должно направлять главные силы свои на средние или центральные пункты; ибо, по разбитии на них противника, войска обоих его флангов будут разделены и вынуждены к бедственным отступлениям в противоположные стороны.

3) Против неприятеля, имеющего свои силы совокупленными, выгоднее устремляться на один из флангов фронта его действия, а именно на тот, от которого скорее и удобнее можно достигать его сообщений с основанием действий [2]), или от которого скорее и удобнее можно прижать его к какой-либо неопреодолимой преграде, как например: к морю, к большой реке без моста, или к границам сильной нейтральной державы.

Таковы главные правила, извлеченные генералом Жомини из действий двух искуснейших полководцев новейшего времени. Способ извлечения этих правил есть наилучший и сообразнейший с целью, ибо сочинитель основывает свои выводы не на отдельных каких-либо фактах, им самим произвольно избранных, но на чистом и беспристрастном обзоре

---

[1]) Таким пунктам, определенным по расположению неприятельских сил Генерал Жомини дал впоследствии название маневрных стратегических пунктов.

[2]) Т.-е. с базисом. (*Прим. редакц.*).

всех походов новейшего времени. Притом он не составляет ни одного правила умозрительно, но все без исключения извлекает практически из событий, или, лучше сказать, наведя читателя на правила, заставляет его самого неприметным образом извлекать их из хода военных действий.

Сочинения генерала Жомини весьма естественно должны были произвести важное влияние и даже переворот в образе мыслей военных людей. В сочинениях его отразился ясно отличительный характер войн новейших, то есть: постоянное и решительное стремление к цели войны средствами также самыми решительными, а именно: сражениями. Таким образом, сражения не только стали опять на потерянную ими со времен древних степень первенствующей важности, но сделались уже главною, исключительною основою всей Стратегии.—Сия основа должна была показаться всем несравненно лучшею, нежели основа сочинителей предшествовавших; ибо судьба почти всякой войны несравненно чаще решается сражениями, чем действиями на сообщения или другими стратегическими средствами, которые можно, в большей части случаев, назвать второстепенными, и которые редко ведут к результатам решительным.

Столь важные достоинства сочинений генерала Жомини были причиною быстрого распространения их по всей Европе; и действительно, ни одно сочинение не было изучаемо повсюду с такою жадностью, ни одно не послужило столько к распространению полезных познаний о военных действиях,— ни одно столько не способствовало искоренению многих вредных предрассудков, происшедших от прежнего образа войны и прежних сочинений.—Если мы видим, что в последнем десятилетии революционных войн большая часть полководцев, действовавших против Наполеона, начали уже избегать излишнего рассеяния сил, что кордонная система вовсе исчезла, что обязанность охранения сообщений перестала уже считаться во всех случаях важнее обязанности сосредоточения сил для боя и т. п.—то это произошло, конечно, частью от самой опытности, но частью и от значительного влияния сочинений генерала Жомини.

Отдав таким образом знаменитым творениям его должную справедливость, нельзя не заметить также, что в них обращено внимание на один только материальный элемент, т.-е. на искусство устремлять многочисленную, по возможности, силу войск на те пункты, где предполагается решить боем жребий войны или неприятельской армии.

Чрез это не только стесняется чрезмерно об‘ем Стратегии, но возникает еще вопрос: могут ли правила, выведенные из одного только, хотя и важнейшего элемента Стратегии, быть всеобщими и безусловными? Не придется ли иногда, по необходимости, принимать в особенное соображение и другие

стратегические элементы, и не заставит ли это по временам уклоняться от вышеупомянутых общих правил? Сверх того, не может ли в войне случайно встретиться такое обстоятельство, где один какой-нибудь элемент (как например: средства снабжения войск запасами военными и с‘естными) приобретет важность первенствующую и тем предоставит более выгод действовать по правилам, основанным на этом элементе, нежели по правилам, основанным на силе материальной?

Для разрешения сего вопроса, разберем отдельно действия Фридриха и Наполеона и постараемся найти побудительные причины их, дабы увериться, первое, были ли помянутые действия исполнением коренных, заранее предначертанных, безусловных правил Стратегии, или необходимым следствием обстоятельств, посреди которых эти полководцы действовали? второе, с переменою обстоятельств, не переменили бы эти полководцы и механизма своих действий?

В тех походах, где Фридрих II действовал внутренними линиями, такое расположение большей частью было следствием не произвола, но концентрического направления неприятельских сил. Конечно, были и такие случаи, в коих Фридрих без необходимости и по собственному произволу предпочел внутренние линии наружным; но к сему вероятно побудили его важные причины. — Постараемся изыскать их.

Войска его имели над неприятельскими великое преимущество как образованием своим, так и способностью производить искуснейшие тактические маневры; притом же сам Фридрих был превосходный тактик. Все это заставило его не только искать сражений, но и считать их надежнейшим и вернейшим средством к получению решительных выгод над неприятелем.

Театр военных действий был не обширен; неприятель, наступавший из Саксонии, Лузации или от Вислы, мог в несколько переходов достигать центра Прусских владений, и тем наносить Фридриху решительные удары. Противодействовать в сем случае неприятелю дальними отступлениями, движениями на сообщения или другими подобными стратегическими средствами, требующими значительного местного пространства или продолжительного времени, чтобы причинить важный неприятелю вред, было для него отчасти невозможно, а отчасти и не обещало большой пользы. Следовательно, в подобных обстоятельствах, ему, по необходимости, надлежало употреблять средства самые решительные и быстро ведущие к цели, т.-е. опрокидывать или удерживать несколько армий, близких к центру Государства. Средства эти не могли быть иные, как сражения.

И так мы видим, что для Фридриха сражения были не только надежнейшими, но большею частью и единственным средством для успешного противодействия неприятелю; а где

существует такое условие, уже есть и побудительная причина предпочесть расположение, способствующее скорейшему сосредоточению материальной силы, т.-е. предпочесть внутренние линии наружным.

Но к этой причине можно присовокупить еще и другую, не менее важную, а именно: образ действий противников Фридриха. Во-первых, большая часть полководцев, действовавших против него, не умели уклоняться от сражения, или не постигали выгоды избегать боя в то время, когда Фридрих направлялся на них с сосредоточенными силами, или когда он в бое поставлял единственную свою надежду. Во-вторых, у них не было единства в действиях, потому что каждая их армия имела особенного независимого от других главнокомандующего. В-третьих, затруднительный способ продовольствования войск и излишняя боязнь за свои сообщения делали движения их весьма медленными и осторожными, даже и тогда, когда армии имели против себя самые ничтожные силы. Фридрих, устремляясь с сосредоточенными силами на одну из неприятельских армий, почти мог быть уверен, что без потери времени вступит в решительное сражение и что после сражения успеет даже встретить и другую неприятельскую армию, прежде чем она приобретет значительные выгоды.

Весьма естественно, что при всех столь благоприятствующих внутренним линиям обстоятельствах, Фридриху было выгодно располагаться подобными линиями, и что он следственно действовал искусно, принимая иногда расположение это, независимо от концентрического направления неприятельских армий.

Теперь остается только рассмотреть, не действовал ли бы Фридрих II иначе, еслиб изменилось одно или несколько из обстоятельств, служивших побудительными причинами его действий.

Предположим, например, что войска его, по составу и образованию, были бы гораздо ниже войск противников, или что численная их сила была бы доведена до такой незначительности, что и сосредоточением не могла доставлять победы, или предположим вообще, что какие бы то ни были обстоятельства сделали для Фридриха вступление в решительный бой невыгодным.

Тогда прекратилась бы и главная причина к расположению внутренними линиями: ибо к чему предпочитать такое расположение, коего единственная выгода состоит в скорейшем сосредоточении сил для боя, коль скоро обстоятельства повелевают избегать боя? Действия самого Фридриха служат лучшим тому доказательством. После поражения при Гохкирхе, силы его были весьма слабы; при том приближалась зима, в продолжении которой он мог надеяться укомплекто-

вать армию. Отваживаться в сих обстоятельствах на вторичное сражение значило бы подвергать себя большой опасности, ибо с потерею сражения, он мог потерять и средства к восстановлению сил. Австрийцы частью своих войск осаждали крепость Нейс, по занятии коей могли надеяться зимовать в юго-западной Силезии, и тем лишить Фридриха вспомогательных способов, этою провинцией доставляемых. В таких обстоятельствах ничего лучшего для Фридриха не оставалось, как, избегая решительного сражения, освободить Нейс. Для приведения этого в действие, он оставил около Дрездена часть своей армии, а с остальною, обошедши правый фланг неприятеля, устремился быстро к Нейсу, дабы, угрожая осадному корпусу нападением, принудить его к снятию осады. Движение сие, увенчавшееся полным успехом и принудившее австрийцев к отступлению в собственное их государство для зимования, было эксцентрическое, вело войска Фридриха к наружным линиям и предоставляло австрийцам внутреннее расположение между Нейсом и Дрезденом.

Приведем еще другой пример. После Кунерсдорфского сражения числительные силы Фридриха были столь малы, что если бы он даже и соединил их вместе, то и тогда не мог бы ожидать успеха в решительном бою против двух многочисленных армий Дауна и Салтыкова; при том же поражение при Кунерсдорфе лишило его значительной части артиллерии, поколебало нравственные силы войск и поставило его в необходимость уклоняться на время от боя, стараясь какими-нибудь иными средствами поправить положение свое. Средство, употребленное с этой целью, состояло в движении армии принца Генриха через Герлиц на сообщения и магазины Дауна, то есть, в движении эксцентрическом, которое удаляло принца Генриха от Фридриха и которое было во всем противоположно правилам внутренних линий. Движение сие также увенчалось самым блестящим успехом, заставило Дауна отступать и тем вывело Фридриха из того опасного положения, в каком он едва ли когда-нибудь находился. Здесь можно возразить: что отступление Дауна не было следствием необходимости, но следствием излишней осторожности и излишней боязни потерять свои магазины; на такое возражение легко отвечать мыслью Наполеона: „что верх военного искусства (le sublime de l'art) заключается в тех изворотах, кои основаны на знании характера и образа действий полководца неприятельской армии и в безошибочном предугадывании мер, кои он примет“.

Допустим теперь другое изменение в обстоятельствах, служивших побудительными причинами действий Фридриха. Если бы, например, его владения были несравненно обширнее, то для достижения главной цели войны, неприятель должен бы

уже был употребить более времени и простирать свои операционные линии гораздо далее; а от того, действия на его сообщения сделались бы предметом гораздо важнейшим, даже, смотря по обстоятельствам, могли бы иногда обратиться в решительные и самые верные средства к его преодолению. Можно ли ожидать, чтобы при стечении таких обстоятельств, Фридрих предпочел всегда сомнительный жребий сражения другим способам наносить вред неприятелю? Не вероятнее ли, что этот полководец, будучи числительно гораздо слабее противников, старался бы пользоваться каждым удобным случаем вредить неприятелю избежанием боя, отступлением или действиями на сообщения? Действительность подобных средств была ему очень известна; он испытал ее над самим собою, во второй Силезской войне, когда граф Траун и принц Лотарингский, одними этими средствами принудили его оставить Богемию с большим уроном. Коль же скоро мы допустим, что для Фридриха могло иногда быть выгоднее искать успеха в избежании боя и в действиях на сообщения, то должны будем и согласиться, что внутренние линии не всегда полезны; ибо действия на сообщения ведут, естественно, к внешним линиям и даже большею частью требуют их необходимо.

Прибавим еще третье изменение в обстоятельствах: положим, например, что противники Фридриха способны к быстрым и дальним движениям; что они умеют своевременно отступать, избегая боя, или наступать быстро и решительно. Тогда бы та часть, на которую Фридрих устремлялся главными силами, могла, отступая, отвлечь его от пунктов, служивших ему опорою действий, и между тем, прочие части неприятельских войск, действовавших по другим линиям, могли бы, опрокидывая и даже истребляя слабые силы, против них оставленные, устремиться решительно на упомянутые пункты опоры или даже и в тыл главной армии Фридриха, и тем довести его до последней крайности. Не очевидно ли, что в этом случае успех зависел бы уже преимущественно: от умения избегать боя там, где неприятель сильнее и принуждать к решительному сражению там, где он слабее,— словом сказать, успех зависел бы не столько от направления операционных линий, сколько от искусства полководцев, от средств производить отступление без важного для себя вреда, от свойств местности, от обширности театра войны и тому подобного. Для об'яснения и подтверждения сказанного приведем два примера:

Когда Фридрих устремился против Субиза, оставив в Лузации для замедления и удержания армии Дауна часть сил, под начальством герцога Бевернского, тогда он, начальным уклонением Субиза от сражения, был поставляем в самое опасное положение. Следовать за отступлением Субиза, ему было нельзя, потому что движение это удалило бы его зна-

чительно от Берлина и армии герцога Бевернского; а возвратиться к последней значило бы открыть Субизу дорогу в Берлин. Король был принужден остановиться и стоять в бездействии более шести недель, ежедневно опасаясь получить известие о разбитии герцога Бевернского несравненно превосходными силами Дауна и о движении армии последнего в Берлин, или к Эльбе в тыл Фридриха. Если бы в сих обстоятельствах Субиз продолжал уклоняться от боя и не отважился на сражение Россбахское,—если бы при том, Даун действовал хоть несколько быстрее и решительнее, то вскоре положение короля, неминуемо, сделалось бы не только весьма опасным, но даже почти безнадежным.

В 1813 году, после перемирия, войска французские были расположены во внутренних линиях и Наполеон, пользуясь этим, устремлялся главными силами два раза на отдельную армию Блюхера. Сей последний умел оба раза с искусством уклониться от боя; французские же маршалы: Удино, Макдональд и Ней, напротив того, вступили в сражение тогда, когда им следовало избегать боя, т. е. когда Наполеон с главными силами был от них отдален, и когда они имели перед собою превосходного неприятеля. Следствием этого было разбитие французских отдельных корпусов при Грос-Берене, Кацбахе и Денневице. Наконец, когда Наполеон в третий раз устремился против Блюхера, оставив Мюрата с пятьюдесятью тысячами против армии Богемской, сия последняя, опрокинув Мюрата, направилась решительно к Лейпцигу—(пункту, находившемуся в тылу французов на единственном их сообщении с Франциею),—и тем принудила Наполеона к отступлению в сей город и к очищению большей части Саксонии. Таким образом, здесь все выгоды оказались на стороне действовавших наружными линиями. Они могли бы быть на стороне Наполеона в таком только случае, когда бы Блюхер дал себя разбить отдельно, а Удино, Ней и Макдональд избежали бы всякого решительного боя; но это значило бы предположить у одних только французов умение или возможность уклоняться от боя. Такое предположение, независящее вовсе от направления операционных линий, принять нельзя; ибо в обоих противниках должно предполагать равное знание и обстоятельства подобные. Генерал Жомини, желая доказать, что неудача действий Наполеона внутренними линиями в 1813 году ни сколько не опровергает общеполезности сих линий и что она произошла единственно от частных, посторонних причин, говорит между прочим следующее: 1) „что главнейшими причинами неудачи были вышеупомянутые ошибки французских маршалов“. Не согласиться на это нельзя; но предполагая в сих маршалах умение избегать боя, должно по всей справедливости предположить то же и в союзниках, а в таком случае,

опять не видно, какое преимущество имел бы Наполеон от сосредоточения своих сил против Блюхера или против какой-нибудь из других неприятельских армий; 2) „что географическое положение границ Богемии доставило противникам удобство действовать из сей провинции на сообщения и в тыл французам“. Это так же справедливо; но обстоятельство сие не было случайное, или свойственное одной сей кампании, ибо наружные линии всегда почти доставляют подобную выгоду, по существу своему охватывая неприятельское расположение с одной и даже с двух сторон, например: в подобном же выгодном положении находилась, во время семилетней войны, армия Российская, овладев Вислою, и даже Субиз, когда он дошел до Лейпцига, и в 1812 году генералы граф Витгенштейн и Чичагов.

Итак, кажется, мы доказали, что польза внутренних линий не есть безусловная; что они большею частью выгодны только тому, кто ищет решительного боя или принужден, по необходимости, искать в нем единственного своего спасения; и что даже в этих случаях, для возможности извлекать надлежащую пользу из внутреннего расположения, требуются другие совсем посторонние условия, а именно: во-первых, чтобы местность или нерешительность неприятельских полководцев, или, наконец, какие-либо другие обстоятельства дозволили нам на тех пунктах, на коих имеем слабые силы, удерживать неприятеля без вступления в решительный бой, и во-вторых, чтобы на том пункте, где мы сосредоточили главные силы свои, противник, по свойству местности, или по составу его армий, или по расположению вблизи тыла крайне важного географического пункта, или по каким бы то ни было обстоятельствам, — лишен был всех способов избежать боя. Очевидно, что при таких условиях, в способности избегать боя заключается чрезвычайная важность, и что вся выгода внутренних линий основана, так сказать, на предположении, что противник способности этой не имеет. Потому-то мы и видим, что во всех войнах, где по обстоятельствам для одной стороны вступать в решительное сражение было опасно, и где притом ей давалась возможность уклоняться от боя без важного для себя вреда, наружные линии оказывались всегда почти полезнее внутренних: по причине большей их удобности для действия на неприятельские сообщения. Так в новейшее время действовали испанцы с 1807 до 1814 года; россияне в 1812 году; Фридрих после сражения Кунерсдорфского, и в 1813 году, после перемирия, значительное превосходство союзников в коннице, доставлявшее перед противниками более средств к уклонению от боя, было одною из важнейших причин успеха в действиях наружными линиями. Но самый убедительный сему пример представляют нам древние.

Во второй Пунической войне не только римляне, но и карфагеняне окапывали ежедневно свой лагерь. Для устройства этих окопов требовалось не более двух часов времени; атаковать же армию в укрепленном лагере значило тогда то же самое, что ныне брать приступом сильную крепость. Начиная движение двумя часами ранее неприятеля, или употребляя для марша ночь, или совершая переходы по таким направлениям, где нет опасения сойтись с неприятелем, легко было переходить из одного укрепленного лагеря в другой, не подвергаясь необходимости вступать в сражение против воли, как сие и доказал Фабий-Максим, двигавшийся в течение нескольких месяцев все вблизи Аннибала, который, однако же, при всем своем старании не мог принудить его к сражению. Где существуют подобные обстоятельства, там вся выгода внутренних линий исчезает, потому что сосредоточение сил не может вести ни к какому результату. Можно сказать утвердительно, что в подобных обстоятельствах наружные линии, очевидно, полезнее внутренних, потому что, не подвергая нисколько опасности отдельного разбития, представляют выгоду охватывать неприятеля с разных сторон и тем стеснять постепенно круг его действий. Сия выгода не ускользнула от проницательности римлян. Когда они, после многократных поражений, убедились, что им необходимо избегать против Аннибала решительного сражения, то приняли систему действовать против него наружными линиями: для сего, они окружали тремя, а иногда четырьмя армиями пространство, занятое его войсками и двигались вперед постепенно из лагеря в лагерь, избегая всякого решительного боя и имея единою целью стеснять ежедневно более и более театр действий неприятеля, и тем самым уменьшать средства его к продовольствию и укомплектованию армии. Следуя постоянно сей системе, в течение последних шести лет второй Пунической войны, римляне не только сделали тщетными все покушения Аннибала принудить одну из отдельных армий к бою с сосредоточенными главными его силами, но даже стеснили его, наконец, и заключили в столь узкое пространство, что положение Аннибала перед отплытием в Африку сделалось весьма затруднительным [1]).

---

[1]) Генерал Жомини, желая доказать, что внутренние линии у древних были также выгоднее наружных, приводит тому один пример из второй же Пунической войны. Рассмотрим в подробности пример сей: Аннибал стоял в Апулии, фронтом к северу, имея против себя консула Нерона, между тем, как от Альпов на помощь к нему шел брат его Аздрубал. Для противодействования последнему, римляне отправили еще другую армию, и так естественным образом находились во внутренних линиях. Нерон, оставив часть своих войск против Аннибала, с остальными присоединился поспешно к другой римской армии, с целью встретить Аздрубала превосходными силами. Последний имел сначала намерение оружием открыть себе дорогу к брату; но узнав

Перейдем теперь к правилам, извлеченным из действий Наполеона.

Сей полководец во всех войнах до 1813 года имел в виду завоевание столиц и целых государств; целью его не было достижение каких-либо более или менее важных выгод, но совершенное лишение противника всех средств к продолжению войны, а таковая цель необходимо требовала и действий самых решительных. Притом же он имел и перевес в тактическом отношении, происходивший как от собственного его искусства, так и от моральной силы войск его, бывшей плодом многих побед и удачных действий.

При такой цели и таких средствах, весьма естественно, что Наполеон должен был искать сражений и для того держать всегда главную часть своих сил в совокупности; естественно также, что он должен был не только желать от каждого сражения самых решительных результатов, но и стараться привести противника в невозможность уклониться от боя. Выполнить это удобнее всего было направлением действий мимо неприятельской армии, прямо к линии ее отступления или, говоря другими словами, устремлением главных сил к выгоднейшему маневренному стратегическому пункту.

Подобный образ действий почти всегда выгоден там, где обстоятельства и средства позволяют или даже требуют самых решительных мер. Но здесь дело не в том, чтобы решить: полезны ли эти правила в частных случаях; но в том именно, могут ли они быть приняты за общие, безусловные для всех случаев и для всех родов войн, и могут ли они служить руководством равно полезным, как для обороняющегося, так и для наступающего.

о прибытии Нерона, весьма благоразумно изменил план свой, решившись, подобно Фабию-Максиму, избегать всякого решительного боя и, переходя из лагеря в лагерь, приближаться постепенно к своему брату. Исполнение такого плана, нетрудное при тогдашних обстоятельствах, сделало бы несбыточной выгоду, ожидаемую от движения Нерона; но случайное обстоятельство изменило все дело. Аздрубал, двинувшись ночью, чтобы пройти мимо римлян, имел при себе двух только проводников, силою взятых из враждебного народа; один из них убежал при начале движения, другой же, подведя войско к реке, успел в нее броситься и переплыть к римскому лагерю. Карфагеняне, оставшись без проводников и не зная дороги, должны были итти наудачу; они вошли в узкую теснину между горами и окруженные неприступными скалами должны были повернуть назад, но римляне успели уже занять выход из теснины и тем принудили их к решительному бою. Такой пример удачного употребления римлянами внутренних линий есть может быть единственный в военной истории сего народа, и вся удача его была, очевидно, следствием обстоятельств совершенно случайных; и потому пример сей может разве только служить доказательством, что и у древних внутренние линии могли иногда быть полезны, но отнюдь не свидетельствует, чтобы сии линии были всегда выгоднее наружных, которые, как мы видели, употреблялись в сей же самой войне не один раз, но шесть лет сряду с постоянным и независимым от случайности успехом.

Ведущий войну оборонительную обыкновенно бывает гораздо слабее наступающего и потому часто имеет надобность избегать решительных действий в начале войны, дабы выиграть время, собрать и соединить новые силы и ослабить неприятеля малою войною или другими средствами. Требовать, чтобы он в сих обстоятельствах действовал по вышеупомянутым правилам и искал тотчас решительного сражения, без малейшей почти надежды на победу, значило бы вести его большею частью к верной погибели. Это столь ясно, что считаем излишним приводить дальнейшие доказательства, а потому мы перейдем к изысканию: всегда ли возможно и всегда ли полезно для действующего наступательно, направляться сосредоточенными силами быстро к решительнейшим пунктам театра войны?

Решительный стратегический пункт, смотря по обстоятельствам войны, может быть в большем или меньшем от нас удалении; достижение оного в одном случае может представлять несравненно большие затруднения, чем в другом; иногда может требовать оставления позади себя весьма значительных сил для охранения наших сообщений, для наблюдения за неприятельскими крепостями и т. п., а иногда может и не требовать сего. Очевидно, что возможность направляться прямо к нему не зависит от одной нашей воли, но преимущественно от соображения средств наших со средствами неприятеля и со всеми помянутыми обстоятельствами: ибо, предпринимая подобные решительные действия, должно прежде всего удостовериться, будут ли силы наши, по достижению избранного нами пункта, довольно достаточны, чтобы мы могли иметь надежду победить.

Таким образом, прямое устремление к пункту, признанному за решительный, будучи возможно и полезно при большом перевесе в силах или при благоприятствующих обстоятельствах, может быть опасным и даже дерзким при меньших силах и при других обстоятельствах.

Действия Наполеона отличаются не тем только одним, что он умел угадывать решительные пункты театра войны и преимущественно на оные направлялся, но в особенности тем, что все подобные его действия были соображаемы с его средствами и обстоятельствами. Для примера приведем из них некоторые. Когда он в 1800 году устремился через Сен-Бернард к Маренго на сообщения Меласа с Австриею, тогда имел уже в своей власти Швейцарию и все проходы, ведущие оттуда в Италию; следственно, в случае поражения имел обеспеченное отступление через Сен-Готард или через Симплон (Simplon). Но если бы Швейцария и помянутые проходы были тогда в руках неприятеля, а у Наполеона оставался один только проход через Сен-Бернард, то подобное движение его к сему же самому пункту (Маренго), принимая

даже все прочие обстоятельства неизменившимися, было бы вовсе неискусным, но только отважным; ибо отрезывая сообщения неприятеля, он и сам подвергался тому же; при том неприятель, находясь тогда близ своих крепостей, имел бы в излишестве все военные потребности, а Наполеон был бы лишен всех способов к возобновлению своих запасов.—Когда Наполеон в 1805 году устремился к Ульму, он имел двести пятьдесят тысяч войска, а Макк только восемьдесят тысяч; сверх того, было на Майне несколько снабженных запасами укрепленных пунктов, которые в случае надобности позволяли Наполеону иметь на сей реке основание действий. Когда он в 1797 году направился сперва к Виллаху и Клагенфурту, а потом к самой Вене, то хотя численная сила его войск и не соответствовала трудности и важности сего предприятия, однако же другие обстоятельства соделывали его возможным и даже выгодным, а именно: против Наполеона находились сначала силы слабейшие, которые быстрым наступлением он мог не только опрокинуть, но даже лишить возможности соединиться с шедшими к ним подкреплениями и тем без значительного препятствия достигнуть окрестностей Вены; угрожением же, или временным занятием сей столицы, он полагал склонить Австрию к выгодному для Франции миру. Если бы эти обстоятельства, которые и в самом деле были главными причинами удачи, не существовали: то было бы не возможно, или по крайней мере весьма опасно, устремиться с слабою армиею прямо к Виллаху и Клагенфурту, предположив даже, что эти пункты сохранили прежнюю свою решительную стратегическую важность. — Когда в 1812 году Наполеон готовился к движению в сердце России, то в сем случае он также не упустил из виду сделать и средства свои соразмерными с обширностью предприятия, и потому двинул на Россию совокупные силы всей почти западной Европы, составлявшие более полумиллиона войск.

Показав таким образом, что средства и обстоятельства не всегда допускают возможность стремительных действий прямо на решительные точки театра войны, постараемся доказать еще, что и самое достижение такого пункта, предположив его возможность, не всегда поведет к решительным выгодам. Если противник наш имеет намерение и способы озбегать в начале войны генерального сражения, то он не истанется на месте в бездействии, пока мы идем к стратегическому пункту, нами избранному: он либо отступит за оный, либо переменит свою операционную линию. В этом случае, если пункт имел важность только маневрную, то есть зависевшую от расположения неприятельских сил, то выгода от овладения оным будет ничтожна; если он имел важность географическую или политическую, то и выгоды будут соразмерны степени сей важности и следственно, не всегда

решительны. В 1812 году Наполеон направился с начала главными силами к Вильне, на центр растянутого нашего расположения, с целью прорвать оный и тем отделить 1-ю армию от 2-й; но мы умели быстрым отступлением предупредить исполнение сего плана. Наполеон, узнав, что 1-я армия находится в Дриссе, двинулся к Полоцку, чтобы занятием сего города преградить ей дорогу во внутренние провинции России и отделить от князя Багратиона; потом направился, с такою же целью, к Витебску; и наконец, когда генерал Барклай-де-Толли сделал движение от Смоленска к Рудне, то он устремился к Смоленску, с намерением пересечь нам прямой путь в Москву и в южные губернии. Все эти маневрные стратегические пункты были Наполеоном действительно достигнуты и заняты; но тогда уже, когда они, вследствие отступления нашего или перемены расположения войск наших, потеряли всю маневрную свою важность. Таким образом, постепенное достижение четырех, так называемых, решительных пунктов не доставило ему никаких особенных выгод, а между тем армия его при Смоленске не превышала уже двух сот тысяч. Из Смоленска устремился он к Москве, надеясь достижением оной принудить Россию к миру; но вместо того, взятием сей столицы доказал только, что участь государств, главою коих государи, подобные императору Александру, и участь народа, подобного русскому, не может решаться одним занятием какого-либо стратегического пункта, сколько бы оный не был важен в географическом и политическом отношениях.

Окончив таким образом разбор главных правил, заключающихся в первых сочинениях генерала Жомини, не излишним считаем заметить, что многие из них совершенно противоположны правилам Бюлова. Причина того есть различие оснований, принятых этими двумя сочинителями. Желание действовать на сообщения (основание Бюлова) ведет естественным образом к движениям эксцентрическим, к линиям наружным и к разделению сил; а желание решить войну сражением (основание Жомини) ведет к внутренним линиям и к сосредоточению сил. Первый род действий предполагает возможность избегать решительного боя и отдельного разбития частей; а второй— невозможность уклоняться от решительного боя. Очевидно, что ни одно, ни другое из этих условий не может быть допущено в виде неизменном, ибо в иных войнах и обстоятельствах можно избегать боя безвредно, а в иных нет; но с другой стороны не подлежит также никакому сомнению, что участь всех почти войн решается сражениями, между тем, как уклоняясь от битвы и действуя на сообщения, редко можно достигнуть решительных последствий. По сему, правила Жомини удобоприменяемы к большей части войн, между тем, как система Бюлова, в точном смысле ее, может быть применяема весьма редко и только при особенном стечении обстоятельств.

II.

Новейшее сочинение генерала Жомини о стратегии.

К разряду сочинений, нами теперь рассматриваемых, можно причислить и новейшее творение генерала Жомини (Tableau analytique des principales combinaisons de la guerre).

Между ним и двумя пред сим рассмотренными сочинениями замечательно важное различие. Генерал Жомини взял за основание преимущественно собственные мысли, присоединил к ним новые свои же, а из других сочинений заимствовал, в виде пополнения, только то, что могло удобно согласоваться с его правилами; Ксиландер же и Водонкур основывались преимущественно на чужих мыслях, а собственные присовокупили в виде дополнений.

В новом сочинении генерал Жомини рассматривает сперва различные политические причины, служащие поводом к войне и доказывает, что цель ее должна быть определена политикою, а общий план действий должен быть соображен с целью, и вообще со всеми политическими обстоятельствами.

Далее автор говорит, что, составляя общий план какой-либо войны, то-есть определяя для нее общую систему военных действий, необходимо должно брать в соображение характер народа, с которым ведем войну; характер его полководца; местное расположение и средства неприятельской земли, состав и внутреннее устройство войск противника и тому подобное. Общее соображение всех этих предметов соединяет он под названием Военной Политики.

Допустив, таким образом, что все вышеупомянутые предметы имеют важное влияние на определение общего плана войны и общей системы действий, и следовательно могут изменять их,—сочинитель присовокупляет, что самое выполнение определенного уже общего плана войны не подвержено этому влиянию; может быть подведено под общие, постоянные правила и должно составлять исключительный предмет стратегии, или, как он говорит, чисто-военной стратегии.

Таким образом, освободив Чисто-Военную Стратегию от всякого на нее влияния политических обстоятельств и других предметов, выраженных под общим названием Военной Политики, генерал Жомини приступает к изложению самих правил.

Основным правилом наступательной и оборонительной войны поставляет он, согласно с прежними своими сочинениями, направление главных сил войска на решительную

точку театра войны. Приняв такое основание, он естественным образом признает общими и безусловными все прочие правила, проистекающие от принятия к соображеню исключительно одного материального элемента, например: что действовать одною операционною линиею выгоднее, нежели двумя; что внутренние линии всегда выгоднее наружных и тому подобное.

Решительными пунктами театра войны он признает не только одни прежде принятые им маневрные, но подобно эрц-герцогу Карлу и те, которых важность определяется местными обстоятельствами. При самом же определении маневрных решительных пунктов, сочинитель к прежним условиям присовокупляет еще новое: он требует, чтобы к этим пунктам можно было направляться, не подвергая опасности свои сообщения, и тем, следовательно, признает нужным принимать в соображение не только один материальный элемент, но и обеспечение отступления и привоза запасов.

Из чужих сочинений, автор заимствует мысль о необходимости базиса и охранения с ним сообщений; сверх того некоторые правила, относительно самого устроения базиса; и, наконец, мысль, что при удобной местности и других благоприятных обстоятельствах, можно иногда с выгодою отступать параллельно границам, то есть употреблять второй род эксцентрического отступления Бюлова.

Из этого обзора видно, что автор доказывает общность и неизменность правил Чисто-Военной Стратегии преимущественно тем, что отвергает прямое на них влияние политических обстоятельств и всех предметов, соединенных им под общим названием Военной Политики.

Эта мысль, по важности своей, требует подробнейшего рассмотрения, ибо очевидно, что с принятием ее опровергалось бы многое, сказанное нами прежде.

Для этого сперва об‘ясним, какой предел поставляет автор между общим планом войны или общею системою действий—и стратегическим исполнением такого плана. Хотя он сам это подробнее не об‘ясняет, но содержание его чисто-военной стратегии ясно показывает, что под исполнением общего плана войны он разумеет: выбор пунктов, к которым должно направлять действия;—определение, сколькими и какими операционными линиями действовать;—как располагать базис и обеспечивать сообщения и т. д.—словом—все стратегические соображения, которые могут только случаться в продолжение самого похода. Из этого следует, что в состав общего плана войны или общей системы действий остается включить только то, что может быть рассчитано и соображено до начала похода, а именно: какая цель войны,—действовать ли наступательно или оборонительно,—действо-

вать ли решительно или медленно и методически,—стремиться ли к решительным сражениям или избегать их, стараясь вредить неприятелю преимущественно другими средствами, как-то: действиями на его сообщения малою войною и тому подобным.

Из этого видно, что мысль автора собственно заключается в следующем: „при начале войны необходимо сообразить все обстоятельства Дипломатической и Военной Политики и на основании их определить главный план войны и общую систему действий;—при самом же исполнении главного плана, следовательно и при всех частных стратегических соображениях, не нужно уже обращать внимания на вышеупомянутые обстоятельства, а действовать всегда по постоянным, неизменным правилам Чисто-Военной Стратегии, т.-е. во всех этих частных соображениях, например, при перемене во время похода операционной линии или предмета действий; при сосредоточении войск или разделении их на части, или на несколько линий; при устроении нового базиса и т. п., нет надобности уже обращать внимания, ни на характер и расположение к нам народа страны, в которой ведется война, ни на характер и качества неприятельского полководца, ни даже на расположение театра войны и средства края“.

Сколько нам кажется, эта мысль опровергается сама собою, ибо то, что автор разумеет под исполнением общего плана войны, есть, как видно, ряд не тактических каких-либо действий, но частных стратегических соображений. Каждое из них в свою очередь столько же зависимо от ближайших к нему обстоятельств Военной Политики, сколько общая система войны зависит от рассмотрения в общем об‘еме всех главных обстоятельств Дипломатической и Военной Политики. В этом отношении, главное различие между частными стратегическими соображениями во время похода и предварительным общим планом войны заключается только в том, что первые менее второго подвержены влиянию, как Дипломатической Политики, так и всего того, что относится к средствам неприятеля, в совокупности взятым и к театру войны, в целости рассматриваемому; на частные же стратегические соображения, т.-е. на исполнение предварительного плана, несравненно большое влияние имеет все то, что в частности ближе к нему относится, например, местность того края или той провинции, где делает какое-либо стратегическое соображение;—средства края, характер народа, в нем обитающего, и расположение его к нам; состав и качества той части неприятельских войск, к которой непосредственно относится наше соображение; характер и образ мыслей начальника этих войск, и т. п.

Если мы даже предположим, что этот вывод наш несправедлив и примем безусловно мысль автора, что обстоятель-

ства Военной Политики не имеют никакого непосредственного влияния на частные стратегические соображения, то и тогда эти последние останутся не менее в зависимости от общей первоначально начертанной системы действий; а как она может быть различна, по различию обстоятельств: то следовательно и правила частных соображений подвергаются изменению. Например, правило направлять всегда главные силы к решительному пункту театра войны удобоприменяемо только там, где общая система действий требует поступать решительно и искать генеральных сражений; но оно часто будет вредно там, где вследствие общей системы действий предположено выигрывать время, избегать по возможности решительного боя и стараться преимущественно вредить неприятелю действиями на сообщения и другими подобными средствами.

Показав, таким образом, что невозможно представить правила стратегических соображений, не подверженными влиянию обстоятельств военной политики и независимыми от общей системы войны, мы получили полное право рассматривать Чисто-Военную Стратегию генерала Жомини на тех самых основаниях, на каких рассматривали все прежние сочинения, т.-е. принимая в соображение все возможные обстоятельства и влияние разнородных предметов.

При таковом рассмотрении, мы прежде всего замечаем, что автор хотя и принял, как и прежде, главным основанием материальный элемент, однако, берет уже в соображение местность и действия на сообщения, от чего не только увеличивается число его правил, но и самое сочинение делается многостороннее и удобнее к применению.

Сверх того замечаем, что все правила, преимущественно на соображении одной материальной силы основанные, с небольшой разницею те же самые, которые были уже изложены в прежних сочинениях генерала Жомини; прочие же затем правила, по сущности своей менее важны или сходны с какими-либо правилами других писателей; одним словом, находим, что все важнейшие правила в Чисто-Военной Стратегии помещенные, были уже нами рассмотрены прежде, каждое в своем месте, и потому к целому сочинению, по справедливости, можем отнести то же суждение, которое сделано было нами о Стратегии Ксиландера, то есть, что правила, из коих каждое само по себе нельзя принять за безусловное, останутся всегда условными, в каком бы порядке их не излагали, и каким бы образом их не связывали между собою.

Но к этому должно прибавить, что правила генерала Жомини, хотя и не могут быть признаны безусловными, однако в весьма многих случаях будут служить очень полезным руководством для военных действий, потому что основаны преимущественно на соображении самоважнейшего

стратегического элемента, от которого, действительно, почти всегда зависит решение участи войны.

По этой причине, не подвергаясь упрекам в пристрастии, можно сказать, что если бы необходимо должно было действовать всегда по одним каким-либо постоянным, неизменным правилам, то для сего, без сомнения, следовало бы предпочесть всем другим, правила генерала Жомини, ибо они чаще вели бы нас к выгоднейшему и лучшему действию и только в редких случаях вовлекали бы в ошибки.

УМОЗРЕНИЕ ВИЛИЗЕНА.

Как глыба мрамора таит в себе всю роскошь тех форм, которые резец скульптора может высечь из нее, так и законы логики содержат в себе все те научные достижения, до которых когда-либо достигнет человеческий ум. Со времени Декарта человеческий разум осаждает законы своего мышления и стремится найти в них разгадку всех наук. Рационализм стремится к априорной чистой науке. Это излюбленный метод научной работы XVIII века. В военном искусстве господство рассудочности особенно отмечено тактическим трудом Пюи-Сегюра, провозгласившего, что теория войны существует независимо от практики, и что единственно при помощи ее изучения можно подняться до уровня требований, выдвигаемого обстановкой на войне.

В мышлении Вилизена рационализм получил уже характер метафизики, стремления уяснить основу всех основ в военном искусстве. Вилизен в течение тридцати лет после опубликования сочинений Клаузевица оспаривал у них руководящую позицию в германской военной мысли. Вилизен—полная противоположность Клаузевицу; с последним широкие круги ознакомились только из его посмертного собрания сочинений, а Вилизен сразу, первой же блестящей лекцией в Берлинской военной академии, покорил не только свою аудиторию, но завоевал широкое признание своим научным достижениям и в среде германских гражданских ученых и интеллигенции; германская буржуазия сороковых годов отдавала Вилизену безусловное предпочтение перед представителями школы Клаузевица. Когда, во время бурь революции 1848 г., потребовалось выдвинуть полководца для командования германскими контингентами, которые должны были отстаивать права Шлезвига и Голштинии против притязаний Дании, то общественное мнение потребовало вручения командования молодому еще, но гремевшему во всем мире военному ученому, Вилизену. Только после неудачного командования в 1849 году, звезда Вилизена начала несколько закатываться, и учение Клаузевица получило больший простор для распространения в Германии. Но еще в 70-х годах число поклонников Вилизена было огромное—укажем хотя бы такого крупного писателя, как Рюстов.

Личная точка зрения редакции настоящего сборника совершенно противоположна умозрительному методу Вилизена. В теории военного искусства мы видим не чистую науку a priori, а эмпирическую науку a posteriori, науку второго разряда или даже вовсе не науку в строгом смысле этого слова, так как военная теория не располагает той абсолютной, аподиктической точностью и убедительностью, которые Кант требовал для „собственно“ науки. Несмотря на это коренное различие в точках зрения, мы не можем не рекомендовать читателям внимательно ознакомиться хотя бы с приводимым отрывком из сочинений Вилизена. Ни один метод изучения военного искусства, взятый сам по себе, не позволяет охватить его в целом. Необходимо пользоваться достижениями всех методов, чтобы возможно шире исследовать его.

Если нельзя строить на рассудочности, а тем более на метафизике, все здание военной теории, то, с другой стороны, в каждом ученом и сейчас заключается доля рационализма, все мы и в двадцатом веке являемся отчасти учениками Декарта, все мы стремимся к углубленному пониманию, не довольствуемся изучением поверхностных явлений, и являемся отчасти и метафизиками.

Примечателен путь, который толкнул Ллойда и Вилизена на теоретическое изучение стратегии: оба они собирались писать собственно военно-исторические труды. Ллойд собирался описать по собственным материалам Семилетнюю войну, Вилизен был приглашен в Берлинскую военную академию на кафедру истории русско-польской войны 1831 года, тогда наиболее современной и привлекавшей поэтому общее внимание. И эти выдающиеся военные умы, имея перед собой безбрежное море фактов, которые представляют события каждой войны, почувствовали необходимость выработать определенный критерий, создать себе известный масштаб, чтобы мерить факты войны, избирать из них явления, имеющие историческое значение, и давать им правильную оценку. Отсюда Ллойд и написал свое исследование принципов военного искусства, как введение к неосуществленному труду по Семилетней войне; а Вилизен справился с порученным ему курсом, написав труд „Приложение теории большой войны к русско-польской кампании 1831 года“. Этот труд состоит из двух частей: первая, как бы введение, это „теория большой войны“, чистая стратегия, занимающая 205 страниц, а за ним следует очень тощая вторая часть, история войны 1831 года, представляющая как-будто только пример, стратегическую иллюстрацию к высказанным в теоретической части положениям. Мы, конечно, далеки теперь от такого сведения военной истории на роль иллюстрации, поясняющей утверждения теории. Мы теперь помещаем наши соображения не как маяки, которые должны указывать путь военно-исторической работе впереди наших военно-исторических исследований, а приводим их в конце, в довершение всего труда, как наши выводы, заключения, замечания. Мы приводим факты, а затем стремимся раскрыть их происхождение и оказанное ими влияние. Но, конечно, каждый крупный военный историк, приступая к своей работе, уже проделывает про себя, хотя бы частично, ту работу мысли, которую Ллойд и Вилизен изложили в своих введениях. Они не могут не установить предварительно какой-то точки зрения, так как иначе они потеряются в грудах материала; известная предвзятость скажется уже в подборе фактов, в обращении интереса исследователя на те или другие стороны событий. А если эта работа не будет проделана, если историк держится абсолютно беспартийно и не исходит ни из какого миросозерцания, не имеет никакой определенной точки зрения, то военно-историческая работа обращается в составление вполне бесполезного протокола войны, в нагромождение сырого материала, и так засоряющего в огромном количестве мозговые извилины лиц, работающих над военным искусством. Такие стратегические оценки—произведения исторических подмастерьев—могут представлять только первую стадию разработки архивов; это только краски, растертые мальчиком, которыми мастер, знающий меру и проникнутый какой-то мыслью, будет создавать картину.

Изучая ближайших к нам классических писателей по стратегии, такого крупного представителя позитивного военного мышления, как Леваль, отпечаток идей и методов которого и по-сейчас носит на себе основное напра-

вление французской военной мысли, мы увидим, что рационализм отнюдь не ушел в прошлое; он заключил союз с опытом, чем в огромной степени усилился, и вновь атакует бедных эмпириков, строющих свое представление о военном искусстве исключительно на военном прошлом.

Семьдесят лет отделяют творчество Вилизена от Ллойда, и эти годы были очень богаты событиями и в истории Европы и в развитии философской мысли. От материализма Ллойда мы не находим у Вилизена ни малейшего следа. Вилизен очень искушен в германской метафизике первой половины XIX века и эта метафизика особенно сильно чувствуется в корнях его учения. Мы имели в виду исключить из нашего сборника первые восемь параграфов „теории большой войны“, написанных таким языком, который теперь становится уже мало доступным нашему мышлению. Такие слова, как природа, свойства, решение, повидимому, получали в германской метафизике значение, отличное от того, которое придаем им мы. Метафизические труды почти не поддаются переводу; их надо читать на том языке, на каком они написаны, и то, составив себе предварительно особый метафизический лексикон. Мы, однако, сохранили это туманное философское вступление, так как было бы жестоко отрезать начало от Вилизеновского труда: в современных научных трудах вступление можно и отбрасывать, так как центр тяжести их заключается в фактических данных опыта и толковании их; в априорной же чистой науке, к которой стремились во второй четверти XIX века, весь центр тяжести заключается в обосновании, в тех аксиомах, на которых зиждется вся их логическая постройка. Поэтому, мы присоединяемся к просьбе Вилизена, обращенной к читателю—претерпеть эти первые восемь параграфов—тем более, что в них заключается обоснование и такой капитальной, часто повторяемой мысли: „от знания до умения всегда остается еще скачек, но все же от знания, а не от незнания“. Наклонность к метафизике не только не препятствовала, но в дальнейшем обусловливала общую чеканность и ясность мысли Вилизена, определяющуюся по мере наростания логической постройки и удаления от чисто метафизического фундамента.

Вилизен — чрезвычайно яркий и глубокий представитель совершенно определенного метода изучения военного искусства, метода, который многим, может быть, в настоящее время по душе. Нам представляется, что нельзя глубже и лучше, чем это сделал ум Вилизена, подойти с этим методом к стратегии, и поэтому пример Вилизена важен нам для уяснения, что же можно ожидать в стратегии от умозрительного подхода к ней.

Если мы будем сравнивать учение Клаузевица и учение Вилизена, то прежде всего наше внимание обращает бесформенная груда, которую представляют золотые мысли Клаузевица и необычайная стройность Вилизена. Ни самому Клаузевицу, ни самым талантливым его последователям не удалось привести в систему, об‘единить около какой-нибудь схемы его учение. Все 126 глав труда „О войне“, это какие-то упрямые ростки, которые тянутся прямо из жизни, имеют свое собственное обоснование, и не желают играть роль кубиков, из которых можно было бы сложить об‘единенную одной идеей постройку. Поэтому-то Клаузевиц так труден для понимания; основы его учения—это действительность во всей ее широте. Клаузевиц не хочет перерубить ни одного корня, который его учение пустило в почву реальности, и вместо схематизированной стратегии открывает нам жизненный поток во всей

широте. Отсутствие какого-либо разрыва между реальной действительностью и учением Клаузевица обусловливает его бесформенность, но в то же время и удивительную жизненную силу. Оно выдержало вековой искус и сейчас представляет для военного искусства не меньший интерес, чем при своем появлении.

Вилизен, напротив, все свои усилия направляет на то, чтобы создать логический монолит. Все его учение представляет развитие единой логической схемы, о которой можно судить уже вполне по приведенному отрывку, и стройность и последовательность его мысли, неумолимо-научная жесткость, непоколебимость его определений и оценок невольно подкупают читателя. Вместо шаткой почвы, на которой обычно строится теория военного искусства, Вилизен создает иллюзию настоящей научной фундаментальности, той строгой науки первой категории, о которой другие военные писатели и не мечтают.

Мы сказали: иллюзию, и попробуем доказать это утверждение. Читатель, даже не заглядывая в приводимый отрывок, из десятых рук знаком со знаменитой схемой Вилизена четырех комбинаций, которые дает стратегическое наступление и оборона, и тактическое наступление и оборона. Идеи этой схемы пережевываются многими военными писателями, никогда о Вилизене и не слыхавшими. Идеалом для Вилизена является соединение стратегического и тактического наступления, и самым отрицательным случаем—соединение стратегической и тактической обороны, так как при этой комбинации полководец рискует всем, и ничего не может расчитывать добиться. Все эти блестящие выводы Вилизена являются только результатом того определения, которое Вилизен дает обороне: исходя не из действительности, а из метафизической сущности обороны, Вилизен понимает ее, как чисто пассивный отпор; понятие активной обороны Вилизену не знакомо, так как всякая активность выводит оборону из метафизических пределов деятельности, направленной на самосохранение. Понятно, что такое крайнее толкование понятия обороны позволяет сгустить в отношении ее краски и признать ее почти негодной формой военной деятельности. В этом вопросе, как и во многих других, Вилизен занял позицию, совершенно противоположную Клаузевицу, и интересно то, что в этом вопросе на точку зрения Вилизена стала и большая часть последователей Клаузевица. Между тем, сам Вилизен был жестоко наказан за свое метафизическое отрицание обороны, так как единственное сражение (1849 г.), в котором Вилизен выступил, как полководец, ему пришлось дать в чисто оборонительной форме. Обстоятельства могли позволить Вилизену выдержать натиск датчан и сохранить позицию до прибытия подкреплений. Но как можно требовать упорства в обороне со стороны мыслителя, который громил всю свою жизнь подлость обороны и выяснял ее неосновательность! Вилизен отдал такой же необоснованный приказ для отступления и выхода из боя, как и Бюлов в 1914 году в сражении на Марне. Оторванность от жизни не проходит безнаказанно [1]).

---

[1]) Не будем, однако, злоупотреблять этим примером, рисуя себе Вилизена в роли Крыловского метафизика. Клаузевиц очень высоко ставил оборону, однако ему ставят совершенно тот же упрек: он был начальником штаба того прусского корпуса, который в день битвы при Ватерлоо вел бой под Вавром с группой Груши, имевшей значительное превосходство в силах. Несмотря на ясно обозначившийся под Ватерлоо успех англо-пруссаков,

Оторванность от жизни об'ясняется, прежде всего, односторонностью теории Вилизена. Чтобы не втягивать в круг исследования стратегии все то, что существует между небом и землей, „от башмачного искусства до высших областей всех наук", Вилизен сознательно исключил из стратегии весь элемент политики, определяющей характер и основные черты войны. Это как раз тот элемент, который представляет силу учения Клаузевица, но в то же время и обусловливает его бесформенность. Соображения Вилизена против признания влияния политики впоследствии в сильной степени дополнил, развил и заострил Леваль. Ниже мы увидим, что и позитивист Леваль, точно также как и метафизик Вилизен, оторвался от жизни и односторонне исказил характер стратегии.

В жизни нет той обороны—отпора с исключительной целью самосохранения, которую громил Вилизен,—а современная нам действительность, переплетающая в каждой операции в такой тесной форме оборонительные и наступательные действия, приводящая бой к непрестанному чередованию этих форм, заставляет и вовсе протестовать против всякого четкого деления военной деятельности на оборону и наступление.

В высокой степени интересно и поучительно определение, данное Вилизеном стратегической деятельности, как деятельности, направленной на обеспечение снабжения своей армии, и лишение снабжения—неприятельской. Определение это, как и все, вытекающее из-под пера Вилизена, односторонне, но очень глубоко, и может дать плодотворные результаты при приложении к разбору очень многих стратегических вопросов.

Мы должны быть справедливы к Вилизену и потому обязаны отметить множество положительных заслуг его мысли: он далек от того, чтобы, как Ллойд и в особенности Бюлов, отвергать значение боя; особая глава его „теории большой войны" доказывает бесплодность самого лучшего стратегического маневра, если он не венчается тактическим наступлением. Очень ясно и далеко мыслил Вилизен, когда набрасывал идеи подготовки театра войны против Франции путем устройства крепостей на Рейне и выбора соответствующих направлений для постройки железных дорог. Если мы будем разбирать историю идейной подготовки Марнского сражения, то должны будем признать, что основной замысел рожден Вилизеном. Он хотел укрепить средний и верхний Рейн и оставить незащищенным и незанятым нижнее течение Рейна, что провоцировало бы французские армии наступать вдоль голландской границы, переправиться на нижнем течении Рейна, и затем делать огромное захождение своим левым флангом против прусской армии, сосредоточившейся за Рейном на Майне. Этот маневр должен был заставить французов подставить под удары все свои сообщения, свой фланг, в возможной степени ослабить их к моменту решительного боя и создать условия для полного уничтожения французских армий в случае малейшего тактического успеха пруссаков. Этому замыслу нельзя отказать в гениальности. Можно совершенно точно установить рядом статей из французских военных

корпус Клаузевица отступил из под Вавра, не доводя бой до значительного напряжения, что развязало руки Груши и позволило последнему благополучно отойти во Францию. Историческая традиция приписывает Клаузевицу совет начать отступление. Действительность очень сложна, и безгрешных деятелей, свободных от ошибок на земле, не существует.

(Примечание редакции).

журналов семидесятых годов, что после катастрофы 1870 года, когда во Франции выступила на первый план мысль о фортификационной защите против нового вторжения немцев, французские военные инженеры вдохновились именно этим планом Вилизена; за отсутствием Рейна в пределах Франции, французы решили возвести на границе искусственную преграду, в виде ряда крепостей, связанных фортовой завесой; устройство этой своего рода великой китайской стены должно было провоцировать немцев к обходу ее через Бельгию, с последующим захождением правым крылом вперед. Французы сохраняли возможность наступления в Лотарингию через линию своих укреплений, и атаки в выгодных условиях обходящих их крепостной фронт немцев, при чем рисовалась возможность в случае успеха, по более коротким направлениям совершенно перерезать им путь отступления. Эта идея с восьмидесятых годов стала идти на убыль в французской подготовке к войне, но сама Марна представляет как бы недостаточно энергичную, вялую копию с замысла Вилизена, пересаженного с германской на французскую почву.

В общем, изучая труды Вилизена, мы находим в них гораздо больше плюсов, чем можно было бы ожидать от чистого умозрения. Но не будем забывать, что Вилизен был вообще очень образованный человек, был очень начитан в военной истории, и сам дал ряд незаурядных исторических исследований по современным ему войнам. В этих условиях не все достижения Вилизена можно отнести в заслугу принятого им метода, иногда метафизика только окрашивала и пристраивалась к тем выводам, которые он получал экспериментальным или историческим путем. Одни писатели таят свою метафизику про себя, а выступают только с работами, якобы, основанными на беспристрастном исследовании фактов. Вилизен, на наш взгляд, поступал наоборот, и сохранял про себя те точки опоры своего мышления, которые он получал от наблюдения действительности.

На наш взгляд, известная небольшая доза метафизики неразрывна со всякой научной работой; но, конечно, она должна оставаться в пределах авторских черновиков, как известное приспособление для выбора точки зрения, с которой бы можно было глубже и полнее охватить факты. В том отрывке из Вилизена, к которому мы отсылаем читателя, можно познакомиться с сильным до гениальности проявлением этого метода мышления.

Редакция.

В. Фон-ВИЛИЗЕН.

ТЕОРИЯ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ.

Для изучения военного искусства существует два пути, сумма достижений на которых представляет и правила для практического использования, и нормы для распознания добра и зла; это путь чисто теоретического подхода и путь индукции, основанной на опыте, или, как мы говорили, путь чистой теории и путь опытной теории, т. е. чисто теоретический путь и практико-теоретический путь. Конечно, оба пути должны приводить к одним и тем же выводам, так как тут и там должна быть высказана истина, а одному и тому же предмету отвечает лишь одна истина. Далее, мы уже установили, что по обоим путям по существу необходимо следовать лишь для того, чтобы проверкой на примере получить полную уверенность в полученных выводах, но чтобы выяснить основы учения, необходимо сначала обратиться к чистой теории. Пока мы будем заниматься ею, потребуется некоторое терпение.

Невозможно складывать фундамент сразу столь же привлекательным и приятным для взора, как верхние этажи, и все же, кто попытался бы строить без фундамента? В законченном здании охотно забывают про фундамент, и его обитателям нет необходимости им интересоваться. Но кто захочет стать архитектором, тот скоро признает довлеющую важность основ и будет уделять им время с любовью.

Требование обратить особенное внимание именно на первые зачатки встретит общее признание, как только будет уяснено, что без них не только невозможен ясный обзор целого, но что и отдельные детали лишь тогда могут быть правильно поняты и оценены, когда в любой момент имеется возможность охватить целое и когда для нашей мысли рисуется совершенно ясно связь данного частного вопроса с упомянутыми основами научной теории.

Для нашего теоретического исследования мы избираем форму, в которой короткими предложениями будем указывать рамки, в которых будут развиваться рассуждения и доказательства. Эти предложения одновременно образуют заглавия параграфов и облегчат обзор и усвоение теории в целом.

Понятие об искусстве.

Всякое искусство, в том числе и военное, в своих внешних проявлениях бесконечно разнообразно, но располагает ограниченными средствами; именно потому искусство и является искусством, что в нем ограниченное производит или творит беспредельное.

Всегда сначала необходимо определить предмет исследования. Правда, определения представляют небольшую ценность; однако, хорошее определение часто бывает очень плодотворным. Таково ли данное определение? Во всяком случае, оно далеко выходит за узкую границу обычного определения искусства, которое гласит, что оно является олицетворением прекрасного, и которое неизбежно влечет за собою второй, еще более трудный вопрос, а именно, что такое прекрасное? Если бы задачей искусства являлось только олицетворение прекрасного, то военное, счетное, кулинарное и многие другие виды искусства не могли бы называться таковыми, но язык, который в тайнах своих неизвестных основ подразумевает обычно больше, чем лица, произносящие слова, дал им наименование искусств. Данное же определение в состоянии всех их принять в свое лоно.

Таким образом, существенное отличие различных искусств может быть сведено к тому, что в одних бесконечность имеет преимущественно внутренний, а в других внешний характер. Выражение—посредством ограниченного создать беспредельное—одновременно указывает на постоянную неполноту данных; эта недостаточность данных и является наиболее характерным для проявления искусства. Для творчества, помимо того, что может быть познано, должно еще притти на помощь божественное вдохновение. Поскольку оно осеняет все искусства, постольку все они стоят на равной высоте. Обратим наш взор на искусства и мы не найдем пределов их произведениям, как внешне по количеству, так и внутренне, по идее. Затем снизойдем до средств—в них все ограничено, мало и незначительно: краски, руда, камень, цифры, механические и физические силы, движимые законами предельных величин, которые никак не могут сотворить прекрасное и беспредельное. И все-таки, как прекрасное, так и беспредельное приводятся в движение столь ограниченными и столь постоянными по своей совокупности об'ектами, которые даже являются необходимым основанием — взращивающей искусство почвой. Мозг и беспредельная мысль нераздельны; если провести грань между ними, они оказываются мертвыми, и мы не можем ничего сказать о том, куда делась их жизнь.

Таково же отношение между средствами и творениями искусства; внешнее и внутреннее постоянно переплетаются между собой. Проникновение их друг в друга это и есть абсолютное, конкретное—сама жизнь.

Искусство есть творчество гения, подчиненное закону.

Творчество в искусстве является исключительно делом гения, чистого вдохновения, и все же оно подчиняется законам и правилам. Творчество мастера иногда действительно бывает бессознательным. В этих случаях он лишь бессознательно оглашает закон, остающийся тем не менее законом.

Положение, которым озаглавлен настоящий параграф, заключает в себе тему древнейших и важнейших споров в области философии искусства.

Этот спор никогда не сможет быть разрешен, пока истинным будет признаваться единственно первое или второе утверждение приведенного положения, и пока мы понимаем выражение—истина может быть только едина—так что она может лежать только в одной точке и сосредоточиваться в одной мысли. Искусство, как и жизнь, является вечным и непостижимым переплетом и взаимодействием ограниченного и беспредельного, материального и нематериального. Разве жизнь заключается в крови, в нервах? Движение в механическом повиновении членов? Мышление—в мозгу? Чувства—в сердце? Конечно, нет.—Но отнимите их, и куда денутся высокие материи, которые они не создают, но которые без них не могут иметь существования. Отнимите у искусства законы, которые подвергаются исчислению, его отношения, которые могут быть выражены в цифрах, и затем посмотрите, что останется от прекрасного, от беспредельной совокупности творчества. На этом становится ясно, как должен быть одарен истинный художник. Он должен все знать, но творческое вдохновение нисходит на него свыше.

Естественное использование данных средств.

Всякое проявление искусства не выходит из пределов правильного и закономерного использования тех средств, к которым оно должно прибегать для разрешения задач, т. е. из пределов использования, очерченных сущностью и природой данных средств.

Истина этого положения вытекает из всего предыдущего. Закономерность является необходимым внешним условием

творчества, столь же необходимым, как внутреннее, т. е. божественное вдохновение. Совершенная обоснованность внешних законов и совершенно точное следование им могут подвести вплотную до высшей области искусства. Для чисто механических оснований это является вообще наивысшей точкой творчества, которую они в состоянии достигнуть. В то же время этим об'ясняется, как возможно, путем строгого прилежания, напряжения и добросовестности, и без гения создать нечто вполне приемлемое, и почему так называемые „гении", без знаний и прилежания, создают подчас лишь отвратительные произведения. Этот так называемый „гений" является порочной свободой, т. е. произволом, и перед творением ложного гения с отвращением отступают не людская ограниченность, как нас часто стремятся убедить, а лучшие гражданские чувства. Но усиленное прилежание и беспрекословное подчинение закону в высших проявлениях невозможны без любви к делу; любовь же заслуживает отклик, милости, в данном случае творческого вдохновения. Этим путем мы все ближе приближаемся к совершенству мастера. Но отречение от законов, лень, ничему не научающая, и упрямство, нежелающие подчиняться, соединяются в один поток с другими пороками, и ложно называемый гений по гордости своей в большинстве случаев идет к безумию.

Наука и искусство.

Предписания, правила и законы, которые могут быть даны для работы в области искусства, составляют его науку; согласно с вышесказанным, искусство без науки существовать не может.

То, что в известном кругу человеческой деятельности и творчества поддается изучению, образует его науку. Так как теперь многое известно в практике каждого искусства, и в большинстве случаев может быть известно еще большее, то каждое искусство имеет свою науку, которая в конечном итоге столь же беспредельна, как и самое искусство.

Кто рискнет сказать о себе, что он знает все, что может быть изучено в области того или иного искусства? И здесь спорят о том, является ли то или иное наукой или искусством; этот спор является таким же праздным и рождается из такого же непонимания или полупонимания, как и упомянутые выше споры о том, возможно ли научиться искусству или нет, и является ли способность творчества результатом сделанных усилий, или исключительно даром, интуицией или вдохновением. Правильный ответ всегда гласит—и да, и нет, и то и другое вместе.

От знания до умения всегда еще остается скачек, но все же от знания, а не от незнания [1]).

Всякая работа в области искусства исходит из его науки. Неустранимый промежуток, который каждый раз остается преодолеть, пока задача не разрешена, существует не между незнанием и умением, а между знанием и исполнением, между теорией и творчеством, от предельного к бесконечному.

Когда речь идет о проявлении искусства, мы относим к вдохновению свыше то, для чего у нас отсутствуют твердые данныя, а следовательно признаем и последний скачек.

Вполне и всегда соглашаясь с этим, надо, однако, признать безусловно необходимой наличность твердого фундамента, базы, служащей исходным пунктом для скачка, и образующего ту внешнюю точку опоры, которую требовал Архимед. Этим фундаментом, этой твердой точкой опоры в данном случае является знание. Спор же о том, каково относительное значение знания в окончательном итоге творчества, является совершенно праздным, так как в знании никогда не должно быть недостатка. Здесь, как и во всяком живом организме, часть всегда является одновременно и целым. Затруднения, которые связаны с представлением об органическом единстве, служат и вечно служили поводом к многочисленным спорам. Из этого видно, насколько наука и искусство, теория и практика суть ветви одного и того же целого, которые взаимно нуждаются друг в друге, друг друга дополняют, и ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах один другому не противоречат. Да каким же образом могут противоречить друг другу основание и дальнейшее его развитие — намерение и осуществление, когда они стремятся к единой цели? Только лже-наука могла давать частые поводы к обвинению, искони приветствовавшиеся ленью.

Ясная задача искусства.

В действительности наука только указывает средства и пути, которые ведут туда, куда стремится искусство. Решение может быть найдено лишь после точной постановки задачи искусства. Лишь тогда оно может быть вполне точным и целесообразным, и давать не больше и не меньше того, что требует задача. Только при таких условиях задача будет решена мастерски. Только все вполне целесообразное находится на высоте требований искусства, все нецелесообразное

---

[1]) Ударная мысль Вилизена, часто цитируемая в искаженном виде. (*Прим. ред.*).

одновременно является и уродством. На этом пути чаще всего и грешат против искусства, так как, что приходится встречать чаще, чем нецелесообразность? В этом первом требовании в большинстве случаев заключается самая трудная часть задачи, так как вовсе нелегко настолько определенно охватить задачу того или иного искусства, как это в данном случае требуется. Кто не знает знаменитых трудов, посвященных исключительно проведению границ между родственными искусствами, что представляет ни что иное, как попытку уяснить задачу каждого из них в отдельности. Главное различие между искусствами заключается в разнообразии средств, которыми они располагают для творчества, для разрешения своих задач. В этом в особенности заключается различие между поэзией и скульптурой, между живописью и архитектурой, и так далее; одно искусство для разрешения своих задач пользуется одними средствами, а другое—другими.

Задача и средства ее решения.

Когда задача твердо установлена, очередным вопросом является оценка имеющихся для решения средств и выявление из их природы законов и правил, которым надлежит следовать в работе. Решение задачи может лежать лишь в использовании средств в соответствии с их природой.

Строго говоря, природа средств должна быть известна прежде, чем задача может быть дана. Если задача ставится настолько всеобще, что можно указать способ ее решения, каковы бы ни были имеющиеся средства, если вообще искусство может ее преодолеть, то только в этом случае можно задним числом осведомляться о средствах. В дальнейшем мы увидим, что нашу задачу мы ставим именно так всеобще. Конечно, решение задачи из области какого-либо искусства не может выходить из пределов имеющихся в данном случае средств, и тем более не может лежать вне пределов их естественного использования. Искусство, которое сопротивлялось бы природе своих средств и искало бы вне ее пределов решения своей задачи, не желая подчиняться ей, представляет безумие. Главная масса глупостей, которая в наше время выявляется во всех искусствах, ведет свое происхождение от непонимания следствий, вызываемых природой средств, в обстановке коих или посредством которых творят различные искусства. Мы имеем ввиду живописную пластику и пластическую живопись, живописную поэзию и поэтическую живопись. Тот же характер прегрешений можно бы найти и в отдельных отраслях военного искусства. Они заключаются, например, в превратном применении различных родов оружия, в неправильном использовании сил—направлении больших сил на

малые цели или малых сил на крупные цели — в заимствовании фортификационных взглядов для тактической группировки войск, в мудрствованиях так называемой логистики, в старании исказить и смешать природу оружия, в желании создать летучую артиллерию на ряду с тяжелой кавалерией и т. д. Все эти устремления в совокупности происходят от непонимания природы средств, с которыми искусство тесно связано.

Итоги.

Из предыдущего следует, что для того, чтобы мы могли продолжать наше исследование дальше, нам надлежит ясно установить задачу того искусства, которое предстоит изучать. Затем надо правильно распознать природу тех средств, которыми предстоит пользоваться, так как только из нея могут выявиться законы и правила, которые руководят творчеством. Лишь тогда, когда все эти данныя будут освещены, возможно свободное подчинение законам искусства, на которое направлены все чаяния, и которое дает твердую уверенность в успехе, поскольку последний зависит от идейной стороны.

В этих словах был подведен итог всего предыдущего, и на возможности связать в одно логическое философское построение эту мысль базируется и возможность всего предпринятого нами труда. Отрицание необходимости такого исследования глубоких основ искусства может представлять или намеренный обман, или оправдание в целях удобства. Это обоснование представляет чисто спекулятивно-философское построение [1]). Дальнейшее относится к области чистого разума. Всякая частность науки всегда является делом разума, но последний должен всегда начинать с чисто гипотетического положения, и поскольку оно будет истинно и верно, постолько истинным и верным будут и выводы, сделанные из него разумом. Следовательно, основой каждой науки, в том числе и математики, является высшая философия. Система Коперника представляет ясную и научную систему разума, но, как таковая, она обосновывается на недоказанной им гипотезе. Если позитивные науки, и даже математика, имеют такую чисто умозрительную основу, насколько еще более умозрительную основу должны иметь такие живые науки, как науки об искусствах. Все это служит оправданием предыдущего и одновременно доказательством того, что эти более глубокие обоснования можно с легкостью оставить без дальнейших объяснений, не нанося ущерба практике; поэтому они здесь изложены скорее в виде указаний, чем доказанных выводов. В этой области

---

[1]) Спекулятивная или умозрительная философия понимается, как противоположность эмпирической, т.-е. основанной на опыте. (*Примеч. редакц.*).

без веры не обойтись, но точкой опоры для нее можно избрать или чужие плечи, или уже имеющиеся, только неосознанные собственные основы. Как степень крепости и непоколебимости всякой постройки зависит от состояния ее фундамента, так и в нашем труде все дальнейшее имеет только такую же гарантию. В соответствии с различием во взглядах, эта гарантия будет представляться или очень слабой, или очень надежной; точно также философия одним представляется глупостью, а для других единственно верным познанием. Философия вообще по существу не спорит с отрицающими ее мнениями, во-первых потому, что она, конечно, стоит выше подобного спора, а во-вторых потому, что она заранее является победительницей в этом споре, так как, чтобы спорить против философии, нужно самому стать философом. Также, естественно, обстоит дело и в споре о философском обосновании отдельной доктрины, так как каждый, кто допускает доктрину, должен допускать и ее обоснование; обоснование же каждый раз оказывается философским, и только философия может его найти и определить. Однако, это не является изобретением произвольного обоснования, что звучит в обвинительных речах, которым вечно подвержена философия, приблизительно как „приснилось“, а в лучшем случае зовется „остроумием“. Философия никогда не изобретает, она только находит. В виду этого, она естественно погружена в вечные поиски. Противники философии, вместо того, чтобы видеть ее сущность в этих поисках, вечно видят ее в найденном, которое, правда, очень часто похоже на изобретенное. Поскольку эти поиски имеют право именоваться философией, постолько же имеют право на это наименование такие теории, которые в конечном итоге приводят к ложным результатам; но эти результаты называться философией уже не могут.

Задача военного искусства—победа.

Задачей военного искусства является исключительно победа в широком смысле этого слова, обозначающая ни что иное, как достижение военной цели, вытекающее непосредственно из борьбы.

Правда, такие определения не дают особенно много. Они представляют ценность, особенно для опыта научного трактата, постолько, поскольку они облегчают точное различие и ясное представление, и устраняют столь частую путаницу, происходящую от произвольного обозначения одним и тем же словом различных понятий. Это определение обращает теорию военного искусства в учение о победе, чем она и должна быть для каждого, так как до сих пор еще никто не предъявлял требований на учение, как быть разбитым. Но даже такому

странному требованию лучше всего удовлетворило бы верное учение о победе; опыт уже подтвердил по всем пунктам, что стоит только в своих действиях поступать отлично от такого учения, и это всегда явится лучшим средством, чтобы быть разбитым. Одновременно становится ясно, насколько легко этим определением включаются в теорию все виды военной деятельности, так как в нем должны полностью затрагиваться все пути, хотя бы в последней инстанции они и не имели непосредственного отношения к победе. Теория, естественно, начинается с призыва рекрут и кончается уничтожением противника; следовательно, в нее входит все учение об организации и устройстве армий. Но поскольку каждому разрешается ограничивать себя по собственному желанию, постолько здесь эта часть является исключенной; для этого ограничения, кроме произвола и удобств автора, имеются и другие основания. То учение, которое мы стремимся развить, начинается с действительным началом войны и трактует ее также лишь в крупных чертах. Легко усмотреть, что учение о войне, без такого ограничения, легко должно было бы распространиться на все отрасли государствоведения, так как нет такой части жизни государства, которой бы не затрагивала война. Теснее всего война находится в соприкосновении с политикой и финансами, а так называемое воспитание и подготовка к войне, естественно, охватывают всю жизнь народа. Всякий с ужасом отступил бы перед таким расширением задач своего исследования; да и глубина труда неизбежно уменьшится пропорционально росту его размеров. Мы воздерживаемся от приведения здесь примеров [1]), которые могли бы подтвердить наше утверждение; но тем с большей уверенностью мы будем обращаться к нашему праву ограничивать свой труд рамками по нашему усмотрению.

Армии суть средства войны, ее инструмент и материал.

Лучшим средством, т.-е. инструментом и материалом для решения задач военного искусства, всегда является армия. Главный инструмент, которым работает военное искусство— армия; главный материал, над которым и против которого оно действует, опять-таки является армия, но только неприятельская.

---

[1]) Вилизен—определенный враг учения Клаузевица, и имеет именно его ввиду здесь. Однако, в недостаточной глубине Клаузевица упрекнуть безусловно нельзя, и он „с ужасом“ не отступил перед этой задачей. Расширение рамок стратегии отнюдь не идет в ущерб глубине, но, действительно, широкий анализ крайне затрудняет стройность и целокупность изложения. В противность трудам Клаузевица, теория Вилизена представляет не тысячи песчинок настоящего золота, а стройный целокупный монолит. Это достигается, однако, за счет отрыва от жизни. (*Прим. редакц.*).

Поскольку, согласно с предыдущим предложением, вся теория должна строиться вокруг наиболее целесообразного способа обращения с армиями, как инструментом и материалом, постолько неизбежно ежеминутно сталкиваться с вопросом, устроено ли это средство так, как следовало бы. Каждый раз, как я хочу достигнуть определенной цели, передо мной возникает вопрос, являются ли данные средства наилучшими для достижения цели. Было бы произвольно отрицать постановку этого вопроса, но все же это отрицание является вдвойне позволительным там, где цель исследования имеет в виду исключительно практическую деятельность, которой естественно приходится брать средства таковыми, каковыми оно их получает в свое распоряжение. Задачей искусства, которое всегда практично, как раз и является дать требуемое с имеющимися средствами. Наконец, исследование устройства войск уже потому мы вправе отодвинуть на задний план, что хотя некоторые частные улучшения в современной организации и являются желательными, но произвести существенные изменения, которые могли бы повлиять на развитие главных операций, не так-то легко. Лишь крупные изобретения могли бы дать бою иной облик. Но и они бы все же не коснулись той части искусства, которая оказывает главное влияние на результат войны, а именно, на искусство группировки и передвижения масс. Поражения и победы с начала всех времен и войн связаны именно с этой частью искусства, а не с отдельными проявлениями виртуозности и не с лучшим вооружением или строевыми перестроениями. Обстановка здесь существенно изменяется только в тех случаях, когда варварство и полное малодушие сталкиваются с вершинами военной культуры, или полному отсутствию дисциплины противоставляется строгий порядок. Такие аномалии встречаются исключительно за пределами европейских условий, исключительно которые мы здесь желаем иметь ввиду.

Природа армий, т.-е. их свойства.

Армии суть главный инструмент и главный материал военного искусства, его главные средства. Следовательно, исследование природы армии является путем, который ведет к конструированию науки о военном искусстве, к созданию его теории.

Мы уже твердо установили, что путь к цели нашего труда не может быть иным, как исследование природы вещей, с которыми связано наше искусство, как со средствами разрешения его задач. Оно должно выяснить, как надлежит с ними обходиться для достижения цели. Но природа вещей представляет не что иное, как сумму их свойств, и таким образом, наше

исследование прежде всего обращается к этим свойствам, стремится их классифицировать и перечислить, затем задается вопросом, какие правила обращения с ними и действия вытекают из их отдельных свойств; наконец, исследование направляет свое внимание к тому, не встречается ли между отдельными выводами каких-либо противоречий; в последнем случае необходимо взвесить и искусственно сбалансировать итоги, чем и должно завершиться все теоретическое учение.

Потребность в снабжении, как первое и главное свойство армии.

Среди различных свойств армии, на первом месте ясно выделяются два свойства, которые совершенно проникают и наиболее полно исчерпывают ее природу и которые дают о себе знать в любой момент существования армии. Рассмотрению этих двух свойств армии и должна быть посвящена большая часть теоретического исследования военной науки. Армия прежде всего представляет аггрегат людей и животных, и ее первое и всепроникающее свойство заключается в огромных потребностях, от ежедневного или периодического удовлетворения которых зависит ее существование. Следовательно, потребность в снабжении есть первое и главнейшее свойство армии. Недаром старая поговорка гласит, что основой армии является ее желудок.

Потребность в снабжении является столь проникающим свойством армий, что ни одно мгновение в жизни армии не протекает вне сферы его влияния. Существование армий неразрывно связано с требованиями, исходящими из данного свойства. Таким образом, старая поговорка, что основой армии является ее желудок, вполне отвечает действительности.

Конечно, фундаментальная основа, на которой строится вся армия, заслуживает быть отнесенной к числу крупнейших характерных свойств. Поскольку неоспоримо истинны эти слова, постолько же правильным является обоснование на этом великом свойстве армий одного из главных отделов учения о войне.

Так как потребность в снабжении представляет первое крупное и неизбежное свойство армии, которое сопутствует ей во все моменты ее существования, то ею обусловливается целый ряд правил и наставлений по вопросам, связанным с армиями и их использованием, и они постолько же должны образовывать одну из главных частей учения о войне, поскольку свойство потребности в снабжении, из которого они вытекают, является главным свойством армий.

Если бы это было не так, то и данное свойство не относилось бы к числу главных свойств. Но если данное свой-

ство всеобъемлюще охватывает всю жизнь армии, то и те правила, которые наука выведет из него для практического использования искусства, явятся обоснованными. Неизбежная необходимость этого свойства, которое оставалось неизменным во всех армиях и во все времена, и объясняет вечную действительность, законную силу этих правил, а также и неизменность целого ряда важнейших правил и научных положений искусства от глубокой древности до наших дней. И действительно, посколько мало изменяется природа армий в отношении этого свойства, в столь же малой степени подвержен изменению и один из важнейших отделов теории войны; и если бы эта область одновременно являлась важнейшей частью искусства, т.-е. той частью, от которой зависит почти всегда решение крупных войн, то искусство оставалось бы вечно более или менее одним и тем же. Но каждая эпоха и в особенности в нынешние времена стремится утверждать, и часто гордится тем, что ныне искусство стоит на совершенно другой ступени, чем в предыдущую. Таким самовосхвалением особенно страдает последнее столетие—эпоха Фридриха Великого, революции и нашего времени, когда мы живем взглядами, сложившимися из начал обеих предыдущих.

Учение о сообщениях. Стратегия.

Всю эту часть теории, развивающуюся из ближайшего исследования указанного свойства, мы называем учением о потребности армии в снабжении или, исходя из тех средств и путей, посредством которых она удовлетворяется, учением о сообщениях, или для более удобного обозначения этого понятия одним словом—стратегией.

Разделение и раздробление на части одного, в конце концов неразрывно связанного целого, представляет большие затруднения и вызывает крупные сомнения, но оно все же является крайне необходимым, так как исследование может развиваться лишь от одного этапа к другому.

Такое деление открывает возможность методичного подхода к целому и дает нам схему, которая поразительно облегчает возможность охватить одним взглядом все в любой момент нашей работы. Огромная его практическая польза заключается в том, что оно дает возможность легчайшим способом убедиться в том, что в принятом распорядке не упущено ничего существенного; высказываемые мысли предварительно воспринимаются наглядным образом. Нам остается только доказать обоснованность объединения всего очерченного широкого представления под одним, воплощающим уже определенные представления, словом—страте-

гия. С тех пор, как Бюлов дал слову „стратегия“ значение, которого ему раньше не придавали, и оно получило широкое распространение, как известно, ни один военный термин не подвергался стольким толкованиям и искажениям. Некоторые настолько расширили понятие стратегия, что в результате между небом и землей не оставалось ничего, что при известной ловкости нельзя было бы ввести в круг этой беспредельной науки. Под слово стратегия подводилась вся теория войны, но так как война представляет не что иное, как продолжение политики, только другими средствами [1]), то, следовательно, стратегия объемлет и все понятие ведущего войну государства, а так как война должна подготовляться в мирное время, то стратегия распространяется и на весь период мира. Что же в государстве не является стратегией, начиная с сапожного мастерства и до высших научных исследований во всех областях? Другие же в свою очередь делают вид, что не понимают, какую особую группу представлений можно выделить под словом стратегия: или наука ведения войны вообще не может раздробляться на отдельные части, как здесь указано, или же это разделение обвиняется в том, что оно—произвольное во всех отношениях, недостаточно четкое и по меньшей мере совершенно бесполезное. В конечном выводе этих нападок, ведение войны оказывается исключительно делом здравого смысла, не имеет никакой теории, никакой науки, и следовательно не подлежит расчленению на отделы.

Еще не раз представится случай вернуться к различным способам употребления слова и понятия стратегия. Мы остановились здесь на нем, так как оно настолько решительно вошло во всемирный лексикон, что отказаться от него нет возможности, хотя некоторые и приводили против него отдельные довольно обоснованные возражения. Торжество слова „стратегия“ над столькими препятствиями, стоявшими на его пути, равносильно поддержке его неземными силами. Протесты некоторых против стратегии оказываются тем глупее, что даже в тех случаях, когда они имеют совершенно неожиданный успех, то слово стратегия, существующее в действительности и более или менее удачно обозначающее известное понятие, изгоняется, и немедленно же его приходится заменять другим. Наш выбор слова стратегия произошел в соответствии с завоеванием, сделанным в языке этим термином, что всегда оттеняет какую-нибудь ясную мысль; понятие „стратегия“ соединяется с представлением о сообщениях или о руководстве большими массами вне боя. Но так как руководство большими массами вне боя можно разби-

---

[1]) Читатель, конечно, понимает, что атака направлена здесь на учение Клаузевица. (*Прим. редакц.*).

рать лишь под углом зрения сообщений, то определение, что *стратегия является учением о сообщениях*, охватывает все, когда-либо целесообразно, ясно и определенно выраженное этим словом. Наконец, если бы даже было не так, каждому должно быть предоставлено право любым словом выражать какое-угодно понятие, и можно лишь предъявлять справедливое требование, чтобы самое понятие было четким, точно ограниченным и объемлющим, чему данное определение, повидимому, отвечает во всех отношениях. Несмотря на полную мою готовность принять какое-либо из имевшихся раньше лучших определений, мне не удалось найти такого, в пользу которого можно было бы сказать больше, чем в пользу избранного мною определения.

Боеспособность, как второе крупное свойство армий. Тактика.

Армии на ряду с потребностью в снабжении, от которого всегда зависит их существование, обладают вторым великим и всепроникающим свойством. Это свойство—активность, способность к деятельности на войне, способность наносить удары—боеспособность. Это то свойство, которое открывает армии возможность действовать на поле сражения. С боеспособностью, как и с потребностью в снабжении, тесно связана конечная цель военного искусства—победа, а следовательно это свойство также диктует для обращения и использования армии новый второй ряд правил и наставлений, которые образуют второй главный отдел науки о высшем военном искусстве.

Как ближайшее исследование о потребности армий в снабжении должно вести по пути, на котором перед нами должна открыться победа в ее наивысшем проявлении, т. е. полное уничтожение противника, так того же пути должно держаться и ближайшее исследование второго вышеупомянутого основного свойства армий. Поскольку допустимым и возможным является уничтожение противника нападением, направленным на его свойство потребности в снабжении, постолько же оно представляется достижимым нападением, направленным на его второе свойство—боеспособность. Противник, который не в состоянии больше драться, уничтожен и побежден в такой же степени, как и неприятель, которому нечего больше есть, и который не может получить пополнений. Если здесь мы видим второй путь, на котором могут быть решены задачи искусства, то должно быть позволено еще раз выделить второй основной отдел военной теории, теорию, регулирующую эту часть искусства.

Эту вторую часть учения о свойствах, из ближайшего рассмотрения которых она развивается, мы называем учением о боеспособности, учением о бое или тактикой.

Для оправдания данного избранного обозначения, мы отсылаем к тому, что выше нами было сказано для оправдания обозначения первой крупной части теории словом „стратегия". Широкое распространение термина „тактика" и достаточные внутренние основания служат оправданием к тому, что впрочем также могло бы оцениваться, как естественное право произвольного усмотрения каждого автора.

Удовлетворительность этого деления.

Оба вышеуказанные свойства охватывают все существо армий и устанавливают все их бытие в любой момент их существования. Все прочие свойства, которые окажутся возможным еще открыть в армиях, всегда явятся лишь побегами двух основных ветвей, побочной частностью главных свойств.

Все, что обычно включается в содержание теории военного искусства, затрагивает лишь понятия, к которым неизбежно приводит исследование вышеупомянутых главных свойств, а следовательно и находящиеся в неизбежной от них зависимости. Если в стратегии излагается учение о сообщениях, сущность которого учитывает все условия местности, и при этом существенное значение имеют политические, статистические и топографические условия, то каким образом могло бы не существовать ближайшего пути исследования, который бы охватывал все эти понятия, включая их как можно полнее в круг своего рассмотрения? Если сообщения суть дороги, по которым армиям подвозится необходимое им ежедневно и периодически для их существования, то каким образом учение о сообщениях могло бы не коснуться сущности самого подвоза и не образовать ответвления, которое бы изучало всю теорию продовольствования армий?

Такое расширение понятия учения о сообщениях ни в коем случае не является произвольным. Скорее можно сказать, что оно разрослось до таких размеров самым естественным и самым неоспоримым образом, и я избрал, правда, лишь для заглавия, ранее отчеканенное слово стратегия, имея в виду, что встречу добровольное признание этого термина.

Точно также, если тактика излагает учение о боеспособности и о бое, к которому неизбежно относится и вся подготовка к бою—мирное устройство войск, вооружение и обмундирование, затем столь важный для этой части военного искусства моральный элемент и, наконец, местность и фортификация, как средства или материал для боя, то каким образом могло бы не существовать столь необходимого бли-

жайшего пути исследования, который бы изучал до возможной глубины все эти понятия, охватываемые, согласно с вышесказанным, теорией тактики. В этом труде, согласно с первоначальным нашим намерением, теоретически развита лишь важнейшая часть высшей теории ведения войны и отбрасываются, по крайней мере временно, все побочные ответвления; об‘ектом его исследования является только действительная война, а все подготовительные данные принимаются в готовом виде, как уже известные и существующие. Но при этом надо отметить, что все вышеупомянутые отрасли имеют в стратегии общий центр, так как иначе против всеоб‘емлющих и исчерпывающих положений главных отделов исследования, на которых мы остановились, впоследствии могли бы появиться возражения.

Наступление и оборона. Функции.

Таким образом, сначала все учение распадается на два больших отдела, на стратегию и на тактику; основание к такому распадению дают два вечных главных свойства армий. Одно учение выясняет, в каком отношении стоит понятие искусства к всеоб‘емлющему свойству потребности армии в снабжении, а другое исследует, в каком отношении оно находится к столь же всеоб‘емлющему свойству боеспособности армий.

Поскольку армии во все время своего существования живут в кругу этих свойств, и поскольку они в любой момент требуют снабжения и имеют известную боеспособность, постолько они являются живым источником энергии, и непрерывно работают над достижением целей искусства в пределах закономерности, продиктованной их свойствами, и их деятельность в каждый момент их существования обращена с одной стороны на самосохранение, а с другой—на уничтожение противника. Как два постоянно и неизбежно присущих армиям свойства могут служить обоснованием для разделения всего учения на два основных отдела, так столь же справедливо таким основанием могло бы служить неизбежно имеющееся в наличности двойственное направление их деятельности. Та сторона деятельности армии, которая обращена на самосохранение, по существу является неподвижной, дающей отпор, защищающейся — оборонительной; сторона же, обращенная на уничтожение противника, является напором, наступлением, атакой. Таким образом, исходя из деятельности или функций, которые всегда выпадают на долю каждой армии, теория должна была бы разделяться на учение об искусстве самосохранения и на учение об искусстве уничтожения, на защиту и атаку, на оборону и наступление.

Группировка функций армии на оборонительные и наступательные, по сравнению с свойствами армий, является менее уважительным основанием для подразделения всей теории лишь потому, что свойства армий, очевидно, имеют право первородства. Функции армий, их деятельность, является лишь следствием свойств, и к тому же позднейшим. Но, так как деятельность армий занимает второе место, то для всего последующего она могла бы служить столь же удовлетворительным исходным пунктом, как и их свойства, и вскоре станет ясно, что для теории в целом совершенно безразлично, какому распределению отдать преимущество.

Жизнь армий постоянно проникнута и обусловлена их свойствами и функциями.

Таким образом жизнь армий, т. е. их деятельность в области искусства, является постоянным взаимодействием их свойств и функций. Каждое свойство армии обладает двоякими функциями, а каждая функция—двоякими свойствами. Это сплетение их представляет полную схему всей теории.

В любой момент своей жизни армии проявляют потребность в снабжении и боеспособность, и в каждый миг они всегда стремятся к самосохранению и к уничтожению противника. Армии стремятся обеспечить свои потребности в снабжении и затруднить снабжение противнику, стремятся сохранить и укрепить собственную боеспособность и ослабить или уничтожить боеспособность противника. Свойство потребности в снабжении всегда возбуждает двоякую деятельность, одна сторона которой направлена на самосохранение, а другая, на уничтожение противника; таковыми же всегда является раздвоение свойства боеспособности; один ее глаз всегда направлен на сохранение и укрепление собственных сил, а другой на разрушение сил противника.

Из обоих свойств и обеих функций армий в любой момент выдвигается на первый план из каждой пары лишь одно.

Жизнь армий в каждый момент их существования представляет целое, составленное из их свойств и функций; но одновременно резко выделяться могут только два из них, т.-е. одно свойство и одна функция.

В каждый момент их существования, армии имеют потребность в снабжении и обладают боеспособностью; их деятельность также всегда одной стороной обращена к самосохранению, к обороне, а другой к уничтожению противника,

к наступлению. Хотя это и является неоспоримой истиной, но все же деятельность армий, исходящая из их свойства потребности в снабжении, в каждый отдельный момент может быть направлена или преимущественно на собственное самосохранение, или преимущественно на уничтожение противника; армии оказываются, следовательно, или преимущественно в положении стратегической обороны, или преимущественно в положении стратегического наступления. Деятельность армий, исходящая из их свойства боеспособности, также каждый раз преимущественно направлена или на самосохранение, или на уничтожение противника; армии оказываются, следовательно, также или преимущественно в положении тактической обороны или преимущественно в положении тактического наступления. Однако, деятельность армии, в отношении потребности в снабжении, может быть направлена на самосохранение и в то же время в отношении боеспособности, на уничтожение противника. Таким образом, при подобном скрещивании свойств и функций армий одновременно может создаться момент стратегической обороны и тактического наступления, и наоборот, стратегического наступления и тактической обороны.

Схема теории в целом.

Всю теорию можно свести к следующей схеме.

I. Учение о свойствах:

а) О потребностях армии в снабжении. — О сообщениях. — Стратегия.
б) О боеспособности. — О бое. — Тактика.

II. Учение о деятельности — о функциях:

а) О функциях по самосохранению — оборона.
б) О функциях по уничтожению — наступление.

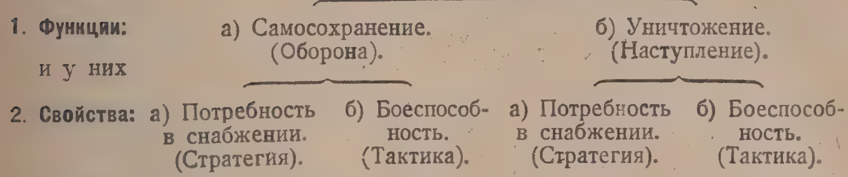
Для большей наглядности представляется целесообразным выразить всю схему в одном целом. При условии, что основанием для разделения были бы взяты свойства армии, схема представила бы следующую картину:

Армии имеют:

1. Свойства: и у них	а) Потребность в снабжении. (Стратегия).		б) Боеспособность. (Тактика).	
2. Функции:	а) Самосохранение. (Оборона).	б) Уничтожение. (Наступление).	а) Самосохранение. (Оборона).	б) Уничтожение (Наступление).

Если же функции выдвинуть на первое место, а свойства поставить на второе, что возможно, если первым вопросом явится вопрос о роде необходимой деятельности для достижения цели, а уже на втором месте будет поставлен вопрос о средствах и их свойствах, то создается следующая столь же всеобъемлющая схема:

Продолжением этой схемы можно наглядно изобразить то, что упоминалось выше, а именно: выразить все возможные случаи, в которых могла бы оказаться армия в любой момент своего существования. Каждое возможное положение представляет соединение одного свойства и одной функции, в виду чего нижеследующая схема естественно вытекает из предыдущих:

СХЕМА I.

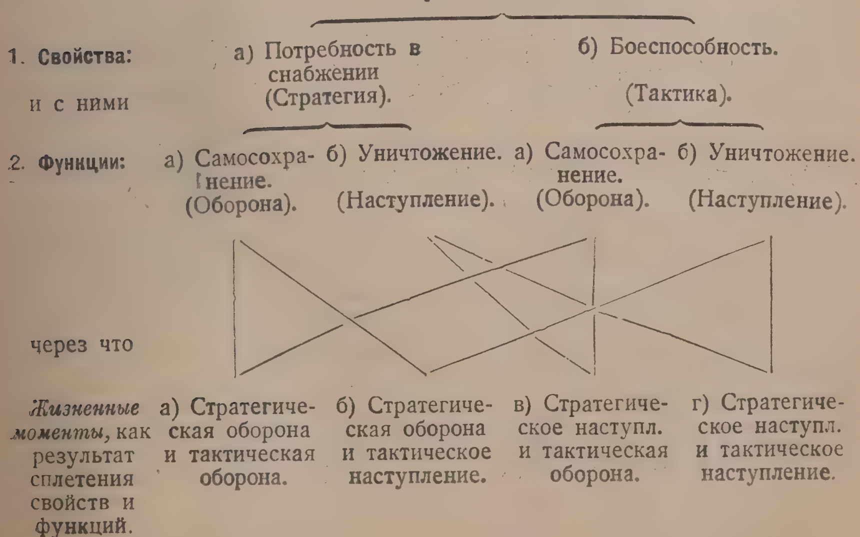
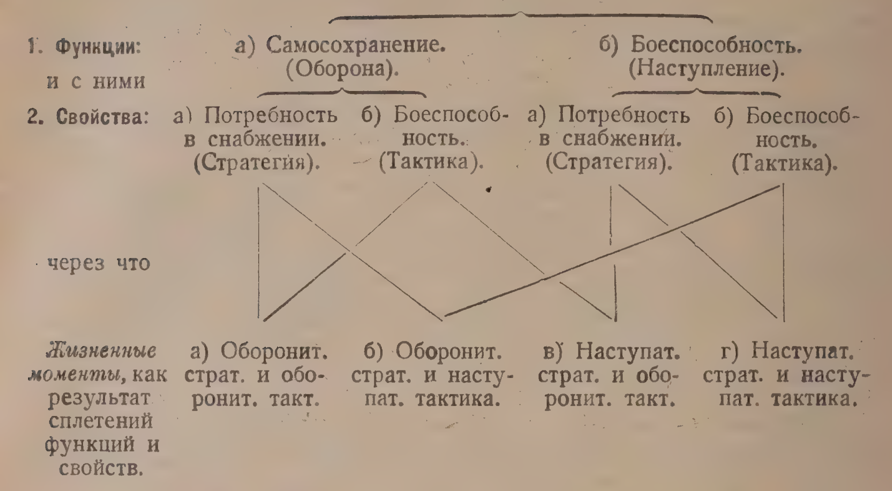

СХЕМА II.

Насколько эта схема отвечает жизни, видно из того, что из исторического прошлого можно было бы легко извлечь тысячи и тысячи примеров положений армий, которые целиком оказались бы отвечающими случаям, указываемым в этих чертежах; даже любое положение каждой армии, в какой угодно момент ее жизни, т.-е. деятельности, может быть правильно и исчерпывающе обозначено посредством одной из выраженных в схеме комбинаций. Непреложность этого имеет следующее научное обоснование: комбинации неизбежно должны являться исчерпывающими, если в основании их лежат существо и функции всех участвующих элементов в их широчайшем и глубочайшем значении, что исключает возможность создать из них жизненное положение на какой-либо новой базе. Если в какой-нибудь области работы имеется возможность проявлять деятельность только в двух направлениях и имеется всего два свойства, в которых выражается существо всех применяемых в этой области работы средств, то могут существовать или комбинации, являющиеся результатом двух родов деятельности (функции) в зависимости от двух свойств, или комбинации, являющиеся результатом двух свойств, проявляющиеся лишь в виде двух функций. Во всех случаях возможны лишь четыре комбинации, и так как в действительности может иметь место только возможное, то эти комбинации должны охватывать всю действительность.

Примеры.

Несколько примеров лучше всего подтвердят все то, о чем здесь говорилось. Мы выбираем их из кампаний 1809 и 1813 годов.

В апреле 1809 года[1]), когда австрийская армия впервые столкнулась с противником, ее положение, в стратегическом отношении, повсюду являлось стратегически-оборонительным, так как она не имела никаких наступательных тенденций против неприятельских сообщений. Австрийская армия, повидимому, потому отказалась от своего первоначального замысла—наступления из Богемии, что слишком опасалась за прямое направление на Вену, обеспечить которое она считала возможным лишь непосредственно. В тактическом же отношении ее положение до 20-го апреля было наступательным, и она атаковала у Гаузена и на р. Абенс. Но 21-го числа она повсюду позволила противнику себя атаковать, и с этого момента она перешла также и к тактической обороне и оставалась в положении стратегической и тактической обороны вплоть до сражения при Регенсбурге. Правда, после переправы у Регенсбурга, австрийская армия у Гама находилась один момент в положении стратегического наступления и тактической обороны по отношению к продвижению главных масс противника к Ину. Это продолжалось лишь до ее отступления в Богемию, после чего она устремилась к Вене, чтобы прикрыть ее, обороняясь и в стратегическом и в тактическом отношении. В сражениях на Мархфельде[2]) ее положение, по отношению к прикрытию Венгрии, являлось стратегическим наступлением, а по отношению к Моравии и Богемии—стратегической обороной. В тактическом же отношении австрийская армия продолжала держаться обороны, предоставляя противнику каждый раз атаковать.

В кампанию 1813 года Наполеон под Дрезденом находился на всех фронтах в положении стратегической обороны, и лишь марш через Циттау в Богемию поставил бы его в стратегически наступательное положение по отношению к главной армии союзников. Но Наполеон здесь стремился все время преимущественно к защите собственных, а не к атаке неприятельских сообщений; в тактическом же отношении он всегда наступал. Движение главной армии союзников сначала на Дрезден, а затем на Лейпциг, поставило ее в условия решительного стратегического наступления; напротив, на поле сражения она, преимущественно, занимала оборонительное положение. Силезская армия, до своего движения к Вартен-

---

[1]) Регенсбургская операция. (*Прим. переводч.*).

[2]) Асперн-Эслинген и Ваграм. (*Прим. переводч.*).

бургу, вела стратегическую оборону, и лишь в тактическом отношении ее положение менялось—становясь то наступательным, то оборонительным.

Эти примеры приведены теперь только для того, чтобы показать, что в данной нами схеме всегда можно найти правильное и вполне адекватное (соответствующее) выражение для любого положения армии. Вскоре мы опять вернемся к этим примерам, чтобы извлечь из них еще новые заключения.

Значение схемы.

Не предъявляя требования чрезмерно переоценивать значение данной схемы, мы все же должны утверждать, что она имеет решающее влияние на всю теорию.

Конечно, в результате искусство представляет нечто цельное и нераздельное, но какое целое не состоит из частей! Конечно, творчество в искусстве, в конечном счете, опирается и на представления, не подлежащие исследованию для разума и посредством разума. Но разве из этого следует, что надо игнорировать исследование подлежащих истолкованию элементов? И разве они не являются теми самыми представлениями, с которых может и должно начинаться каждое размышление, чтобы впоследствии усилием гения и характера перейти к действию?

Хотя искусство и является неделимым, но теории его разрешается расчленяться, однако лишь постолько, поскольку это необходимо для лучшего научного исследования первоначально и жизненно-единого целого. Подразделение, которое всегда неизменно поддерживает сознание цельности данного представления, ни в коем случае не влечет за собой полного расчленения—на несоприкасающиеся более друг с другом части. Наоборот, оно считает обязательным неизменно поддерживать мысль, как это и имеет здесь место, что речь идет исключительно об одном целом. Ведь о целом, как таковом, можно получить представление лишь по его частям, а о частях—лишь по целому.

Таким образом, части здесь имеют самую тесную внутреннюю связь, и подразделения предпринимаются не для расчленения, а для жизненного, по сознательности, объединения. Все, что нам известно о каком-либо органическом соединении, мы познали лишь посредством подобной же операции деления, но во всех случаях изучение по частям является лишь средством, а не целью, и таковым же оно должно быть и здесь.

Практические результаты комбинаций схемы.

Для тех, которые усматривают в схематизации в данных нами таблицах, при предпосылке, что они не уклоняются от жизни, нечто очень полезное, попытка их дальнейшей разработки явится не простой игрой остроумия. Мы укажем на неизбежно вытекающие результаты, если каждую отдельную комбинацию рассматривать, как деятельность; отсюда будет ясно, какие комбинации надлежит применять, и каких надлежит избегать. Мы приведем здесь конец одной из уже имеющихся схем и продолжаем ее.

Если мы под обороной будем понимать только отпор, т.-е. чистую пассивность, которая является единственно присущей ей, то все приведенные результаты неизбежным образом будут вытекать из активных моментов армий. Если же оборона будет стремиться к чему-нибудь другому, то она должна превратиться в наступление, и, следовательно, перестать быть тем, чем она есть. Оборонительная стратегия не имеет иных целей, кроме обеспечения собственных сообщений, оборонительная тактика—кроме удержания своих позиций. При этом результаты кульминационного пункта боевой деятельности, т.-е. выигранного или проигранного сражения, могут представлять лишь указанные соединения. Выигранное сражение в положении, стремящемся лишь обеспечить собственные сообщения и довольствующемся отражением противника, т.-е. чисто оборонительный успех, не имеет иных результатов, кроме того, что позволяет мне оставаться на моей позиции, и следовательно не приводит к решению. Но при тех же условиях проигранное сражение, т.-е. сражение, в котором я был стратегически и тактически атакован и разбит, ставит на карту мое существование. Далее,—выигранное сражение, которое я даю лишь с целью обеспечить мои сообщения; такое сражение хотя бы я тактически и атаковал, приводит меня к победе лишь на поле сражения, так как, в виду моего стратегически оборонительного положения, я не могу ее использовать. Таковым было большинство сражений в Семилетнюю войну. Если же, напротив, моя атака будет отбита, то это мне не особенно повредит, при условии, что противник остается в положении тактической обороны. Если же противник, вследствие одержанной победы, перейдет в наступление, то положение уже будет не тем, о котором сейчас идет речь, а подойдет под предыдущую комбинацию, в которой предполагалось, что я обороняюсь как стратегически, так и тактически. Если же я нахожусь в положении, указанном третьей комбинацией, т.-е. наступаю стратегически и обороняюсь тактически, то отсюда так же не

Жизненные моменты.	а) страт. обор. и такт. оборона.	б) страт. оборона и такт. наст.	в) страт. наступление и такт. оборона.	г) страт. наступление и такт. наступление.
Отсюда вытекают результаты:				
а) Для выигранного сражения:	Полнейшая нерешительность.	Победа на поле сражения без последствий для всей кампании или войны.	Общее благоприятное положение для одержания победы, но безрезультатность таковой вследствие сохранения боеспособности противником.	Уничтожение противника, захват неприятельской территории.
б) Для проигранного сражения.	Гибель своей армии и утрата территории.	Отступление с целью нового перехода в тактическое наступление.	Последствия ликвидируются, вследствие выгодного стратегического положения.	Временный отказ от предпринятой операции.

может получиться какой-либо положительный результат, так как тактическая оборона, которая сводится лишь к защите, препятствует полному развитию стратегического наступления. Данное положение представляет размах без удара, т.-е. когда меч остается занесенным в воздухе. Но данное стратегическое благоприятное положение устраняет последствия тактического поражения, так как оно препятствует противнику, который по предположению стратегически обороняется, использовать стратегически свои преимущества. Наконец, как раз обратным первой комбинации является результат четвертой комбинации, т.-е. стратегического и тактического наступления, так как она представляет полную противоположность. Победа дает величайшие результаты, в случае же поражения, в лучшем случае, приходится начинать сначала. Следовательно, оценивая по этим результатам, мы должны признать, что существует одна абсолютно хорошая и одна абсолютно скверная комбинация, и две комбинации, результаты которых легко сводятся к нулю, так как их элементы взаимно парализуют свою действительность. Комбинации положений, в которых находился Наполеон в 1805 и 1806 годах, имели столь сокрушительную действительность, так как они и стратегически и тактически представляли высшую степень наступления. Для противников же Наполеона они являлись столь уничтожающими еще и потому, что комбинации, в пределах которых они оставались, представляли, в узком смысле этого слова, стратегическую и тактическую оборону.

В 1809 году позиция при Гаме таким же образом парализовала бы победы Наполеона, если бы противники оставались в положении стратегического наступления, и таким же образом сражение при Прейсиш-Эйлау парализовало стратегическую победу Наполеона. Этим же путем сражение при Лейпциге оказалось роковым для великого властелина, так как его противники сумели перейти к комбинации стратегического и тактического наступления, а он остался при противоположной, т.-е. в положении стратегической и тактической обороны. Таким же образом стратегически наступательное положение главной армии союзников парализовало последствия Дрезденского поражения, и таким же образом победа при Дрездене парализовала последствия стратегически победоносного движения главной армии.

Следовательно, если существует метод действий, при котором победа на поле сражения не дает мне никаких преимуществ, кроме возможности далее не отступать, а поражение приводит меня к полнейшему уничтожению, то такой метод является столь непригодным, что к нему я могу обратиться лишь совершая крупную ошибку, или вследствие постигших меня несчастных случайностей; попавши в такое положение, надо стремиться во что бы то ни стало из него

выбраться. Но существует и обратная комбинация образа действий, при которой, в случае победы, мне улыбается величайший успех, а при неудаче ничто не угрожает, кроме возвращения к исходному положению; она, несомненно, является самой желательной, и я всеми силами должен стремиться к тому, чтобы такое положение продолжалось, а если я из него вышел, то должен пытаться как можно скорее к нему вернуться. Из обеих крайних комбинаций схем одна ведет к самым неблагоприятным, а другая—к самым благоприятным последствиям, обе средние же являются такими, в которых стратегия и тактика взаимно парализуют друг друга. Ближайшее рассмотрение схемы вообще дает повод к интереснейшим замечаниям, а тому, кто воплотит в себе ее выводы, так что они станут его истинным внутренним достоянием, рассмотрение схемы дает твердую надежду на то, что он нашел в ней путеводитель, который во всех положениях укажет ему самым четким образом, куда и к чему ему надо стремиться. Значение, для работы в нашей области, такого постоянного побуждения на верный и лучший путь можно столь же мало отрицать, как и для всякой другой области работы. Но если бы эту попытку свести важнейшие найденные отношения к наглядному изображению кто-нибудь квалифицировал бы, как безвредную, но ничего не стоющую игру остроумия, то против этого во всяком случае надо протестовать. Вероятно всем известно, что иногда нужно только меткое слово, чтобы вызвать целый ряд удачных мыслей. Но поскольку более ценным является иметь перед собой в самом сжатом виде те выражения, которые немедленно и непосредственно вводят нас в круг важнейших и решительнейших идей, и даже указывают путь, по которому можно всегда притти к верному решению!

Заключение.

После того как мы отчетливо охватили полный об‘ем теории и ее важнейшие факторы, мы можем перейти к отдельным деталям. Прежде всего надо рассмотреть, какие выводы являются из исследования частностей. Их сначала предстоит сопоставить и изменить в соответствии с теми предпосылками, которые дает рассмотрение других сторон искусства; затем их надлежит свести в одно целое и, наконец, вывести законченную теорию, развитие которой и является нашей целью.

Никакая сложная теория не может выводиться иным образом. Все эти понятия, которые всегда оказываются сразу на лицо, когда искусство переходит к практике, теория может обсуждать лишь каждое в отдельности и одно за другим.

Но в конечном счете теория должна подчеркнуть, как отдельные выводы по каждой частности изменяются под влиянием целого. Эти изменения, по своему существу, на практике должны встречаться в бесконечном числе оттенков и представляют задачу прикладной части искусства; здесь его теория встречает наибольшие препятствия и трудности. Но теория в этом случае не отречется и не отступится от своей цели, так как приложение искусства не должно сводиться к движению ощупью втемную и к случайному выбору одного из одинаково сомнительных путей—для практики всегда должен иметься жизненный расчет функций; значение и достоинство каждой из них в отдельности должны быть известны.

При разработке отделов теории военного искусства, стратегия по такому же праву становится впереди тактики, по которому учение о свойствах стоит впереди учения о функциях, т.-е. по праву приоритета. Армии проявляют потребность в снабжении прежде боеспособности, и это первое свойство, к сожалению, всегда оказывается и более продолжительным, и более устойчивым. Это свойство пробуждается с первого момента существования армии и ни на секунду не покидает ее до самой смерти; боеспособность же, наоборот, позднее зарождается и раньше покидает армию, часто даже задолго до ее полного исчезновения.

ПОЗИТИВИЗМ ЛЕВАЛЯ.

Наиболее характерным военным писателем второй половины XIX века является французский генерал Леваль. Труды его наложили чрезвычайно сильный отпечаток на французскую военную мысль и оказали сильное влияние и на других, в том числе и русских авторов. Леваль первый, когда еще не было Файоля, а тейлоризм интересовал только узкий кружок, провозгласил необходимость научной организации военного труда, механизацию и индустриализацию военного дела. Вместе с войной масс, по мысли Леваля, фабричное производство должно было притти в военном искусстве на смену творчества мастеров. В основе мышления Леваля лежит философия Огюста Конта; но тогда как наши последователи Конта, Г. А. Леер и Н. П. Михневич, являлись позитивистами только по заглавиям своих трудов, по отдельным вступительным главам, не связанным внутренне со всем содержанием их работ, Леваль явился настоящим творцом—сначала позитивной тактики, а затем и позитивной стратегии. Его работы представляют глубокий интерес для нас в настоящее время, так как мы и теперь стоим перед теми же лозунгами, которые, как фабричная марка, бросаются в глаза на любой странице Леваля: рационализация, индустриализация, механизация, научные приемы организации, борьба с эмпиризмом и т. д. Могучий ум Леваля развил колоссальные усилия, чтобы обосновать исключительно на опыте и логике и тактику, и стратегию. Многие работники нашей военной науки в настоящее время одушевлены тем же стремлением рационализировать военное искусство, которому посвятил всю свою жизнь Леваль, и это, может быть, наиболее поучительный для нас французский писатель.

Левалю, молодому полковнику генерального штаба второй империи, уже в 1869 году удалось создать себе громкое имя своей первой научной работой. Она была посвящена очень скромной теме: походному движению армейского корпуса. Это был вопрос, в котором ярче всего обрисовывались выгодные стороны новых научных приемов Леваля. Почти каждая строчка современных тактических учебников, гласящая о походных движениях, имеет свои корни в блестящем докладе, сделанном Левалем. Раньше думали, что ходить, говорить, есть, спать—это такие простые функции, которые не требуют никакого научного подхода; а XX век, например, создает науку о том, как дышать... Леваль, присмотревшись к походным движениям, совершавшимся исключительно по обычаям старины, усмотрел целый ряд вредных пережитков. В эпоху Фридриха Великого перед выступлением игрался генерал-марш, все складывали палатки, строились на первой линейке, затем начиналось вытягивание армии. Такой прием давал максимальное обеспечение от дезертирства, так как спрятаться где-либо на площади бывшего бивака и отстать было крайне затруднительно; он являлся вполне рациональным для своей эпохи, хотя и был связан с тем, что части, составлявшие хвост походной ко-

лонны, стояли с одетыми ранцами в течение трех-четырех часов, в ожидании своей очереди двинуться по дороге. Французская революция поставила в ряды армии совершенно других бойцов; вопрос о борьбе с дезертирством отпал на последний план; однако, старый прием одновременного под'ема всех войск остался; Мюрат здоровался со своими кавалерийскими массами, когда все всадники были посажены в седло, а затем дивизии, долженствовавшие выступить последними, даже не спешивались в течение нескольких часов ожидания своей очереди движения. Все это нам, людям XX века, кажется противоестественным, но ни Наполеон, ни кто-либо другой, до Леваля, не обратил внимания на эти „мелочи". Леваль, поставив задачей тактики походных движений нахождение приемов, которые позволили бы совершать наиболее длинные марши в наиболее короткое время, с наименьшим утомлением для войск, и при условии сохранения в каждый момент боевой готовности, выяснил всю несообразность предварительного сбора войск, и полную возможность создать колонну на ходу, путем элементарного расчета глубины колонны и момента выступления каждой части.

Леваль сумел открыть также причины растяжки каждой части на походе. Рельсы не имеют постоянной длины, так как последняя увеличивается или уменьшается при изменении температуры; поэтому рельсы на стыках и не укладываются вплотную, а с известным зазором. Войсковые колонны на походе также не имеют определенной длины; известные затруднения, которые приходится преодолевать в движении, например, на под'еме, сейчас же отражаются на глубине колонны. Чтобы не вызвать остановок в движении, утомительно отражающихся на следующих в середине и хвосте колонны частях, нужно оставлять на стыке между частями определенные промежутки-дистанции. Леваль путем точных опытов и наблюдений пришел к определению необходимых для спокойного движения на средних дорогах дистанций между различными частями.

Он производил обширные опыты и наблюдения для того, чтобы установить, как сказывается повышение всего снаряжения на утомлении пехотинца, какая быстрота движения пехотинца является наиболее экономичной, как сказывается под'ем на затрачиваемых пехотинцем усилиях, какая ширина походного движения является наиболее выгодной, чтобы сохранить возможность проветривания колонны и движения всадников вдоль колонны, на сколько пехотинец, идущий в голове колонны, утомляется меньше, чем двигающийся в середине ее и т. д. Тактик вооружился динамометром, шагомером, начал считать пульс солдата, потребовал на помощь себе всю мудрость медицины и в результате создал основы для главы о походных движениях, занимающей и сейчас еще почетное место во всех полевых уставах.

Тактика боя удалась Левалю в меньшей степени, так как здесь он встретился с явлениями, которые чрезвычайно туго поддавались исчислению с помощью динамометра. Уже в области походного движения беглецы, отступавшие после боя, и покрывавшие до ста километров в сутки, обходившиеся при этом без тех комбинаций малых и больших привалов, которые также изобретены Левалем, принимавшие пищу далеко не в тот момент походного движения, который был установлен Левалем, как выгоднейший в медицинском отношении, и обходившиеся вовсе без сна, путали отчасти расчеты творца позитивной тактики. Поскольку явления самой пехотной атаки ирра-

циональны, постольку логика Леваля останавливалась пред ними, как будто попав в тупик.

Составив себе в тактике крупное имя и вынеся из войны 1870 года глубокую вражду к французскому „авось", которое отличается от русского маскировкой из громких фраз о значении вдохновения и интуиции, о перевесе таланта над расчетом и т. д., Леваль приступил к работе над стратегией. Ниже мы даем перевод приблизительно половины его чрезвычайно характерного „введения в позитивную часть стратегии [1]), обрисовывающего взгляды Леваля на военное искусство и военную науку. Мы выпустили в переводе филиппику, направленную Левалем против мысли о тесной связи между политикой и стратегией. Леваль здесь руководился личными чувствами, враждой по отношению к Гамбетте, взявшему в свои руки диктатуру над обороной Франции во вторую половину войны 1870 года. Но об'явление независимости стратегии от политики нужно было Левалю и для того, чтобы открыть более широкую арену своим позитивным приемам научной работы. Замысел, искусство Леваль относит к творческой, умозрительной части стратегии, которая его не интересует.

Он сосредоточивает все свое внимание на технической части стратегии; в его представлении рост масс душит творчество, уменьшает значение удачных планов и выдвигает на первый план технику исполнения. Будущая война рисуется Левалю, как лобовое столкновение миллионных армий, где все зависит от порядка, организованности технической организации, что вместе создаст крепкий лоб, который сумеет добиться победы; искусное же маневрирование в Наполеоновском стиле в наш фабричный век отходит, по его мнению, на второй план.

Принципиальный отказ Леваля признавать за политикой какую-либо роль в стратегии ведет прежде всего к тому, что Леваль только предполагает, что он работает над стратегией; на самом деле, его позитивные приемы позволяют ему разрабатывать только тактику—правда, тактику миллионных масс [2]). Собственно стратегическое мышление у Леваля вовсе отсутствует. Он заимствует у железнодорожной техники идею графиков, переносит в графики работу тыла по снабжению—это очень хорошо, это было охотно воспринято семи штабами, но все же это тактика, а не стратегия снабжения.

Любопытнее всего „стратегия маршей" Леваля. Отказавшись руководствоваться историей, видя в переживаемой нами эволюции военного искусства только элемент индустриализации, Леваль сосредоточивает все свое внимание на технике стратегии; но техника и все позитивные приемы Леваля не в состоянии обеспечить ему правильную постановку задания, выбор правильной цели. Леваль исходит из идеи сражения миллионных масс французских и германских войск на тесном пространстве одного из промежутков между участками, занятыми фортами - заставами, возведенными на франко-германской границе. Задание таково—движение миллионной армии на фронте около

---

[1]) Introduction à la partie positive de la stratégie. Parle génеral Lewal. Paris. 1892 г., стр. 99. По об'ему нашего труда, пришлось отказаться от помещения семи глав (номерация глав в переводе наша).

[2]) Интересно, что Г. А. Леер, также занимавший отрицательную позицию по отношению к влиянию политики, также должен был определить свою „позитивную" стратегию, как тактику театра военных действий.

100 километров, с последующим сосредоточением ее на фронте в 50 километров. Это задание открывает для позитивизма Леваля широкую арену: при таком столплении каждый вершок дорог должен быть использован для движения тяжелой артиллерии и подвоза снабжения, чтобы войска не остались без патронов и не умерли с голоду. Пехоте, кавалерии и полевой артиллерии нельзя позволить вовсе ходить по сколько-нибудь большим, сквозным дорогам; они должны уже на походе двигаться по колонным путям—частью полем, частью порожними участками проселков, не имеющими сквозного направления и не применимыми для подвоза снабжения. Сквозь эту ужасную кучу должны пробиваться вперед резервные корпуса; они же, по ходу боя, должны сохранить возможность производить в тылу рокировочные движения. Эти задачи со своим громадным умом и решает Леваль. Он не отрывается от почвы опыта, и, будучи корпусным командиром, заставляет свой корпус на маневрах наступать в полосе четырех-километровой ширины, оставляя имеющееся шоссе свободным для армейского снабжения и тяжелой артиллерии. Эксперимент дает удовлетворительные результаты: несколько медленнее, производя некоторые опустошения в заборах, строя мостики, корпус на средней местности может совершать походные движения и без дорог.

Мировая война дала фронты, в десять раз более широкие, чем те, которые предвидел Леваль, и пехота не только не оказалась изгнанной с дорог, но получила их в свое распоряжение в гораздо большем изобилии, чем в 1870 году. Вместо того, чтобы идти колонными путями, многие части с комфортом следовали на поле сражения на автомобилях. Жестокая гимнастика техники тыла и маршей миллионных армий, к которой приводило учение Леваля, непосредственного применения не нашла, но разумеется, французские штабы, принаровленные на гораздо более трудную работу, легко справились с более легкими условиями мировой войны, а под Верденом когда тыл оказался стесненным почти так, как думал Леваль, французский генеральный штаб показал себя на большой высоте.

Мы можем отметить могучие следы влияния позитивного материализма [1]) Леваля даже на мышление таких авторов, как Фош, хотя у последнего намечаются уже другие тенденции и тяготения. И все же мы должны признать, что Леваль, со своим материалистическим — позитивным подходом вносил удивительную ясность и пожинал богатую жатву в одной категории военных вопросов, а в другой категории оказывался младенчески бессильным. Это об‘ясняется отказом Леваля от учета исторических и политических данных, и указывает нам пределы достижения узко-позитивной логики. Позитивизм Конта позади, но полезно иногда оглянуться на него, чтобы не повторять его ошибок.

Редакция.

---

[1]) Обращает на себя внимание склонность Леваля цитировать таких писателей XVIII века, как Пюи-Сегюр. Рационализм в XVIII веке также был в моде. Если Леваль цитирует Клаузевица, то исключительно вследствие того значения, которое он имел для французской военной мысли в конце XIX века. В основных вопросах Леваль резко расходится с Клаузевицем. Мышление Леваля имеет окраску XVIII века; Гегель и Клаузевиц не восприняты им. Вместе с тем, надо отметить совершенно исключительные познания и эрудицию Леваля; он даже злоупотреблял своим хорошим знакомством с древне-греческим языком, что побудило нас опустить первую часть главы о двух частях стратегии, где Леваль старается основать свое понимание стратегии на филологическом толковании этого слова.

ВВЕДЕНИЕ К ПОЗИТИВНОЙ ЧАСТИ СТРАТЕГИИ.

ЛЕВАЛЬ.

I.

Изучение стратегии.

Постоянный рост вооруженных сил во всех государствах заставляет общественное мнение интересоваться, как их будут передвигать и использовать в случае вооруженного конфликта.

Постоянное усовершенствование вооружения придает этому вопросу еще большее значение. Некоторые полагают, что они—на пороге открытия новых путей для ведения операций; все встревожены, находясь пред лицом неизвестного будущего, предугадать которое так трудно.

Маневры с участием больших сил, недавно состоявшиеся в России и Франции, выявили трудности вождения масс, возбудили много сомнений и поставили многочисленные вопросительные знаки.

Когда неограниченная никакими пределами растяжка организованных сил приводит к их разброду, когда обсуждение военных вопросов переносится на общественную трибуну и там запутывается, и когда, наконец, пропагандируются самые странные теории, то надо опасаться понижения военной мощи; эту угрозу следует предотвратить.

Здесь перед нами как раз случай, когда следует вернуть мышление к точным методам военной науки, пропитать позитивизмом область высшего военного образования и поставить воображение и фантазию в самые тесные пределы.

В тот момент, когда столько лиц с столь явным непониманием обсуждает основные военные вопросы, может быть, будет не лишним обсудить самую высокую, но наименее известную из отраслей военного знания—стратегию, и показать, что она представляет в настоящее время, а главное—чем она должна стать, и восстановить ее решающее значение в вопросах, касающихся руководства операциями.

В этом можно было бы даже усмотреть необходимость. За последние полвека ничего не было сделано для уточнения

стратегии; наоборот, и писатели наставительные, и писатели фривольные внесли в нее целый ряд привходящих вопросов, среди которых она погрязла, затуманилась и как бы денатурировалась. Романтизм, всеобщая история, политика, дипломатия, филантропия, физиократия, социализм и т. д. и т. д. внесли в нее принципы и афоризмы, которые толкали ее скорее к метафизике, чем к реализму.

Это движение направлено в обратную сторону по сравнению с эволюцией, имеющей место в искусстве и литературе, и это противоречие является довольно любопытным. К стратегии примешали все, правда, за исключением технических знаний. Писатели, считая их безусловно необходимыми, повидимому, полагали излишним напоминать о неизбежной их обязательности. Но общественное мнение, увидав, что вопрос о них не дебатируется между военными доктринерами, пришло к заключению, что они бесполезны, и что можно рассуждать о стратегии без какой-либо подготовки.

Включив в стратегию столько аксессуаров, ее превратили в своего рода энциклопедию, в которой существенная ее часть, т.-е. ведение операций, оказалась как бы задушенной среди самых разнообразных сведений.

Это привело к известной путанице. Главный, доминирующий вопрос—практика, оказался упущенным из сферы внимания. Началось блуждание среди диссертаций, мечтаний, концепций большого размаха; в погоне за призраками действительность оказалась забытой.

Попытаемся очистить стратегию от этих паразитических наростов, под которыми прячется остов, та позитивная ее часть, которая является устоем высшей науки о войне.

II.

Стратегический роман.

Романтизм испортил стратегию. Он совратил ее с твердого пути науки и превратил в некое фантастическое, парадоксальное и неопределенное искусство, базирующееся на зыбкой почве, в какую-то улицу, на которой каждый, как ему заблагорассудится, может чертить любые вензеля.

В свое время Эзоп доказал, что наибольшее распространение имеет мания медицины, так как всякий готов помочь соседу советом в случае любой болезни. В наше время стратегов больше: все, за малыми сключением, берутся за военные вопросы.

В талантах и остроумии недостатка нет, но компетентность отсутствует.

Воинственный инстинкт галла влечет его ко всем военным делам, но в то же время внушает ему явное отвращение к изучению связанных с ними вопросов. Современный буржуа по существу своему милиционер. Это явствует из обсуждения во всех парламентах законов, касающихся армии. Буржуа любит рыцарскую сторону войны и ненавидит подробности. Он без ума от военного мундира и проклинает строевое учение.

В то же время он анти-милитарист и имеет отвращение к дисциплине; он обуреваем фантазией. Он не чувствует в себе скромных добродетелей солдата, но охотно воображает, что обладает достоинствами вождя.

Рассуждать о войне — для него большой, опьяняющий соблазн. Он готов похвалить, но охотнее порицает. Он критикует все, что делается, а равно и все то, что не делается. Мы уже видели: он дискредитирует профессионалов. Больше всего он любит воображаемые операции и планы кампаний. Он бы охотно изобрел умозрительную стратегию, если бы таковая уже не существовала.

С того дня, как господин Прюдом [1]) вступил в ряды национальной гвардии, его осенили стратегические идеи. Количество воинственных нелепостей, до которых он со своими многочисленными единомышленниками додумался, не поддается исчислению. Это понятно, людей привлекает область фантазии; обобщения прельщают, высокие концепции заманивают, не трудно оседлать химеры, и можно охотно провести несколько часов в области грез. Там нет ни границ, ни препятствий; там можно свободно кроить и строить воздушные замки, не заботясь о практических возможностях, на которые смотрят с презрением.

В области выдуманного всякий замысел кажется выполнимым. Если судить по внешности, то руководство представляется легким делом; полагают, что достаточно иметь идеи, а стратегическими идеями преимущественно богаты люди, чуждые военной профессии.

Уже давно Клаузевиц сделал следующее замечание:

„Когда вы читаете рассказы великих полководцев о своих походах, когда вы видите, что они приводят в движение сотни тысяч людей с такой легкостью, как будто дело касалось исключительно их собственной персоны, когда вы слышите их об'яснения, при чем из самых несложных соображений вытекают те заключения, которые руководили их действиями, иногда приписываемыми даже простому проявлению инстинкта, то ничто не кажется проще, как руководство армией".

Многие люди, действительно, убеждены, что не существует ничего более легкого. Однако, весьма ограниченное

---

[1]) Прюдом—литературный тип, олицетворяющий удовлетворенное ничтожество, мещанскую банальность. *(Прим. переводчика).*

число великих полководцев, повидимому, указывает, что задача труднее, чем это думают.

Военные писатели, занимая другую точку зрения, часто поддерживали заблуждение, что стратегия доступна для всех. Разве не писал Жомини следующие слова:

„Стратегия слагается из неизменных географических рубежей, относительное значение коих варьирует в зависимости от расположения неприятельских сил, расположения, которое может всегда представить лишь немного комбинаций, так как неприятельские силы могут быть разделены или сосредоточены к центру, или на одном из двух флангов. Нет ничего проще, как подвести столь простые элементы под правила, вытекающие из основного принципа войны. В виду этого, никогда военная наука не получала такой определенности, как современная стратегия". (Большие операции. Введение.).

Этот тезис абсолютно оспоримый. Стратегия отнюдь не является ни простой, ни определенной. В прошлом это ясно из огромного количества имевших место неудачных комбинаций, а в будущем задача будет еще гораздо сложнее, вследствие огромных масс, которые придется передвигать.

Это сама очевидность, и все-таки многие храбро пускаются в стратегическую дискуссию. Повидимому, против этого соблазна невозможно устоять. Этим обозначается то огромное количество ненужных высиженных трудов, вносящих в стратегию роман и подменяющих в ней рассуждение, расчет, науку и даже историю искусственными блестками или более или менее остроумными выпадами.

С 1870 года мания стратегии разрослась до колоссальных размеров. Наши неудачи являлись благодарными залежами для эксплоатации. Критика, нападки, обвинения и клевета обрушились на тех, которые скромно выполняли свой долг. Те, которые сделали немного, и в особенности те, которые ничего не сделали, свирепствовали. Каждый из них спас бы родину, если бы только послушались его предложений. У каждого был собственный план и каждый предлагал свои советы.

Старая история ритора, который давал в Эфесе уроки военного искусства и преподавал то, чего он сам не знал, остается и посейчас истиной.

Некий проповедник ораторствовал так:—Выйдя в незанятый район, франк-тиреры [1]), описав большую дугу, бросятся веером во фланг противника и, загнувшись в подкову, ударят ему в тыл. Эти части, растянутые на обширном пространстве, конечно, будут представлять только кордон, но этот кордон явится огромным охватывающим фронтом, и из охвата постепенно образуются тиски.

---

[1]) Вольные стрелки. (*Прим. перевод.*).

Другой утверждал:—Для ученых комбинаций теперь не время. Достаточно одной энергии. Одна из армий, двигаясь укрыто лесами, широким охватывающим движением перережет неприятельскую операционную линию, тогда как другая армия, внезапно переправившись через реку, атакует его с фронта. Противник окажется захваченным врасплох и поставленным между двух огней, ему не уйти от уничтожения.

Вспомним эти красноречивые тирады, в них имеется все— воспоминания, реминисценции, фантазия, за исключением практических представлений. Фабриканты проектов и планов считали осуществимыми порождения своего мозга и не замечали, что их пальцы, великолепно гулявшие по карте, не представляют собой ни моста, ни сети, ни тисков. Между их концепцией и какой-либо возможностью ее осуществить лежала пропасть, которая осталась не перейденной.

Третий писал:—Противник внезапно обрушивается на нас, атакует, отбрасывает и беспрерывно наносит нам новые потери. Мы не должны этого терпеть. Мы должны поменяться с ним ролями, и тогда в успехе не придется сомневаться.

Эти шумные и лишенные смысла фразы напоминают собой уроки фехтования господина Журдена [1]): дело заключается в том, чтобы давать удары, но не получать. Этот Мольеровский рецепт вновь серьезно рекомендовали, без указания средства, как этого достигнуть.

Пол века тому назад Клаузевиц довольно зло критиковал эту романтическую стратегию:

„Очень легко составить проект обхода противника справа или слева. Идея сосредоточить армию, чтобы всюду иметь превосходство над растянувшимся противником, мысль восполнить меньшую численность быстротой движений, все это так же легко сообразить, как и высказать. Следовательно, нам не приходится восхищаться таким открытием, и о столь простых мыслях можно только сказать, что они очень просты“. (Книга I).

До нашей роковой войны, два остроумных писателя, подхватив идею Клаузевица, ввели в „Великую Герцогиню“ сцену, в которой фабриканты планов кампании дают столь обычный совет: разрезать и проглотить [2]), как гимназический бутерброд. Над ним много смеялись, но урок не пошел в пользу и никого не исправил.

Пришлось встретить их достаточно и в жизни.....

Реорганизация армии, защита страны, будущие операции и системы войны дали неисчерпаемую пищу для все возра-

---

[1]) Герой Мольеровской комедии „Мещанин в дворянстве“, которому наставник в философии об'яснил, что он говорит уже 40 лет прозой.
(*Прим. переводч.*)

[2]) В подлиннике: завернуть. Игра слов: envelopper одновременно означает и „охватить“. На русской сцене цитируемая Левалем пьеса идет, повидимому, под названием: „Герцогиня Герольштейнская“. (*Прим. переводч.*).

ставшей мании стратегии. Военная идеология представляет замечательный источник постоянного развлечения, беспредельное поле, на котором забавляются тем, что сталкивают друг с другом человеческие массы, и где разрабатывающему планы кампаний кажется, что он проявляет свое могущество. Этими воображаемыми сражениями люди вызывают в себе опьянение и дурман победы, как курильщики опиума доставляют себе опьянение и дурман страсти.

В таких диссертациях все является продуктом умозрения, и ничто не исходит от позитивизма. Все затрудняются уточнять, в то время, как обобщая, генерализуя, каждый может мнить себя в некотором роде генералом.

Часть стратегии, являющаяся искусством, весьма доступна. Все хорошо себя чувствуют в этой туманной сфере. Замыслы, планы и критика представляют легко мнущуюся клячку. Она складывается, растягивается, обращается в шарик, сплющивается и покорно принимает самые разнообразные формы. Ничто в ней не определено, приемлемыми являются всевозможные конъюнктуры и допустимыми — любые гипотезы. Каждый может рассуждать на свой лад, даже экстравагантность не встречает возражений, так как в крайности можно допустить и невозможное.

Если верить декадентам, то смутные идеи и универсальные принципы применимы во всех случаях. Многие люди, не имеющие ни малейшего понятия о военном деле, не сморгнув приступают к высшим военным вопросам, высказывают свое мнение относительно магазинного ружья или бездымного пороха в момент, когда специалисты еще воздерживаются высказать свою точку зрения.

Другие писатели об'ясняют, что будет представлять война в будущем, каким образом будут использовать массы, как будут давать сражения на суше и на море, и указывают, что произойдет в 1893 или 1900 годах.

Эти остроумные книги легкого жанра отдают апокалипсисом. Они более или менее напоминают пророчество священника из Дортмунда о трехдневном сражении на перекрестке Було. Чтение этих книг доставляет такое же удовольствие, как чтение романа, но и все.

Этот сорт литературы отличается отвлеченным характером, цитатами, относящимися к частным случаям, неправильно обобщенным, и большой тягой к техническим выражениям: стратегический пункт, стратегические перевозки, стратегическая железнодорожная станция, стратегическая железная дорога и даже стратегический трамвай, ключ позиции, операционная линия и т. д. и т. д.

Эти превратные понятия, ставшие столь обычными в наше время, также превентивно критиковал тот же Клаузевиц. Он говорил: „Выражения: господствующая позиция, прикрываю-

щая позиция, ключ позиции и тому подобные, в большинстве случаев представляют слова, лишенные какого-либо смысла. Некоторые ученые стратеги предпочитают употреблять эти мрачные выражения, чтобы замаскировать слишком явную банальность своих военных комбинаций; толкование этих терминов является излюбленной темой, которую они развивают своим ученикам“ (Том I, стр. 403).

Правда, громкие термины накладывают на труд отпечаток эрудиции, но в действительности ничего не означают, так как их значение является по существу временным и относительным.

В этих туманных повествованиях, в которые не проникает ни малейшего света, все претендует на глубину, но в действительности предлагается только пустота. Эти военные концепции напоминают театральные пьесы, являющиеся плодом мысли, чуждой сценическому искусству, и следовательно не поддающиеся постановке.

В городском ли театре и на театре операций пред‘являются однородные требования: надо оставаться на почве практики и прежде всего хорошо знать ремесло. При отсутствии этих основных условий, провал неизбежен.

Но в первом случае автор наносит вред только самому себе, во втором, выдавая мираж за действительность, он вредит общественному делу и возбуждением химерических надежд разочаровывает до отчаяния.

Подобные эскизы приводят к очень опасным заключениям. Если стратегические решения даются так легко, что являются по плечу каждому, то почему они ускользают от военных профессионалов? Неспособные ли они люди или изменники? Это рассуждение, имеющее место в смутные времена, получает веру, вследствие усердной аргументации романистов стратегии. Вот это—печальное следствие стремления превратить в игру воображения серьезные вопросы войны.

III.

История в стратегии.

История, которая представляет одну из основ стратегии, причинила ей почти столько же вреда, как и роман, так как отвлекала ее от рационального, технического и позитивного пути, и толкала ее к эмпиризму.

Верный отчет о фактах, добросовестное исследование причин и следствий и точное фотографическое изображение событий—такая история представляет драгоценный источник для поучения. Когда история уклоняется от этого пути, то она не только теряет всякую поучительность, но становится

источником заблуждений. Это в особенности верно в военном отношении.

Можно сказать, что не существует ни одного труда по всеобщей истории, который бы точно и верно излагал военные события. Большинство писателей исходит из определенных убеждений, видят все с особой точки зрения; на них оказывает влияние среда, и они описывают и оценивают события не как беспристрастные судьи, а как представители заинтересованной стороны.

В таких неизбежных условиях история представляет такую же фальсификацию, как и роман. Воображение накладывает на нее более слабый отпечаток, но страсти—таковой же. То, перед чем преклоняется один, осуждается другими. В зависимости от руки, которая держит перо, те же факты излагаются совершенно противоположным образом.

У самых ученых и самых добросовестных писателей можно найти описания военных операций, представляющие совершенно различные картины, и мысль сбивается с толку в поисках истины.

Некомпетентность в военном отношении историков [1]), с точки зрения исследования, делает их труды бесплодными. Они часто ошибаются, так как предметы, о которых они говорят, и термины, которые они употребляют, им чужды. Они не вовремя хвалят и критикуют, то вознося ничтожества, которым мимолетно благоприятствовал случай, то осуждая блестящие решения, которым изменили обстоятельства.

Только очень образованные военные могли бы писать военные хроники и об'яснить и оценить чисто военные события. Но таковые встречаются очень редко; отсюда столько допущенных ошибок. Большинство историков лишено возможности составить собственное мнение; они пользуются более или менее признанными взглядами и иногда несколько изменяют их на свой лад. Это другой способ возникновения стратегической романтики. Тьер является главным представителем этого жанра. Его блестящий стиль скрывает убогость доводов, стушевывает ошибки и оправдывает дерзость суждений. Его оценки представляют ложный след для изучения военной истории.

Его литературный успех и претензии стратега имели не мало последователей. Теперь часто приходится исправлять неточности, которые приводились последующими историками, как достоверное предание.

Некомпетентность в суждении о фактах приводит к противоречиям в повествовании и к обычно бессознательному

[1]) Блестящее исключение представляет Ганс Дельбрюк, перешедший от филологической критики источников по войнам к критике по существу, что и обусловило удивительное богатство завоеваний его мысли в истории.

(*Прим. редакции*).

искажению исторической истины. Но она приобретает еще гораздо более серьезное значение при переходе от рассказа о событиях к их оценке. А между тем ценность истории заключается исключительно в необходимом для нея элементе— в критике. Критика заставляет восходить к причинам, выводить из них следствия и давать оценки. Велики затруднения и опасны соблазны...

Некомпетентный писатель критикует специалистов; это неизбежно, и неправильные приговоры сами по себе не слишком большое дело; найдется лучше осведомленный человек, который исправит или вовсе отменит их.

Зло заключается в том, что автор, описав и оценив военные операции, давши аттестацию тем, которые ими руководили, и указав, что следовало делать, приходит к заключению, что при случае он сам мог бы явиться вождем, и в результате историческая критика оказывается причиной, по которой столь большое количество стратегов существует теперь вне кадров армии.

Опираясь на сомнительные, хотя и исходящие от великих полководцев указания, многие полагают, что изучения военной истории достаточно, чтобы проникнуть в тайны стратегии. Но одна военная история, к тому же еще плохо понятая, приводит к традиции, как называют рутину, и она сразу убивает и размышление и расчет.

У историков почти исключительно господствует эмпиризм. Они делают извлечения из более или менее достоверных, более или менее однородных военных фактов, взятых в большем или меньшем числе, и подразделяют их на две рубрики. Первая включает события с успешным концом, в их духе и рекомендуется действовать в будущем; ко второй относятся события с плачевным исходом, и благоразумие не советует брать с них пример. История в конечном счете только весы. Одна чаша содержит все то, что приводило к успеху, другая все то, что обусловливало неудачу. Вывод таков: действуйте так-то, остерегайтесь того то; так учит нас прошлое и таковы должны быть правила для будущего. Начинается рабское подражание.

Сведенная в такие убогие рамки стратегия, казалось, представляет самое легкое и всем доступное искусство, инструмент, на котором можно играть, не изучив его предварительно.

Многие часто думают, что они стоят на твердой почве, если могут провести в подтверждение дела или слова одного из великих полководцев. Его действия и его слова были хороши в свое время. Но если теперь обстоятельства изменились, то они больше ничего не стоят. Чтобы придти к заключению, необходимо произвести очень деликатное исследование обстановки, что невозможно для человека, чуждого военной профессии.

Без внимательного обсуждения, очень опасно брать из истории и образцы для военных комбинаций, и все же это очень часто имеет место. При этом исходят из принципа, что история постоянно повторяет сама себя. С военной точки зрения нет большего заблуждения. И сколько ошибок было сделано, когда совершенно не к месту воспроизводились образцы, неправильно истолкованные или неточно переданные.

Но это не останавливает подражателей. Копировать легче, чем творить.

Стремление повествователей превращаться в стратегов, несомненно, представляет очень странное явление. Мы не встречаем его ни в какой другой профессии.

В живописи, в музыке, в поэзии, в литературе имеется большое количество критиков искусства, и среди них встречаются превосходные. Одно дело—критика, а другое творчество. Мы усматриваем, чувствуем, подчеркиваем недостатки и ошибки, сознавая одновременно, что мы неспособны создать равноценное осуждаемому произведению. Никто не рискнет на это, и даже мысль об этом ни у кого не зарождется. А между тем, результатом такой попытки явилась бы только плохая картина, неудачная музыкальная пьеса или жалкая книга, которые никому не причинили бы вреда, разве что подписавшемуся под этим творением лицу.

Иначе обстоит дело с военными операциями, где на карту ставится судьба отечества. За них берутся без ремесленной выучки, без технических знаний.

Эта аномалия, без сомнения, является следствием двойного характера стратегии. Обычно не замечают ее научной стороны и усматривают в ней исключительно творческую часть; каждый и воображает, что у него талант мастера, творца, художника.

В литературе, в искусстве, в политике иногда приходится встречать извинения в том, что высказывают суждения о малоизученных вопросах. В стратегии никто не извиняется, приступая к разбору наиболее сложных вопросов: это считается вполне естественным. В соответствии с этим, от слов переходят к делу.

Разве мы забыли, как счастлив и доволен был господин Тьер, когда об'езжал лагери, производил смотры и давал указания по фортификационным работам; он воображал себя командующим армией.

Лувуа держал себя также, и Людовик XIV насмехался над военными претензиями своего статс-секретаря, когда видел, как последний входит в роль командира полка. В 1691 году, во время осады Монса, излюбленный министр изменил положение одной из главных застав. Заметив это, король сказал своей свите: „Разве это дело Лувуа? Он воображает, что он „великий полководец и знает все“. (Дневник Данжо, 11 апреля).

Многие другие были о себе того же мнения. Непризнанные военные таланты мутят много голов. Они мечтают о том,

чего не знают, неизвестность привлекает их, и они не могут устоять против такого соблазна. Комнатных стратегов и кабинетных воителей развелось целый легион.

Тем не менее они вторгаются только в одну область стратегии, наименее реальную и наиболее соблазнительную: в искусство комбинаций.

Воображением править легче, чем разумом. В замысле прельщает дерзость, а не основательность. Большинство любит внешний вид и не интересуется остовом. Великие и смелые дерзания с первого взгляда кажутся красивыми; изыскание же практических путей является тяжелым и мало заметным трудом. Только люди ремесла знают, насколько существенна вторая часть. Другие о ней вовсе не заботятся. Да как бы они могли ее знать? В истории она не упоминается.

Можно допустить, что история в некоторой степени передает замыслы, но она совершенно несостоятельна, когда повествует о выполнении его, на которое накладывает явный отпечаток особенности данного частного случая.

Было замечено очень верно: понять войну легко, но вести ее трудно. Этот афоризм проводит верную грань между двумя частями стратегии: комбинациями и выполнением. Всюду и всегда теоретическая идея проявляется только в своем приложении к действительности; замысел оценивается только по выполнению. Это позитивный закон, и если он не всецело об‘емлет стратегию, то во всяком случае является для нея руководящим.

Люди большой энергии уделяют ему огромное внимание и придают мало значения комбинациям. Мощное и искусное выполнение они ставят гораздо выше замысла.

Эта расценка, может быть, преувеличена. Влияние комбинаций гораздо больше отражается на неудачах, чем на успехах. Редко бывает, чтобы довольно удачный замысел обусловливал победу, но плохой неизбежно приводит к катастрофе.

Выполнение способствует успеху хорошей комбинации и приходит на помощь посредственной; но оно бессильно, когда замысел негоден, вот что надо понять.

Перевалить через Малый Сен - Бернар, чтобы по долине Аосты спуститься в Италию, это—правильная мысль. В июне 1691 года выполнить ее попытался генерал-лейтенант Ла-Огет; этот замысел привел к изрядно громкой неудаче. В 1800 году за эту мысль ухватился Бонапарт; замысел мог опять не дать больших результатов, если бы секрет операции был разглашен. Быстрота выполнения в данном случае обеспечила удачу.

План кампании 1796 года в Германии, составленный Директорией и разделявший наши силы на три группы перед лицом такого противника, как эрцгерцог Карл, был глубоко порочен, и самое блестящее выполнение не могло предотвратить неудачу; она и имела место, несмотря на все таланты Журдана и Моро.

В 1806 году прекрасный замысел Наполеона, несомненно, является одним из элементов успеха; однако, противник сохранял возможность ослабить его размах своим маневром. Величие победы об‘ясняется преимущественно превосходным во всех отношениях выполнением.

Вторжение в Богемию в 1866 году, произведенное отдельными колоннами прусских войск, рассматривается, как неправильная комбинация, так как она была связана с риском натолкнуться на заранее сосредоточенную австрийскую армию. Решительность и быстрота выполнения исправляют ошибку, заключавшуюся в плане кампании.

Наш замысел, имевшийся к началу кампании 1870 года, по существу, не был ошибочным. Распределение французских сил на две группы (в Эльзасе и на Сарре), связанных третьей, расположенной в Вогезах, открывало возможность действовать против неприятельского фронта или фланга и нанести сильный удар или правым или левым крылом; это была, несомненно, разумная группировка. Выполнение никуда не годилось; высокие качества войск не смогли поправить дело.

Комбинация, которая толкала Шалонскую армию на помощь осажденному Мецу, была иррациональной. Политика заставила принять этот замысел к исполнению; но даже превосходное выполнение не могло предотвратить его неудачу. Военные по ремеслу могли легко это предвидеть.

В 1870 году турская делегация, повидимому, вдохновлялась мыслями, которые дали такой жалкий результат в течение кампании 1796 года на германском театре. На подобие Директории, она разделила французские силы, тогда как быстрое их сосредоточение было единственным шансом на спасение Парижа. Недостаток замысла не мог быть устранен качеством выполнения, и неудачи были неизбежны.

Этих примеров достаточно, чтобы показать, насколько заблуждаются составители планов кампаний, когда они руководствуются историческими воспоминаниями. Пытаясь подражать прошлому, можно легко себе вообразить, что воспроизведение замысла—практическое дело. Отсюда умозрительная или фантастическая стратегия, отсюда ошибки, за которые приходится дорого расплачиваться.

IV.

Две части войны.

Идея может проявиться, только реализуясь и олицетворяясь в действительности. Следовательно, имеются две категории: замысел и выполнение, отвлеченное мышление и осуществление.

Невыясненный и посейчас двойной характер стратегии был тем не менее разгадан и даже очерчен выдающимися писателями.

У Фекьера значится: „раз решение вступить в бой принято, надо перейти к средствам, которые позволили бы осуществить его с успехом. Часть этих средств можно предвидеть, а другие выяснятся в самый день боя“ (О сражениях).

Повидимому, он усматривал таким образом позитивную, если не научную, часть стратегии, и другую часть — умозрительную или творческую.

Маршал Пюи - Сегюр утверждал со своей точки зрения: „я думаю, что вне всяких войн, вне армий можно изучить, исключительно исследованием, всю теорию маневренной войны. Эту теорию я называю свободным военным искусством. Армия представляет только механизм, который приводится в движение и ведется в бой этим искусством. Это то самое искусство, которое учит нас составлять план войны“. (Военное искусство, предисловие).

Свободное [1]) военное искусство! Да ведь это умозрительная стратегия, искусство комбинаций, а механизм—это часть позитивная или научная.

У всех писателей мы встречаем ту же, более или менее затуманенную мысль, так как она лежит в самой сущности стратегии.

Война ведется не только в мозгу, как это думают некоторые люди. Мозг скорее является органом разрабатывающим, чем творческим. Мозгам надо доставить всевозможные данные, а последние являются позитивными. Разум, суждение и индукция перерабатывают эти данныя, в результате чего выходит комбинация, проект операции (часть умозрительная). Затем, чтобы уяснить, насколько эта идея осуществима в жизни, необходимо вмешательство расчета (позитивная часть).

В зависимости от фазы, изменяются сущность и условия задачи. В области теории господствуют разум и воля; действие здесь имеет преимущественно духовный [2]) характер. Это искусство с сопровождающими его неожиданностями, произволом, порывами и беспредельностью.

Затем надо покинуть эти высоты, где господствует полная свобода, и снизойти на землю, где все является сплошным препятствием, перейти от воображаемого к действительному, привести в движение отдельные единицы, импульсировать массы, преодолевать сопротивление, удовлетворять все требования, предвидеть, расчитывать. Здесь искусство блекнет, и на сцену выступает наука со всей своей точностью и позитивизмом.

Эго различие существенного, и его последствия особенно отражаются на способе подхода к рассмотрению военных

---

[1]) Пюи-Сегюр употребляет термин „либеральное“, которое мы перевели словом „свободное“ *(Прим. переводч.)*.

[2]) Дословно: моральный. *(Прим. переводч.)*.

вопросов и на методе того пути изучения, который приводит к знанию.

Стратегия представляет целое, составленное из замыслов и приложения к частному случаю, из материальных и моральных величин, из логики и расчета, из умозрения и позитивизма. Она имеет двойственный характер, или, вернее, состоит из двух частей. Она относится одновременно и к искусству, и к науке.

Наполеон I выражает это так: „Ахил был сыном богини и смертного: это образ военного гения. К божественной части относится все то, что вытекает из моральных соображений, характера, таланта, интересов вашего противника, общественного мнения и духа солдата, который побеждает, и силен, разбит и слаб, смотря по тому, каковым он себя считает. К земной части относятся оружие, укрепления, позиции, боевые порядки, одним словом все то, что касается материальных вопросов“. (Комментарии Наполеона. Том VI).

Мармон, повидимому, также хорошо отличал в стратегии две ее части, когда писал: „Позитивная часть войны всегда сводится к расчету времени и расстоянии, но моральная часть, касающаяся знания человеческого сердца, зависит от вдохновения, от таинственного природного дарования, которое редко кто имеет и никто не может преподать“.

Это более отчетливое представление о стратегии, ее раздвоение, если можно так выразиться, позволяет легче к ней подойти. Искусство и наука в ней соединяются, но не сливаются. Их методы не тождественны, а средства различны.

Искусство не допускает ни абсолютных законов, ни абсолютных принципов. Оно допускает самые разнообразные решения, полагаясь иногда на вдохновение или на опыт, чтобы извлечь, что возможно, из случайности. Его поле деятельности столь же беспредельно, как область воображения. Решения, замыслы и планы зависят исключительно от таланта полководца, и только от него. Этот талант ничто заменить не может.

Наука о войне стремится отвечать требованиям, подготовлять, предвидеть и сокращать ту часть, где господствуют случайности. Ее методы—организация, управление, усовершенствование оборудования, машинизация, как говорят в общежитии. Ее методы не зависят от дерзости предприятий и согласуются с ней. Для успеха требуется, чтобы учитывались обе категории — моральных и материальных элементов, и отдавалось должное каждому.

Отдельные народы отдавали большее или меньшее предпочтение первой или второй части стратегии, в зависимости от их интеллектуальных и воинственных склонностей. Одни любили крупные предприятия, стремились к отдаленным дерзким целям, которые возбуждали воображение, и уделяли

мало внимания организационным мероприятиям, вопросам безопасности или осторожности. Рыцарская часть у них господствовала. Другие действовали упорядоченно, избирали лучший подступ к ограниченным целям, все тщательно регулируя. У них особенно выявлялась практическая сторона.

Победа поочередно увенчивала оба метода действий. Первый привлекал больше внимания и давал больше славы, но продолжительные успехи и серьезные выгоды имел второй.

Различие между обеими ветвями стратегии еще больше подчеркнулось в связи с усовершенствованием вооружения и увеличением численности армий. Умозрительная часть стратегии имеет тенденцию к умалению, а позитивная к росту.

Клаузевиц предчувствовал эту идейную эволюцию; он один из первых, отметивших тенденцию к умалению умозрительной стратегии. Он утверждал, что „наука состоит исключительно из знания, искусство же требует творческих способностей".

Современные войны вполне оправдали его взгляд. Фельдмаршал Мольтке проявил гораздо больше научности, чем искусства, машинизация у него преобладала над замыслом.

Поэтическая сторона войны постепенно сходит на-нет. Ее блестящее очарование уступает место механизму. Искусство отворачивается от идеального, и все больше и больше уклоняется к реализму; это следствие, вытекающее из техники.

Руководство войной переживает существенную эволюцию. Операции широкого размаха, внезапность в большом масштабе и молниеносные удары больше не могут осуществляться. Масса является на смену протяжению. Все толкает к этому, в этом нельзя ошибиться.

Позитивная сторона стратегии идет на прибыль, как в действительности, так и в области идей. В этом направлении и надлежит ориентировать изучение, чтобы поднять уровень военной науки, элемента, значение которого растет вместе с численностью армий.

V.

Умозрительная часть стратегии.

Военное искусство, в частности его умозрительная или гадательная часть, прельщает. К ней легко подойти, она как-будто не требует усердного труда и представляется доступной для каждого. Искусство, природа которого не поддается дисциплине, предоставляет всем полную свободу мысли. Оно располагает туманными, случайными, иногда даже противоречивыми доктринами, и самые противоположные гипотезы не кажутся неправдоподобными. Можно занять точку

зрения, защищать ее, изрекать приговоры, не располагая эрудицией, и все же иметь вид человека, компетентного в военных вопросах.

Таким образом об'ясняется предпочтение, оказываемое умозрительной стратегии, так как ее красивый фасад позволяет не углубляться. Рассматривая этот стратегический фасад со стороны, касаясь только замыслов, грандиозных планов, в известной степени можно было бы думать, что умозрительная стратегия составляет удел особо одаренных натур, что она доступна только для выдающихся людей, что обычные приемы обучения здесь не к месту, и в конечном счете, по словам Наполеона, она представляет ряд интуиций, провидений, где знание излишне, и где достаточны одни природные дарования.

Эта мысль не новая; в свое время ее уже опровергал генерал Гибер:

„Кондэ, Люксембург, Евгений, Катина, Вандам и Виллар умели передвигать массы. Великие люди, о которых я только что упомянул, не ввели в армию ни новой организации ни новой тактики. Они не завещали нам никаких принципов. Может быть, они даже часто действовали, руководясь больше инстинктом, чем размышлением. В то время наука командования рассматривалась почти целиком, как врожденный дар, как бы подарок небес. Тогда едва себе представляли необходимость обучения и исследования“. (Том I, стр. 72).

Кое-кто не ушел дальше и в наше время, и исповедует ту же веру. Им кажется, что военный человек состоит сплошь из природных дарований. Школа, обновляющая теперь старину, еще сейчас берет под свое покровительство врожденные идеи. Некоторые верят в них и именуют себя спонтанистами или врожденцами, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к знаниям по наитию. Эти слова новейшей фабрикации недостаточно удачны и точны, и, повидимому, им суждена недолгая жизнь.

Почти все философы отбросили учение о врожденных идеях. Они рассматривают эту систему, как уловку людей, которые не в состоянии понять и не умеют об'яснить, и потому предоставляют своему рассудку витать и блудить в пустоте. Аристотель сказал: „Разум, еще не познавший—ничто, он представляет собой лист, на котором ничего не написано“.

Та же мысль выливается из-под пера Клаузевица: „Несомненно не существует никакой области, в которой мог бы работать человеческий разум, не располагая известным богатством идей; эти идеи, или по крайней мере большая их часть, не самозарождаются в мозгу человека, он должен их завоевать, и тогда они образуют его знание“. (Введение).

Философ и военный утверждают то же самое. Многозначительное совпадение...

Разве превосходство врожденно? Да, если подразумевают силу ума и природные способности, которыми одарен человек. Нет, если имеет в виду, что человек уже при рождении одарен решением всех задач какой-либо профессии.

Старая аристократия заблуждалась, воображая, что происхождение одаряет всем; вспомним ответ маркиза Доранта в комедии Мольера „Мещанин в дворянстве": „Мы, люди хорошего происхождения, имеем привилегию знать все, никогда ничему не учившись".

Вообще, много говорят о гении. Многие мнят себя гениями, но в действительности немногие им обладают. Гений, несомненно, является природным дарованием, так как предпосылками его являются широкая интеллектуальность и очень всесторонний ум. Это исключительный и интенсивный вид человеческого превосходства. Он выражается в предвидении и способностях, которые, в большинстве случаев, выходят за нормальные размеры.

Мы умалим гения, если будем стремиться видеть в нем лишь внезапное вдохновение, неожиданное откровение или молниеносное озарение. Привлекательность всего чудесного заставляет предполагать в великих событиях сверхестественные причины.

На войне данныя, имеющие самое реальное значение, не поддаются материальной оценке. Полководец, счастливо одаренный, угадывает их, благодаря своей проницательности, делает заключения о них на основании незначительных признаков или узнает их каким нибудь секретным путем.

Кое-что остается нам неизвестным, но это не основание, чтобы видеть здесь сверхестественное. Если бы мы знали больше, то приходилось бы меньше удивляться. Итальянская кампания 1796 года была облегчена Наполеону поездками инкогнито, которые он предпринимал раньше в Приморских Альпах, вплоть до Генуи, и владением итальянским языком. Без каких бы то ни было посредников, он один оказался знающим частные особенности, а дальнейшие события заставили это знание истолковать, как вдохновение и ясновидение.

Об'яснять успехи Наполеона его огромным умом, его проницательностью, его искусством, его энергией и его ученостью было бы слишком просто, и потому предпочитают видеть в его мышлении какую-то вездесущность или божественность.

В особенности досадуют, когда приходится соглашаться, что великие полководцы были образованными людьми.

„Поверие, столь распространенное в наше время, что полководцем надо родиться, и что нет необходимости в учении, чтобы развиться и вырости в полководца, является одним из многочисленных заблуждений нашего века, одним из общих мест, к которым прибегают самонадеянные и апатичные люди, чтобы уклониться от тяжких усилий, ведущих к совершенству. Да, гений, несомненно, родится вместе с нами,

но великий человек, кроме того, должен сформироваться. гений не является зданием, а лишь его фундаментом". (Эрцгерцог Карл. Принципы стратегии. Предисловие).

В примерах нет недостатка.

Ганнибал воспитывался своим отцом, выдающимся генералом Гамилькаром, который рано привлек его к работе над своими планами и быстро развил его ум. Он участвовал в Испанской войне, под начальством своего зятя Гасдрубала, следовательно, его природный гений развивался изучением и опытом. Он интересовался всем и работал без отдыха. Так говорит Полибий.

Один из выдающихся военных писателей нашего времени приводит почти что аналогичный портрет Кондэ.

„Чтобы лучше осветить характерные черты Тюрена, часто утверждали, что его доблестный конкурент полководцем стал внезапно и сразу же оказался победителем. Надо отбросить эту химеру: импровизированный в один момент полководец существует только в воображении; гений Кондэ, данный богом, был оплодотворен учением, и к тому же настойчивым учением под хорошим руководством; пять лет практической работы дали ему зрелость. Он быстро созрел, как плод, которому благоприятствовало солнце. Первыми же скачками он достиг апогея и сумел удержаться на высоте, не опускаясь по нисходящей линии. Его таланты были одинаковы, как при Сенеффе, так и под Рокруа. (История Принцев Кондэ. Том IV, стр. 249).

Всем известно, как Бонапарт изучал походы: он не просто читал военно-исторические труды, а держал перо в руках, отмечая, критикуя и делая выписки [1]). Чтобы овладеть военным ремеслом, он занимался по 16 часов в сутки. С управлением армиями он ознакомился в 1795 году, который он целиком провел в топографическом отделе Комитета Общественного Спасения. Необычайное прилежание Наполеона развило его суждение и позволило ему близко ознакомиться с военными вопросами.

Впоследствии, беседуя в 1809 году с Редерером, Наполеон говорил ему: „Если кажется, что у меня на все имеется готовый ответ и ничто меня не захватывает врасплох, то это следствие того, что прежде, чем что бы то ни было предпринять, я долго обдумываю и предусматриваю все, что может произойти. Это не гений мне внезапно по секрету подсказывает, что я должен сказать и сделать в обстоятельствах, которые для других являются неожиданностью; нет, это есть результат моего обдумывания и моих размышлений. Я всегда работаю".

В другой беседе он добавил: „Я убежден, что для того, чтобы быть хорошим генералом, надо не только иметь боль-

---

[1]) Это утверждение Леваля для юношеских лет Наполеона не соответствует истине, но верно для Наполеона в зрелом возрасте. (*Примеч. редакции*).

шой талант, но также большие знания. Глазомер и быстрота решения у великих полководцев доказывают только, что они необычайно близко освоились с необходимыми им знаниями".

Существует различие между качествами и способностями командования. Его можно было бы почти в точности отметить двумя словами: мочь и знать. Одни могли бы, но не знают, другие и знают, но не могут. Настоящий вождь соединяет в себе качества и способности.

В сущности, можно было бы обойтись без доказательства такой очевидности.

Прирожденные качества предпочитаются благоприобретенным способностям. Первые дает природа; вторые же дает только учение, а это менее улыбается.

В нас сидит еще остаток рыцарского мировоззрения, которого ничто не смогло изгладить, и в которое входит презрение к труду. Большинство восхищается людьми, которые бросаются в авантюры, не зная, куда они идут, не отдавая себе отчета в противниках, всецело полагаясь на свое мужество и свою звезду; к тем же, которые организуют, комбинируют и подготовляют, относятся более холодно.

Все очарованы Кондэ, когда он бросает свой маршальский жезл в неприятельские ряды и приказывает своим войскам отобрать его. Красивый жест, прекрасное вдохновение, не требующие ни работы, ни подготовки. К счастью, Кондэ знал и кое-что другое.

Старая традиция невежества основана на лжи. Изучение всех военных событий не оставляет в этом никакого сомнения. Одних природных дарований недостаточно для создания военного вождя. Сторонники врожденных идей тщетно стремятся поставить вновь на первый план вдохновение. Вдохновения больше нет, если оно вообще когда-либо существовало. Ему доверяются, а оно обманывает. Его зовут—оно не приходит. Вдохновение—это фантастическое, неуловимое божество, которое отзывается только на призывы образованных людей; а когда у командования не хватает надлежащих способностей, то расчет на внезапное прозрение оказывается мифом и ему остается только претерпевать неудачу. К сожалению, мы это видали слишком часто.

VI.

Моральный элемент.

В соответствии с предположением, что военные комбинации внезапно родятся в хорошо одаренном мозгу, любовь ко всему чудесному заставляет в войсках также усматривать только моральные элементы или, по крайней мере, приписывать им перевес.

Нет образования у начальников, нет образования и у подчиненных—этой нелепости нельзя отказать в логике. Чтобы избежать необходимости учиться вести войну, многие говорят: на войне моральные силы—это все.

Моральные и социальные вопросы интенсивно отражаются на сущности войны и гораздо меньше затрагивают ее ведение.

Почти во всех походах роль морального элемента выступает с полной очевидностью. Большее или меньшее напряжение существенно влияет на результат. Их воздействие реально, несомненно и капитально. Оно сказывается повсюду, независимо от перестроений, приемов, оружия.

По своей природе, моральные элементы не подчиняются разуму и еще меньше расчету. Иногда моральные силы ширятся, а порой внезапно ослабевают. Обращение с ними относится к очень деликатным операциям. Жомини относит моральный элемент к военной политике или философии войны.

Моральные факторы существенно никогда не изменялись. Храбрость, дисциплина, патриотизм, самоотвержение и презрение к смерти существовали во все времена. В том же виде мы их находим в священном батальоне Фив, у храбрецов Леонида под Фермопилами, у римских триариев, среди испанских терций и у ворчунов старой императорской гвардии.

Эти солдаты всегда были восхитительны. Такими останутся серьезные солдаты, пока они вообще будут существовать, пока на смену им не выдвинут милицию.

Природа моральных элементов не может измениться. Поскольку необходимым является уважение к моральным элементам, оказание им возможно большей поддержки, постолько же явится роковым допущение, что на войне—они все, и расчет исключительно на них.

Мы видели наемников, в особенности у Ганнибала, и даже рабов, которые дерутся не хуже граждан, воодушевленных большой любовью к родине; мы также видели каторжников, которые столь же хорошо держались под огнем, как и честные люди.

Увлечение крайностью заставит нас блуждать. Признаем же, что без моральных факторов или, по крайней мере, без части таковых, нельзя добиться многого, но что их одних недостаточно, чтобы ответить на серьезные требования войны. Они дают импульс, но не сами работают, а война в конечном счете является триумфом хорошо использованной материальной силы.

Не надо ставить образование выше военных доблестей, но недостаток в военном образовании всегда вел народы к гибели.

Обратим внимание на следующую заметку Жомини: „Прекрасная армия, умевшая хорошо маневрировать, хорошо дисциплинированная, но не имевшая умелых руководителей и

подготовленных в народе резервов, в 15 дней привела Пруссию к падению под ударами Наполеона". (Большие операции. Введение стр. 49).

В наши дни мы также видели прекрасных солдат, которые были разбиты, потому что ими плохо управляли. Следовательно, одной доблести, качеств и моральных элементов недостаточно.

Знание теперь полезнее, чем когда-бы то ни было.

Широкое распространение новых изобретений все больше стремится уничтожить материальные различия между армиями; успехи цивилизации все больше стремятся сгладить моральные различия между нациями; превосходство окажется за наилучше вымуштрованными, за более искусными, за лучше обученными; но весы судьбы, конечно, всегда чутко отзовутся, если на одну из чаш будет положен гений вождя.

VII.

Нетвердость принципов военного искусства.

Было бы ошибочно утверждать, что принципов военного искусства не существует; однако, эти принципы не имеют абсолютной ценности. Ценность принципов зависит от данного им применения и в этом заключается одна из главнейших трудностей военного ремесла.

Принципы военного искусства, чтобы не являться препятствиями, поневоле должны быть эластичными. Различные авторы дали им различную формулировку, в зависимости от их точки зрения или обстоятельств. Одни утверждают, что принципы несомненны, бесспорны, другие же считают их сомнительными и подлежащими критике. В результате создался ряд противоречий, расшатывающий наши убеждения.

Мы приведем несколько примеров в подтверждение сказанного.

1. Превосходство в численности на решительном пункте.—„Основной принцип всех комбинаций заключается в том, чтобы нанести возможно большей массой своих сил комбинированный удар на решительном пункте". (Большие операции. Том III, стр. 337).

Так говорит Жомини. Бог стоит за большие батальоны, говорили до него. Теперь же, когда таковые имеются у всех, начинают думать, что в один прекрасный день бог окажется на стороне хороших батальонов. Очень старая истина, высказана Вегецием в первых строках его „Военных учреждений": „Во всех видах боя победа скорее останется за искусством и опытом, чем за преимуществом в численности и доблестью, которыми плохо управляют".

Численность не является еще всем. То же утверждает и Клаузевиц: „Не следует думать, что все уже выиграно, если ваши преимущества состоят исключительно в численном превосходстве, так как в связи с другими обстоятельствами может легко оказаться, что обладание таковыми дает еще очень немного". (Том I, стр. 45).

Численность на решительном пункте не всегда обеспечивает превосходство. Моральные факторы могут компенсировать меньшую численность войск. Удачный маневр, быстрый подход подкреплений, внезапность, охват фланга, неожиданное сосредоточение артиллерийского огня, определенные выгоды местности в известный момент могут сделать на определенном участке более сильной сторону, не располагающую численным превосходством.

Следовательно, превосходство в числе на решительном пункте не является принципом.

2. Разделяться, чтобы жить, сосредоточиваться, чтобы драться.—В походе идеал состоит в том, чтобы быть сосредоточенным, так как разделение сил представляет положение, вызывающее беспокойство, и могущее даже оказаться роковым. Имея хорошую тактику снабжения и располагая железнодорожной линией, армия вовсе не нуждается в том, чтобы разбрасываться для возможности существования. Она скорее должна разделяться на части, чтобы двигаться и маневрировать.

Вышеизложенное утверждение не представляет цельности и не обязательно для всех случаев. Следовательно, это не принцип.

3. Никогда не избирать пункт сосредоточения в районе, где может предупредить противник.

4. Никогда не допускать, чтобы походные колонны оказались разделенными непреодолимыми препятствиями.—В 1866 году пруссаки пошли на то и другое, вторгаясь в Богемию и отложив сосредоточение до достижения верхней Эльбы. Успех им благоприятствовал. Следовательно их решение не было ошибочным. Сила и стремительность выполнения окупили недостатки, которыми, казалось, отличалась комбинация.

Здесь так же нельзя усмотреть постоянных принципов.

5. Наступление во что бы то ни стало. „Наступление вообще представляет больше выгод, особенно в стратегии. В тактике инициатива всегда уравновешивается". (Жомини. Большие операции. Введение, стр. 71 и 72).

Однако, Клаузевиц, большой сторонник наступления, писал: „Всем предшествующим мы, повидимому, достаточно подтвердили наше утверждение, что оборона является более сильной формой ведения войны, чем наступление". (Том II, стр. 21).

По поводу того, следует ли отдавать предпочтение наступлению или обороне, много писали, как будто обе формы не согласуются с войной. Их смешение или чередование являются необходимыми; в них и заключается искусство войны. Разделение их приводит к системе, к предвзятости, к посредственности.

Признают выгоды об'ективности, т.-е. сохранения за собой руководства и определения военных действий, а не суб'ективности, с чем связано подчинение воле противника.

Об'ективности можно добиться обоими средствами, т.-е. и наступлением и обороной. Когда англичане, неподвижные и расположенные на хороших позициях, поджидали наших солдат, которые стремительно неслись вперед, и останавливали их своим огнем, то они оборонялись. Однако, они были об'ективны, так как они нас всегда вовлекали в один и тот же ошибочный маневр.

В 1796 году Бонапарт двигается на Риволийское плато, на направление, по которому следуют австрийцы; последние вынуждены атаковать эту позицию. Он принимает сражение, которое его маневр сделал неизбежным. Таким образом, в его действиях сочетается наступление с обороной, этой формой мало занимались до сего времени; однако, она может оказать блестящие услуги.

Таким образом, наступление также нельзя назвать принципом, раз к успешным результатам можно придти и иным путем.

6. Действовать по внешним линиям.—Завет Наполеона: „Никогда не атакуйте с фронта позиций, которыми вы можете завладеть обходом. („Комментарии. Том VI, стр. 265).

Такой прием ему удался в 1800, 1805 и 1806 г.г., в иных случаях дело обстояло иначе. Захват неприятельской операционной или коммуникационной линии является очень соблазнительной идеей. Перерезать артерию, которая питает армию, почти равносильно уничтожению последней. Приходится действовать по внешним линиям, или же, чтобы охватить или обойти противника, надо двигаться по охватывающей линии, являющейся наиболее длинной. Однако, кто хочет отрезать противника, сам рискует быть отрезанным. Обходящий сам обходится.

Как замечает эрцгерцог Карл (стр. 17), это само по себе хорошее правило имеет цену только в зависимости от выполнения.

Такой замысел не является обязательным; на него трудно смотреть, как на принцип, так как ему противополагается другое, и как раз обратное правило.

7. Оперировать по внутренним линиям, которые суть наикратчайшие.—Заняв центральное положение, можно, по системе ткацкого челнока, наносить удары то в одну, то в другую сторону, обрушиваясь всеми своими силами на отдельные части противника.

Этот образ действий имеет блестящие подтверждения в походе маршала Бервика в Южных Альпах и в походе Наполеона 1796 года в Миланской области. Однако, внутренние линии не спасли Наполеона ни в 1813 году на Эльбе, ни в 1814 году в Шампани, ни в 1815 году в Бельгии.

В 1870 году Рейнская армия не сумела использовать своего центрального положения, чтобы разбить по частям своих противников, группировавшихся вправо и влево от Вогез, и позволила им и тут и там разбить себя.

„Таким образом, в стратегии тот, который окружен, при равных силах, всегда оказывается в более выгодном положении, чем тот, который окружает“ (Генерал Драгомиров).

Жомини придерживается того же мнения, Бюлов держится обратного. Они оба правы. Когда вы находитесь внутри круга, а численное превосходство на стороне противника, то вы рискуете быть запертыми и уничтоженными. Внутреннее положение имеет как свои хорошие, так и свои дурные стороны. В виду этого Клаузевиц по этому поводу воздерживается от каких-либо точных указаний. Он говорит:

„Преимущество останется за той стороной, руководство которой окажется более искусным“. (Том III, стр. 57). Следовательно, это также нельзя признать принципом.

8. „Обладание возвышенностями дает господство над долинами, этот принцип никогда не оказывался более верным, как в данном случае (Вальдкирх)“, таково выражение мысли эрцгерцога Карла (кампания 1796 г., глава XXIX).

Жомини протестует: „Это мнение долгое время признавалось за истину, но мы не можем признать его принципом.... Можно притти к заключению, что во всех случаях, когда вы будете иметь сильные массы, устроившиеся в большой долине, вам обеспечено господство над окаймляющими ее горами...... В тактике этот принцип чаще найдет оправдание, чем в стратегии, но ни в том, ни в другом случае он не должен считаться бесповоротным“. (Большие операции).

Можно было бы умножить число примеров этого рода и всех их привести. Но и этих достаточно, чтобы показать, насколько нетверды умозрительные доктрины, и как мало они заслуживают названия принципа.

VIII.

Тайны войны.

Помимо того, что называют принципами, существует много замечаний, исходящих от великих полководцев, освященных традицией, возведенных в степень стратегической панацеи [1]) и названных секретами войны.

---

[1]) Панацея—рецепт, годный на все случаи. (*Примечание переводч.*).

Мориц Саксонский уверяет, „что весь секрет войны заключается в ногах“.

Однако, Жомини его опровергает: „Секрет войны никогда не будет заключаться в ногах, он целиком находится в голове, которая приводит их в движение. Армия будет тщетно производить усиленные переходы; если их направление ошибочно, они не спасут ее от гибели“. (Большие операции).

По словам эрцгерцога Карла: „Искусство большой войны состоит в том, чтобы, либо силой, либо маневром, заставить противника уклониться от принципов стратегии, и никогда самому от них не уклоняться“. (Принципы стратегии).

„Самый важный секрет войны заключается в господстве над сообщениями“. (Обращение Наполеона к Жомини при об‘явлении войны 1806 года. Большие операции, том II).

Вся теория войны заключается в единственном правиле: „Быть более сильным на решительном пункте“.

„Всей массой своих войск обрушиться на разбросанного противника: вот в чем Бонапарт видит непосредственный секрет победы“.

„Это относится к системе войны, точно также, как и к осаде. Сосредоточивать огонь на один пункт, не распылять, а концентрировать атаки. Это, говорит генерал Ронья,—основной принцип военного искусства“.

Если каждое из этих рекомендованных средств представляет всю тайну и все искусство войны, то это лучшее доказательство того, насколько они неустойчивы. Они, бесспорно, имеют известную ценность, как указания или советы, и в известной степени будет уместно с ними считаться, но большего значения им придавать не следует.

IX.

Правила войны.

Равным образом набирается значительное число наставлений, афоризмов и правил, исходящих от великих полководцев или знаменитых писателей. В общем, они резюмируют оценку известного положения, или известный подход к делу, или, наконец, мнение по определенному вопросу. Сами авторы иногда не отдавали себе отчета в пределах, на которые распространяется высказанная ими мысль, и подчас давали ей противоречивое толкование.

Включая их в доктрину, этим правилам предписывали точность и неподвижность, которыми они никогда не отличались, и придавали жесткость, шедшую в ущерб искусству.

Доказательства встречаются в изобилии.

Наполеон пишет в своих мемуарах: „Генералы, которые будут стремиться сохранять свежие войска к следующему за сражением дню, будут почти всегда биты. В случае необходимости, надо уметь двинуть в бой всех, до последнего человека, так как на следующий день после полной победы нет неприятеля, которого надо побеждать“.

Однако, он не захотел пустить в бой гвардию под Бородиным.

Сильное увлечение препятствует рассуждению. Мы преклоняемся перед Наполеоном, который говорит, что свои силы прежде всего надо направить на решительный пункт. Но в неменьшей степени хвалят Наполеона, когда он высказывается более практично: „сначала повсюду завязывают бой, а затем уже будет видно“.

По словам эрцгерцога Карла: „надо давать сражение, только если вы к тому вынуждены последовательностью военных событий, или если вы имеете обоснованную надежду одержать победу“. (Кампания 1796 года. Глава XV).

Но целью войны является сражение, и каждый всегда имеет надежду его выиграть. Тем не менее иногда представляются выгоды в том, чтобы отсрочить столкновение или переместить его на другой участок местности. Решение, конечно, зависит от нашей оценки, от такта и обстоятельств, но отнюдь не от каких-либо правил.

Жомини приводит еще одно правило, также отличающееся не большей точностью: „я слыхал, как Наполеон говорил в Варшаве, что на войне он знает только три дела: двигаться по сорок верст в день, сражаться и затем располагать войска по квартирам, чтобы дать им отдых“. (Большие операции. Том III).

Это абсолютно не верно. В известных обстоятельствах некоторые части производили форсированные марши, но Наполеон никогда не заставлял свои армии в целом проходить по сорок верст в день. Он понимал всю невозможность таких переходов. С другой стороны, он отнюдь не был из числа тех, которые после сражения разводят свои войска на отдых. Никто не превзошел Наполеона в проявлении деятельности и энергии при преследовании, которое позволяло ему пожать все плоды победы.

Это утверждение, часто приводимое, как образец сильной мысли, ложно по всем пунктам. Следующее немногим лучше: „резюмирую, мой план кампании—это сражение, а моя политика—это успех“. (Жомини).

Эти слова Наполеон произнес в 1812 г. в Витебске, и они относились исключительно к походу в России. Эти слова постарались обратить в правило, но впали в ошибку.

Сражение не является планом, это цель, а план заключается в средствах, которые ведут к ее достижению. Сводить

всю политику—в достижение успеха... конечно, это неизбежно. Так действовали все правительства, как бы посредственны они ни были. Никто никогда не выдвигал неудачу, как цель своей политики.

Эти сентенции, эти кратко изложенные идеи, в виду особенностей частного случая, не могут являться рецептами. Уважение к великим военным людям не может заходить так далеко, не вырождаясь в фетишизм.

В особенности часто приводят слова Наполеона, в виду величия его успехов, и возводят в ранг правил войны громкие фразы, которые были ему в обычай. Наполеон, блестяще комбинируя театральные эффекты и мало заботясь при этом о точности, любил поражать воображение, создавать лаконичные до каррикатуры образы, чтобы они более глубоко запечатлевались в умах. Его легендарная, резкая и полная противопоставлений речь напоминала пророчества оракула и казалась мистически глубокой. Его мысль часто укрывалась за туманным покровом, и толковать ее можно различными образами. Мы этому уже приводили примеры.

X.

Простой здравый смысл в стратегии.

Предыдущие главы мы посвятили тому, чтобы подчеркнуть неустойчивый характер этих противоречивых принципов, этих условных рецептов, этих правил, сеитенций на случай, этих афоризмов на час, которые до сего времени образовывали поприще умозрительной стратегии.

В них мы не находим ничего абсолютно ложного, но и ничего ясного или определенного. Точки опоры здесь исчезают. Доктрина, основывающаяся на эмпирике или предположениях, сохраняет ту смутность, которая свойственна искусству. Она готова отдаться каждому, претендующему на нее, уважения она не внушает. Она предоставляет почти полную свободу вдохновению; красивое словцо, под которым иногда кроется невежественная фантазия.

События, имеющие аналогичную структуру и совершенно противоположный исход, одновременно и подтверждают, и опровергают рецепты. Отсюда рождается склонность к заключению, что сами по себе рецепты и хороши и дурны, как язык, оценка которого, по словам Эзопа, зависит от того употребления, которое ему дают.

Разум приходит в недоумение. Он ставит пред собой вопрос, не позволил ли он злоупотреблять словами, и действительно ли совокупность этих неточных и различных мыслей

представляет доктрину, следование указаниям которой может привести к плодотворным результатам.

Зарождается сомнение со всеми его досадными последствиями.

При наличии непостоянства, изменчивости и противоречий, было бы логично попытаться исправить недостатки доктрины. Можно было бы пойти по тому же пути, который проделала позитивная тактика.

Стратегия представляет обширную область исследования и разработки. Труды по организации, мобилизации, сосредоточению и снабжению войск указывали на возможность с'узить и уточнить постановку вопросов. Было бы удобно применить тот же образ действий и в других областях. Желание улучшать и усовершенствовать должно было бы охватить все умы, и если бы произошел общий сдвиг, то, несомненно, был бы достигнут значительный результат.

Он был достигнут в тактике, его можно было бы добиться и в стратегии.

Произошло приблизительно обратное. Задача отличалась особыми трудностями. Противоречивые утверждения, оспариваемые теорией, и изменчивые системы старой школы представляли лабиринт, в котором трудно было не запутаться без содействия Ариадны [1]).

Современной Ариадной является научное исследование.

Это оно теперь могло бы дать нам путеводную нить. Но, за немногими исключениями, все к нему повернулись спиной. Труд отпугнул многих и заставил их попятиться.

Вместо приступа к огромному труду, начали почти все отрицать. Было об'явлено, что война не испытывает нужды в стольких теориях и диссертациях, и что она может обойтись двумя или тремя принципами, основанными на простом здравом смысле [2]). Это означает вертеться на одном месте, или кипятиться в пустоте. Чтобы замаскировать ничтожность такой аргументации, была вызвана на помощь фраза Наполеона: „На войне все просто и исходит из здравого смысла".

Благодаря этой формуле, каждый может считать себя в состоянии решать вопросы, касающиеся операций. Если бы она отвечала истине, то не было бы необходимости в знании и учении. Сторонники врожденных идей были бы прославлены.

---

[1]) Нить Ариадны помогла Тезею выбраться из лабиринта.
(Прим. переводчика).

[2]) Может быть нелишнее остановить нашу мысль на том, что такое „простой здравый смысл", единственный подход для большинства к решению стратегических вопросов. Простой здравый смысл—это те идеи, которые наиболее демократизировались и находятся у всех и на языке и в голове. Простой здравый смысл—это шаблон общественного мнения, и не больше. Здравый смысл Наполеона значительно от него отличается глубиной суждения, творческой изобретательностью, знакомством со всеми привходящими техническими вопросами. *(Прим. редакции).*

Этот афоризм, повидимому, как бы освящает вмешательство в стратегию совершенно чуждых лиц. Он должен был иметь большой успех, и он его одержал, тем более, что плохо разобрались в пределах, на которые распространяется это изречение.

Наполеон хотел сказать, что стратегические замыслы в существе своем должны отличаться простотой и рациональностью. Всякий сложный план, одновременно преследующий несколько целей, обречен на неудачу. Всякий план, который не зиждется на здравой оценке обстоятельств и правильном суждении, приводит к разочарованию. Простота и здравый смысл, что может быть логичнее такого их толкования; другое же толкование их недопустимо.

В военных вопросах все кажется просто, комбинации находятся легко, требуется лишь минимальное количество знаний. На практике же, наоборот, все оказывается сложным и здравому смыслу не всегда удается обнаружить действительно простой способ, как действовать.

Во-первых, сторонники простого здравого смысла забывают, что Наполеон также писал: „Среди вопросов, которые должен разрешить главнокомандующий, многие представляют задачи, требующие исчислений, на которые способен только Ньютон или Эйлер“.

В действительности, война трудно доступна пониманию, сложна и часто полна самых противоположных требований. Клаузевиц, тщательно исследовав этот вопрос, выразил свое мнение, имеющее значение почти приговора, следующим образом:

„Хотя на войне все просто, но самые простые дела очень трудны; накопляющиеся затруднения вызывают такое трение, о котором никто, не побывавший на войне, не может себе составить точного представления“. (Введение, стр. 99).

Итак, простого здравого смысла недостаточно, для чего имеется достаточно примеров.

В Великой императорской армии заставляли садиться на лошадей одновременно целые кавалерийские корпуса в четыре или пять дивизий, что составляло от 8.000—12.000 всадников. Несомненно, казалось очень просто дать общий сигнал, но, по рассказам очевидцев, лошади в последних эскадронах оставались под всадниками в течение шести часов, прежде, чем до них доходила очередь двинуться по дороге. Это, конечно, противоречило здравому смыслу, но чтобы понять это потребовалось пол века.

Наблюдая продолжительность вытягивания полка в походную колонну, легко было сказать: седьмой полк сядет

верхом через три часа после первого, девятый на четыре с половиной часа позже и т. д. Этот очень простенький расчет долгое время считался черезчур сложным. Между тем, прием этот несложен.

Для каждого своего похода Наполеон формировал заново свою армию во всех подробностях, при чем собирал войска понемногу отовсюду. Он продолжал организационную работу и в течение самой операции. Он расходовал огромные усилия, чтобы удовлетворять всем потребностям импровизированных единиц. Осложнения бывали так велики, что происходило много недоразумений, несмотря на могущество его воли.

Заблаговременная организация, установленные и известные приемы, подготовленное функционирование и разработанная мобилизация кажутся более сложными, а в действительности являются гораздо более простым образом действий. Наполеон сам признавал это в своих комментариях, указывая систему, которую он хотел бы применить, если бы имел свободу.

Эти два примера, избранные среди многих других, показывают, как можно ошибиться, руководствуясь исключительно простым здравым смыслом, притом, как известно, реже всего встречающимся на свете. В военных вопросах внешность обманчива. Предвидеть, заранее расчитать, учесть неожиданности и быть готовым к их встрече кажется трудным. Думают, что проще выжидать событий, и затем распутать их. Но когда ничто не подготовлено, то импровизация идет медленными, трудными и несовершенными шагами. Следовательно, эта система оказывается и более сложной и противоречащей здравому смыслу.

Некоторым даже принципы простого здравого смысла показались слишком утомительным научным багажем. Нетвердость доктрин и необходимость больших интеллектуальных усилий разочаровали многих офицеров и привели их к полному скептицизму.

Беренхорст, повидимому, является основателем этой школы, враждебной науке. Он отрицал полезность умозрительной стратегии. По его мнению, замысел почти не имеет значения. Сущность заключается в решимости сделать что-нибудь и в энергии исполнения.

По словам Жомини, в былые времена эти идеи были очень распространены: „Много военных отрицают существование принципов, даже не верят, что существуют правила ведения войны; они убеждены в том, что все искусство сводится к напору на противника". (Большие операции. Введение. Стр. 7).

Совсем недавно можно было читать в одном военном обозрении: „Способ нападения на противника совершенно не

поддается уставному нормированию. Когда речь идет о том, чтобы овладеть неприятельской позицией, то ее захватывают, как это представляется возможным, вдохновляясь сложившимися обстоятельствами. Кто стремится к концу, тот найдет средства до него добраться, и устав прав, когда говорит: во всех случаях твердая воля к победе является лучшим обеспечением успеха".

Они еще мыслят, как во времена Жомини, несмотря на события и вытекающие из них поучения, которые разделяют нас от той эпохи.

Превозношение природных дарований влечет, как неизбежное следствие, недооценку знания. Соединение тех и других дало бы совершенного вождя; к сожалению, между ними поддерживают антагонизм.

Почитатели врожденных идей не хотят признать бесспорные преимущества образования; как и ученики Спенсера, они раздражаются от одного вида книг и подвергают гонению книжное знание.

Долой принципы, формулы и ученых; долой излишний балласт. Война изучается в открытом поле и на чистом воздухе. Не нужно систем, не нужно методов и, в особенности, не нужно науки. Здоровье, хорошее зрение являются единственной доктриной героев всех времен. Напролом. Будь, что будет. Раз сорвутся вперед, то сделают как можно лучше, там разберутся. А в ожидании незачем ломать себе голову над кучей диссертаций...

Так проповедовали блестящие врожденцы, полные силы и энергии, но отнюдь не головастики. Вместе с Монтенем, они думают, что „беспечность и лень представляют удобную подушку, на которой можно спать, не утруждая своего ума".

К отрицанию знаний они еще присовокупляют культ случая и культ удачи, которые благоприятствуют одним и изменяют другим. Наблюдая, как успех иногда дается людям, совершенно его не заслуживающим, и как очень хорошие замыслы оканчиваются очень плачевно, они пришли к заключению, что Фортуна принимает большое участие в военных событиях, и что со счастием можно на войне сыграть видную роль, и не располагая особыми знаниями.

Тогда пришли к общему отрицанию, а интеллектуальный труд осудили, как расслабляющий и вредный. Начали отрицать даже военное искусство, как спорное. Захотели свести военную работу к простому ремеслу, состоящему исключительно из действия, темперамента и решимости. Здесь нарождается ошибка, которая уже столько раз была для нас роковой и которая заключается в признании, что учиться войне можно единственно на практике, неправильно смешиваемой с опытом.

XI.

Практика и опыт.

Результаты никогда не оправдывали мнимого равенства между практикой и опытом. По плодам определяется дерево, а плоды явились ужасающими. Несмотря на разочарования и предупреждения, мы пережили несколько периодов возвращения к чистой практике, и она каждый раз не давала того опыта, который, как надеялись, будет из нее вытекать.

Проявлению нового рецидива надо противопоставить неудачу предшествующих попыток, соображения разума и факты.

Уверяют, что знание ремесла приобретается только практикой, и контакт с войсками является лучшей, если не единственной практической школой. Затем добавляют: воевать можно научиться только на войне.

Таковы обе базы, на которые опираются противники образования.

Опровержение этой теоремы можно найти у всех крупных военных писателей. Все они полагают, что чистая практика, не освещенная какими-либо знаниями—это война, в течение которой мы скитались бы с повязкой на глазах.

„Это очень распространенный предрассудок среди тех, которые прошли через всю лестницу чинов и претендуют на фундаментальное знание военной науки". (Эрцгерцог Карл. Глава XIV).

Мармон развивает ту же идею: „Есть вещи, которые приобретаются исключительно временем, изучаются только на практике и не могут быть разгаданы; но слишком длительная привычка повиноваться скорее понижает, чем развивает способности командовать". (Военные учреждения).

И действительно: жизнь в той же среде, ежедневно выслушиваемые монотонные указания и повторение тем же способом одних и тех же вещей, убивают всякую инициативу, парализуют решимость, вместо того, чтобы ее укреплять, сужают кругозор мыслей, вместо того, чтобы расширять его, разбивают внимание на мелочи, вместо того, чтобы давать уклон к обобщениям, и в результате создают все то, что прямо противоположно сущности командования.

„Практика,—пишет маршал Пюи-Сегюр,—насколько бы часто она ни повторялась, не является верным средством сделаться искусным в вопросах войны, если она не освещается теорией, основанной на принципах". (Военное искусство).

Рюстов об'ясняет причины: „Существует наука и искусство, которыми главнокомандующий не может пренебрегать без ущерба для дела. Но эта наука резко отличается от пра-

вил и принципов, которые можно изучить на учебном плацу". (Военное искусство в XIX веке. Том I, стр. 209).

Практика представляет одно из средств к изучению, но она не является ни единственным, ни лучшим средством; все это очень хорошо понимают, и этим об'ясняется стремление возвеличить практику на уровень опыта.

По этому поводу приводится авторитет Наполеона: „Знание высших областей военного искусства приобретается исключительно опытом и изучением истории войн и сражений великих полководцев". (Комментарии. Том VI, стр. 91).

Вторую часть большинство упускает. История—это чужой опыт, а они хотят руководствоваться исключительно личным опытом, т. е. единственным, признаваемым ими хорошим.

Иметь практику, это значит воспроизводить те же самые приемы, участвовать в аналогичных случаях, многократно выполнять одинаковые действия и сохранять о них более или менее беглое воспоминание. Конечно, излишне напоминать о том, что маршал Бюжо говорил о муле маршала Саксонского [1]). Все это помнят.

Опыт представляет нечто иное. Это приложение разума к событиям, рассматриваемым в своих причинах, своих средствах и своих последствиях. Работа, размышление и критическое углубление встречаются редко, и один юмористический писатель смог сказать: „Не в диковину видеть людей, которые использовали все свои члены, но никогда не прибегали к применению своих мозгов".

Опыт превосходен, но при условии, что он действительно существует, а одна практика бессильна дать его нам.

В виду этого утверждение, что воевать можно научиться только на войне, является преувеличением. Много раз оно опровергалось. Если кто-либо участвует в войне, не стремясь беспрерывно исследовать, разобраться и понять, то в результате он истратит свои силы и здоровье, но опыта не приобретет.

„Постоянно вести войну не приходится; в виду этого не следует воображать, что научиться можно только на опыте, хотя на последнем в наше время и основываются способности большинства военных людей. Он только дает возможность усовершенствоваться, и не приносит почти никакой пользы, если к нему не присовокупить изучение принципов. Ведь „война является наукой, которая поддается изучению, как и все прочее, и ее невозможно постигнуть, если не начать изучения принципов" (Фолар).

Маршал Пюи-Сегюр воспроизводит ту же мысль: „Я далек от мысли, что надо ждать войны, чтобы научиться, как

---

[1]) Который сделал двадцать походов, и ничему не научился.
(*Прим. редакц.*).

следует ее вести; наоборот, я полагаю, что самые великие полководцы, которые создались исключительно на практике, были вынуждены сделать достаточное количество ошибок, которых они могли бы избежать, если бы предварительно изучили правила и принципы различных отделов войны". (Военное искусство. Предисловие).

После двадцати лет походов, 1-го сентября 1813 года маршал Сульт писал военному министру: „Мне вновь с грустью пришлось убедиться в общем недостатке образования у генералов, командиров частей и офицеров. Малая заботливость, уделяемая построениям, и безразличность, с которой колонны ввязываются в бой, часто являются причинами, приводящими к неудаче наилучшим образом обдуманные предприятия"......

По словам Гувион-Сен-Сира, Наполеон признавал, что военного опыта, боевой практики и наилучшим образом развитых военных доблестей недостаточно для генерала. Генерал нуждается еще в придатке образования, который нельзя получить в сфере огня, и который дается лишь исследованием и размышлением.

Налицо имеются многочисленные факты, которые подтверждают эту точку зрения. Все факты гласят одно и то же, и при том вполне согласованно. История первой империи кишит ими. Немногие генералы, искусные в стратегии, были образованными людьми. Даву, Дезэ, Гувион-Сен-Сир, Жомини. И таковые встречались редко.

Наоборот, очень многочисленны были люди действия, энергии и порыва, дебюты которых были ознаменованы блестящими подвигами. Их храбрость привлекала к ним внимание, и они достигали самых высоких должностей, оставаясь все теми же, какими они были в начале своей карьеры. После такого количества походов, практика войны ничему их не научила. Опыта они не приобрели. Они были прекрасными исполнителями под чьим-либо руководством, но их неспособность немедленно сказывалась, как только они сами становились вождями. Всегда восхитительные бойцы, они никогда не доросли до людей с замыслом.

Все характеристики этих генералов, начертанные Наполеоном, вращаются около этих двух идей. Как типичные, дадим следующие.

Вот портрет Лана.

„Он умен, осторожен, отважен перед неприятелем и отличается невозмутимым хладнокровием. У него было чуточку образования, а природа для него сделала все". Наполеон, наблюдавший за его развитием, часто выражал свое удивление. „На поле сражения он превосходил всех генералов французской армии, когда дело шло о маневрировании с 25.000 пехоты. Он был еще молод, и впоследствии, ве-

роятно, еще развился бы; может быть, он бы даже стал искусен в большой тактике, которую он еще не понимал".

Наполеон обычно употребляет выражение „большая тактика" вместо стратегии. Если маршал Лан ничего в ней не понимал в результате стольких кампаний, то это служит ярким доказательством того, что одной практики недостаточно.

Наполеон выражается еще резче, когда он дает оценку своего главного заместителя, друга и зятя: „Мюрат дурак, но какие у него порывы и отвага. Он всю жизнь только воевал; Мюрат и дурак и герой". (Разговор Наполеона с Редерером 11 февраля 1809 года).

Он смог ему дать престол, но не способность понимать войну. Он так ее никогда и не понял, несмотря на повторные нагоняи Наполеона.

Эти люди, столь сильные в роли подчиненных и чудесно отважные в боях, в большинстве случаев проявляли нерешительность и невероятную слабость, когда оказывались в роли независимых вождей.

Это отсутствие характера и воли, это роковое равнодушие, это своего рода стремление стушеваться у людей, имевших, однако, хороший закал, является последствием недостаточного их образования. Они не знали и потому ничего не смели.

Твердое и решительное командование является следствием убежденности в правильности своих действий, в следовании по истинному пути, а не в хождении наудачу, а эта убежденность приобретается только успешными научными трудами, которыми мало-по-малу развиваются природные качества. Способности должны расти вместе с чинами; эту аксиому очень часто люди не знают.

Клаузевиц не упустил ее отметить: „История не указывает ни одного выдающегося великого полководца или главнокомандующего, который бы отличался ограниченным умом. Но имеется масса случаев, когда люди, умственный кругозор которых не расширялся соответственно их продвижению по иерархической лестнице, оказывались весьма посредственными на высоких постах, хотя они и проявляли выдающиеся отличия на низших должностях". (Введение. Стр. 149).

Таковы были результаты философского исследования Клаузевицем наполеоновских войн, которые представляли большое количество таких случаев. Можно было бы думать, что подобные факты в дальнейшем не повторятся. К сожалению, это оказалось не так; из того, что нам пришлось с грустью узнать или прочитать относительно прошлого, мы могли с болью в душе удостовериться собственными глазами, что это имело место у нас и в последних войнах.

Мы использовали ошибки первой империи и после нескольких лет борьбы взялись за учение. Период от 1818

до 1840 года является периодом серьезных научных работ, которые высоко подняли престиж французской армии.

Существует много причин, в том числе и Алжирская война, которые вновь привели к пренебрежительному отношению к образованию и к слишком слепой вере в превосходство природных качеств, результатом чего явились ужасные удары. Не надо бояться напоминать об этих фактах новому поколению, чтобы оно в свою очередь их не забыло.

Когда наступило столкновение 1870 года, мы оказались неготовыми, и в идейном отношении наша неготовность была значительно больше, чем в материальном.

Голова была особенно не на высоте. Генералы, которые приобрели такую прекрасную репутацию и так быстро выдвинулись в Африке, Крыму и Италии, в час больших сражений оказались недостаточно твердыми, нерешительными и затруднялись распорядиться войсками, по старой привычке искали, как изловчиться применить свой ударный прием, и не находили наступательных комбинаций.

Они отличались обилием природных дарований. Они обладали порывом, храбростью, энтузиазмом, рыцарскими достоинствами, преданностью, одним словом всеми привлекательными чертами. Они уже много воевали, и их продолжительная служба внушала доверие. Все верили в их опыт, а такового у них не было, и в руководстве операциями они допустили много самых грубых ошибок. Наше восхищение шло по ложному следу. Мы усматривали лишь блестящий фасад, а у них не хватало фундамента, т.-е. знания войны, несмотря на то, что они практиковали ее в течение всей своей карьеры.

Теперь мы знаем достоинства их противников, и признаем, что последние стояли ниже, как в отношении природных дарований, так и по практическому опыту. Однако, они восторжествовали. Они были более образованы, изучали военное дело, они лучше нас были знакомы со своим ремеслом и знали, что и как им делать. Наши же старались хорошо или плохо выпутаться и чаще распутывались плохо, чем хорошо; результат—разгромы.

После этих больших катастроф, мы сознали их причины. Были напряжены все силы к их устранению. Произошел большой интеллектуальный под‘ем. Умы были охвачены лихорадочной работой, и все с горячим энтузиазмом устремились к знанию.

Это дало огромные успехи. Путь был хороший и плодотворный. Правда, он требовал усилий, но будущее принадлежит прилежным. Это не входило в расчеты сторонников врожденных идей. Воспользовавшись затишием, наступившим, когда острота тяжелого горя была притуплена временем, они вновь начали напоминать, правда сначала осторожно, о знаменитой школе: крепкая рука и верный глаз. Они вновь воз-

будили сомнения, и многие стали задаваться вопросом, не преувеличивается ли все, и действительно ли образование имеет ту цену, которую ему приписывают.

Начали с тепловатой воды, с ослабления воли к учению, а затем пошли и дальше. Началось громкое отрицание полезности научной работы, провозглашение превосходства природных дарований и проповедь презрения к образованным людям, которых квалифицировали, как продукт фабричного производства.

Все это мы уже видели и раньше, история всегда повторяется, и в результате то, что уже несколько раз приводило нас к гибели, вновь признается, как наилучшее. Можно содрогнуться при одной мысли о той каре, которую бессознательно навлекут на нашу страну эти люди, забывающие о прошлом, если бы мы только пошли за их опасной доктриной. Их усилия, однако, не бесплодны, и поэтому надо обратить на них наше внимание.

Они красиво выглядят и одарены природными качествами, включая и порядочную дозу самомнения; они не головастики, как говорят теперь, и физику имеют крупную, они хорошие товарищи и отличаются более в физических упражнениях, чем в умственных состязаниях. Они говорят громким и уверенным образом, подтверждают, подавляют. Они хвастаются своим опытом, однако, по неопределенности их мнений, можно легко притти к заключению, что они не имеют ясной точки зрения. Маневры подтверждают это заключение. Вдохновение к ним не является, их решения поспешны, но ошибочны, и результаты совершенно не отвечают рекламным заявлениям.

Как бы они выглядели на войне?

Многие не хотят этого понять; это вопрос темперамента, беспечности и малой предусмотрительности. Это очень стереотипно — расчитывать выйти из самых трудных положений, полагаясь на собственную энергию и свою счастливую звезду, ничего не изучив заранее, ничего не предусмотрев и ничего не подготовив. Иногда удается вывернуться из неожиданного положения, но обыкновенно, полагаясь на случайности импровизации, мы очень близко скользим к катастрофе.

Надо иметь более высокое представление о военной профессии, чем то, которое имеется у претендующих свести ее к искусству, в котором каприз все или почти все. Надо оказывать сопротивление меньшинству, которое презирает науку и, не надеясь, вероятно, овладеть высотами, критикует ее, осмеивает, отрицает и стремится подавить порывы к ней новых поколений.

Эти самые сторонники природных дарований подняли в свое время громкий крик. Место молодым силам. Смоложение кадров. Набросили тень на уважаемых начальников,

которым они наследуют, но заменить которых может быть и не в состоянии.

„Дух решимости, пишет Клаузевиц, встречается чаще у энергичных по природе людей, чем у обладающих блестящими умственными способностями. Имеется много примеров, когда у людей, по достижению высоких постов, не находится ни следа решимости, хотя и имеется неоспоримое доказательство, что они отличались таковой в начале своей карьеры. Это происходит от того, что у этих людей умственный кругозор не увеличился вместе с чинами". (Введение, стр. 65).

Этот кругозор—это знание. Военный начальник представляет не только тело, но главным образом ум. Последний, когда он хорошо развит, составляет драгоценную и главную часть командования. Чем больше он имел упражнений, тем меньше он притупляется. После долгой работы он остается ясным, работоспособным, могущественным и деятельным.

Совершенно иначе обстоит дело с физическими и прирожденными качествами. Много поработав, тело изнашивается, скрючивается и отказывается выносить продолжительную усталость. Одновременно же уменьшается порыв, притупляется энергия и пропадает отвага. Природные дарования исчезают с приближением старости, и, при отсутствии образования, вообще уже ничего не остается.

Так об'ясняются различия между людьми. Одни из них, относительно не слишком пожилые, однако считаются слишком старыми и непригодными к командованию. Другие же, наоборот, несмотря на свой преклонный возраст, энергично руководили войной, не выходя из экипажа. Они утратили физическую силу, но интеллектуальная сила, образование и способности остались у них неповрежденными.

Признавая все достоинства опыта, все же не следует усматривать и в нем панацеи. Опыт часто оказывается лишь костылем хромого ума. За недостатком знаний, он опирается на более или менее оправдавшиеся в прошлом традиции. Допуская, что опыт существует, надо признать, что его все-таки недостаточно, тем более что он довольно скоро испаряется. Долгие периоды мира притупляют его и сводят на-нет. Память затуманивается и многое ускользает из вида. 7 мая 1809 года генерал Каффарелли писал из Венеции Дюроку: „Имеются часто даже генералы, которые забыли войну; в Италии они хорошо устроились".

Незначительный промежуток времени вносит существенные изменения в способ ведения операции. Усовершенствование оружия, новая техника, иные отношения и другие приемы образуют несходные условия и среду, резко отличающуюся от прошлого времени. Научная работа представляет единственное средство, чтобы оставаться в курсе настоящего и на высоте будущего. Кто начинает кампанию, руко-

водясь устаревшими воспоминаниями и обычаями, тот сразу оказывается отсталым и уступающим противнику. Приобретенный опыт, вместо того, чтобы являться источником силы, создает в этих условиях лишь слабые стороны и недостатки.

Повторим еще раз: одного опыта недостаточно, чтобы научить вести войну. Больше того, обучение и знание позволяют исключить опыт и обходиться без него. Можно добиться того, что война будет вестись толково, несмотря на отсутствие и практики и опыта. Это доказали немцы в 1866 и 1870 г.г., и эти неоспоримые факты удивительно ослабили значение опыта.

В этом мнении особенно утверждает нас мысль, что будущее не будет походить на прошлое.

XII.

Эволюция комбинаций современной войны.

Две сосредоточенные армии представляют пучки сил, направленных друг против друга и находящихся в таком положении неустойчивого равновесия, которое не может долго продолжаться. Они стремятся ударом оттолкнуть и взаимно уничтожить друг друга. Они стремятся, чтобы столкновение произошло в самом благоприятном для них положении. Это достигается посредством комбинаций. Несмотря на многочисленность и разнообразие комбинаций, они, в сущности, сводятся к одной: ввести противника в заблуждение, уяснить его план, не обнаруживая при этом собственного.

Ставка делается, если возможно, на силу и всегда на проницательность. Выигрыш принадлежит более искусному в творчестве и более остроумному в сохранении своих тайн. Обе стороны, как и при фехтовании, постоянно прибегают к уловкам. Диверсия, симуляция отступления, камуфлаж в широком размере, внезапность и т. д. суть стратегические приемы, целью которых всегда является ввести противника в заблуждение и побудить его к ошибочному шагу. Это составляет сущность и определяет особый характер военных комбинаций, или, как их называли в древности, стратегии.

В этом участвует исключительно личность начальника. Он развертывает в них все свои способности к оценке, богатство своего воображения, решимость, умение, ловкость, и его решения служат мерилом его талантливости.

„Из всех суб‘ективных талантов,—пишет Клаузевиц, хитрость является наиболее необходимой, чтобы руководить и оживлять стратегическую деятельность“. (Том I, стр. 60).

Наполеон, имевший большие умственные способности, в отношении стратегии был бесподобен. Тонкости, хитрости

и обманы были его истинной сферой, как и великого карфагенянина Ганнибала, которому он часто подражал, но не повторяя его.

Чудесные сюрпризы 1800 года (Маренго), 1805 года (Ульм) и 1806 года (Иена) представляют собой концентрированную хитрость, скомпанованную с редкой энергией. Впоследствии его попытки были менее удачны, и даже он, в свою очередь, также попал в расставленные сети.

Условия внезапного нарушения неустойчивого равновесия противостоящих сил остаются теми же, как и в древнейшие времена, но в виду происшедших перемен способ его совершения не может оставаться таким же.

Осуществление хитрости и симуляции требует подготовки, для которой необходима скрытность, время и пространство, а также и гениальность. А в настоящее время пространство стеснено, а сохранение в тайне почти никогда не осуществимо.

Длительные марши, предшествовавшие сближению с противной стороной, сильно содействовали достижению эффекта внезапности. Редкие и медленные средства сообщений допускали сохранение тайны и благоприятствовали неожиданности. Большие марши Наполеона, повидимому, являются последним творчеством в этом стиле. Повидимому, подобные явления больше не будут иметь места. Война приняла иной характер. Теперь направляются к цели без промедлений и прямым путем.

Мы пользуемся выгодами, которые приносит прогресс, но должны считаться и с вытекающими последствиями. Гласность, доведенная до предела, со своими многочисленными и быстрыми методами осведомления, противится сохранению продолжительной тайны, и надо быть довольным, когда удается ее сохранить на одно мгновение. В результате, мы вынуждены действовать в открытую и должны отказаться от маскирования широких замыслов.

Впрочем, их арена сократилась; разнообразие творчества остается, но поле его деятельности стало уже.

Раньше, в момент об‘явления войны, противные войска обыкновенно находились на большом удалении друг от друга. На их сосредоточение требовалось много дней. Во время движения на значительном удалении противника, как в то время говорили, можно было маневрировать, ослабить силы в одном направлении, усиливать в другом и вводить в заблуждение неприятеля относительно намечаемых действий.

Теперь железные дороги господствуют над нашей волей. Нельзя больше итти туда, куда хочется. Зона, в которую сходятся железные дороги, неизбежно является районом сосредоточения армий. Оно происходит очень быстро. Через несколько дней собравшиеся массы оказываются в очень близ-

ком соседстве друг от друга: завтра или послезавтра предстоит столкновение.

Для нескольких искусных и скрытых маршей не хватает ни пространства ни времени, и для крупных комбинаций больше не остается места. Направления больше не выбираются, а используются полностью. Со всех сторон устремляются на главные силы неприятеля. Воображение и творчество уже не могут иметь хода. Все их ограничивает. События развиваются очень быстро, и сокращают количество случайностей, которыми можно было пользоваться.

Полет замысла уменьшается пропорционально росту масс и сокращению расстояния между районами первоначального сосредоточения. Этот факт не подлежит сомнению, и из него вытекают последствия, с которыми считаться приходится обязательно.

Малочисленные силы отличаются быстротой, подвижностью и гибкостью, с ними возможно внезапно изменять решение и предпринимать обширные маневры. Так действовали Тюрен, Фридрих Великий и Наполеон.

Большая численность армии требует комбинаций исключительной простоты. Всякое внезапное изменение является гибельным и часто даже неосуществимым. Значение ошибок растет пропорционально размерам армий; решения должны быть более устойчивыми. Краткость срока, по истечении которого может последовать столкновение, требует ультра-постоянного сосредоточения.

Огромный размер масс, ныне участвующих в действиях, препятствует осуществлению теперь гениальных замыслов прошлых времен. Наполеон был бесподобен во главе армий средней численности. В период от 1808 до 1813 г.г., когда он располагал многочисленными войсками, его комбинации идут на убыль. В 1814 году воскресают замечательные маневры, так как состав армий вновь уменьшился.

Следовательно, имеются требования необходимости, господствующие над нашей волей; важно учитывать их и изучать.

Авторы трудов о стратегии больше интересовались крупными операциями на больших дистанциях, чем крупными операциями больших сил; комбинации привлекали их внимание больше, нежели выполнение, они поддавались соблазну умозрительной части стратегии, открывающей широкий простор.

Количество комбинаций довольно ограничено. Их простота и даже наивность настолько очевидны, что мы их замечаем уже в первобытные времена, и с тех пор они не изменились. Не народилось ни одного по истине нового замысла и, может быть, появление такового даже невозможно. Таким образом, не выдумка, а приложение уже существующих идей представляется, как существенный закон будущего.

Резюмируем: чем слабее массы, чем больше отделяющее их расстояние, тем более обширная арена открывается для комбинаций. Все играет активную роль; направление, движение, скорость и продолжительность получают огромное влияние. По мере приближения к полю сражения, круг сокращается, замыслы изменяются, если не по существу, то по крайней мере по своему размаху и постепенно приобретают все более обрамленный, точный и позитивный характер. Пределом этого изменения является установление непосредственного контакта враждующих сторон.

В будущую войну контакт будет устанавливаться почти непосредственно у высадочных железнодорожных станций. Крайняя простота плана является обязательной. Для маневра отсутствует пространство, и бой становится неминуем. Направление избирается на главные неприятельские силы, чтобы повторным ударом внести в них дезорганизацию. Это все очень элементарно, однако иначе действовать будет невозможно.

Следовательно, пределы значения комбинаций сокращаются, и обратно пропорционально им вырастают пределы значения выполнения. Влияние замысла, плана, умозрительной части стратегии имеет тенденцию чувствительно итти на убыль, в то время, как осуществление, методы, позитивная часть стратегии всегда будут расти в об‘еме своего значения.

Этот вывод, с которым никогда не считались надлежащим образом, вытекает из всех крупных событий современных войн.

Между 1796 и 1800 годами Бонапарт, имея слабую, плохо организованную и мало обученную армию, достигает полных успехов, результаты которых, однако, быстро исчезают. В 1805 и в особенности в 1806 году гений Наполеона и хорошее обучение войск производит необыкновенно сильное действие.

Гениальность затем получает менее решающее значение. Над комбинациями Наполеона в Испании торжествуют методы, применяемые английской армией, как над Ганнибалом восторжествовал боевой порядок Сципиона.

Начиная с 1812 года, неудачи Наполеона происходят по другим причинам: численность всей своей тяжестью давит на его гений. Прекрасные комбинации 1814 года оказываются бессильными против неспособных генералов и необученных, но численно превосходных войск, презирающих искусство и уповающих только на силу.

Пол века спустя то же повторилось в Новом Свете. Ли несомненно стоял выше Гранта, однако последний остался победителем. Последний действовал по образу Суворова и Блюхера. Он мало занимается комбинациями, но вливает в исполнение ни с чем несравнимую энергию. Он доводит ее до последней степени упрямства. Без маневров, он прямо идет к

цели, никогда не сворачивая. Его воля торжествует над всеми препятствиями, его армия, превращенная в настоящую машину, несет большие потери и трещит под гнетом ужасной работы, которую он на нее возложил, но продвигается, вторгается и в результате торжествует.

Он человек обыкновенных способностей, но с беспредельной настойчивостью, в его уме нет места для умозрительной стратегии. Ему достаточно безукоризненного выполнения, и он торжествует.

Аналогичные причины вызвали успехи Мольтке в войнах с Австрией и Францией. Воля, численность, обучение войск, все это содействовало тому, чтобы придать решающее значение исполнению и оттеснить комбинации на второй план.

Не претендуя доказывать маловажность умозрительной части, все же надо указать на очевидность того, что ее влияние не стоит на той же высоте, как и прежде. Оно становится относительно скромным по отношению к выполнению, значение которого возрастает с каждым днем. Прошли времена знаменитых подготовок, гениальных комбинаций и великолепных маневров. Огромные сосредоточенные массы немедленно устремляются друг на друга: таковой, повидимому, должна стать будущая стратегия. Это является отрицанием искусства и торжеством единой воли плюс механизация. Следовательно, позитивная часть стратегии первенствует и господствует над умозрительной.

Замыслы попадают все в более тесную зависимость от той материализации, которую они получают, оттого, как действие раз'ясняет мысль. Генерал Эмбер, несмотря на то, что у него воображение было развито за счет ремесленной стороны, когда приступил к изучению войны, пришел к такому заключению: „Стратегия больше чем когда-либо будет зависеть от расчетов, но эти расчеты должны вестись в известных материальных границах".

Он подвергся влиянию современности, тенденции коей ставят войну в новые условия.

Успех зависит от осуществления; последнее слово принадлежит выполнению: такова, повидимому, формула будущего. Другими словами, вдохновение мало-по-малу нисходит с интеллектуальных высот к практике действительности. Мысль подвергается неизбежным последствиям своей материализации. Будучи чисто духовной у своего истока она, в процессе осуществления, все больше материализуется, и это перерождение, смотря по тому, проистекает ли оно хорошо или плохо, ее выручает или губит.

Замыслы, со времен древности, не стали величественнее. Даже сам Наполеон не сравнялся с знаменитыми полководцами прошлого. Вторжение в Россию в 1812 году сильно уступает походу Александра Македонского в Индию. Переход че-

рез Альпы у Сен-Бернара в 1800 году не может сравниться с движением Ганнибала из Карфагена в Турин, через Пиринеи, Рону и Женеврские горы.

Все склоняется к подтверждению, что крупные Наполеоновские комбинации больше уже не повторятся; идеи все больше и больше подавляются тяжестью все возрастающей численности.

Следовательно, стратегия приближается к науке и удаляется от искусства. Она пред'являет меньше требований к природным дарованиям и больше к знаниям; от главнокомандующего же она требует больше уменья, чем героизма.

Стратегия перестает заключаться исключительно во вдохновении и наитии, и прибегает к методам организации, механики и науки; в ней умаляется умозрительная часть и наращивается реалистическая. Поэтому, за этой последней и надлежит следовать. Генералы, которые одерживали успехи, все сделали в этом направлении, говорит Наполеон. Надо действовать, как они. Составление прекрасного плана стоит немногого; главное, кто придет с его помощью к цели. Изучение средств выполнения замыслов умозрительной стратегии представляет область позитивной стратегии.

XIII.

Возможность создать военную науку.

Возможно ли реализовать военную науку? Это не подлежит сомнению, несмотря на значительные трудности. Ничто не препятствует преодолеть таковые, и все усилия должны быть направлены к достижению этого желанного результата.

Полковник Окунев [1]) хорошо определяет цель, которой надо задаться: „Система стратегических операций является практическим отделом военной науки".

„Задача, ложащаяся на оперативную часть стратегии, состоит в том, чтобы указать нам наиболее верные и наименее пагубные методы, которые должны применять действующие силы". (13-й мемуар о стратегических принципах, стр. 174).

Это то, что он также называет механизмом крупных операций, чтобы провести различие между ним и стратегической идеологией, в которую входят комбинации.

В наше время повсюду стремятся применять фабричные методы. Война не ускользает от этого общего закона. Пози-

---

[1]) Профессор русской академии тридцатых годов XIX столетия, писал свои курсы еще на французском языке, почему и знаком западу в гораздо большей степени, чем его преемники. Важнейшим его трудом является разбор операций 1812 года, каковой был переведен на русский язык и издан к столетнему юбилею отечественной войны. *(Примеч. редакц.)*.

тивная стратегия должна многое позаимствовать у динамики. В действительности, она представляет комбинацию сил, часто переброску сил и всегда противопоставление сил. Стремится наилучшим образом их распределить, соединить, заставить их сосредоточиться, выбрать пункт их приложения, уничтожить трение или инерцию, которые наносят им ущерб, и извлечь максимум могущества, в предусмотренном или непредусмотренном пункте и моменте; создать, наконец, послушный воле инструмент, орудие.

Как всякие другие силы, так и силы армии подчинены определенным требованиям, от которых нельзя уклониться, не внося ослабления и не подвергаясь серьезному риску. Наказание не всегда следует, так как противник может не заметить допущенной ошибки или оказаться не в силах использовать ее, но, совершая ошибку, подставляют себя добровольно под риск неудачи.

Природа сил, их напряжение, их соотношение, точка их приложения, обращение с ними нуждаются в том, чтобы быть изученными; нужно знать, как слагается их работа во всякого рода операции, прежде чем можно приступить к составлению крупных военных замыслов. Единственным средством для достижения важных стратегических результатов является постоянное правильное и уравновешенное сочетание элементов мощи. Это достигается посредством расчета, более или менее постоянного по своей форме.

Материальные требования, обусловливаемые операцией, имеют огромное значение и оказывают решающее влияние на реализацию идеи. Можно ли ее применять одним или несколькими способами? Каковы необходимые и достаточные условия, при которых операция войны протекает с наилучшими шансами на успех, независимо от того, какова будет комбинация, т.-е. условия, отвечающие всем комбинациям, и т. д.?

Исследование условий и отношений основывается на осязаемых и определенных данных: численность и группировка частей, пространство, быстрота, продолжительность, количество, местность, климат и т. д.

Чем больше силы, тем более роковое и непоправимое влияние оказывают ошибки. Их можно избежать только путем предварительных подсчетов всех стадий действий и точным взвешиванием условий, в которых они будут происходить. Расчетом времени и пространства проникнуты все стратегические операции. К нему обращаться надо беспрерывно. Нельзя даже представить себе, как можно было бы без него обойтись.

В виду требований весьма различного порядка, расчет является почти единственным средством, чтобы классифицировать их по степени их важности, и так как одновременно удовлетворить их все невозможно, то указать на те требо-

вания, которые надлежит удовлетворить, чтобы сделать операцию рациональной, солидной и верной.

Война, главным образом, основывается на возможности, т.-е. на расчете вероятностей. Случай также вносит свою долю, и большое место необходимо уделить внезапности. Но случай и внезапность в известных пределах могут быть предусмотрены, и можно несколько обеспечить себя от их разрушительного действия. Например, резервы являются настоящей страховкой от неожиданного риска.

Исследование осязаемой части войны безусловно необходимо; в былые времена оно называлось мало подходящим словом „логистика". Это исследование производилось в каждом частном случае комбинации. Это была бесконечно тяжелая штабная работа, поневоле спешная и иногда незаконченная, к тому же часто плохо понятая подчиненными инстанциями. Надлежит на досуге заблаговременно проделать ее один раз навсегда. Такая работа представит гораздо большую ценность и окажется много плодотворнее.

Заблаговременное знакомство со свойствами и характером группировок, выгодных и невыгодных сторон, со временем, требуемым для выполнения, занимаемыми ими площадями и способами достижения целей, превращает армию в послушный инструмент в руках начальников; сокращая сопротивления и трения, мы позволяем армии проявлять большую силу. В то же время эти занятия подготовляют офицеров к той роли, которая выпадет на них на войне, осваивают их с маневрированием масс, выясняют им, какие требования являются при этом и как возможно их удовлетворить, и обеспечивают их от заблуждений и грубых ошибок.

Некоторые армии показали себя умеющими удачно группироваться и на походе и в сражении; другие же представлялись в раздробь, с разнобоями и опаздываниями. Следовательно существует подготовка, позволяющая применять хорошие приемы и избегать дурных.

Поэтому мы будем логичны, приступив к формулировке типов, основанных на вероятности, необходимостях и расчете, к указанию способов действия, которые в действительности выльются в методы, правда неабсолютные, а допускающие эволюцию, ограничивающиеся резюмированием военной науки к моменту их формулирования. Эти типы будут средними вероятными. Не утрачивая своего существа, они будут сохранять возможность сжиматься и расширяться, чтобы быть применимыми в возможно большем количестве случаев. Так задуманные, они представят в распоряжение каждого средства нормальным путем, без сюрпризов и смятения, вызывать энергичные усилия, которые приведут к крупным успехам.

Приемы выполнения не варьируют до бесконечности, как многие это думают. Если в крупных операциях можно от-

метить разные оттенки, то они скорее являются результатом местных особенностей или случайных обстоятельств, или несходства в основных данных, и эти внешние различия не мешают им по существу сохранять аналогию.

Стадии войны для каждой отдельной части остаются теми же, независимо от разнообразия комбинаций и местности. Ведется ли операция в направлении на Альпы, на Пиринеи или в районе Вогез, условия передвижения, расположения на отдых, довольствия, разведки боя и т. д. всегда остаются теми же самыми. Районы, местность которых имеет средний характер, встречаются чаще всего и пред'являют аналогичные требования, со слабыми оттенками; высокие горы являются только исключениями.

Приблизительно везде и всегда солидарность, взаимная выручка и связь пред'являют свои требования одними и теми же способами. Обязательство всегда быть в состоянии оказать поддержку и иметь возможность соединить все силы для нанесения или отбития удара, всегда остается неизменным; меры по обеспечению безопасности, способы достижения экономии сил и методы довольствия однообразны. Одним словом, борьба против тех же, за малыми отклонениями, обстоятельств или явлений; действия ведутся однородными единицами, подчиненными тем же практическим требованиям, и хотя при этом и осуществляются различные планы, но средства выполнения в значительной степени остаются теми же.

Эти приемы, методы или типы сводятся к очень незначительному числу. Знакомство с ними штабов и войск дает большую силу командующему армией и снимает с него заботу о подробностях выполнения; его мышление остается свободным и может сосредоточиться на выборе надлежащих комбинаций.

Самые знаменитые полководцы всегда достигали решительных результатов с минимумом пролитой крови. Следовательно, они знали, как поставить доблесть своих войск в такие условия, которые давали бы ей наибольшую действительность и связывали бы ее с меньшими опасностями. Это знание является как раз различием между ними и теми, которые посредственно или плохо вели войну. То же подтверждает эрцгерцог Карл:

„Не всегда можно называть полководцем генерала, возглавляющего армию. Большинство лиц, командующих армиями, не имеет ни малейшего представления о стратегии, и знакомо только с тактикой. Они не способны охватить крупную операцию в целом, и руководствуются лишь узкими и случайными взглядами, их движения не задаются никакой определенной целью для будущего. Они двигаются лишь ощупью, в ожидании результатов целого ряда случайных про-

исшествий, не зная при этом, каков будет характер этих результатов, и как они их достигнут". (Кампания 1796 года. Глава X).

Чтобы идти по стопам великих стратегов, надо изыскивать хорошие приемы; определение их именно и составляет научную часть войны.

Сторонники врожденных идей протестуют против мысли о позитивном, рациональном образе действий. Они считают, что наука пренебрегает моральной стороной и отвергает все, что не поддается расчету: это заблуждение и почти клевета. Никто никогда не отрицал ни значения, ни пользы моральных элементов, но не надо думать, что они охватывают все военное дело. В нашу эпоху имеется тенденция к общей индустриализации, и армии в том числе. Научная сторона господствует повсюду, а следовательно она не может отсутствовать и в военных операциях. В виду развития масс, материальные элементы приобретают более решающее значение. Времена подвигов беспечного рыцарства миновали, и теперь к природным дарованиям необходимо присовокуплять оборудование, механизацию и фабричные методы. Это более прозаично, однако, война может руководиться в части выполнения лишь приемами, имеющими научный характер. Наши несчастия 1870 года слишком хорошо это показали.

Не надо впадать в заблуждение, как это часто допускается умышленно или по оплошности. Когда начинают говорить о военной науке, то сразу возбуждается вопрос о невозможности заключить войну в формулы или подвести победу под уравнение. Речь идет совершенно не об этом. Научная форма не требует обязательного применения высшей математики. Война, наоборот, ее отталкивает, и очень жаль, что приходится наблюдать, как программа математики все расширяется в Сен-Сирской школе. Слишком глубокий анализ пагубен для операций, которые по преимуществу требуют синтеза. В виду этого, военные инженеры всегда были посредственными стратегами. Среди великих полководцев мы видим много гуманистически образованных людей: Цезарь, Сципион, Фридрих II, эрцгерцог Карл, принц де-Линь, Мориц Саксонский, Наполеон и т. д., но мы не находим ни одного математика.

Научная форма является рассуждением и расчетом, примененным к подробностям военных операций, с тем, чтобы предварительно отдать себе отчет об условиях их выполнения и не пускаться на удачу, а, по возможности, предусмотреть последствия, обеспечивая себя при этом против возможных опасностей.

Приверженцы военного искусства оспаривают это положение и формально и по существу.

По их мнению, без универсальных и основных принципов не могло бы существовать науки. Это утверждение теорети-

чески точно, но применяется ошибочно. Позитивная стратегия имеет твердые основы под другим названием. То, что принято обыкновенно называть принципами, в действительности является необходимостями, господствующими над событиями; они изменяются в зависимости от эпохи. Они командуют, не облекаясь в жесткие формы постоянного закона. В их существе заключается постоянство способности к совершенствованию.

Научная форма стратегии не является абсолютно новой. Ею уже пользовались. В особенности отдел боя в уставе полевой службы дал зачаток и набросок основных линий как тактики, так и стратегии боя.

Также имели место и индивидуальные попытки. Когда я в 1869 году напечатал свой эскиз Тактики походных движений, критики указывали на невозможность ее применения. Теперь она всюду вошла в привычку. Впоследствии, когда будет создана стратегия походных движений, все будут удивляться, что прошло столько времени, прежде чем было установлено столь естественное представление.

Таким путем разрабатывалось значительное число военных вопросов: организация, мобилизация, сосредоточение, тактика боя, огня, разведки, снабжения и т. д. Будет логично принять тот же метод работы для стратегических вопросов, конечно, не затрагивая при этом умозрительной части, которая требует художественного, а не научного подхода.

Развитие высшего военного образования позволит осуществить этот значительный труд. Уже сделано очень много; однако, остается создать и даже усовершенствовать еще гораздо больше; сразу практическая простота не достигается. Существующая организация оставляет широкое место весьма желательным улучшениям. Подлежат пересмотру военные законы и в особенности закон о военной повинности, который не является ни всеобщим, ни территориальным, ни местным, а основан на фантазии. В мобилизации встречается много противоречий; корпуса bis и, между прочим, смешанные полки могут лишь рассматриваться, как средства отчаяния, обреченные на исчезновение.

Сосредоточение представляется довольно удовлетворительным, но это не означает, что оно достигло совершенства. Например, план перевозок слишком узок, слишком абсолютно жесток и недостаточно, может быть, приспособлен к комбинациям войны. Тактика снабжения, несмотря на похвальные усилия, недостаточно подвинулась вперед, а стратегия довольствия находится в первобытном состоянии. Гораздо большее внимание уделено боевым порядкам, огню, расквартированию и охранению. Следствием этого явились определенные мнения, системы, даже регламентация; повторное применение идентичных приемов создало, как и раньше, тактические методы.

Ничто не мешает подняться выше, сохраняя тот же порядок мышления, и искать лучших приемов переброски больших масс, более выгодных способов их группировки при направлении их для нанесения удара, а также с целью поддержки, или для сосредоточения усилий, не считаясь с каким-либо определенным замыслом. К этому уже приступлено; исследование продолжается, и имеется основание полагать, что оно приведет к полезным заключениям.

Одни предпочитают из походного порядка прямо переходить в боевой порядок; другие считают более выгодныму прибегать к переходному состоянию между ними: резервному построению. При крупных боевых единицах одни рассматривают авангард, как щит, обеспечивающий построение боевого порядка. Напротив, другие утверждают, что авангард не представляет ничего иного, как элемент боевого порядка, развертывающийся первым. Являются ли эти различные приемы одинаково допустимыми, или некоторым из них необходимо оказывать предпочтение? Выяснить это представляется важным, так как в зависимости от решения между вступлением в бой отдельных частей походного порядка может образоваться промежуток времени в несколько часов.

При наличии четырех параллельных дорог, находящихся в распоряжении четырех армейских корпусов, имеется возможность предоставить каждому корпусу отдельную дорогу, или разместить по два корпуса в первой и по два во второй линии, при чем каждый следовал бы по двум дорогам. Приемлем ли второй способ или он должен быть осужден, исходя из соображения быстроты развертывания, передачи приказаний, удобства маневрирования и снабжения и т. д.?

В борьбе кавалерии против кавалерии боевой порядок дивизии в три линии, по бригаде в каждой, изобретенный немецким генералом фон-Шмидтом, противоречит разуму и расчету, однако он принят во Франции. Не было ли бы полезно изменить этот обычай?

Большая действительность артиллерийского огня достигается, как и раньше, сосредоточением орудий, а также, в виду их дальнобойности, простым сосредоточением огня. В зависимости от общих методов действия, батареям потребуется или часто менять позиции, или они останутся относительно неподвижными. Было бы интересно пролить свет на этот сложный вопрос.

Эти примеры показывают, насколько важно углубить все вопросы и указать наилучшие решения. Каковы бы они ни были, они все же будут лучше того состояния неизвестности, в котором мы сейчас находимся, и которое так затрудняет выбор решения.

С нарождением больших масс, мышление офицеров поставлено теперь перед очень серьезными заботами. Никогда

не проявлялось более живого и более настойчивого интереса к определению хороших методов выполнения. Большие исследования, упорный труд образованных офицеров позволяют достигнуть этих результатов, и эта работа мирного времени является великолепной подготовкой к войне.

В этом направлении замечаются значительные успехи. Число ценных трудов сильно возрасло, что доказывает, что Высшая Военная Школа дает хорошие плоды. Они окажутся еще более резко подчеркнутыми, когда увеличится число окончивших ее офицеров, которые займут более высокие должности. Вероятно уже недалек тот день, когда рутина отживет свой век, когда будет признано необходимым дополнять природные дарования знанием и нельзя будет стать начальником, не доказав своего умения.

ПРИКЛАДНОЙ МЕТОД ВЕРДИ-ДЮ-ВЕРНУА.

Верди-дю-Вернуа, один из блестящих сотрудников Мольтке и авторитетнейший его толкователь, в течение своей служебной карьеры вращался преимущественно в крупных штабах: в 1863—65 г. мы видим его в качестве прусского военного агента при нашем наместнике в Польше, переживающим все стадии польского восстания, которое он предсказал еще в поданной им в 1860 г. докладной записке начальнику прусского генерального штаба; в 1866 г. он работает в штабе II прусской армии; в 1870 г. он в ставке, очень близок к Мольтке, принимает участие в оценках обстановки и в разработке решений, являясь как бы паладином генерального штаба, вступающим в схватки с Бисмарком, когда последний пытался оказать давление на стратегию [1]). Впоследствии мы видим его в роли прусского военного министра. Воспоминания его о польском восстании представляют очень дружественную характеристику русской армии; воспоминания о войне с Австрией и особенно с Францией—это драгоценные документы для изучения стратегии и службы генерального штаба.

Таким образом, у Верди были все данные для того, чтобы успешно поработать в области создания школы стратегического мышления. Однако, лучшие свои силы (конец шестидесятых и начало семидесятых годов XIX столетия), он посвящает преподаванию тактики в Берлинской академии, и главные заслуги его, как реформатора военной теории, лежат в области тактики. Верди разработал прикладной метод изучения военного искусства. Школа Верди—это полная противоположность умозрительному подходу Вилизена. Вилизен, профессор военной истории, отказывается подойти к морю фактов, пока не разработает системы, которая ему может позволить классифицировать и расценивать факты и укажет на существующую между ними причинную зависимость. Верди, профессор теории тактики, отрицает возможность построить теорию, дать какие-либо правила, наметить самую программу, не обращаясь к частному случаю. Только изучение частного случая открывает Верди, какие вопросы действительно выдвигаются жизнью, какие мотивы играют роль при их разрешении, какие явления мы наблюдаем более или менее постоянно и можем об'единить под известными понятиями и соответственно классифицировать. Верди допускает использование военно-исторических примеров только при начальном обучении, как иллюстрацию тех представлений, которые учитель навязывает ученику. При самостоятельном же изучении, или в академическом преподавании, военно-исторический пример уже теряет права на существование: центр тяжести должен лежать в исследовании данного военно-исторического факта, чтобы извлечь из него все то поучение, которое он может дать. Военная история, на которую так нападает Леваль, при подходе Верди начинает играть роль сокровищницы военных знаний, единственного источника изучения. Изменяя некоторые данные действительно имевших место событий, включая в них новую технику, и исследуя складывающуюся обста-

[1]) В записках Бисмарка есть выражение: „полубоги генерального штаба". Больше всего оно относится к Верди.

новку новой задачи, Верди как бы переходит от военно-исторического опыта к эксперименту. Верди обращает внимание на то различие в тактической деятельности, которое зависит от служебного горизонта начальника, и является первым создателем тактики начальников дивизий. Те тактические задачи, которые ныне повсюду являются основным методом изучения тактики, в современной их постановке являются также творением Верди.

Работе над обширным стратегическим трудом Верди посвятил два последних десятилетия своей жизни (он умер в 1910 г.). Он взялся за нее только после смерти Мольтке, когда прусский генеральный штаб начал публиковать его служебную корреспонденцию. Параллельно с томами военной корреспонденции Мольтке начали выходить и отдельные выпуски стратегии Верди. Такими же отдельными выпусками издавались раньше его работы по тактике. Этот метод работы—делиться немедленно с читателями результатами своего труда, несколькими главами, охватывающими один из подлежащих исследованию вопросов, отвечает общему нервному характеру работы нашего века, но, конечно, для книжек, которые претендуют удержать внимание читателей в течение десятилетий, метод Клаузевица, который всю свою жизнь переделывал, усовершенствовал, расширял, изменял труд „О войне"—и все же оставил в нем только одну из 126 глав совершенно законченной,—последний метод представляет серьезные преимущества. Однако, в XX веке мы не можем требовать от автора такой скрытности, чтобы лишь в посмертном издании можно было бы ознакомиться с работой его мысли во всей глубине.

Тактике в семидесятых годах Верди посвятил 10 отдельных выпусков, которые господствовали в германской литературе около 25 лет; стратегии он посвятил 11 книжек, известных нам, первая из которых относится к 1891 году, а последняя—к 1906 г. С тактическими работами Верди русская армия была знакома по нескольким переводам, стратегические его труды были прочтены очень немногими специалистами.

При выборе трудов для перевода и издания, русские военные издатели стремились избегать книжек, значительную часть которых наполняло военно-историческое содержание. Книги выходят об'емистые, приходится прилагать много карт и схем, что удорожает издание; наконец, военно-книжный рынок пред'являл у нас своего рода американские требования — чтобы в самом ограниченном об'еме было бы дано максимальное количество выводов, при том резких и по возможности новых. Русский военный читатель, повидимому, куда-то сильно торопился. Книги, наполненные рассуждениями об известных уже войнах, и в то же время не представлявшие капитальный по ним источник, у нас не распространялись и потому не издавались. Только этим можно об'яснить отсутствие перед мировой войной русского перевода труда „Канны" Шлиффена, как любопытного и по положению автора, и по распространению изложенных в них взглядов в германской армии. Отсутствует у нас и капитальный труд Фоша „Ведение войны", с которым мы знакомим теперь читателей по отрывку: „План войны". Отсутствовал у нас интерес и к трудам Верди.

Отчасти вина лежит и на авторе: первый раздел его „Исследований о войне"—три выпуска—были посвящены несомненно вопросу третьестепенного значения в стратегии—событиям в пограничных районах, происходящим между моментами об'явления войны и началом крупных операций. Второй раздел—также 3 выпуска — посвящен плану кампаний. Через 11 лет после

приступа к своему труду, Верди, повидимому, решил совершенно изменить его конструкцию, наименовал третий раздел стратегией и полагал широко его развить. Нам известно только 5 выпусков стратегии, охватывающих общее определение стратегии и исследование вопросов об операционных целях, базах и линиях. В понятие операционной линии Верди избегал вкладывать какую-либо туманную идеологию и очень рационально, на наш взгляд, подразумевает под операционной линией всякую дорогу, необходимую войскам или обозам при ведении операции. Сюда попадает и „коммуникационная линия", и пути отступления, рокировочные дороги и т. д. Это очень далеко от учения Г. А. Леера и возвращает нас к тому определению, которое давал операционной линии автор этого термина, Ллойд; это определение имеет два больших преимущества: во-первых, изгоняется геометрический подход к исследованию важнейших стратегических вопросов, и, во-вторых, получается возможность выдвинуть цель операции на принадлежащее ей господствующее место, а не прятать ее в схематическую операционную линию.

В стратегии Верди чувствуется работа уже сильно постаревшего писателя; дерзаний здесь нет. Неоднократно Верди предупреждает, что он не имеет ввиду создавать собственной стратегии, а стремится только к приведению в ясность существующих воззрений, и к научной проверке их, насколько они правильны вообще, не заключают ли в себе внутренних противоречий, и отвечают ли условиям нашего времени.

Каков же метод работы Верди? Минимальный, но авторитетный теоретический багаж нужен и ему при отправлении в плавание по морю фактов. В тактике исходным пунктом Верди являлись уставные положения. В стратегии таковых нет. Поэтому, выдвигая для исследования какой-нибудь вопрос—например, о базе, Верди обращается к величайшему германскому теоретику Клаузевицу и величайшему практику новейшей эпохи, Мольтке, и изучает, какое содержание они вкладывали в этот термин, и если они употребляли его в различном значении, то выясняет, в чем заключается противоречие. На это тратится 15 страниц. Затем Верди отправляется в исследование военной истории—какое значение база имела в различных случаях, какие вопросы возникали во время войны относительно базы, какие мотивы имели решающее значение при решении их на практике. Все излагается не обычайно сжато, точно, и в то же время необычайно „основательно". На 85 страницах Верди изучает роль базы в трех кампаниях Мольтке, в походах Александра Македонского, Цезаря, в экспедиции Наполеона в Египет и в его же осеннем походе 1813 года. Затем Верди начинает под'итоживать и классифицировать результаты.

По об'ему нашего сборника для нас не оказалось возможным развернуть перед читателем все три стадии работы Верди—и мы первые об этом горько сожалеем. Мы даем только тот урожай, который Верди собрал со своих исторических исследований о целях операций и базе, но очень неполно знакомим читателя с методом Верди, опуская всю тяжелую его работу по подготовке к сбору этого урожая.

Как же можно оценить результаты исследований Верди? Они очень скромны, в них нет ничего кричащего; и в то же время они страшно жизненны; классификация, которую дает Верди, не выдумана за письменным столом досужим теоретиком, а взята из самой действительности; Верди не претендует раскрывать причинной связи, он указывает только на моменты, по-

лучающие значение при решении возникающих вопросов. Работа его свободна от малейшего шарлатанства; претензий в ней немного, она не стремится диктовать поведение полководцу в будущем, и в то же время если попробовать подойти к событиям мировой и гражданской войны с теми определениями, которые дает Верди, мы убедимся, что они во многом отвечают действительности— и не мудрено, так как они слеплены с жизни незадолго до мировой войны; те моменты, которые приводит Верди, как определяющие решение вопроса, действительно в мировой и гражданской войне имели место. Нам представляется, что тот исторический метод, который рекомендовал Наполеон для изучения стратегии, прекрасно представлен в трудах Верди, и что приводимые здесь в сборнике итоги Верди по двум вопросам дают, вообще, возможность судить о том, что мы можем получить от исторического метода, и что является для него недоступным.

Обратим внимание на то, что Верди, в отличие от большинства писателей по стратегии, очень охотно обращается к исследованию вопросов в стратегической обстановке войн глубокой древности. Верди не боится изучать взгляды Тюренна, даже Цезаря, Аннибала и Александра Македонского [1]). Верди обращает внимание на опасность замыкать наш исторический кругозор новейшим временем; его не удовлетворяет пример Мольтке, являвшийся руководящим для прусского генерального штаба, который углублялся в вглубь веков не дальше Фридриха Великого; Верди указывает, что если Клаузевиц предостерегал нас от примеров из глубокой древности, то сам он иногда все же ссылался на нее; что как раз в настоящее время историческая наука поднялась на такую высоту, что мы гораздо яснее и точнее можем себе представить обстановку борьбы Александра, Ганнибала и Цезаря, чем предшествовавшие поколения; и если в XVIII и в начале XIX века так охотно ссылались на них, то нам нет никаких оснований отказываться обогащать наш исторический опыт изучением действий этих полкововцев. В этом отношении Верди является горячим защитником истории военного искусства, даже ссылается на Дельбрюка, вообще держится точки зрения, противной тенденции прусского генерального штаба. К сожалению, у Верди нет понимания эволюции, нет исторической диалектики в подходе к изучению стратегических вопросов в прошлом. Лишь глубокое знание войн Мольтке с одной стороны, и с другой—заимствование исторического освещения у Дельбрюка и других крупнейших ученых направляет его исторические экскурсии по правильной колее.

Труд Верди остался недоконченным, несмотря на 50-летнюю работу в области стратегии, и 15 лет систематического труда над ее теорией. Можно отметить известное колебание во взглядах Верди—к концу своей жизни он даже отказался от своего определения стратегии и усумнился, не существует ли грань между тактикой и стратегией только в воображении. И все же Верди надо признать классиком в стратегических вопросах—мы предоставляем читателю познакомиться с точностью и добросовестностью его научной работы по приведенным отрывкам, которые мы, признаемся, по-варварски вырезали из органического целого его исследования.

Редакция.

---

[1]) В стратегии Верди чувствуется учет мирового масштаба, который принимает ныне война; его интересуют вопросы морской и колониальной стратегии, которые он часто захватывает в своем исследовании. Походы Мольтке не давали ему надежного основания для такого понимания войны, и обращение к седой древности позволяло Верди особенно модернизировать свои выводы.

ЭТЮДЫ О ВОЙНЕ.

И. ФОН-ВЕРДИ-ДЮ-ВЕРНУА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

СТРАТЕГИЯ.

Берлин, 1903 года.

ОБ ОБЪЕКТЕ ОПЕРАЦИИ.

Общая точка зрения.

Современному и почти обще-принятому термину „объект операций“ я предпочитаю термин „цель операции“; этот термин уже применялся Клаузевицем, а также многократно употреблялся Мольтке. Первый термин преимущественно применяется по отношению к наступлению, а при оборонительных намерениях встречается лишь случайно. Но оборона в своих операциях также должна преследовать определенные намерения, и выдвигать для операций задачу достижения известных целей. Хотя оборона во многих случаях протекает в условиях зависимости от противника, однако же пресечение неприятельских намерений является для нее целью, которая может принять весьма разнообразные формы. Но совершенно независимо от этого, оборона имеет возможность выдвигать и свои самостоятельные цели; сосредоточение вооруженной силы и избрание обороной сразу же определенного оперативного метода может продиктовать противнику совершенно определенные направления, а следовательно и предписать наступающему свою волю. Очень часто цель обороны будет состоять лишь в „препятствовании“, „задержке“ или встречном движении по отношению к неприятельской операции, цель же наступательной операции по преимуществу заключается в каком-нибудь „достижении“. В общем, мне представляется, что „цель“ является более широким термином, чем „объект“.

Подразделение объектов на „объект войны“ и „объект наступательной операции“ или „объект боя“ может быть научно обосновано, однако я не считаю необходимым останавливаться на нем.

Различные виды целей.

Обзор целей.

Цель операции нельзя рассматривать, как нечто одностороннее, постоянно принимающее один и тот же образ. Наоборот, содержание ее в действительности бывает чрезвычайно разнообразным; обусловливающие ее соображения включают в свой круг и политическую цель, к достижению которой должны направляться все операции. Так, окончательная цель устанавливается в полном согласовании с политическими намерениями. Но до достижения окончательной цели обычно перед командованием является еще задача достигнуть различных других целей, начиная с первой цели операций, и далее различных промежуточных целей, в особенности если операции будут дробиться в различных районах, или второстепенных целей, если обстоятельства складываются так, что на-ряду с главными операциями явится целесообразным разрешить еще несколько подсобных задач.

В конечных целях придется различать широкие цели от ограниченных, при чем последние встречаются также в том случае, если первая цель совпадает с конечной.

Далее, предыдущее исследование подчеркнуло нам положения, которые можно хотя бы отчасти охарактеризовать понятием „колеблющейся цели". Планы в последнем случае должны учитывать несколько различных целей и быть подготовлены к тому, чтобы отвечать требованиям той обстановки, которая в результате сложится в действительности. Такое положение, когда еще нельзя определенно сказать вперед, что захочешь сделать, неизбежно является, если в промежуток времени между составлением плана и его выполнением ожидается еще выяснение важных обстоятельств или неожиданные события могут вызвать изменения, а также если политическая обстановка пока не позволяет использовать изготовившиеся вооруженные силы. Но как только получится свобода действий, то в первый же момент, на основании сложившейся обстановки, должна быть установлена цель, которую хотят достигнуть [1]).

---

[1]) Пример колеблющейся цели представляет хотя бы русский план сосредоточения в 1914 году, со своими вариантами „А" и „Г", выбор коих зависел от направления германцами массы своих сил на французский или русский фронт, при чем в самом плане был указан точный срок, именно 8-й день мобилизации, когда должен был быть сделан окончательный выбор между этими вариантами. Менее удачно решили вопрос о вариантах своего сосредоточения австрийцы, у которых главная масса корпусов (лит. А) была расписана твердо на русский и сербский фронты, а группа из 4-х корпусов

Разнообразие целей мы видим уже в войне Ганнибала с Римом. Политической целью было сокрушение Рима, конечная же цель операции соответственно должна была быть широкой, и она заключалась в захвате города Рима, но в результате свелась к изоляции этого центра путем отпадения союзных Риму областей. Как первая цель, при этом выдвигалось преодоление кельтских племен, препятствовавших продвижению севернее реки Эбро; затем следовал целый ряд промежуточных целей, как, например, борьба на Роне и в Альпах, соединение с цизальпийскими галлами и т. д.; чтобы можно было приблизиться к конечной цели, надлежало счастливо достигнуть все предыдущие.

Окончательного решения можно было достигнуть лишь в Италии или Африке, в виду чего римские походы в Испании в своей совокупности являлись второстепенными операциями, преследовавшими второстепенные цели.

Ограниченные цели мы видим, например, в намеченном в 1864 году отделении от Дании Шлезвиг-Гольштейна, а также в защите Тюренном Эльзаса в 1674 году.

Колеблющиеся цели являлись у австрийцев в начале кампании 1859 года; в виду этого, при рассмотрении этой кампании нами было указано на необходимость остановиться на определенной цели к моменту начала операций.

Политическая цель.

Политическая обстановка и вытекающая из нее собственно политическая цель создает основание для военных действий; таким образом, политическая цель, поскольку она находится в зависимости от нашего выбора—должна согласоваться с нашими военными возможностями.

Однако, это не исключает возможности создания вооруженных конфликтов, в которых силы одной из держав, пови-

---

(лит. Б) могла быть направлена по произволу на тот или иной фронт. В результате, австрийцы начали Мировую войну с сербского варианта, что задержало их сосредоточение в Галицию на 5 дней. У немцев также были варианты сосредоточения, в особенности на случай сохранения Францией, в первые дни войны с Россией, нейтралитета.—В течение самой войны иногда приходится ставить колеблющиеся цели, вызывающие варианты. Упомянем приказ Мольтке для сражения 18 августа 1870 года, когда Мольтке не знал, остаются ли французы у Меца на Гравелотской (и далее к северу) позиции, или стремятся уйти северными путями; Мольтке ставит в приказе две цели: если французы остаются у Меца, то атаковать их с охватом фланга, если уходят, то атаковать их с целью прижать к бельгийской границе. Еще больше вариантов, уже не по недостаточной осведомленности, указывает Мольтке в январе 1871 года для операции против армии Бурбаки—в зависимости от действий последней, немецкие корпуса для уничтожения ее должны выполнить различные задачи.—Вопрос о моменте установления окончательного варианта Мольтке разрешал тем, что передавал окончательное решение частным начальникам, с чем едва ли можно вполне согласиться. (*Прим. редакц.*).

димому, недостаточны, чтобы противостоять с оружием в руках намерениям более сильного государства. Даже в таких условиях, если на карте стоят наиболее жизненные интересы народа, его честь и его свобода, вступление в борьбу все же может найти себе оправдание. История представляет достаточное количество примеров, когда по видимости совершенно безнадежное предприятие малого государства против более сильного все же заканчивалось в пользу первого.

Но в обязанности высшего военного командования всегда лежит ясное осведомление дипломатического руководства страны, когда нам угрожает или когда мы подготовляем конфликт, посколько оно считает себя в состоянии успешно его разрешить; дипломатия, в свою очередь, также должна своевременно извещать высшее командование о своих намерениях, дабы последнее успело достаточно подготовиться. Политическая цель должна быть ясна высшему военному командованию; ему необходимо твердое определение политической цели, чтобы, базируясь на нем, привести к известной смычке с нею свои оперативные соображения.

Исключение явится в том случае, если верховный военный вождь не возьмет на себя командование всеми вооруженными силами или частью их, предназначенной для военных действий. Тогда он сохраняет за собой политическое руководство. Генерала же, которому в таких условиях передается командование политика не касается[1]); он получает в виде директивы цели, которые он должен достигнуть путем операций. Отступления от этого могут иметь место лишь при совершенно исключительных обстоятельствах.

Но политическая цель может подвергаться изменениям. Благоприятный ход кампании позволяет расширить преследуемую цель, если ход кампании замедлится, например, вследствие вмешательства других держав, то цель может с‘узиться, а неудачный оборот войны может вынудить и вовсе от нее отказаться.

---

[1]) Здесь в труде Верди-Дю-Вернуа оказывается ревнивость, с которой Мольтке смотрел на вмешательство политики в стратегию. Мы совершенно не можем согласиться с этим утверждением, а равно не можем согласиться с приводимым ниже Верди доказательством—инструкцией, данной Врангелю для ведения войны с Данией, ставившей определенные оперативные задачи, но не затрогивавшей политических целей. Такое обезличение Врангеля об‘ясняется, на наш взгляд, стремлением сделать из Врангеля пешку; в действительности важнейшие чисто оперативные вопросы, возникавшие в процессе войны с Данией, решались и Мольтке, и принцом Фридрихом Карлом, и Прусским королем, только не стариком Врангелем и его начальником штаба, Фогельфон-Фалькенштейном, совершенно неспособным и непонятливым генералом. На наш взгляд, лишение какой-либо инстанции политических указаний может преследовать лишь определенную цель умалить ее значение.

(Прим. редакц.).

Все многочисленные планы Мольтке в его „Военной корреспонденции“, относящиеся к будущим войнам, построены на широком исследовании политической обстановки и вытекающих из нее политических целей.

Буры вступили в борьбу с превосходной по силе Англией, защищая свою самостоятельность; с этой задачей они не справились, но раньше им однажды удалось закончить успешно борьбу с этой великой державой. Еще на заре военной истории мы видим, как греки выходят победителями из борьбы с могущественной Персией.

Полководец может быть не ориентирован в политических соображениях и он может удовольствоваться основанным на них оперативным заданием, если это не верховный вождь, а назначенный командовать армией генерал. Мы видим это из инструкции, данной в 1864 году фельдмаршалу Врангелю для войны с Данией. Счастливый ход этой войны и положение, занятое в конечном счете иностранными державами, позволили расширить первоначальное политическое намерение: „обеспечить права Шлезвиг-Голштейна“ до „отделения герцогств от Датской монархии“. С другой стороны, позиция Пруссии и других германских государств во время Итальянской войны 1859 года привела к тому, что Наполеону III пришлось значительно сократить свою политическую программу, которая в начале войны выражалась лозунгом: „свободная Италия вплоть до Адриатического моря“ [1]).

Конечная цель.

Та цель операций, которая устанавливается к началу похода в согласовании с политическими намерениями, и достижение которой должно, по крайней мере, осуществить последние, может быть удачно названа конечной оперативной целью.

Эта конечная цель никогда не должна упускаться из вида и от нее нельзя отступать, даже если она временно будет представляться недостижимой. Как только откроется малейшая возможность достигнуть ее, сейчас же она вновь должна получить значение руководящей идеи. Изменение политической

---

[1]) Вследствие об'явления Пруссией мобилизации, направленной против Франции, Наполеон III счел необходимым скорее заключить мир с Австрией и оставил в руках последней Венецианскую область, что сильно огорчило его итальянских союзников. (*Прим. редакц.*).

цели и вытекающие из этого последствия мы уже оговорили; если конечная военная цель окажется недостижимой, то политическая цель также должна измениться, приспособляясь к создавшемуся положению. Таким образом, политические намерения и конечная оперативная цель остаются в постоянной внутренней связи и оказывают друг на друга влияние. Однако, первоначально установленная конечная оперативная цель по обстоятельствам может измениться, в соответствии с изменением стратегической обстановки, не обусловливая этим изменения политических намерений.

Прежде всего должно быть твердо установлено, что окончательное решение всегда заключается в поражении неприятельской вооруженной силы; это окончательное поражение может быть нанесено в открытом поле или оттеснением их в крепость, вместе с которой они вынуждены будут сдаться, при чем безразлично, двинутся ли они нам навстречу или нам придется их отыскивать.

Однако, весьма своеобразное значение может приобрести неприятельская столица [1]). Если она имеет влияние, господствующее над всем государством, если последнее раздирается партийными распрями, центром которых является столица, или если народ терроризирован узурпатором власти, то падение столицы открывает перспективу на окончание войны, и тогда взятие ее, с одной стороны, и оборона с другой, могут являться конечными оперативными целями.

Узурпатор в случае неудачи легко может лишиться поддержки народа. Народ или соглашается с состоявшимся уже решением, если только оно отвечает его собственным желаниям и интересам, или из его поражения вырастает новая власть, которая в свою очередь берет на себя задачу борьбы. В обоих случаях целью сначала является устранение военных средств узурпатора, при чем в последнем случае, по достижении первой конечной цели, создается новая обстановка, из которой выливается новая конечная цель.

В государстве, в котором господствует легитимная власть, потеря столицы будет иметь большое значение, особенно в моральном отношении,—однако, ее падение в большинстве случаев не приобретает решающего значения.

Кроме того, общее политическое положение, как внутреннее, так и внешнее, всегда влияет на значение, придаваемое столице с оперативной точки зрения. В одном случае настроение в кругах, руководящих в столице, может быть таково, что одной угрозы столице будет достаточно, чтобы

---

[1]) Здесь прежде всего Верди разумеет значение Парижа. Этот вопрос, а равно и многие другие о целях войны, разбирает также Фош в приводимом ниже отрывке „О плане войны“, с которым и рекомендуем сравнить изложение Верди. (*Прим. редакц.*).

заставить их уступить и поторопиться закончить войну; в другом—они разовьют самое энергичное сопротивление, какое только допускает обороноспособность страны.

Далее, конечная цель может принимать различные образы в зависимости от того, заключает ли она в себе крайнее решение или же является только ограниченной целью. И в первом случае не требуется достигать крайних пределов, т. е. полного уничтожения противника; в большинстве случаев достаточно лишить противника средств, необходимых ему для продолжения борьбы или вообще привести его к убеждению, что продолжение войны вызовет лишь новые жертвы и не может дать благоприятных результатов.

Иногда слагаются такие положения, в которых обширные цели вообще недостижимы, или достижимы лишь с особенными трудностями; в таком случае приходится удовлетворяться ограниченной оперативной целью, и тогда конечной военной целью не будет являться полное сокрушение противника.

Теперь напрашивается вопрос, каковым должно быть положение, позволяющее отказаться от полного сокрушения и удовольствоваться ограниченной целью. В общем, достижение ограниченной цели может рассматриваться, как задача обороны; однако, сама по себе оборона не исключает сокрушение противника, как конечную цель.

При этом надо учитывать количество и особенности военных средств. Если таковых недостаточно, чтобы конечной целью поставить себе всестороннее сокрушение противника, то придется попытаться найти ограниченную цель, достижение нами которой будет очень чувствительно для противника.

Иногда удаление объекта, достижение которого могло бы принудить противника к сдаче, бывает столь велико, что для операций приходится ограничиваться более близко расположенными целями. Главным образом, с этим приходится считаться при ведении войны за морем.

На ряду с вышеупомянутыми обстоятельствами, постановка ограниченных целей обусловливается дипломатическими соображениями по отношению к другим державам.

Новым мотивом для постановки ограниченной цели может явиться следующий: захват важного пункта или обширного района, с целью получить залог, который можно было бы обменять затем на желательный объект, немедленный захват которого встречает затруднения[1]). Вообще захват цен-

---

[1]) Мысль Верди ясна, хотя он и не поясняет ее в дальнейшем примерами: Германия могла расчитывать перед мировой войной расширить свои колониальные владения, захватывая в Европе клочек, дорогой для Франции, Бельгии или Голландии, и затем выменивая его, при заключении мира, на ценную для нее колонию. Вообще, вопрос об ограниченных целях Верди не

ных областей, принадлежащих противнику, делает его более уступчивым при постановке мирных условий. Наконец, надо еще упомянуть, что при продолжительных войнах, в каждом отдельном походе часто могут выдвигаться особые цели.

В отношении обороны мы не можем руководствоваться соображением, что ее задачи, по обстоятельствам, могут разрешаться и переходом в длительное наступление. Если это будет иметь место, то в таком случае ее операции будут иметь наступательную цель. Но, сама по себе оборона, поскольку она ищет решения, не выходя из природы оборонительных действий, будет ставить себе конечную цель в длительном удержании того, чем она уже владеет.

Образ действий Тюренна в 1674 году доказывает, что неуклонное преследование конечной цели, даже в таких положениях, когда ее достижение всем представляется совершенно невозможным, все же может привести к счастливому разрешению. Средняя и верхняя часть Эльзаса были потеряны, когда кампания этого года, казалось, уже заканчивалась, и войска располагались на зимние квартиры. Таким образом, задача Тюренна—удержание Эльзаса,—не была достигнута. Но он предпринял зимнюю операцию, каковой образ действий в те времена не входил ни в какие планы, стянулся из северного района и внезапно напал на союзников с противоположной стороны; таким путем он достиг конечной цели своих оперативных и политических намерений и выполнил свою задачу.

Само собой разумеется, если имеется какая-либо политическая цель, а направленные к достижению ее операции потерпели неудачу, то политика должна поставить себе другую цель. Таковы следствия каждой неудачной кампании. Стремление французов к захвату левого берега Рейна, после неудачного начала кампании 1870 года, превратилось в необходимость защищать собственную территорию. В связи с этим, им потребовалось заменить оперативную цель завоевания такой целью, которая покоилась бы на оборонительных тенденциях.

Что конечные оперативные цели могут подвергаться изменениям, не вызывая тем

подвергает надлежаще углубленному анализу, который привел бы его к установлению категорий стратегии сокрушения и стратегии измора, а держится в границах учения Клаузевица (в его непеределанной, как того желал автор, редакции) и Мольтке. Дальше Верди, в отношении выявления стратегии ограниченных целей, военная мысль до мировой войны не шла, и более глубокое толкование этого вопроса было дано только гражданским историком Дельбрюком. (*Прим. редакц.*).

самым перемены политических целей, это видно из похода Ганнибала. Первоначальное намерение заключалось в овладении Римом; после того, как боевые силы настолько растаяли, что эта первая цель представлялась уже недостижимой, она эволюционировала в стремлении отрезать Рим от его союзников, чтобы принудить его к сдаче.

Едва ли также требует пояснения утверждение, что основным средством к достижению политических целей является включение в конечную военную цель полного разгрома противника. Гражданская война в Северной Америке пришла к концу, как только войска Северных Штатов принудили к капитуляции остатки храбрых батальонов Ли.

Что для достижения цели иногда может быть достаточно вырвать у противника средства, необходимые ему для ведения войны, между прочим, показывает и последняя Испано-Американская война. С уничтожением испанского флота у Кубы и Филиппинских островов, всякое дальнейшее сопротивление Испании могло вызвать только новые жертвы; Испания больше не могла удержать за собой свои прежние владения в Вест-Индии и близ западного побережья Северной Америки.

Своеобразно всегда складывается обстановка, когда во главе вооруженных сил противника стоит государь, не являющийся легитимным, наследственным монархом. В 1814 и 1815 году Наполеон I пал вместе с поражением его армии, такова же была судьба Наполеона III; оба они больше не могли найти в своем народе средств для продолжения борьбы в их личных интересах. Однако, в 1870 году, после падения империи, республика немедленно повела вторую войну, но борьба велась во имя интересов Франции, и ее вожди сумели побудить народ к дальнейшему продолжению войны.

При таких обстоятельствах, особую важность приобретает удержание столицы. Нормально следствием падения столицы не является низвержение наследственной династии, если только последняя не возбудила против себя ненависти народа. Ее занятие также в большинстве случаев не вызовет окончания войны.

Вена, Берлин, Москва и много других столиц побывали во вражеских руках, и это не приводило к окончанию войны; Неаполь был взят, однако, Неаполитанское королевство развалилось лишь после падения Гаеты. Но особые обстоятельства могут обусловить различное влияние, которое окажет занятие столицы. Так,

например, в 1796 году одной угрозы Турину было достаточно для заключения мира между Францией и Пьемонтом, так как последний со своими интересами сумел оторваться от Австрии. В 1859 году, наоборот, короткое наступление правого крыла графа Гиулая, предпринятое им в направлении на Турин, правда, вызвало у союзников большое беспокойство, но отнюдь не могло побудить пьемонтцев к окончанию войны, так как потеря столицы не являлась для них решительным ударом. Последний могло дать лишь столкновение всех находившихся в стадии сосредоточения сил союзников с австрийской действующей армией.

Что касается ограниченных оперативных целей, то испано-американский конфликт доказывает, какое решающее значение в первую очередь имеют особенности военных средств. Америка имела возможность уничтожить испанский флот, блокировать испанские берега и нанести стране огромный ущерб, но силой оружия уничтожить испанскую армию, в пределах самой Испании, представлялось для Соединенных Штатов невозможным. Те боевые силы, которые имелись в распоряжении Америки, никогда не могли расчитывать на успех внутри Испанской монархии, где воспоминания об участии народа в партизанской войне, несомненно, вызвали бы опять к жизни гверилью. Таким образом, для американцев было большим счастьем, что они имели возможность достигнуть цели войны другим путем.

Географические условия также могут обусловливать постановку ограниченных целей. В Крымскую войну, во время борьбы западных держав с Россией, для них совершенно исключалась возможность искать решения внутри империи. Огромные размеры России, в связи с необходимостью для них опереться на базу на русском побережьи, расположенную в большом удалении от их собственных стран, в высшей степени увеличили бы трудности данной операции. Таким образом, пришлось удовольствоваться ограниченной целью, т. е. уничтожением Черноморского флота и его опорных пунктов, что по крайней мере создавало условия известной безопасности для Турции.

Задача русских, наоборот, состояла в удержании Севастополя, что также являлось ограниченной целью, и разрешить ее должна была оборона.

Что касается влияния дипломатических соображений на ограничение целей, то Шлезвиг-Голштейнский поход показателен как в этом отношении, так и по вопросу о захвате залога. Изучение этой войны показывает нам, какое тормозящее влияние оказывали эти соображения

как в период, предшествовавший началу военных действий, так и в течение их развития. Еще в своем плане кампании, Мольтке проектировал занятие Ютландии, как ценного залога, который желательно было иметь в руках, так как не представлялось возможным нанести удар в центр сопротивления, т. е. по Копенгагену, и не расчитывали в то время на возможность захватить острова, принадлежавшие к территории герцогств.

Какое значение может иметь оккупация важных частей территории, т. е. достижение ограниченной оперативной цели для приближения к политической цели, показывают последние события в Китае. Та цель, которую поставил для операции генерал Вальдерзее, заключалась в расширении сферы, на которую распространялась его власть, до Великой Китайской Страны; в связи с угрозой возможного распространения ее дальше, эта оккупация, во всяком случае, много способствовала успеху политического воздействия и побудила китайское правительство ускорить темп ликвидации конфликта.

Чтобы убедиться, что конечный результат обороны также может вылиться в уничтожение неприятельских вооруженных сил, стоит только вспомнить различные вторжения в Швейцарию, хотя бы сражение при Зембахе или гибель герцога Бургундского в сражении при Муртене.

Первая цель

определяется положением к моменту начала войны; поэтому характер ее может быть весьма различен. Таковая цель представится уже в период сосредоточения боевых сил, как только последнему явится помеха со стороны противника.

Возможность помехи может явиться в результате разнообразных предпосылок. Среди них назову следующие: запоздавшая мобилизация, более быстрое сосредоточение противника, ошибочный выбор района сосредоточения, большое протяжение государства при недостаточно развитых сообщениях, вообще все моменты, которые благоприятствуют внезапному стратегическому нападению противника или обеспечивают за ним инициативу.

Таким образом, в сухопутной войне особенно выдвигается необходимость обеспечивать мобилизацию и сосредоточение специальными пограничными отрядами, задачей которых обыкновенно и является достижение первых оперативных целей; когда мы ведем войну в других частях света наоборот, таковая цель в большинстве случаев заключается в перевозке боевых сил и в создании для них базы.

Проектированное наступление или оборона могут с самого начала лелеять мысль нанести поражение отдельным неприятельским отрядам. Обстановка также может выдвинуть требование немедленного захвата определенных местных пунктов, которые явятся желательной целью первых операций [1]).

При обеих основных формах войны, т.-е. как при наступлении, так и при обороне, первая и конечная цель могут совпадать. Такое совпадение будет иметь место в тех случаях, когда борьба идет за овладение участком территории.

При начале крупных операций, целью наступления, в большинстве случаев, является столкновение с главными силами противника или значительной их частью.

При этом направление нашего наступления, в зависимости от обстоятельств, может обусловливать неприятельские контр-мероприятия, противник же, в свою очередь, своим оперативным образом действий может воздействовать на направление, в котором должны будут развиваться наши операции. Если операции с самого начала создадут угрозу важнейшим интересам враждебной стороны, то последняя будет вынуждена обратиться к их защите [2]).

Оборона во всех случаях, когда она не может ожидать выгод от оттяжки решения, также первой своей целью должна иметь в виду решительное столкновение.

При установлении первой цели, если обороне приходится прикрывать область, заключающую известные стратегические и местные интересы, то надо точно установить, необходимо ли обеспечивать ее на всем протяжении, или на первое время можно удовольствоваться прикрытием лишь части ее. Далее, оборона должна обсудить, может ли быть эта задача разрешена наступательным ударом, если условия наступления противника будут являться трудными или наступление

---

[1]) Вспомним захват Льежа немцами для обеспечения вторжения в Бельгию, немедленное занятие Люксембурга для обеспечения сохранности Люксембургских железных дорог для нужд германского сосредоточения, выдвижение немцев в Польшу со стороны Силезии для захвата Домбровского угольного района и обеспечения Силезских копей и т. д. *(Прим. редакц.)*.

[2]) Мысль Верди: наступление германцев в 1914 г. через Бельгию обусловило рассредоточение французов с лотарингской границы. С другой стороны, нагромождение войск и укреплений французами на лотарингской границе повлияло на выбор решения немцев наступать через Бельгию. Так как французские операции против р. Саар не имели успеха, а движение немцев быстро развиваясь, начало грозить всему северу Франции, Парижу и левому крылу французского сосредоточения, то французы вынуждены были подчиниться немецкой инициативе и попятиться влево для защиты своих важнейших интересов.

(Прим. редакц.).

будет организовано им ошибочно, или же оборона может разрешить свою задачу занятием позиции для непосредственной или косвенной защиты. Во всех этих случаях оборона может идти на немедленное решительное столкновение или пытаться вызвать таковое.

Когда, напротив, оттягивание решительного столкновения отвечает общей политической и стратегической обстановке, и выдвигается необходимость выдержки, то часто создается своеобразное явление: соображения о том, что следует немедленно делать, включают в себе и дальнейшие моменты войны, т.-е. устанавливается связь между первой целью и дальнейшими, чтобы совокупно с ними придти к решению общей задачи. Так, например, в намерении удерживаться в какомлибо пункте может крыться стремление к фланкирующему отходу или к давлению на неприятельские сообщения. В таких случаях расчет не может быть построен на одном броске, и является необходимость попытаться также выяснить, что же придется делать после того, как первое мероприятие сыграет свою роль.

Несколько иной облик приобретает первая цель при обороне, когда на армию возлагается задача прикрытия других операций, и эту задачу нельзя разрешить путем удержания участка территории. Придется также стремиться к такому разрешению задачи, при котором первая цель будет заключаться в преодолении противника путем наступления, поскольку соотношение сил и особые условия дают шансы на успех. Если же таковых не имеется, то здесь придется перейти к оборонительному в общем образу действий, лишь с тем отличием, что постоянно меняющееся положение своих армий, развивающих особые операции, принудить ее применяться к нему; это приспособление в особенности должно отвечать требованиям, вытекающим из соображений по обеспечению флангов, сообщений и даже базы главных сил. Это обусловливает частую перемену намерений: то удержание определенных путей, то движение навстречу противостоящему противнику, выжидание или производство натиска.

Исследование планов Мольтке, относящихся к кампании 1870 года и их выполнение в период, предшествующий первым крупным столкновениям, учит нас, какое влияние могут оказать различные привходящие обстоятельства на установление первой цели — сосредоточение действующих сил. Уже мобилизация потребовала выдвижения отрядов для прикрытия некоторых пограничных участков. Большое удаление войск, квартиро-

вавших в мирное время на востоке, и то обстоятельство, что не каждый наш корпус имел в своем распоряжении отдельную железнодорожную линию, существенно задержали сосредоточение. Своеобразный прием французов в отношении мобилизации и сосредоточения почти дал им возможность начать наступление против еще несосредоточенных германских действующих сил, и заставил принять меры для устранения этой опасности в виде изменения распоряжений по перевозкам [1]); он также вызвал весьма обширные сомнения относительно установления, где и когда немцы будут в состоянии встретить французский удар с шансами на успех. Таким образом, самое сосредоточение превратилось в первую оперативную цель чрезвычайно большой важности.

Соединение французов с пьемонтцами в 1859 году, которое при наступлении австрийцев могло быть поставлено под вопрос, надо также рассматривать, как первую оперативную цель.

Такова же была задача союзников в Крымскую войну; первая цель заключалась в переброске войск в Крым и в создании там базы, после достижения чего лишь вообще возможно было приступить к дальнейшим задачам войны. Здесь эта цель весьма своеобразно распалась на два под'отдела, так как для высадки был выбран район, отличный от того, который должен был явиться базой для действий против Севастополя. Эта первая операция, помимо сражения на Альме, включала обходное движение мимо Севастопольской крепости и завершалась занятием Балаклавской гавани.

В кампанию 1864 года наступление было нацелено на немедленное столкновение с противником. Также обстояло дело у нас в 1866 и 1870 годах, однако в обеих этих кампаниях видно, что столкновению могли бы предшествовать и другие первые цели, а именно: 1866 год—соединение различных армий на неприятельской территории; 1870 год—обеспечение сосредоточения отдельных армий на собственной территории.

---

[1]) Как известно, французы в 1870 году перевезли, для выигрыша времени, свои войска к границе в немобилизованном виде с целью немедленно начать наступление, и укомплектовать части уже на походе. Воцарившийся во французском сосредоточении хаос помешал осуществить переход в наступление, но Мольтке, чтобы уклонить сбор своих армий от готовящегося удара, отдал распоряжение отнести на четыре перехода станции высадки. *(Прим. редак.)*.

Первой задачей также может явиться нанесение поражения или принуждение к отступлению действующих сил противника, занимающих выдвинутое положение, пример чего дает борьба Ганнибала севернее Эбро [1]).

На возможность попыток обороны избрать себе, как первую цель, нанесения поражения отдельным неприятельским отрядам, обращает наше внимание наступление Тюренна через Рейн против герцога Лотарингского и графа Капрара. Подобным же образом для наступления представлялся случай и в 1870 году, когда можно было нанести удар маленькому отряду при продвижении французов на Саарбрюкен. Но так как этот удар, в связи со взятием Саарбурга и прилежащего участка правого берега Саары, создавал особенно благоприятное положение, безразлично, преследовались бы оборонительные или наступательные намерения, то постановка здесь захвата участка местности, как первой цели, являлась целесообразной.

По мысли Мольтке, кампания 1866 года, даже если бы мы в начале держались обороны, подчеркнула бы нам положение, в котором первой целью обороны является захват местности, лежащей вне пределов вверенной ее защите территории. В этом случае нельзя достаточно высоко оценить значение захвата Саксонии, как первой оперативной цели.

Метод действий Тюренна еще указывает нам затем, что оборона может оказаться в таком положении, когда ей придется искать первую цель в обеспечении всей области или лишь ее части, как скоро начнется вторжение противника.

Изучение соображений Мольтке относительно третьей армии в подготовительных работах к 1870 году также дает ценные указания относительно целей, которые должна себе ставить армия, имеющая оборонительную задачу по прикрытию других операций. Операции против французской столицы являлись задачей первой и второй армии; прикрытие их с юга ставилось оперативной задачей третьей армии. Соображения приводят к тому, что задача третьей армии могла вылиться или в наступление в Эльзасе, или в следовании уступом впереди продвижения первой и второй армий.

---

[1]) В мировую войну — действия германцев против бельгийских армий (*Прим. редак.*).

Промежуточные цели (побочные).

От достижения первой цели находится в общей зависимости дальнейшее развитие намеченных первоначально операций; точно также обстоит дело в отношении целей, которые выдвигаются в отдельные периоды, когда операции могут развиваться в избранном направлении лишь постепенно, от этапа к этапу. От их достижения также зависит возможность дальнейшего преследования конечной цели.

Помимо термина „промежуточные цели", можно было бы иметь в виду и другие обозначения, однако данное выражение представляет то преимущество, что отвечает действительности, поскольку речь идет о целях, которые выдвигаются между первой целью и конечной. С этой точки зрения сюда можно было бы отнести и „побочные цели", под которыми я понимаю достижение особых намерений, происходящее наряду и одновременно с главными операциями, не прерывая последних, иногда даже под их прикрытием. Подобные цели могут выдвинуться с самого начала операций.

Однако, при постановке их никогда не следует упускать из вида, имеется ли в них необходимость для приведения в исполнение основных намерений, или же они в отношении к последним, по крайней мере, обещают доставить выдающиеся преимущества или устранить крупные невыгоды. В противном случае постановка подобных целей легко может привести к распылению сил.

Что касается выдвижения промежуточных целей, то таковое обусловливается уже необходимостью преодоления местных препятствий, и, прежде всего, как мероприятиями противника, так и собственными намерениями.

В отдельных случаях можно заранее предусмотреть, что конкретная цель будет достигнута лишь после того, как удастся разрешить различные задачи, которые будут выдвигаться одна за другой. В других случаях непредвиденные заранее мероприятия противника заставляют нас временно отложить выполнение собственных намерений, направленных на достижение конечной цели, и временно уклониться за другими целями. Кроме того, оборона также иногда может оказаться в положении, требующем постановки различных промежуточных целей.

Задачи Майнской армии в кампанию 1866 года надо постолько считать направленными на побочную цель, поскольку решение покоилось на борьбе других армий против Австрии; однако, одновременно эти задачи являлись необходимыми для прикрытия прусской территории и операций главных сил, а также, чтобы

удалить от них контингенты средних германских государств. Задача, которую в ту же кампанию третья армия должна была выполнить под Ольмюцем [1]), также не была направлена на решительную цель, которая выпадала на долю других армий. Однако, в данном случае задача третьей армии имела и внутреннюю связь с решительным столкновением, которое прочие армии должны были вызвать на Дунае.

В отношении промежуточных целей, поход Ганнибала представляет пример случая, когда выдвигается целый ряд таковых (в том числе и местные цели), часть которых, со стороны пунийцев, можно было предвидеть и до войны. Германо-Датская война 1864 года, однако, показала нам, что в течение самой войны подобные цели могут возникать и вновь (Альзен, Фюнский проект) [2]).

Как непредвиденное событие, заставившее немецкое командование выставить новые цели, надо рассматривать Седанский марш Мак-Магона в 1870 году. Когда немецкое командование, после сражения при Гравелоте, двинуло две армии на запад, то никто не думал о возможности подобного предприятия со стороны французов, и марш был нацелен на Париж. Когда же наступили неожиданные события, данная цель была временно отложена и установлена новая; однако, последняя уже не состояла исключительно в том, чтобы побороть намерение противника, а заключала в себе сознательное стремление отрезать французскую армию от сообщений с Парижем и уничтожить ее.

Что оборона в общем также может преследовать различные промежуточные цели, мы видим из образа действий Тюренна в борьбе с распространением противника на левом берегу Рейна; он занимал многочисленные позиции, которые всякий раз находились в соответствии с общим стратегическим положением; занятие их чередовалось с наступательными операциями, что в результате позволило ему выполнить возложенную на него задачу.

---

[1]) Бенедек после Кениггреца сначала отступил к Ольмюцкой крепости, для наблюдения за которой и была выделена третья армия, тогда как прочие силы продолжали наступление к Дунаю (*Прим. редакц.*).

[2]) До начала войны с датчанами, пруссаки считали датские острова неуязвимыми. Успехи, одержанные в течение войны, повысили предприимчивость пруссаков, и при помощи понтонных средств они захватили Альзен и проектировали дальнейшее преодоление узких морских проливов, отделявших ближайшие острова, несмотря на господство датского флота.

(*Прим. редакц.*).

Влияние союзов на цели операций.

Огромное значение при установлении оперативных целей получает такая обстановка, в которой дело заключается в совместных действиях союзников. При составлении плана часто создается огромная разница в зависимости от того, приходится ли руководствоваться лишь собственными условиями, или необходимо учитывать таковые и у других [1]). Это позволяет нам выделить в отдельную главу рассмотрение этих своеобразных моментов, заслуживающих особого внимания.

В отношении своих союзников, более сильная держава всегда должна помнить об обязанностях, лежащих на ней по отношению к более слабым союзникам, а именно: она должна защищать от опустошений их страну, поскольку это только возможно по условиям общей обстановки, и при непременном соблюдении требования, что слабейшие союзники примыкали бы к военным задачам, преследуемым главной державой [2]).

Осуществление этой обязанности может быть проведено путем непосредственной или косвенной поддержки. Первая—путем выделения подкреплений на территорию союзника; последняя—путем занятия фланкирующей позиции или поступательных операций, против угрожающей державы в другом районе театра войны [3]).

---

[1]) Вспомним трудности, которые являлись для составления русского плана, в виду необходимости согласовать развитие операций на русском фронте с трудностями, рисовавшимися при отражении французами главного удара германцев. Русские армии, во-первых, должны были форсировать быстроту начала активных операций и, во-вторых, вместо направления единственного мощного удара на Австрию, должны были дробить свои силы на два удара, по австрийскому и германскому фронту.—Мировая война представляет ряд великолепных иллюстраций к высказанным Верди мыслям о совместных действиях союзников. (*Прим. редакц.*).

[2]) Бельгийская армия вначале войны оперировала независимо от французской, что снимает с французов упрек в том, что они допустили германцев до захвата всей Бельгии. Сербское командование очень послушно относилось к указаниям, даваемым русской ставкой, и потому русское верховное командование очень глубоко чувствовало свою ответственность за разгром Сербии осенью 1915 года; прямая вина за него ложится на англо-французов, очень вяло приступивших к формированию в Салониках фронта для оказания помощи сербам. (*Прим. редакц.*).

[3]) Так в 1914 году Россия об'явлением войны Австрии и вторжением в Галицию оказала косвенную поддержку Сербии. Установление позиционного характера войны мешает оказывать косвенную поддержку, и ставит в очень опасное положение изолированных, слабых силами, союзников. Наступательные действия на Юго-Западном фронте осенью 1915 года поме-

Прямой поддержкой знаменуется начало кампании 1859 года со стороны союзников. Как только Наполеон III узнал о пред'явлении австрийского ультиматума в Турине, он немедленно отдал приказ о направлении французских войск в Пьемонт.

При развертывании германских армий в 1870 году наоборот, обеспечение Южно-Германских государств от неприятельского вторжения со стороны Страсбурга имело место косвенно и вполне себя оправдало; оно заключалось в сосредоточении третьей армии в баварском Пфальце или соответственно на р. Майне — сначала фланкирующее положение, затем наступательное движение, которое, в результате, привело третью армию в совершенно иной район театра войны, чем тот, на котором имели место ее первые бои. Обозначавшийся победный ход наступления в глубь Франции устранил совершенно всякую опасность для Южно-Германских государств.

Если своевременная поддержка союзников вышеупомянутыми способами неосуществима, то приходится обдумать или как принять отступающие из своей страны союзные войска [1]), или, если последние займут на своей территории сильную позицию, то как оказать им помощь в будущем, а, в случае окружения их противником, как их выручить. Оставление слабых союзников в пределах их родной страны может обосновываться на особенно для этого благоприятных условиях местности, на принятии участия в войне народа и на фортификационной подготовке; но если только союзные части не могут избежать окружения, то всегда надвигается опасность катастрофы, при условии, что более сильный союзник не найдет своевременно какого-либо способа оказать помощь. Возможность осуществить эту помощь принадлежит к числу тех условий, которые иногда позволяют считать целесообразным оставление войск более слабого союзника на родной территории под прикрытием фортификационных сооружений или других благоприятных данных. Но пребывание сил слабейшего союзника на укрепленных позициях

шали, правда, отправлению двух намеченных к переброске в Сербию австрийских корпусов, но последние легко были заменены германскими дивизиями. Наше вторжение в 1914 году в Восточную Пруссию оказало могучую косвенную поддержку Франции, так как на фронтах был разгар маневренной войны; наоборот, в 1915 году, англо-французы не оказали нам почти никакой косвенной поддержки, ссылаясь на позиционный характер действий во Франции, и весьма запоздали с подачей прямой помощи, путем направления в Россию запасов вооружения. (*Прим. редакц.*).

[1]) В мировую войну—принятие французами бельгийских войск после очищения ими Антверпена, а также принятие англо-французами остатков сербской армии, пробившейся к Албанскому побережью Адриатического моря, и реорганизация ее на острове Корфу. (*Примеч. редакции*).

всегда вызывает большие сомнения [1]), если только сила этих позиций и снабжение их всем необходимым не гарантирует длительной обороны, или если сильнейший союзник недостаточно могуч и не достаточно близок, чтобы можно было с уверенностью расчитывать на выручку.

Образ действий малого государства, которое в пределах родной территории встречает наступление превосходных сил противника, а равно противоположный, когда своя страна оставляется, мы можем наблюдать в войнах саксонского королевства. В 1756 году саксонские действующие силы удерживались в своей стране на укрепленной позиции у Пирны, ожидая скорой выручки со стороны австрийцев. Но эта надежда не сбылась, и последовала катастрофа. В 1866 году, наоборот, саксонцы отказались от такого метода действий и отступили, очистив всю свою территорию, при чем они отошли к выдвинутым в Богемию, чтобы их принять, частям 1-го австрийского армейского корпуса.—Военные действия в Тироле, в которых принимало участие все население, и которым благоприятствовали условия местности, указывают на возможность положений, в которых и незначительные державы могут долгое время успешно отстаивать родную землю.

Однако, для оказания поддержки главной державой более слабым участникам союза, решающее значение имеют некоторые предпосылки. Огромное влияние всегда будет иметь тот факт, отдает ли более слабое государство свои боевые силы в распоряжение более сильной державы или нет, и соответственно—будет ли оно оперировать в тесном единстве с ней или пожелает вести войну самостоятельно. В первом случае обязанности по отношению к союзнику — по крайней

[1]) Основная идея обороны малых государств в конце XIX и начале XX столетия заключалась преимущественно в устройстве в стране большой центральной крепости, редюита обороны. Дания с трудом отделалась от навязываемого ей специалистами проекта обращения Копенгагена в островную гигантскую крепость. Румыния возвела широкие по замыслу и жалкие по исполнению укрепления Бухареста. Бельгия, вместо того, чтобы интересоваться своей полевой армией, расходовала огромные средства на создание гигантской крепости Антверпена. Верди совершенно правильно высказывает сомнения в успехе такой попытки малого государства сохранить возможность проводить во время войны свою самостоятельную военную политику. Высоко положительный пример представляет Саксония в 1866 году, которая, далекая от какого-либо сепаратизма, заранее мобилизовала свою армию и подготовила уход ее в Австрию; саксонская земля была захвачена пруссаками без единого выстрела, но и без каких-либо трофеев, а все силы саксонской армии приняли участие в важнейшем акте войны—Кениггрецком сражении. Опыт мировой войны, как нам кажется, должен убедить малые государства в необходимости отказаться от упований на какие-либо редюиты обороны, от какой-либо самостоятельной стратегии, и в безусловной рациональности подчинять свои войска верховному военному командованию более сильного союзника. (*Примеч. редакц.*).

мере моральные—идут значительно дальше; во втором случае—войска этого маленького государства все же составляют известный добавок сил, так как связывают некоторые части противника; вопрос же оказания помощи главной державой при таких условиях в значительной степени зависит от того, насколько это отвечает ее интересам как с политической, так и с оперативной точки зрения. В этом случае обязательства по отношению к слабейшему союзнику сами по себе далеко не идут.

В 1866 году непосредственное присоединение саксонского корпуса к австрийцам явилось поводом, побудившим императора Франца-Иосифа настоять при заключении мира на сохранении этого государства, без каких-либо урезок его территории. Прочим же своим союзникам Австрия предоставила заключать мир сепаратно. Бавария отказалась от участия в совместных операциях в Богемии, так как она полагала, что уклонение в Богемию баварских войск представляет опасность для ее собственных интересов, а также для интересов прочих Юго-Западных государств.

Мольтке во всех своих планах войны с Францией придерживался по отношению к южно-германским союзникам следующей основной точки зрения. Если слабейшие союзники желают действовать по собственственному усмотрению, то заботиться о них больше нечего. Ему тем легче было отстаивать этот взгляд, что он полагал достаточными силы одних северо-германских войск для успешного завершения войны с Францией. Таким образом, выдвигается условие, имеющее решающее значение для возможности занять эту точку зрения: достаточность собственных сил для благоприятного завершения войны [1]).

---

[1]) Без этого замечания Верди нам трудно будет разобраться во взглядах, которые отстаивал генерал Алексеев относительно вступления в войну Румынии. Для Франции и Англии вступление в войну Румынии было вообще важно, так как расширяло фронт атаки на серединные державы, и давало Антанте известный приток новых сил. Но для Алексеева было важно, чтобы румынские войска основные линии своего поведения подчинили намерениям русского командования; такой же союзник, который будет вести свою собственную линию в политике и стратегии, и который в то же время только требует от России крупных сил для защиты своего тыла от Болгарии, сильно обременит наш транспорт доставкой к себе снаряжения и не представит никакой ценности. Это чисто Мольтковская точка зрения, но Алексеев смог удержаться на ней только до той минуты, пока он сохранял надежду на возможность добиться счастливого исхода наступления силами исключительно русской армии. Затруднения, которые встретили русские войска при расширении Луцкого прорыва, в особенности неудача атаки гвардии на Стоходе, заставили Алексеева капитулировать, и принять Румынию, как союзницу, со своей собственной линией поведения. Отсюда и все несчастия, обрушившиеся на Румынию, и скупость, с которой выделялись русские войска на чуждый нам фронт до тех пор, пока потеря Бухареста не заставила румынское правительство прозреть, согласиться на то, что Румыния представляет лишь часть общего русского фронта, что открыло перед ней возможность черпать

Несколько иначе складывается положение вещей, когда союз заключается между двумя или несколькими великими державами или вообще между равносильными государствами. В начале войны в данном случае на первый план иногда также может выдвинуться требование непосредственной поддержки одного государства другим; однако, полное право на существование сохраняют и совершенно самостоятельные операции, которые даже могут развиваться на совершенно различных театрах войны; это положение сохраняет свою силу и в борьбе двух держав против третьей, которая может вестись даже без заключения особого союзного договора. Существенное влияние в этом случае приобретает географическое положение государств, ведущих борьбу, как относительно друг друга, так и враждебной страны. Различие интересов также может привести к преследованию различных оперативных целей. Чем многоголовее союз, чем ближе по силам подходят друг к другу его участники, тем большие затруднения будет встречать вопрос об об'единенном ведении войны, и тем больше постановка целей будет приближаться к компромиссу, и менее отвечать естественным требованиям войны. При таких условиях, как неизбежное следствие, надо ожидать колебаний, нецелесообразных мероприятий—например, разброски операций—все это моменты, вызывающие многостороннее расстройство и недоразумения, могущие возрасти до развала союза [1]).

самым широким образом из резервов и запасов всего русского фронта. К сожалению, и русские, и румыны поняли требования войны слишком поздно. (*Примеч. редакц.*).

[1]) Мысль Верди в этом абзаце не совсем ясна. Сначала он признает право на многоголовие в союзе нескольких великих держав, но в результате ждет от него лишь огромных извращений. Несомненно, Верди видел перед собой, когда писал эти строки, с одной стороны, франко-русский, с другой — тройственный союз. Он как бы охотно признавал право России и Франции на самостоятельное оперирование и приводил далее соответственный пример борьбы Италии и Пруссии в 1866 году против Австрии. Несомненно, если бы Верди был бы в русском генеральном штабе, он еще энергичнее Обручева отстаивал бы независимость русской стратегической мысли от французских притязаний. Но в этом вопросе многое зависит от „географического положения"; этим выражением, может быть, Верди осуждает отсутствие военной конвенции и полную свободу в операциях, которые сохранили за собой Германия и Австрия в мировой войне.

События истекшей войны позволяют значительно углубить и развить мысль Верди: с одной стороны, гибель России, как великодержавного государственного организма, обращенного в услужение эгоистических союзников и забывшего собственные задачи. С другой стороны — отношения между Германией и Австрией: уклонение Германии вначале от принятия на себя каких-либо военных обязательств, отказ от тесной военной конвенции с Австрией, для сохранения свободы рук, отсутствие объединения командования против русского фронта, эгоистическое давление на австрийское командование через императора Франца-Иосифа, а к концу войны—полное порабощение Австрии, также ускорившее развал этого великодержавного организма. Здесь открывается широкое поле для углубления начатого Верди исследования.

(*Прим. редакц.*).

В начале осенней кампании 1813 года широкая поддержка была оказана русскими прусским, австрийским (а также шведским) действующим силам посредством распределения русских корпусов между главной армией в Богемии и армиями в Силезии и Бранденбурге; эти армии находились в областях союзников—Пруссии и Австрии, которые находились впереди русской территории, и прежде всего должны были учитываться, как театр военных действий. Однако, как в эту кампанию, так в кампанию 1814 года, замечается, что по временам отдельные державы преследовали совершенно различные цели: одни—ограниченное освобождение Германии от французского господства, другие—разрыв оков прежних мирных договоров и, наконец, третьи—то, что должно было бы неуклонно рассматриваться, как основная задача—свержение Наполеона.

Пример совершенно самостоятельных операций дают нам действия прусских и итальянских армий в кампанию 1866 года. При этом обе державы, боровшиеся с Австрией, имели столь тесные общие интересы, что даже едва ли являлась нужда в союзном договоре; сами обстоятельства диктовали им необходимость союза. Иначе обстояло дело с политическими целями: итальянцы стремились отторгнуть итальянские земли от Австрии, пруссаки—к лишению Австрии ее сферы влияния в Германии. Первое намерение могло быть достигнуто занятием спорных областей, второе же отнюдь не заключалось в аннексии австрийских земель, а достигалось путем сокрушения ее боевой мощи.

Все трения, зачатки коих таят в себе союзы между приблизительно равными государствами, можно усмотреть в событиях освободительной войны 1813 и 1814 годов, а также, в малом масштабе, и в войну 1674 года, где общее руководство объединялось в лице курфюрста Фридриха-Вильгельма Бранденбургского, затем в поведении Южно-Германских государств в кампанию 1866 года и вообще во всех многочисленных коалиционных войнах.

Заключительные замечания.

Хотя не все, но большинство тех соображений, которые надо учитывать по отношению к постановке оперативных целей, затронуты нами выше. Я говорю: не все, так как эта область стратегии столь емка и обширна, что, по имеющемуся у меня опыту, если продлить исследование на другие войны, то очень легко могут выявиться еще новые явления.

Это положение будет сохранять силу и для дальнейших тем моего исследования. Оно открывает для каждого исследователя чрезвычайно широкое поле работы и познания.

Чрезвычайная важность, заключающаяся в установлении оперативных целей, как в начале войны, так и для отдельных ее периодов, побудила меня уделить этой теме особое внимание в нашем исследовании.

Постановка целей связывается с задачей избрать целесообразные пути к достижению этих целей.

Вся стратегия—знание и умение вести большие операции—вращается в пределах этих двух вопросов, но если вышколенное понимание может привести к правильному выбору целей и путей к ним, то достижение таковых можно ожидать лишь от стойкого и энергичного характера.

Я хотел бы еще отметить, что путем всестороннего изучения „Военной корреспонденции“ Мольтке, а также путем наблюдения его деятельности на войне, я пришел к убеждению, что он—наш величайший стратег прошлого столетия—достиг исключительно высокой способности в любой обстановке различных кампаний инстинктивно немедленно выдвигать целесообразные предложения путем посвящения целого ряда лет всестороннему и глубокому исследованию целей операций и путей, посредством которых они могут быть достигнуты. Столь интенсивная работа над стратегическими вопросами, из которых 13 лет было уделено на разработку одной войны с Францией, должна была существенно способствовать тому, чтобы зародыш его огромного дарования достиг полного развития. Это объясняет весьма многое относительно достигнутых им величественных результатов.

ОПЕРАЦИОННЫЙ БАЗИС.

Различия в характере базиса.

Мольтке и Клаузевиц употребляли термин „операционный базис“ не всегда в одном и том же смысле, в военно-исторических трудах, в заданиях для маневров и при их разборе это понятие не всегда получает одинаковое значение.

Так, например, мы видим, что под понятием „операционный базис“—иногда подразумевается обширная область,

владение коей дает основание для *содержания действующей армии*; из этой области армия *преимущественно* черпает средства к существованию, и продолжительный отрыв от нее *без соответственной замены* таит в себе опасность развала армии.

Далее, то же понятие распространяется на обозначение незначительной части *всей области*, в которой происходит сосредоточение войск, и где берет начало его оперативная деятельность. В последующем значении этого понятия, данный незначительный район сводится к *геометрической линии*, определяющей границу сосредоточения, выступление за пределы которой возможно для армии лишь при наличии особенно благоприятных стратегических и географических условий; когда же начинается это наступление, то данная линия образует основание оперативной деятельности.

Однако, *поддержание сил армии* и *оперативная деятельность* охватывают две категории явлений, которые надлежит совершенно точно отличать друг от друга; эти различные функции могут быть выполнены лишь совершенно различно образованными факторами. Правда, рассматривая их в чисто территориальном отношении, мы можем встретить случай, когда оба района даже совпадут друг с другом, и пред‘явленные к ним требования будут служить к достижению общей цели; но сами по себе пред‘являемые к ним требования не имеют между собой ничего общего.

Мы попытаемся теперь уяснить себе требования, пред‘являемые к базису и различные значения этого понятия. *Содержание таких армий*, каковые имеют большие континентальные государства, при нормальных условиях, в течение войны будет преимущественно опираться на отечественную территорию. Конечно, из неприятельской области, которую удастся оккупировать, также должно быть извлечено все, что может разгрузить собственную страну; точно так же и нейтральные государства могут быть привлечены в равной степени к доставке всевозможных запасов; но все, что удастся получить такими путями, имея в виду общую потребность содержания армии, может рассматриваться только, как *дополнительная опора*.

Если подойти ближе к рассмотрению этих условий, то первым вопросом является следующий:

Что требуется армии в военное время, помимо ее внутреннего устройства, чтобы она могла отвечать своему назначению?

В первую очередь выдвигается *требуемая численность действующих сил*. При этом речь идет не только о начальном развертывании таковых в достаточном количестве, но также о пополнении потерь и о поддержании

возможно большего наличного состава в течение всей войны. За исключением единичных походов в других частях света, это требование в большинстве случаев будет покрываться населением собственной страны; оно будет распространено на подданных других государств лишь при наличии войскового устройства, основанного на широкой системе вербовки.

Таким же образом надо заботиться о поставке и пополнении кавалерийских и упряжных лошадей, а в отдельных случаях и о вьючных животных. При этом родина также является главным источником, поскольку она может выполнить эти поставки. Получение лошадей, как из нейтральных, так и из неприятельских областей, в общем также может рассматриваться лишь как дополнение. К нейтральным странам придется обратиться, если воюющее государство у себя дома вообще не располагает требуемым; что же касается коневых средств занятой территории, то будет использовано все сколько-нибудь пригодное, что в ней еще сохранилось. При этом необходимо иметь в виду, что противник к этому времени соберет уже со своей территории весь ценный конский материал.

Для пополнения орудий и оружия, всякого рода боевых припасов, различного материального снабжения, обмундирования и снабжения в первую очередь необходимо обратиться к имеющимся на родине складам, фабрикам и заводам, а также к поставщикам военного ведомства. Все, что может быть в дополнение получено из нейтральных государств, также прежде всего должно сосредоточиться в складах на родине; оккупированные же неприятельские районы в удовлетворении данных требований обычно могут оказать лишь случайное содействие.

На первый план в вопросе о содержании армии выдвигается огромное значение снабжения ее продовольствием. Надежное обеспечение продовольствием представляется тем затруднительнее, чем больше скучиваются массы, и чем меньше данная потребность может покрываться местными средствами. При маневренной войне на неприятельской территории никогда нельзя с уверенностью рассчитывать своевременно собрать и использовать еще имеющиеся там продовольственные средства, и только ими покрыть всю потребность. Таким образом, и здесь необходимо заботиться о том, чтобы подвезти с родины достаточные запасы; соответственно с этим, там должны располагаться пункты, куда будет собираться и все то продовольствие, которое может быть доставлено из за границы.

В виду этого, территория своей страны служит базой для всех требований, удовлетворение коих необходимо для существования армии. Сверх этого, родная территория используется еще

в другом отношении, а именно для эвакуации того личного состава и материальной части, удаление которых из сферы операций будет являться желательным и осуществимым. (больные, раненые, пленные, предметы снабжения, излишние или требующие ремонта, который может быть выполнен только на отечественных заводах, и т. д.).

Однако, все требования, удовлетворение коих преимущественно выпадает на долю отечества, сводятся к следующему: **сделать войска, в соединении с другими элементами, пригодными для оперативного использования и поддерживать армии в соответственном составе.**

Таким образом, эти требования относятся к области тех мероприятий, которые в своей совокупности вообще преследуют цель организации для войны соответственной армии, при том такого состава, который бы отвечал современным требованиям к большому государству. Ту же цель преследуют законы о воинской повинности, а также уставы и наставления для обучения войск, и многие другие организационные институты и мероприятия. Они все направлены на достижение цели операций, но сами по себе не образуют основы операций.

Полководец требует, чтобы в его распоряжение была предоставлена способная к операциям армия [1]), и чтобы она поддерживалась в этом состоянии. Однако само ведение операций является его делом и *относится к другой области.* Конечно, он никогда не будет упускать из вида необходимость сохранения его действующих сил в пригодном для операций состоянии, поскольку вопрос употребления войск включает в себе и вопрос о сохранении их в пригодном виде; однако, *полководец должен свои операции базировать на стратегическом положении и на вытекающих из него требованиях, а также и на возможности их осуществления.* Отсюда, как основа всех операций, являются особые требования стратегического положения.

В виду этого я *считаю себя в праве провести границу между базой для содержания армии и базисом для операций.* Руководясь этим соображением, с целью обратить наше внимание на данную разницу, я с самого начала исследования подразделил понятие „*база*" на „*общую базу*" и „*операционный базис*". Может быть, выражение „*общая база*" могло бы быть заменено

---

[1]) Мы исходим из большого широкого взгляда на стратегию и полководческое искусство, и не можем согласиться с проведением резкой грани, отмежевывающей административные вопросы. Полководец является не только расходчиком армии, но и создателем ее. (Прим. ред.).

и другим, более удачным словом, однако, после приведенных рассуждений не может быть сомнений в том, что я под ним понимаю.

Теперь постараемся охватить, что дали нам наши исследования выдержек из теории и действительно имевших место событий для познания особенностей этих различных отделов стратегии.

Общая база.

Требования, предъявляемые к таковой в основных чертах уже изложены в предыдущих соображениях. Если мы ближе ознакомимся с их внутренним содержанием, то придем к заключению: чем тесней и концентрированнее связываются отдельные части государственного образования, чем многочисленнее и провозоспособнее железные дороги и прочие сухопутные и водные пути сообщений, тем более совершенно будут разрешаться требования, предъявляемые к общей базе. Далее в этом отношении имеет еще значение благоприятная дислокация войск в мирное время и географическое положение источников тех средств, которые нужны войскам для получения полной способности к операциям. Совершенно особое значение необходимо придавать тому, чтобы вся являющаяся общей базой территория не была подвержена замешательству какого-либо рода.

Где все эти условия выполнены, там можно считать общую базу нормальной и вполне отвечающей всем предъявленным к ней требованиям.

Но политические границы и обще-географическое положение государства далеко не всегда отвечают этим трабованиям; это замечание в равной мере относится, как к государству, имеющему преимущественно континентальный характер, так и к состоящему из нескольких отдельных владений, т. е. к комбинации континентального или островного владения с колониями.

Перед кампанией 1866 года Прусская монархия распадалась на две большие группы земель, которые разделялись землями враждебных государств. Еще недавно Великобритания была вынуждена покрывать потребность в людях и материальных средствах для создания и содержания войск, необходимых для военных действий, не только с территории метрополии, но и из рессурсов ее отдаленных заморских владений и колоний [1]).

---

[1]) Верди здесь имеет в виду Англо-Бурскую войну. Значение колониальных владений, как части общей базы, еще рельефнее выступило в мировую войну, при чем последние получили значение не только для Англии (канадские, индийские, австралийские, южно-африканские дивизии), но и для Франции (черные войска) (прим. редакц.).

В обоих случаях, как совершенно необходимое, выдвигалось требование об обеспечении от всяких помех возможности совместного направления деятельности на преследуемую цель, раздельно или черезполосно расположенных земель. В первом случае, прежде всего явилась необходимость в насильственном воздействии на враждебно-настроенные государства, чтобы восстановить недостающую связь [1]); во втором случае возможность вмешательства противника была почти вовсе исключена [2]), и следовательно, дело сводилось к объединению и урегулированию мероприятий, касающихся набора людей и снабжения продовольствием и всякого рода материальной частью.

Во всех таких случаях для того, чтобы сохранить общую базу, является необходимость в особых мероприятиях.

Само собою разумеется, что общая база нуждается в защите достаточными силами.

Защита общей базы.

Это идеальное требование обороны, которая стремится, поскольку это достижимо, к удержанию своей территории; при наступлении, поскольку приходится считаться с опасностью неприятельского вторжения, и насколько защиту отечественной территории невозможно обеспечить косвенным образом, неизбежно выделение для этой цели известной части действующих сил.

Оборона может иметь место не только в тех случаях, когда оперативный план имеет оборонительный характер, но и тогда, когда противник предупредит нас, прежде чем мы будем в состоянии начать намеченное наступление. В обоих

[1]) Верди имеет в виду операции Майнской армии пруссаков против Ганновера в начале войны 1866 года, чтобы устранить черезполосицу, разделявшую Рейнские земли Пруссии от основного массива ее территории (описание этих действий имеется, напр., в „Каннах" Шлиффена). В настоящий момент такая же черезполосица имеется в Германии, вследствие „польского коридора" вдоль Вислы, отделяющего Восточную Пруссию. Этим создается положение неустойчивого военного равновесия, которое в начале войны, несомненно, должно быть устранено или занятием поляками Восточной Пруссии, или занятием немцами польского коридора.—То значение, которое приобрели теперь колонии, как существенные части общей базы, придает особое значение обеспечению связи с ними, т. е. для Англии содержанию такого флота, который обеспечивал бы ей господство на морских путях сообщений; для Франции необходимо обеспечить перевозку в Европу черных солдат, для чего ей важно обеспечить господство на Средиземном море союзом с Италией, постройкой воздушного и подводного флота и сократить морские перевозки постройкой через Сахару к Сенегалу железной дороги, которая бы позволила избежать вовсе перевозок по Атлантическому океану (прим. редакц.).

[2]) Буры не имели флота, который бы мог грозить сообщениям между английскими колониями (прим. редакц.).

случаях прикрытия операционной базы надо стремиться достигнуть сперва развертыванием армий, а затем развитием операций. Но развертывание прежде всего должно исходить из соображений о предстоящих операциях, и приведенные в нашем исследовании исторические примеры в достаточной мере свидетельствуют, что может создаться такая обстановка, при которой отдельные части всей территории государства вовсе не будут защищены самим развертыванием. Эту задачу должны взять на себя особые отряды; последние, однако, не в состоянии выдержать натиска сильных неприятельских частей, своевременная же поддержка их часто явится невозможной; в виду этого, оказываемая ими защита страны в большинстве случаев имеет условный, а следовательно и сомнительный характер. Однако, и противник находится в таком же положении.

Когда при составлении немецкого плана кампании 1870 года, потребовалось перенести сосредоточение армий с Майна и от Майнца ниже по Рейну, то для прикрытия территории Бадена, на верхнем Рейне были оставлены лишь слабые отряды гарнизонных войск. В 1866 году Верхняя Силезия, где находились лишь незначительные отряды Штольберга и Кнобельсдорфа, также была бы принесена в жертву, если бы в пограничный район вторгся австрийский армейский корпус, и тем самым прусская армия была бы лишена некоторых вспомогательных источников, представляемых данной областью. Таким образом, приходится мириться с возможностью потери районов, лежащих вне сферы непосредственного действия армии, чтобы иметь возможность явиться с возможно большими силами на решительном пункте. При счастливом исходе там столкновения, противник обычно будет вынужден очистить захваченные им к этому моменту участки. Однако, все же необходимо пытаться обеспечить угрожаемые участки хотя бы некоторым прикрытием, так как, во-первых, это наш долг перед населением, а во-вторых в наших же интересах—сохранить за собой вспомогательные источники данного района. Против этих маленьких пограничных отрядов будут находиться подобные же части противника; однако, может случиться, что близ них будет происходить и развертывание главных сил неприятеля; такой случай имел место в кампанию 1866 года, когда австрийское развертывание в Моравии в высшей степени угрожало Верхней Силезии.

Дальнейшее обеспечение таких участков может быть достигнуто фортификационным путем; в этом отношении может оказаться полезным устройство системы фортов—застав, или, при ограниченном протяжении угрожаемой границы, в осо-

бенности в горах, может оказаться выгодным возведение сплошной заградительной позиции [1]).

Однако, при этом надо отметить, что если вопрос заключается в удержании за нами более обширных районов, например целых провинций, то их обеспечение, в зависимости от их важности и от силы ожидаемого там противника, может обусловить выделение для этой задачи целых армейских корпусов и даже армий. Вспомним только обстановку в Восточной Пруссии и Померании в Семилетнюю войну [2]).

Сверх того отдельные части страны могут быть в достаточной степени защищены географическим положением; обширное протяжение и труднодоступность страны представляют прекрасное обеспечение для некоторых районов. В этом убеждает нас пример вторжения Наполеона I в Россию в 1812 г.; точно также, во время похода Александра большие области

---

[1]) Так, например, немцы обеспечили большую часть Эльзаса, не представлявшего для них оперативного интереса, возведением сплошной долговременной позиции, от Рейна до Вогезов включительно, на параллели Страсбурга (прим. редакц.)

[2]) Верди здесь касается чрезвычайно важного вопроса; как известно, план Шлиффена был испорчен и разжижен тем, что его преемник очень чувствительно относился к вопросу об обеспечении отдельных пограничных земель Германии от временной хотя бы оккупации противником. Соображения о том, что успех решительного наступления заставит противника очистить занятые участки, парируется доводом, что после визита французов в Саарский район в августе 1914 года остались бы разрушенные копи и фабрики, а пребывание русских в Восточной Пруссии, если бы и не обратило ее в пустыню, то во всяком случае так разорило бы, что она не в состоянии была бы выполнять свои функции по поставке сельско-хозяйственных продуктов в общей экономической жизни Германии. Приводимая Верди ссылка на семилетнюю войну очень характерна. На этом вопросе мы можем убедиться в необходимости расчленить наше исследование стратегических методов в зависимости от того, имеет ли война характер борьбы на сокрушение или на измор. Действительно, Фридрих Великий, который ожидал успеха в войне от выдержки до конца, должен был больше заботиться о сохранении своих провинций от неприятельского опустошения, чем о достижении численного перевеса в районе главных операций. Наоборот, Шлиффен, стремясь в шесть недель вывести Францию из борьбы сокрушительным ударом, совершенно логично приносил в жертву силе этого удара промышленные интересы Лотарингии и земледельческие—Восточной Пруссии. Ошибка Мольтке младшего и Людендорфа, готовивших стратегическое развертывание 1914 года, заключалась в том, что они сразу хотели и нанести сокрушительный удар—и обеспечить на долгую войну экономические интересы Германии. Здесь две цели, одновременная погоня за коими невозможна, и выбор между коими должен основываться на общем, намеченном нами характере войны. Русское командование, намечая со своей стороны стратегию сокрушения, было вполне логично, совершенно пренебрегая интересами отдельных пограничных районов, особенно к западу от Вислы и на ее нижнем течении, а равно придавая самое ограниченное значение захвату отдельных уголков неприятельской территории. Это не мешает нам признавать эту логику совершенно ошибочной, так как вся обстановка русского фронта в мировую войну должна была бы заставить нас забыть о марше на Берлин и Вену и перенести центр тяжести на операции с ограниченной целью и в первую очередь на утверждение наше в Галиции и Восточной Пруссии и закрепление за нами всего течения р. Вислы (прим. редакц.).

персидского царства в течение одного, двух лет являлись базой, где создавались новые персидские армии. Великий македонский царь обязан своим конечным успехом лишь мудрому и систематическому продвижению. Трудно доступность земель центральной Африки до последнего времени также препятствовала покорению туземцев [1]).

Обратимся теперь к рассмотрению обстоятельств, находящихся в связи с наступательными операциями, которые постепенно все более и более удаляют главные силы от первоначальной общей базы.

Прологом, основной предпосылкой к персидскому походу Александра является его борьба с пограничными с Македонией варварскими народами [2]). Необходимость этого пролога вытекает, из необходимости получить достаточное обеспечение для своей страны, которая должна была являться основным ядром общей базы похода. В виду этого, приступая к операциям, он оставляет на родине значительную часть своего войска— 13.000 человек. Отчасти, оставление этих войск могло быть мотивировано возможным вторжением соседей, но основной причиной является тот факт, что в состав общей его базы входила не только Македония, но и Греция; правда, обе страны имели общие интересы; однако, обстановка в Греции была таковой, что, в случае десанта персидских войск или появления персидского флота, она должна была учитываться, как ненадежная база. При таких обстоятельствах, т.-е. при сомнениях извнутри и угрозах извне, является необходимость и при наступлении обеспечивать общую базу выделением части войск. Равным образом Ганнибал, предпринимая поход в Италию, оставляет значительные силы в Африке и Испании, т.-е. в обе-

---

[1]) Образцовое использование труднодоступности страны представляет защита Летов-Форбеком германской колонии в юго-восточной Африке; со своими ничтожными силами Летов-Форбек заставил англичан развернуть огромные массы, строить железные дороги для подвоза им воды, преодолевать все неприятности африканской природы и в результате, правда перейдя к партизанскому образу действий, съумел продержаться до конца мировой войны. Такая четырехлетняя борьба против в пятьдесят раз превосходного противника, с огромной техникой, было, конечно, возможно лишь в тесном союзе с географическими особенностями Африки (прим. редакц.).

[2]) С этой точки зрения основная ошибка германской политики в подготовке к мировой войне заключалась в обострении соперничества на море с Англией, пока ее дела на континенте не были урегулированы. Англия, благодаря своему островному положению и отсутствию сухопутных границ, не имела соседей, которых можно было бы возбудить против нея, а у Германии таковые были; отсюда естественное окружение Германии на суше и на море. Надо было бы или отказаться от защиты интересов Австро-Венгрии на Балканах, направленных против России, или от морского соперничества с Англией, или же последовательно разрешать эти задачи; одновременное преследование двух направлений политического наступления—против России и Англии, имея рядом враждебную Францию, свидетельствует о большем падении немецкой политической мысли в после-бисмарковский период (прим. редакц.).

их странах, служащих ему общей базой; эти силы предназначались, как на случай нападения африканских народов, так и на случай восстания иберийских племен, но преимущественно для защиты этих областей от экспедиций римлян, которых при господстве их на море, можно было ожидать. Так как подступом здесь являлось море, то карфагенский полководец подчинил имевшиеся морские силы вождям, которым была поручена защита этих двух стран.

В 1799 году, предпринимая поход в Сирию, Бонапарт также был вынужден оставить значительные силы для удержания своей базы в Египте против возможных восстаний и дальнейших вторжений мамелюков и бедуинов, а также против возможной высадки турок с Родоса; в виду этого ему пришлось выступить в поход, имея лишь 13.000 чел.

Война 1870 года с Францией выдвигает перед нами разрешение задачи защиты общей базы в виде новых комбинаций. В течение подготовки к войне, позиция Австрии и Дании не была еще вполне ясна, и приходилось также учитывать возможность попытки французов высадить десант. Возможность этого десанта, в связи с сомнениями относительно Дании, требовала, помимо постановки задачи морским силам, оставления в начале войны нескольких дивизий для прикрытия побережья. Что же касается Австрии, то против нее было намечено направление особой группы корпусов в том случае, если эта держава действительно начнет обнаруживать тенденцию присоединиться к Франции прежде, чем начнется перевозка на Рейн этих корпусов, отнесенная на конец общего сосредоточения. Если же Австрия до данного момента не займет враждебной позиции, то можно было предполагать, что времени, которое потребуется австрийцам от начала их мобилизации, к которой они еще не приступали, и до момента начала ими операций, будет достаточно, чтобы привлечь намеченную против них группу корпусов к первым решительным действиям во Франции. Австрия предусмотрительно воздержалась от вступления в войну, но если бы она поступила иначе, то операция из района сосредоточения на Рейне, направленная через Южную Германию, очень скоро принудила бы австрийцев отозвать свои армии, вторгнувшиеся на северо-германскую территорию. При этом *обеспечение общей базы было бы достигнуто не непосредственным прикрытием, а косвенным путем*. Если этот путь является только возможным, то его нужно рекомендовать, тем более, что он часто допускает иное предварительное использование всех сил[1]).

[1]) Сосредоточение 9-й германской армии между Вартой и Торном, перед началом Лодзинской операции, висело над правым флангом русских и косвенно прикрывало Силезию. Но Верди, рекомендуя косвенную защиту территории, имеет в виду не столько преимущества фланговых стратегических позиций, сколько возможность путем их, одной угрозой, защищать отдельные районы, сохраняя все силы сосредоточенными для главной операции (прим. редакц.).

Как только дессант на германском побережьи стал мало вероятен, равно как и принятие участия в войне Дании, то дивизии, предназначенные для охраны побережья, также по ходу военных действий нашли себе применение во Франции.

В общем, этот метод действий характеризуется заботой о защите общей базы в случае, если возникнет опасность, при чем эта забота принимает форму эвентуального[1]) употребления войск, собственно предназначенных для участия в больших операциях.

Далее мы видим, что к общей базе могут быть присовокуплены и союзные области; в мелком масштабе это имело место в 1866 году; в крупном—в 1870 г. Прежде всего это отвечает интересам самого союзника, а также имеет большое значение для главной державы, так как последняя может извлекать из этой области снабжение для удовлетворения своих военных потребностей, насколько они излишествуют за удовлетворением нужд контингента войск союзника. Тем не менее этот прирост базы для главной державы будет представлять лишь ограниченную базу. В тех случаях, когда отдельные государства помогают не добровольно, а подчиняясь давлению узурпировавшего власть, и создаются условия зависимости, какие выпали при Наполеоне I на долю германских государств,—то такой прирост общей базы должен рассматриваться лишь как сомнительная помощь, которая обычно будет оказываться только до тех пор, пока господствующая держава будет побеждать, или пока она будет располагать на данной территории или поблизости достаточными силами, чтобы немедленно подавить всякое восстание. При таком положении данную базу надо считать сомнительной[2]).

---

[1]) Т. е. только в этом случае. Железные дороги, позволяющие быстро изменить назначение нескольких корпусов, дали Мольтке возможность отказаться от обсервационных армий, которыми раньше приходилось охранять общую базу от возможных, но еще не занявших открыто враждебного положения противников. Совершенно понятно, что русские, во время осады Севастополя, должны были приковать крупные силы к границе Галиции, где австрийцы производили вооруженную демонстрацию. Но в мировую войну оставление сил против Румынии (7-я армия) и особенно для защиты Петрограда (6-я армия) теряло смысл, так как с румынской и шведской опасностью, а также с возможным германским десантом можно было бы бороться эвентуальным предназначением для этих задач части корпусов, принимающих участие в решительных битвах в Галиции, Польше и Восточной Пруссии. Обсервационные армии сохраняли свое значение от Александра Македонского до постройки железных дорог, а теперь могут найти себе применение лишь при таких материковых удалениях, которые велики еще и для железных дорог. Мы еще мыслим, при борьбе на нашей западной границе, обсервационный корпус на Дальнем Востоке, но не ближе.—Соображения Верди о возможных опасностях извнутри сохраняют всю свою силу и в настоящее время. (*Прим. редакции*).

[2]) Так в мировую войну, в 1917 и 1918 годах, Австро-Венгрия и Болгария ведут уже борьбу, лишь принуждаемые Германией, и являются сомни-

Подобным же образом сложатся обстоятельства, а в соответственных случаях и меры предосторожности, если по ходу операций окажется возможным присовокупить к первоначальной базе неприятельскую область. Если при этом будут захвачены области, представляющие известное государственное целое, которые тут же отрекутся от неприятеля и заключат союзный договор со своим прежним противником, то вспомогательные источники этих стран включаются, хотя бы с известными ограничениями в общую базу [1]).

Все вышеприведенное построено на поддержании сообщений между действующими силами и общей базой. Однако, военная история приводит нам много примеров, когда нельзя уверенно рассчитывать на сохранение сообщений с общей базой, и даже предусматривается вероятность продолжительного разрыва связи с ней.

Само собой разумеется, что мы имеем в виду только случаи, когда вождь идет добровольно на этот разрыв, т. е. когда для него еще не исключена полностью возможность прибегнуть к другому оперативному образу действий или занятию выжидательного положения. Если же его к разрыву сообщений с общей базой вынуждает противник, то он оказывается в бедственном положении и должен, худо или хорошо, из него попытаться выпутаться.

Но чтобы добровольно подвергнуться связанным с разрывом сообщений с базой опасностями, налицо должны быть известные условия, чтобы все не было легкомысленно поставлено на карту, и война в конечном счете не преврати-

---

тельным участком общей базы; как только в 1918 году обозначилось бессилие Германии одержать победу, то вопрос об отпадении их выступил на очередь; а так как Германия сумела поставить в зависимость от себя центры этих держав, то отпадение произошло в форме развала фронта. Точно также многие черты развития русской революции 1917 года об'ясняются тем зависимым положением, которое заняло временное правительство по отношению к Антанте.--Замечания Верди о не надежном приросте сил от присоединения к общей базе территории „союзников поневоле" вполне может быть распространено на враждебные инородческие окраины империалистического государства; царская Россия от Финляндии и Польши получала сомнительное прибавление сил. Равно Германия в мировую войну испытывала значительные затруднения от солдат, уроженцев Эльзаса; чехи своими систематическими сдачами много содействовали военному развалу Австрии, и создали карьеру целому ряду русских генералов.

(*Прим. редакции*).

[1]) Захват Польши Германией, провозглашение ее самостоятельности, попытка сформировать для германской армии несколько польских дивизий, затруднения в заключении сепаратного мира с Россией и прочие злоключения немцев, вытекшие из этой политики, вплоть до обезоружения поляками возвращающихся на родину после революции германских и австрийских частей, представляет яркую иллюстрацию неудачного приложения этой мысли Верди.

(*Прим. редакции*).

лась в азартную игру. Последний метод представляет только путь узурпаторов и авантюристов [1]).

При временном отказе от сообщений с общей базой, я прежде всего оправдываю тех вождей, которые, полагаясь на себя и на свои войска, на их превосходство над противником, рассчитывают, что они все вернут в нормальную колею посредством одержанной победы или в итоге своих операций. Однако, это упование также должно иметь какое-то внутреннее оправдание. Кроме того, этот способ может применяться лишь в тех случаях, когда он ведет к достижению такой операционной цели, которая должна оказать особое влияние на исход всей кампании [2]).

В период осенней кампании 1813 года, непосредственно предшествовавшей Лейпцигской битве, Наполеон I мог держаться мысли временно отказаться от сообщений с Францией и думать о том, чтобы перенести операции на правый берег Эльбы, до тех пор, пока он надеялся там порознь разбить Северную и Силезскую армию. Тогда главная Богемская армия, конечно, по доброй воле отказалась бы от своего движения на сообщения Наполеона. Право Наполеона на такую операцию вытекало из превосходства над противником его испытанного полководческого гения и его выдающегося мастерства на поле сражения, которое до сих пор везде, где он лично присутствовал, связывало победу с его знаменами; это подтвердилось также в эту войну при Гросбеерене, Бауцене и Дрездене.

---

[1]) Нам представляется, что в этих словах высказывается уже сильно стареющий Верди. Ведь Наполеон, военное искусство которого признает Верди, прежде всего—узурпатор и азартный игрок. Революционные вожди, по общему правилу, всегда также склонны к более рискованным операциям, чем имеющие до известной степени застрахованное будущее генералы наследственных монархий. Является ли это основанием возражать против риска? Казалось бы, что наоборот, можно утверждать, что Наполеон отказался бы от многих своих планов, в том числе и наилучших, если бы мы вообразили его представителем наследственной династии и влили бы ему, вместо крови азартного корсиканского авантюриста, большую дозу спокойной рассудительности, осторожности и желания перестраховывать все свои операции на случай неудачи. (*Прим. редакции*).

[2]) Мы с этой точки зрения не можем оправдать решения Самсонова, порвавшего сознательно утром 15/28 августа 1914 года связь с тылом и пустившегося в самое азартное наступление. Бои 1 армейского корпуса у Усдау 13/26 и 14/27 августа не могли внушить Самсонову веру в абсолютное превосходство русских войск над германскими, а весь риск, которому он подвергал армию, не находил себе оправдания в возможных результатах в случае успеха. Психологически решение Самсонова об‘ясняется глубоким отвращением, которое создалось в русской военной мысли после войны 1904—1905 г.г. к недоигрыванию сражений до конца, к отступлениям генерала Куропаткина в самую решительную минуту, когда проявление упорства могло бы еще дать победу. Но это стремление к противоположной Куропаткину линии поведения оказалось приложенным в обстановке, которая прямо диктовала подражание осторожности нашего вождя в Маньчжурии. (*Прим. редакции*).

В 1870 году, в сражении при Гравелотте—Сен-Прива, германская армия, учитывая свои предыдущие успехи, также могла себе позволить вступить в бой с перевернутым фронтом.

Однако, в обоих случаях надо обратить внимание еще на некоторые условия, благоприятствовавшие подобному маневру. В 1813 году в распоряжение Наполеона при этом полностью оставалась его оперативная база, которая, в случае некоторого потеснения им союзников на правом берегу Эльбы, открывала ему возможность, под прикрытием укрепленных переправ, вновь перейти на левый берег и завоевать прерванные сообщения. В 1870 году поражение обеих германских армий при Гравелотте все же сохраняло за ними возможность продолжения операций совместно с III армией кронпринца прусского, находившейся поблизости в этом же районе театра военных действий. Соединение с ней позволяло достичь такого превосходства, благодаря которому можно было бы с уверенностью рассчитывать на восстановление утраченного стратегического положения.

И при других условиях, добровольный временный отрыв от базы также может найти оправдание. Например, армия или часть ее может пойти на это, если ее вождь с уверенностью может рассчитывать на выручку его вмешательством других дружественных армий, а условия местности или наличие крепости, или целой системы крепостей позволяют ему удержаться до этого момента [1]).

Таким образом, сохранение связи с операционным базисом или твердая надежда в скором времени восстановить все сообщения с общей базой путем ли соединения с другими силами, находящимися на том же театре военных действий, или путем вступления новых сил, которые могут быть подтянуты к данному участку, а также посредством поддержек местного ха-

---

[1]) По идеям плана войны Обручева и Куропаткина, треугольник крепостей Варшава—Новогеоргиевск—Зегрж должны были позволить русским войскам, находившимся в момент германского вторжения в Польше, отнестись спокойно к перерыву германцами их сообщений с главными силами несосредоточившихся еще русских войск; эта система крепостей позволяла бы отброшенным в нее русским корпусам отсидеться в течение тех месяцев, которые были потребны для сбора всех русских сил и решительного их перехода в наступление. Русско-Японская война заставила нас отказаться от такого оптимистического расчета и приложить все усилия в плане войны, чтобы избежать такого преднамеренного отрыва от общей базы.—Бельгийцы, при вторжении немцев, должны были бы рассматривать Францию, как свою общую базу, однако, они отказались от сообщений с Францией, и отошли в крепость Антверпен, где надеялись сохранить выгодное выжидательное положение. Случайность—отступление узким коридором вдоль берега моря, позволила части бельгийской армии избегнуть полной катастрофы при неожиданно быстром падении Антверпена. (*Прим. редакции*).

рактера, как, например, восстания населения данной области—все это является моментами, наличие которых может вполне оправдать временный отказ полководца от сообщений с общей базой.

Но, как уже сказано, для разрешения данной задачи полководцу в первую очередь необходима уверенность в самом себе и в своих войсках, и эта уверенность должна базироваться на положительных данных.

При наличии последнего условия, может быть сделан дальнейший важный шаг—предпринята операция, считающаяся с возможностью более продолжительного разрыва сообщений с общей базой. Мы видим Ганнибала в этих условиях устремляющимся в Италию, а Бонапарта—в Египет. Но и при этом необходимо наличие особых предпосылок, чтобы выполнение было проникнуто положительностью и не носило характера дерзкого скачка в неизвестность. В обоих примерах имелись налицо эти предпосылки, заключающиеся в следующем: область, куда переносится операция, должна быть способна удовлетворить все требования, которые вообще можно предъявить к общей базе, или следует отправляться в эту область, уже имея при себе средства, достаточные для проведения операций.

Ганнибалу представлялось две такие области—страна цизальпинских галлов и южная половина Италии. Для поддержки численности своей армии на известном уровне, он мог в этих областях расчитывать и на вербовку, и на добровольное зачисление в его ряды. Далее, при господствовавших тогда своеобразных условиях, можно было расчитывать, что повсюду удастся найти продовольствие, оружие на замену утраченного и прочие военные материалы. Подобным же образом складывалось положение Бонапарта в Египте, и таковой же могла бы явиться обстановка и в Сирии; в населении обеих стран имелось достаточно элементов, видевших во французах освободителей от гнета мамелюков и турок; эта часть населения, следовательно, могла дать пополнение людьми. Страна была богата продовольствием, давала возможность приобрести прочее снаряжение, даже оружие, и позволяла приступить к изготовлению боевых припасов. Сверх того, в этих обоих походах сообщения с первоначальной базой были не вполне утрачены; в обоих случаях родина являлась не главным источником, а—обратно обычным условием, складывающимся при захвате неприятельской области—лишь дополнением к тому, что последняя могла дать, как новая общая база.

Во всяком случае отсюда вытекает, что отнюдь нельзя исключать возможности, при известных обстоятельствах, оказаться в такой обстановке, когда

может выдвинуться необходимость отказаться от отечественной базы [1]). Но такое предприятие всегда следует относить к числу самых опасных и трудных операций, которые только можно задумывать. Но эти опасности не устрашат никогда великого полководца, если только он убедится, что осуществление замысла приведет непременно к результатам исключительного значения, и чем большие трудности будут нагромождаться, тем большие силы разовьются в нем для их преодоления.

Теперь обратимся к той основе, которую мы обозначаем термином.

Операционный базис.

Он устраивается внутри или на границе общей базы, однако он может находиться также и на значительном удалении, или даже быть вполне от нее изолированным.

Если операционный базис расположен на границе, то надо учитывать лишь занятую им часть границы и прилегающий район, смежный с неприятельской территорией; в береговом базисе—только исходный пункт для морских операций,—со всем необходимым для прикрытия его районом.

Требования, которые стратегия пред'являет к такому базису, по существу сводятся к следующему: обеспечение сосредоточения, обороноспособность, прикрытие собранных там военных материалов, благоприятные условия для перехода в наступление, опорные пункты для войск, вынужденных отступать на него.

Первой задачей, выпадающей на полководца, с началом кампании, является сосредоточением его действующих сил. Для сосредоточения должны быть использованы все средства, чтобы закончить его в кратчайший срок—однако это преимущественно техническая сторона вопроса—с оперативной же точки зрения, основное требование заключается в том, чтобы организовать его так, чтобы оно не было подвержено каким-либо помехам со стороны противника. Своевременность мобилизации и срок,

---

[1]) Скорее всего необходимость отказаться от отечественной базы и положиться на базу, находящуюся впереди, и которую еще нужно завоевать, возникнет при операциях, имеющих характер внесения в страну революции извне. Ганнибал в Италию, Наполеон в Египет вносили революцию, поднимали восстание против господствующих наций или классов—римлян или мамелюков—и этим путем лишь могли расчитывать извлечь из только что занятой области средства для дальнейшего ведения войны. Только политический расчет на население области, куда направляется операция, может оправдать длительный разрыв своих сообщений с общей базой. *(Прим. редакц.)*.

необходимый для перевозки войск, получают особенно важное значение. Если же все же приходится расчитывать, что противник нас предупредит, то остается лишь настолько отнести назад сосредоточение, чтобы опасность серьезной помехи была исключена; к этому методу приходится обращаться в тех случаях, когда нельзя найти другого выхода.

Таким выходом может оказаться использование имеющегося рубежа, удобного для обороны, безразлично, будут ли природные условия затруднять наступление противника, или эти условия будут созданы искусственно, расположением фортификационных сооружений, фортов—застав или другой системы укреплений; выход будет найден, если для защиты этого рубежа своевременно может быть доставлено достаточное количество войск, чтобы иметь возможность задержать дальнейшее продвижение противника до окончания сосредоточения наших главных сил. В таком случае этот рубеж сперва получает значение оборонительной линии, которая, если ее удастся удержать, в дальнейшем обращается в исходное положение для всех наступательных и оборонительных операций, т. е. является действительным операционным базисом с двойным назначением.

Так и расценивалась линия Рейна при разработке планов кампании против Франции. Она должна была образовать операционный базис для наступления, а также служить таковым для обороны в том случае, если противник предупредит окончание сосредоточения нашей армии на этой реке. Задачей наших войск, прибывших на Рейн, в первую очередь являлась оборона этого рубежа, представлявшего в связи с рейнскими крепостями сильную преграду.

Другой способ замедлить приближение противника к операционному базису заключается в выдвижении части армии на неприятельский путь наступления. В плане кампании 1870 года такие задачи временно возлагались на части VII и VIII корпусов, а также на одну из дивизий III корпуса, которая выдвигалась к Сааре. Разрешению этих задач способствовало наличие благоприятных условий местности, а на равнинных участках—придача этим частям сильной кавалерии. Для прикрытия мобилизации в большинстве случаев окажется достаточно небольших пограничных отрядов.

Операционный базис при обороне.

Сперва мы проследим вопросы, выдвинутые нашими предыдущими исследованиями, касающиеся операционного базиса при оборонительном плане кампании.

Предпосылкой оборонительного плана должно являться известное соответствие между наличными силами и размерами

операционного базиса, которое позволяет своевременно выдвигать достаточные силы к угрожаемому пункту.

В общем, операционный базис для обороны очень часто может являться в то же время и оборонительной линией. При этом, если операционный базис находится в пределах своей страны или в непосредственной связи с ней, то не рекомендуется нагромождать здесь запасы на продолжительное время, так как в случае отступления они неизбежно пропадут; однако, эти запасы нужны на период сосредоточения армии и начальную стадию операций. Пока соответственные железные дороги находятся в нашей власти, запасы, предназначаемые для позднейших периодов, могут смело оставаться позади.

Но если предвидится угроза общей базе с другой стороны или разрыв сообщений с ней, то нагромождение продовольственных средств и устройство складов для удовлетворения различных военных потребностей на самом операционном базисе и вблизи от него является неизбежным. Как и в прежние времена, так и теперь, имеет значение расположение всяких складов, магазинов и т. д. в пунктах, обеспеченных фортификационными сооружениями. Так, в осеннюю кампанию 1813 года Наполеон, имея операционный базис на Эльбе, использовал расположенные на ней крепости, снабдив их настолько богато, что они давали ему на продолжительное время независимость от Франции. Вследствие этого, если бы ему удалось восстановить на правом берегу Эльбы сообщения с гарнизоном крепостей, расположенных восточнее, то он достиг бы усиления своей действующей армии.

Оборона, задачей которой является защита страны, выполнит свою задачу тем шире, чем ближе она обоснуется к обращенной к противнику границе. При этом базис и оборонительная линия могут совпадать; цель также может быть достигнута короткими наступательными ударами.

Однако, часто может оказаться, что вблизи границы нет подходящего рубежа, а имеющиеся не подготовлены в фортификационном отношении. Конфигурация границы также может создать такое положение, что сам по себе сильный участок охватывается с фланга неприятельской территории; таким образом осенью 1813 года был значительно ослаблен Эльбский базис Наполеона, как только Австрия присоединилась к его противникам [1]).

Во всех этих случаях нужно отдать себе отчет, не лучше ли пожертвовать частью своей территории и избрать себе для

---

[1]) Такой случай, при границах России перед мировой войной, представлял наш „передовой“ театр, коренная Польша, которую территории Германии и Австрии охватывали с обоих флангов. (*Прим. редакц.*).

опоры более отодвинутый назад, но более благоприятствующий обороне базис. На этом основании в 1674 году Тюренн отказался от непосредственной обороны Рейна и некоторое время опирался на линию Цаберн—Гагенау, при чем ему пришлось пожертвовать частью Эльзаса. С другой стороны мы видим, что Наполеон, осенью 1813 года, несмотря на уязвимость его операционного базиса на Эльбе со стороны Австрии, продолжал удерживать его до начала враждебных действий, и еще некоторое время после их начала отстаивал находившуюся в его владении территорию.

Как на выход из положения, если фланг оказывается на весу, военная история указывает нам на создание фортификационных сооружений, на группировку там достаточного количества действующих сил и, прежде всего, на наступление, направленное против части неприятельской армии, которая попыталась бы реализовать выгоды своего благоприятного географического положения путем охватывающего наступления или выдвижением партизанских отрядов на наши сообщения.

Если в начале или в течение операций, ход таковых или другие соображения потребуют отнесения операционного базиса от границы, то при этом часто выдвигаются различные требования, которые должны быть тщательно взвешены. К таковым относится прикрытие столицы важного района или направления, откуда ожидаются подкрепления, удержание узлового пункта сети железных дорог или колесных путей и т. д. При этом всегда должно уделять особое внимание, насколько местные особенности могут облегчить задачу боевых сил.

В этом отношении известную опору может дать наличие долговременных укреплений (крепость, укрепленный лагерь и т. д.); местность сама по себе также может представить крупные выгоды.

Горные хребты часто могут оказаться полезными, но преимущественное значение имеют реки, в особенности, если они в подходящем направлении пересекают всю страну и лежат поперек наступления неприятеля; при вторжении с запада в Северную Германию такие преграды, одну за другой, образуют Рейн, Везер, Эльба, Одер и Висла. Следует также учитывать рубежи ограниченного размера, пересекающие участки, где театр военных действий суживается; при соединении природных оборонительных данных с искусственными сооружениями получаются недоступные для охвата преграды. Таково в 1864 году было положение Доннерверкской позиции [1]).

---

[1]) Цзинь-Чжоусская позиция в Русско-Японскую войну, запиравшая доступ на Квантунг или Чаталджа, позволившая туркам отстоять Константинополь в Балканскую войну, или Перекопская позиция в гражданскую войну, преграждавшая пути в Крым. (*Прим. редакц.*).

Далее мы пришли к тому, что город, имеющий господствующее влияние по военно-политическим основаниям, может явиться центром, исходной точкой всех оперативных отношений; в 50-м году до Р. Х. такое значение для Цезаря имело владение Римом.

В некоторых случаях, в связи с отнесением назад операционного базиса, полководцу предоставляется свобода выбора между несколькими. Так мы знаем, что Мольтке, на случай оборонительной войны против Австрии, исследовал вопрос, следует ли расположить операционный базис на Висле или на Эльбе. При этом необходимо сообразить, следует ли для операционного базиса избрать линию, пересекающую полосу неприятельского наступления, или же, как это имело место в приведенном только что примере, следует избрать линию в стороне от этой полосы, удобную для косвенной обороны.

Далее, часто создаются положения, в которых перемена операционного базиса является разумной. Так, например, мы видим, что Тюренн покидает свой операционный базис в Нижнем Эльзасе, при чем он оставляет за собой господство лишь над частью Эльзаса, который ему надо оборонять; зато он сохраняет сообщения со всеми прочими частями общей базы, с Лотарингией и со всей Францией. Когда он из своего расположения к западу от Вогез наступает, обходя их с юга, то опирается на Бельфор, через Франш—Контэ устанавливая сообщения со всем массивом территории Франции.

При всех этих случаях надо, по возможности, стремиться использовать средства общей базы, поскольку они в течение этих операций не захвачены еще противником. В этих случаях задача облегчается железными дорогами; не важно, если при этом войска и военные грузы будут следовать очень кружными направлениями [1]).

---

[1]) Мы можем наблюдать случай изменения операционного базиса в Мировую войну при отступлении французов после пограничного сражения. Как известно, они перешли в контр-атаку на Морне, еще не достигнув указанного им для отхода рубежа, который и следует рассматривать, как новый операционный базис; точно также Париж явился операционным базисом для наносившей фронтовой удар армии Монури. На нашем фронте в течение целых 11 месяцев войны Неман, Бобр, Нарев и Висла сыграли огромную роль, как наш операционный базис, оборудованный путями, укреплениями, складами. Здесь наши войска приходили в порядок после неудач, оправлялись, и отсюда вели новые наступательные операции; преследующие нас после неудачи немецкие войска почтительно останавливались перед нашим операционным базисом и доносили, например, что вдоль Бобра тянутся русские позиции с бетонированными постройками (фантазия). Только в июле 1915 года, благодаря всем известному отсутствию боевых припасов и при напряжении всех сил Германии и Австрии, нас оторвали от этого, выбранного еще Обручевым, операционного базиса. Вопрос о выборе нового операционного базиса летом 1915 года был решен недостаточно четко, почему правый фланг такового оказался на Двине, и значительное пространство было отдано без достаточных оснований. (*Прим. редакц.*).

Если для операционного базиса избираются рубежи, преимущественно реки, не пересекающие полосы наступления противника, а тянущиеся в том же направлении, то использование такого положения, путем многократного перенесения центра тяжести операций с одного берега на другой, пред'являет высокие требования к искусству высшего командования [1]).

Столь же трудные задачи создаются, когда противник наступает перпендикулярно к протяжению нашего операционного базиса и ему удается прорыв нашей оборонительной линии; как и в первом случае, трудные вопросы выпадают здесь на долю обоих противников. Существенное различие заключается лишь в том, что в первом случае атакующий, безусловно, сохраняет свои сообщения со своим операционным базисом или общей базой, а во втором эти сообщения нуждаются в особых мерах для защиты.

Тогда оборона окажется в состоянии проявить свою деятельность на том или другом берегу, при условии наличия опорных пунктов, открывающих ей возможность переправы, и таком снабжении операционного базиса, которое было бы достаточно, чтобы он мог в течение некоторого времени функционировать, как общая база.

Дальнейшее повышение создающихся при этом опасностей и затруднений имеет место в том случае, если операции складываются так, что данная линия используется на два фронта. В начале осенней кампании 1813 года Наполеон доказал на правом крыле Эльбского базиса возможность применения такого метода действий. Он многократно переводил свой резерв и другие корпуса с одного берега на другой, при чем на правом он успешно отогнал противника, подошедшего на угрожающе близкую дистанцию, а на левом берегу победоносным сражением помешал противнику овладеть главным центром своего базиса [2]) и в дальнейшем заставлял его остерегаться, путем своевременного сосредоточения своих главных сил. Однако, всех этих выгод, которые здесь сумел извлечь Наполеон

---

[1]) При современных широких фронтах использование таких речных линий для обороны против наступающего вдоль них противника нам представляется невозможным. Раньше можно было, если течение реки заставит разделиться 7—8 корпусов неприятеля, напасть с 4—5 корпусами на колонны, следующие по одному берегу, и нанести им отдельное поражение. Теперь и наступающий запасается техническими средствами для устройства быстрой переправы, и фронт его будет настолько широк, что рокировочные движения через реку потеряют свое значение. Для организации же, путем железнодорожных перевозок, флангового удара, такой операционный базис не будет иметь никакого значения. (*Прим. редакц.*).

[2]) Сражение у Дрездена спасло этот укрепленный город, важнейшую опору наполеоновского базиса на Эльбе, от захвата его Богемской армией. Мы настоятельно рекомендуем для уяснения этих идей Верди ознакомиться вкратце с осенней кампанией 1813 года. (*Прим. редакции*).

для своих операций, все же оказалось недостаточно, чтобы позволить ему удержать линию Эльбы против оперирующих по обоим берегам Эльбы армий; в результате последним удалось соединиться на левом берегу, где и состоялось решение.

Вспомним еще о своеобразном виде операционного базиса, встречающегося в различных походах, и который мы могли изучить в Ганнибаловской войне. Таковым базисом являлись укрепленные лагери, возводимые в процессе маршей, которые иногда играли свою роль только в течение одних суток, но иногда выполняли свои оперативные функции и многие недели. В них складывались необходимые запасы, из такого лагеря выходила армия, предлагая противнику вступить в сражение; в случае неудачного оборота боя лагерь большею частью являлся верным убежищем. Таким образом, укрепленные лагери служили операционным базисом для движения в бой, как римлянам, так и карфагенянам, и являлись опорой для операций, так как их возводили ежедневно, по достижению цели перехода.

В виду этого, эти укрепленные лагери можно с полным основанием назвать странствующим операционным базисом, который в равной мере обслуживал и наступление и оборону.

Операционный базис для наступательных целей.

Последний вопрос, который нам предстоит рассмотреть, заключается в исследовании условий операционного базиса при чисто наступательном образе действий.

Дело прежде всего заключается в том, чтобы, исходя из такого базиса, легче и вернее всего достигалась оперативная цель.

Однако, обстановка не всегда складывается в желательном направлении. Часто приходится удовольствоваться слишком узким базисом, что затрудняет свободу движений; во многих случаях является необходимость создавать операционный базис лишь на неприятельской территории, и к тому же на значительном удалении.

Рассмотрим в отдельности эти разнообразные возможности:

Положение французских армейских корпусов в 1859 году, имевших базис к западу от Альп, было, конечно, весьма неприятным, так как, с начала наступления из него, перед ними оказывались Альпы, перевалить через которые они могли лишь по двум трудным горным проходам. Здесь, вместо возможного облегчения наступления от базиса, что является важнейшим к нему требованием, создавалось весьма существенное затруднение. Но здесь ничего нельзя было изменить, так как со-

средоточение французской армии в Италии нельзя было производить исключительно одним морским путем. Таким образом, пришлось примириться с временной изоляцией отдельных корпусов и со связанной с ней опасностью—по выходе из гор быть опять отброшенными в горные проходы, если только пьемонтцы не сумеют выдержать наступление австрийцев.

Разбирая вопрос об условиях движения вперед из операционного базиса, необходимо помнить, что наступление должно происходить на достаточно широком фронте. Мы уже знаем, что Мольтке указывал, что если бы Франция, в период до 1870 года, хотела наступать исключительно против Пруссии, то узкое пространство между Люксембургом и баварским Пфальцем являлось бы очень неудовлетворительным базисом; поэтому, чтобы расширить базис, Франция была бы вынуждена одновременно вторгнуться или в Бельгию или на прусскую территорию Германии [1]).

Незначительное протяжение операционного базиса менее важно, если приблизительно такова же ширина расположенного перед ним района наступления. Таковы были условия в 1864 году при продвижении за линию Эйдера. Иногда же может явиться более удобным создать в другом районе, путем обширного предварительного маневра, более длинный операционный базис, что даст большую свободу движений. Успехи Александра Македонского в Малой Азии и Сирии, в случае неудачного развития наступления на Евфрате, позволили бы ему отходить как в Малую Азию, так и в Сирию [2]). Это стало возможным потому, что он предварительно завладел всем имеющим значение в этом вопросе сирийским побережьем.

Вторжение Наполеона III в Италию, о котором мы упомянули выше, доказывает нам так же, что наступление, исходящее из двух различных базисов и направленное к одной общей оперативной цели, смотря по обстоятельствам, равно связывается и с выгодами, и опасностями. Выгоды заключаются в облегчении подхода крупных сил и в возможности направить удар по сходящимся направлениям, невыгоды—в опасности, которые последний прием всегда таит в себе, когда противник оказывается в положении, допускающем использование внутренних линий, или может поставить себя в таковое. Альпы и море принудили французов образовать уже в стране их союзников передовой операционный базис.

---

[1]) Те же соображения, в связи с сужением полосы наступления наличием многих французских крепостей, привели Шлиффена к решению нарушить нейтралитет Бельгии, чтобы создать достаточный базис для вторжения во Францию. (*Прим. редакции*).

[2]) Наполеон расценивает гораздо сильнее риск, которому подвергался Александр Македонский в случае проигрыша им сражения на Евфрате. (*Прим. редакции*).

В 1866 году наше вторжение в Богемию также последовало из различных операционных базисов. При этом нам посчастливилось избежать использования австрийцами внутренних линий, и тогда сказалась в полном объеме выгода совместного удара по сходящимся направлениям на поле сражения.

Мотивы, оправдывающие использование на одном театре военных действий не одного, а нескольких операционных базисов, заключаются в возможности путем стратегических маршей, проявить деятельность, имеющую решающее значение, а также в облегчении передвижения больших масс, в особенности при трудных условиях местности. Если же вопрос идет о нескольких театрах военных действий [1]), то в большинстве случаев является необходимость в различных операционных базах, хотя иногда обстановка складывается так, что из одного и того же операционного базиса можно вести операции в различных направлениях. Борьба России с Турецкой империей до конца прошлого столетия могла всегда одновременно разразиться как в Европе, так и в Азии, в виду чего требовались два различных операционных базиса. В 1870 году мы, наоборот, при одном базисе на Рейне, разделили наши операции между двумя большими группами, из которых одна направлялась в Лотарингию, а другая в Эльзас.

Надо еще отметить, что в случаях, когда намечается больше, чем один операционный базис, то в связи с базисами для сухопутных операций может иметься и исходный пункт для войны на море.

Если объект сухопутных и морских действий один и тот же, то это обычно представляет значительные выгоды. В 1859 году Франция обладала сухопутным и морским базисами; последний представляли порты Тулон и Марсель. Для каждой морской экспедиции гавани на различных участках берегов Франции представляли много исходных пунктов. Что же касается случаев, когда возможен свободный выбор между сухопутным и морским базисами, то Мольтке однажды сказал, что кто обладает сухопутным базисом, тот никогда не будет пользоваться морским. Это утверждение, повидимому, слишком смело. Если операционные пути по суше слишком трудны или требуют слишком много времени, то надо предпочесть морскую базу, естественно при условии, что мы господствуем на море. В начале гражданской войны в Северной Америке, Северные Штаты, в виду характера местности, считали наступление на Ричмонд из какого-либо сухопутного базиса

[1]) Против одного восточно-прусского театра мы имели по мотивам, в точности указанным Верди, два операционных базиса на Немане и Нареве Полесье, разрезающее наше западное пограничное пространство на два театра, вынуждает нас теперь иметь два различных операционных базиса к северу и югу от Полесья. (*Прим. редакции*).

слишком трудным и продолжительным, и полагали скорее достигнуть цели, значительно сократив подход к неприятельской столице доставкой действующих сил в ее окрестности морским путем; однако, эта операция не дала им успеха.

В Крымскую войну, наоборот, союзники вполне основательно предпочли добраться до Севастополя морским путем; во всяком случае путь по суше [1]) вокруг Черного моря был слишком затруднителен, и с стратегической точки зрения воспользоваться им было бы неосмотрительно.

Удаление оперативной цели от операционного базиса может оказаться настолько большим, что подвоз, формирующийся на базисе, должен будет следовать большое расстояние изолированными отрядами и транспортами, прежде чем достигнет армии. При известных обстоятельствах это может привести к весьма неприятному положению, а именно: если в промежуточной полосе или на ее флангах начнут сказываться неприятельские маневры или начнется восстание. В данном случае, железные дороги также проявляют сильное влияние на сокращение затраты времени.

Предприятие Александра Македонского невозможно было выполнить в один прием—маршем от Фракийского Херсонеса до его конечной цели. Чтобы достигнуть конечной цели, ему было необходимо продвинуть операционный базис, а это, в свою очередь, было возможно лишь при условии удержания в своей власти пройденной территории. Поэтому он вначале перенес этот базис на западное побережье Малой Азии, а отсюда уже постепенно распространил ее в стороны и вперед.

Перенесение операционного базиса за пределы собственной территории или устройство впереди нового операционного базиса с сохранением и первоначального почти всегда явится необходимым, если нам придется вести войну далеко за морями. При таковой войне прежде всего необходимо утвердиться на соответственном побережьи и затем овладеть на нем опорными пунктами или возвести таковые, чтобы обеспечить разгрузку с судов подвоза, предоставить укрытие для складов и магазинов и, в случае необходимости, позволить спокойно произвести посадку на суда. Обычно в первую очередь выдвинется вопрос о занятии одного пункта. Этот пункт будет или непосредственно местом выгрузки, или будет находиться поблизости от него; на этот пункт будут опираться все операции; в Крымскую войну таким пунктом являлась Балаклава. Тем не менее, если это только достижимо, надо стремиться

---

[1]) Исходным пунктом для армии союзников была территория современной Болгарии, при чем им было тем легче избрать морской путь, что и в Болгарию они попали морем. (*Прим. редакции*).

возможно скорее расширить этот базис до бóльших пределов. Александр Македонский широчайшим образом имел это в виду, а Бонапарт прежде всего обеспечил за собой побережие Египта.

Подобный прибрежный базис представляет тогда исходный пункт или несколько таковых для дальнейших операций, которые в первую же очередь будут стремиться создать дополнение первоначальной общей базы или полностью заменить таковую новой, как скоро сообщения с прежней базой окажутся под угрозой.

Если морские сообщения действительно будут прерваны, то новый базис будет подвержен атаке с моря, вследствие чего он должен быть приспособлен для действий в двух противоположных направлениях, т. е. для операций на суше, и как оборонительная линия против атаки флота, и соответственно служить базисом для предприятий находящихся здесь своих морских сил. На это указывают нам походы Александра Македонского в Азии и Восточная экспедиция Бонапарта [1]).

Поход Александра представляет своеобразный пример того, как можно посредством наступления на суше захватить морской базис неприятельского флота и лишить последний предпосылок дальнейшей деятельности.

Впрочем, в замечаниях относительно осенней кампании 1813 года, я уже указал, что в сухопутную войну также могут создаться положения, требующие использования операционного базиса на два фронта. Надо еще только добавить, что отрыв от изолированного операционного базиса, не сопровождающийся началом функционирования общей базы, лишает действующие так силы их последней опоры, и неуспех их сейчас же разрастается в катастрофу, которая и постигла южан в Северной Америке [2]), а Гергея в Венгрии.

Наконец, надо еще указать, что как при наступательных, так и при оборонительных предприятиях, должны быть использованы все средства для усиления операционного базиса, чтобы можно было пользоваться им, как оборонительной линией, в особенности на случай неудачи наступления.

---

[1]) Рассуждение Верди имеет в виду не столько повторение этих грандиозных и рискованных предприятий, как представляет стратегическую программу военного оборудования германской колонии; так был оборудован, например, Шантунгский полуостров. (*Прим. редакц.*).

[2]) Верди имеет, очевидно, в виду последние моменты сопротивления армии генерала Ли, когда она, потеряв свой последний опорный пункт— укрепленную столицу Ричмонд—попробовала ускользнуть на запад, не имея более никакой опоры, и не усматривая ясной цели продолжения явно безнадежного сопротивления. Она была окружена и вынуждена капитулировать. (*Прим. редакц.*).

АЗИАТСКИЕ МОТИВЫ фон-дер-ГОЛЬЦА.

Когда наиболее известный писатель Германии, автор классических трудов „Вооруженный народ" и „От Росбаха до Иены" и нескольких нашумевших работ по франко-прусской войне („Гамбета и его армии" и друг.), выступил в 1895 г. с трудом, посвященным стратегии („Ведение войны"), то естественно, он не мог пройти незамеченным и был немедленно переведен на многие языки [1]). Однако, впечатление, произведенное им, оказалось весьма противоречивым. Критики, жадно ждущие новых мыслей, ценящие научную работу постолько, посколько в ней отражается автор, как пионер, прокладывающий новые пути, оказались особенно разочарованными; труд фон-дер-Гольца, наравне с новыми стратегическими приемами, включал и старые, казалось, уже совершенно отжившие; учение Мольтке в нем явилось не на смену Наполеоновским оперативным методам, а разместилось рядом с ними. Казалось, фон-дер-Гольц совершил преступление против законов эволюции и смешал в одно военное искусство двух различных эпох.

Наиболее определенный диалектик среди германских писателей, Шлихтинг, автор теории встречного боя, осознанного им, как результат тактической эволюции XIX века, был настолько смущен появлением реакционного труда фон-дер-Гольца, что решил ответить на него особой работой, в которой бы из стратегии и тактики были бы выброшены все пережитки старины, и были бы в полной мере оттенены те требования к военному искусству, которые выдвигает современность. Таким путем, в процессе внутренней полемики с фон-дер-Гольцем, Шлихтинг создал свои знаменитые „Тактические и стратегические основы современности", трехтомный труд [2]), вышедший два года спустя после появления „Ведения войны" фон-дер-Гольца.

Шлихтинг и фон-дер-Гольц представляют две резко противоположные точки зрения. Шлихтинг, очень широко образованный человек, один из тех редчайших самородков, которые были зачислены в прусский генеральный штаб, не проходя курса академии генерального штаба, задался написать не вообще труд по стратегии, а труд, предназначенный для германцев, стоящих во главе военного развития народов всего мира, располагающих самой богатой военной техникой, готовящихся действовать на самых культурных театрах войны в мире, опирающихся на лучшую железнодорожную и колесную сеть дорог и собирающихся воевать в XX веке. По идее Шлихтинга, он должен был строить свою стратегию на самом острие, в конечной точке мировой эволюции, сказать самое последнее слово, отмести все, не выдерживающее экзамена с точки зрения утонченной военной культуры.

---

[1]) Русский перевод Кольшмидта, под редакцией Пузыревского, изд. 1896 г. в Варшаве.

[2]) Через 12 лет после появления немецкого оригинала, появился русский перевод Лазаревича, под редакцией Незнамова, двух томов из трех этого труда (1909 г.).

Фон-дер-Гольц—также очень образованный писатель, в литературном отношении значительно более одаренный, чем наиболее глубокий немецкий тактик Шлихтинг; но фон-дер-Гольц, половину своей жизненной работы посвятивший созданию турецкого генерального штаба и турецкой реформе, нашедший в глубокой старости в 1915 году (уже в 1870 году фон-дер-Гольц принимает участие в войне, как капитан генерального штаба) смерть на берегах Тигра, фон-дер-Гольц, полуевропеец, полуазиат, смотрит на стратегию не исключительно из того германского окошка, которое является точкой зрения Шлихтинга: фон-дер-Гольц представляет себе отчетливо, что те культурные театры, на которых собирается воевать Шлихтинг, еще не представляют собой весь мир; не всюду царит та организованность и тот военный тейлоризм, как в Германии; не всюду имеются те предпосылки, которые учитываются германской доктриной. Учение Шлихтинга—мысль Мольтке старшего, развитая, дополненная и облеченная в форму стройной теории,—является безукоризненным для германских условий; оно отражает в себе все требования современности и потому является для немцев истинным рецептом победы; но лишенное тех предпосылок, которые оно находит на германской почве, рассматриваемое, как товар для экспорта в экзотические страны, в государства, где козьи тропы заменяют цивилизованные шоссе, а вся государственная деятельность строится на эгоизме отдельных лиц и на взятках, это специфически германское современное искусство может оказаться вредной модой, шарлатанской панацеей, рецептурой самого скверного свойства, не считающейся с диагнозом местных условий. Фон-дер-Гольц пишет свой труд преимущественно для вывоза в Турцию, и естественно его стратегия, берущая сразу в свой кругозор и Европу, и Азию, должна давать на ряду с современными методами и указания, как действовать попроще, при более бедных культурных и технических средствах; а это в свою очередь заставляет руководствоваться не только последней модой, но обращаться за поучением и к старине; пример Наполеона может оказаться во многом полезен, так как обогнала ли Азия XX века в культурном и техническом отношении Европу начала XIX века—это вопрос.

Если Шлихтинг велик своей диалектикой, учетом эволюции тактики и стратегии, установлением грани между сегоднешним и вчерашним днем в военном искусстве, то фон-дер-Гольц интересен своим географическим подходом, указанием на необходимость учета местных особенностей, характера народа и его вооруженных сил, на невозможность обходиться единой стратегией в нашем пестром мире, и на необходимость создания стольких же национальных стратегий, сколько наций существует на земле. Может быть, отсталая в некоторых своих частях стратегия фон-дер-Гольца, именно в силу своей отсталости, своей полуазиатской окраски, была бы гораздо полезнее для нас, русских, чем пропагандировавшаяся у нас перед мировой войной стратегия Шлихтинга. По Шлихтингу, Ренненкампф и Самсонов должны были быть другими генералами, чем они оказались на самом деле. К сожалению, стратегия фон-дер-Гольца легко была затушевана более прогрессивным словом Шлихтинга—такова уже привлекательность в наше время передовых идей; их заимствуют даже при полной невозможности их осуществить. Не только в России, но и в Турции, где фон-дер-Гольц изо всех сил тормозил увлечение новыми идеями, его тормоза оказались бессильными. И нигде,

может быть, Шлихтинг не нашел более усердных и слепых поклонников, как в турецком генеральном штабе. Мы берем на себя смелость утверждать, что военные бедствия, обрушившиеся на младо-турок во время Балканской и мировой войн, в значительной степени об'ясняются тем, что они не послушались костенеющего, как им казалось, в устарелых военных понятиях фон-дер-Гольца и увлеклись модными представлениями о военном искусстве, которые, в условиях турецкой действительности, представляли лишь опасный дурман для штабов.

Мы заимствуем наши отрывки из второго издания стратегии фон-дер-Гольца [1]), существенно измененного и вдвое увеличенного сравнительно с первым изданием, имеющимся в русском переводе, мы берем из него неизвестные русским читателям главы. Это издание прошло совершенно не замеченным, а между тем оно заслуживает самого большого уважения. Фон-дер-Гольц работал над ним в тот же момент, когда зрел и развивался проект железнодорожного пути Берлин—Багдад, и уже хотя бы потому, что германцы, намечая линию политического и экономического наступления, вместе с проектом азиатской железной дороги создавали и трактат полуазиатской стратегии, он заслуживал нашего полного внимания.

Собственно стратегию фон-дер-Гольц именует „ведением войны", избегая употреблять термин, отмеченный большими злоупотреблениями и шарлатанством. Законы стратегии в изложении фон-дер-Гольца так многочисленны и так изменчивы, что их трудно даже назвать законами. Автор, строгий поклонник Клаузевица, стремится развить учение Клаузевица, освободив его от туманных философских форм мышления начала XIX века. Этим „ведением войны" и ограничивалось первое издание.

Во втором издании „Ведение войны" представляет уже только первую часть. Вторая часть—„Вождение армий". Фон-дер-Гольцу недостаточно, что он признал изменчивость законов стратегии, он эту изменчивость возводит в квадрат, указывая и разбирая в „вождении армий", какими основами надо руководствоваться при выборе из двух противоположных средств, даваемых теорией стратегии, „ведением войны". Вождение армий—это вся та сила обстоятельств, которая заставляет изгибаться, по своей прихоти, положения стратегии, это стремление изучить и понять требования и указания обстановки, подчеркнуть приемы, которыми повелевают, по мысли Наполеона, обстоятельства.

Мы считаем глубоко поучительным приводимое ниже сравнение германской и турецкой армий и вытекающих из их особенностей руководящих линий германской и турецкой стратегии. Мы подчеркиваем, как глубоко звучат советы фон-дер-Гольца, страстного поклонника захвата инициативы и наступления во что бы то ни стало для немцев, и рекомендующего на вывоз в Турцию и прославляющего для нее оборонительный способ действий, на случай столкновения с армией великой державы, т. е. с русской. Мировая война в точности подтвердила советы, которые фон-дер-Гольц давал, и это— лучшая рекомендация для предлагаемых глав. Турки должны очень сожалеть, что не послушались их.

---

[1]) Krieg und Heerführung. Berlin 1901 г., стр. 298.

Несмотря на некоторые недостатки трудов фон-дер-Гольца (в юности—византийская защита ошибок начальства, в старости—некоторое разжижение мысли и фабричное направление литературно-научной работы) мы считаем, что фон-дер-Гольц может вполне по праву занять место в ряду военных классиков. Критика первого издания его труда и работа Шлихтинга чувствительно затронули фон-дер-Гольца, и в приводимых ниже главах уже стареющий фон-дер-Гольц достиг блеска и увлекательности времени своей молодости.

Редакция.

СТРАТЕГИЯ И ВОЖДЕНИЕ АРМИЙ.

(Krieg und Heerzührung).

БАРОН КОЛЬМАР фон-дер-ГОЛЬЦ.

I.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Условия, в которых протекают военные действия, настолько разнообразны, что лишь очень редко встречаются два совершенно одинаковых положения. Но даже если бы, как исключение, такой случай и имел место, то вследствие особенностей различных лиц, принимающих ответственные решения, последующие события никогда бы не оказались так аналогичны, как два подобных треугольника.

Из этого вытекает, что хотя для стратегии и можно дать неоспоримые законы, но приложение их ни в коем случае не приведет неукоснительно к таким же одинаковым результатам, как повторное применение математических формул. И притом, мы делаем оговорку, что результат явится обеспеченным только в том случае, если мы будем руководиться верным тактом, согласуясь с особенностями данного случая. Но, ведь очень трудно здесь стать на верную почву, так как налицо имеется исключительное разнообразие условий, и их значение обычно выясняется к концу, а не к началу действий.

Таким образом, голое знание законов страгегии представляет лишь сомнительную ценность. Если многочисленные предпосылки, обусловливающие успех практического их приложения, недостаточно точно уяснены, то это знание может привести к чреватым последствиями ошибкам. Оно легко влечет за собой переоценку победоносной силы правил и предписаний стратегии, а также собственного таланта. Существует очень странное, хотя и вполне подающееся объяснению явление, что как раз в тех армиях, где вождям представлялись реже всего случаи практически испытать себя, и имеется огромное число лиц, которые полагают, что они призваны быть полководцами, и что в этой профессии легко работать.

В тех случаях, когда учиться приходится на практике, в такие взгляды быстро вводятся поправки под влиянием опыта ошибок, затруднений и неудач. При этом барометр самоуверенности падает вниз, как будто перед началом бури.

В высших военно-учебных заведениях отчасти уже совсем отказались от преподавания теории стратегии [1]), как отдельного предмета, и предоставили каждому в отдельности усваивать ее основы из изучения военной истории, обсуждения больших маневров и личной исследовательской работы.

Все же потребность в кратком обзоре теории ведения большой войны остается; не всегда в распоряжении молодых военных, подготавливающихся к тому, чтобы стать вождями, может оказаться возможность собственными силами вышеуказанным путем достигнуть желанной цели. Не везде имеются оживленные общественные сношения, обеспечивающие возможность обмена мнений с опытными товарищами по профессии, постепенно охватывающего все явления войны и являющегося преподаванием, не связанным ни формой, ни принуждением.

Для ознакомления с литературой прежде всего рекомендуется изучение старых трудов военно-классической литературы как, например, Бюлова, Жомини, Клаузевица, Вилизена и др. Сопоставление их содержания позволяет вывести общепринятые правила. Но такая работа требует времени, трудов и известной зрелости. На-ряду с этим невольно нарождается вопрос, обладают ли в настоящее время, когда произошло столько радикальных изменений во внешнем состоянии войск и боевых средств, приобретенные с таким трудом знания какой-либо практической ценностью?

Новейшая военная литература о стратегии в большинстве случаев находится в тесной связи с личным опытом и особенностями наших отечественных войн; вследствие этого многое в ее содержании, без дальнейших комментарий, оказывается мало понятным для людей, выросших в других условиях. В ней часто предполагается такое знание нашей военной службы и устройства войск, которым не обладает каждый читатель. Кроме того, эта литература затрагивает такое множество понятий, что она является чрезмерно обременительной для непривычного ума. Большая ее часть написана для уже опытных войсковых начальников. Наконец, современные учебные пособия по стратегии преимущественно посвящены вопросам мобилизации и развертывания войск. Это является преимущественно следствием развившейся на западе густой сети железных дорог, которая является средством для необычайно быстрого изготовления армий к боевым действиям. В этом отношении одна держава стремится превзойти другую. Так как при таких условиях транспорт должен осилить огромные переброски войск, то все в целом выливается в своего рода военный фокус, и перед военным техником открывается

---

[1]) Автор говорит все время „ведение войны“, что мы переводим „стратегия“. (Прим. переводч.).

возможность проявить свои способности. На этом пути ныне многократно приходили даже к выводу, что этот первый отдел представляет всю теорию стратегии. Такая односторонность представляет опасность для будущего.

В настоящем труде как раз отдается предпочтение деятельности уже развернутых войсковых масс, которая теперь столь часто встречает недоброжелательное к себе отношение. Она есть и останется главной частью теории войны. Развертывание и снабжение войск составляют подходящие отделы для особого исследования, для которого они открывают широкую арену. Но в этом труде они будут освещены лишь постольку, поскольку этого требует понимание целого.

Наконец, легко забывают о том, что войну приходится вести также в странах, в которых железные дороги еще не играют столь крупной роли, и что в таких странах развертывание и передвижение войск происходит более медленным темпом и проще, чем в Западной Европе.

Правда, наиболее авторитетный ныне и испытанный наставник наш в военном искусстве, генерал фон-Шлихтинг, утверждает: „Немецкий учебник стратегии должен отвечать отечественным требованиям". Это непреложная истина, если предполагать, что решительная борьба возможна исключительно на западно-европейском театре войны. Лично я исходил из того же представления в другом своем труде [1]). Однако, времена меняются; европейский Запад больше не включает в себя всю арену мировой истории. Нации, существование коих до сих пор мало нас затрагивало, ныне принимают участие в обще-политической мировой борьбе. Страны, которые рисовались нам на недосягаемом удалении, теперь уже близко соприкасаются с нашими интересами. Столь же вероятной можно считать как борьбу на границах нашего отечества, так и мировую войну на морях и на огромной территории колониальных владений великих держав, отражения которой окажут почти что решающее влияние на положение метрополий.

Следовательно, учение стратегии имеет право базироваться на более широких основах, чем те, на которых нам придется действовать в пределах собственной территории или соседних областей. Очень важно также быть осведомленным о теориях, которым следуют другие армии и народы.

Только знакомство с различными системами может дать в конечном результате твердую уверенность в том, какие действия в данном случае являются наиболее целесообразными для нашей армии.

В виду этого я не могу вполне разделять громогласно высказанного опасения, что учение, которое предоставляет

---

[1]) „Вооруженный народ".

ученику выбор для нашего времени между несогласованными в своих основах методами действий великих людей различных времен, может лишь сомнительными окольными путями привести к единой системе управления. Правда, мысль идет кружным путем, но меня это уклонение не останавливает, раз оно ведет к углублению нашего понимания и размышления.

Однако, нет необходимости забираться в седую древность, а также учитывать всевозможные разновидности методов войны. В действительности не существует всеобъемлющей теории стратегии. Но Наполеоновская стратегия, несомненно, и теперь еще не исключена из круга военного мышления, и даже после Мольтке, в условиях современности, еще часто будет являться для нас образцом. Основы, которыми руководился Фридрих Великий, реже будут иметь для нас значение и находить применение на практике.

Если теория стратегии будет предоставлять ученику на усмотрение избрание себе прототипа, и не присвоить себе законодательной власти, с чем всегда связана некоторая опасность односторонности, то все же неукоснительно потребуется дополнение к ней. Последнее, разъясняя обстоятельства, обусловливающие деятельность полководца, должно заключать необходимые указания по применению установленных основ при управлении определенной армией.

В этом заключается задача второй части этого труда, „вождения армий“.

Пример из личного опыта лучше всего разъяснит отношения между стратегией и „вождением армий“. Установление грани между этими понятиями может показаться произвольным, но оно не лишено целесообразности.

Первоначально мой труд „стратегия“ создался из кратких рассуждений о сущности военного искусства, заимствованных из курса, который я читал за несколько лет перед тем в Оттоманской Школе Генерального Штаба.

Я начал чтение курса, преисполненный духом стратегии Мольтке, всецело господствующей в наше время. Я решительно примыкал к числу тех, которые считали, что вечером, накануне решительного сражения, раздельная группировка сил представляет гораздо более выгод, чем сосредоточение в одну массу, что искать соединения надо не перед сражением, а на самом поле сражения, и что отдельными частями армии надлежит совместно действовать, но не совместно располагаться и двигаться.

Затем я начал углубляться в сущность того армейского аппарата, работу коего мне надлежало подготовить. Мне удалось познакомиться почти со всеми известными турецкими генералами, из которых многие играли выдающуюся роль в Русско-Турецкой войне 1877—78 г.г., и отличились, возглавляя крупные войсковые соединения. Среди них я встретил много

образованных вообще и в военном отношении людей, с которыми можно было очень остро обсуждать вопросы войны и военного искусства. Но мне пришлось также установить, что большинство из них держались в своих взглядах самостоятельного пути, в зависимости от избранного каждым метода самообразования. Какая-нибудь излюбленная книга часто получала руководящее значение для взглядов того или другого генерала [1]). Здесь были представлены все стратегические системы, начиная с устаревшей теории позиционной войны, и кончая современной маневренной войной. Получившие большое распространение в наши дни брошюры, преимущественно французские, клали свой отпечаток на составлявшиеся на будущее стратегические проекты. Не малое число военных начальников также руководились исключительно эмпирическим опытом. Другие, напротив, в мирное время еще ни разу не имели случая видеть хотя бы собранными вместе те большие войсковые соединения, которыми им предстояло командовать на войне.

Войска состояли из прекрасного людского материала и были хорошо вооружены, но им недоставало единства обучения.

На востоке во всех государственных и военных вопросах персональные влияния имеют столь же решающее значение, как и деловые основания. Личные соображения—иногда может быть бессознательно—руководят мнениями. Не подлежит сомнению, что при таких обстоятельствах нельзя с твердостью рассчитывать на единство и согласованность боевых действий, в которых примут участие несколько самостоятельных войсковых групп.

Театром войны являлась местность, отличающаяся преимущественно своим бездорожием. Чтобы составить себе правильное представление о театре войны, надо иметь случай убедиться, что̀ турецкий крестьянин называет „Бюйюк Дьяде“ т. е. большая дорога. Правда, этим не исключаются армейские операции крупного стиля, однако они приобретают совершенно иной характер, чем в наших странах. Точный расчет времени становится невозможен. Согласование движений двух раздельных колонн является, в большей или меньшей степени, делом случая.

Система продовольствия войск, как это показали приказы по армиям Эдхем-Паши в Фессалии, самая примитивная. Позади войск интендантство нагромождает, где это ему удается, продовольственные запасы, главным образом сухари и муку, а когда люди бедствуют, даже одну кукурузу. Подвоз остается на обязанности войск. Ясно, что беззаботность и

---

[1]) Нам кажется, что такие же наблюдения фон-дер-Гольц может быть сделал бы и в России. (*Прим. редакц.*).

случайности должны вызывать непредвиденные задержки в движении отдельно следующих колонн армии.

Наконец, не надо забывать недостатка в хороших картах, что весьма затрудняет ориентировку в гористой местности, покрытой кустарником в рост всадника. Отсюда могут народиться ошибки в несколько переходов.

Я начал курс с параллельного исследования кампаний 1757 и 1866 г.г. [1]), и мои слушатели проявили живой интерес к обеим кампаниям. Критическое изложение имело для них всю прелесть новизны. Их способность к быстрому восприятию и серьезное стремление к образованию прекрасно помогали учебной работе. Такое преподавание могло доставлять наставнику одно удовольствие.

Результат очень скоро сказался на прикладных занятиях. Подходы раздельными колоннами к полю сражения и охваты во что бы то ни стало [2])! Я оказался вынужденным повторно остерегать и указывать на то, что армия и вожди еще не отвечают столь высоко развитому оперативному методу [3]), что с ним не согласуется природа страны, и что применение его не вызывается ни размерами армии, ни необычайной быстротой темпа развития военных действий. Я часто советовал, когда придется серьезно действовать, прибегать к более простым и легче управляемым средствам, а именно, к сосредоточению в одно целое по крайней мере главных сил и к наступлению по одной операционной линии [4]). Однако, я вскоре почувствовал, что мои ученики считают мои опасения преувеличенными.

---

[1]) Излюбленная тема конца восьмидесятых годов прошлого столетия— параллель между вторжением в Богемию Фридриха Великого во второй год Семилетней войны и Мольтке в 1866 г. В русской литературе этой теме посвящена академическая диссертация П. А. Гейсмана, написанная так, чтобы отвечать научным взглядам Г. А. Леера. (*Прим. редакц.*).

[2]) Генерал Шлихтинг уже подчеркнул, что в 1866 году Мольтке с самого начала не имел в виду и вообще не мог думать об окружении неприятельской армии и что это явилось естественным следствием движения пруссаков на соединение и вступления австрийцев в круг последнего.

[3]) Точно так же вопрос о причинах неудачи вторжения Самсонова и Ренненкампфа в Восточную Пруссию следовало бы ставить не в плоскость правильности или ошибочности идеи плана вторжения по обе стороны Мазурских озер, а в плоскость рассмотрения, отвечала ли эта идея уровню подготовки русского высшего командного состава (*Прим. редакц.*).

[4]) Известный турецкий план, составленный в 1886 году для похода против Греции, в общем носил этот отпечаток. Сосредоточенная главная масса этой армии должна была через перевал Дамаси атаковать левый фланг греков, чтобы в самом начале войны добиться тактического решения, при чем противнику мог быть отрезан путь отступления и уготована полная катастрофа. Правда, две отдельные дивизии должны были одновременно наступать через Мелунский перевал и по долине Темпэ, но их значение сводилось скорее к тому, чтобы задержать противника в Северной Фессалии и ввести его в заблуждение, чем к принятию серьезного участия в решении. Несмотря на то, что численность армии не превосходила средней нормы, разделение являлось необходимым уже вследствие ничтожного числа и ужасного состояния дорог, ведущих через пограничные горы.

Мне иногда самому становилось страшно от преподаваемой мной мудрости, и невольно выростал вопрос, правильно ли учить исключительно по военной системе Мольтке, и не рискую ли я при этом прослыть ложным пророком. Наконец, я пришел к убеждению в крайней необходимости раздвинуть назад круг исследования и включить в него более ранние кампании.

Сражение при Фарсале неожиданно быстро оправдало мои соображения. Этот незначительный в действительности бой являлся по замыслу и плану решительным сражением. 5 мая 1897 года является поворотным пунктом в истории турецкой стратегии, устанавливающим резкую грань между двумя ступенями развития. В этот день молодое поколение взяло управление в свои руки. Подход к полю сражения в 4-х колоннах, долженствовавших соединиться на самом поле битвы, являлся верной картиной современной, скажем, „ново-прусской“ операции, так как он целиком вытекал из предшествовавшего положения [1]).

Каков же был результат?—Из четырех колонн только одна 6-ая дивизия Гамид-Паши действительно достигла до намеченного пункта и подверглась опасности быть в одиночестве разбитой. Правда, эта опасность была устранена неустрашимостью вождей и правильным использованием артиллерии, что позволило даже добиться успеха. Но если бы здесь имелся более энергичный и более решительный противник, то ей едва ли удалось бы избежать поражения [2]).

Сражение при Домоко уже показывает удивительный прогресс на том же пути оперативного мышления. Все пять колонн, изолированно наступавших на противника, сумели вступить в бой, что хорошо рекомендует офицеров генерального штаба, которым посчастливилось протолкнуть вперед по верному пути своих осмотрительных начальников дивизий.

Однако, в данном случае противник также держался совершенно пассивно, и этот пример не устраняет опасения за исход подобной же попытки против энергичного неприятеля [3]).

Можно привести более ранние примеры; они не настолько от нас удалены, чтобы не заслуживать внимания. Вспомним

---

[1]) Вследствие командирования дивизии Гаири в направлении на Триккала.

[2]) Наследный принц Константин действительно намечал наступательный удар против 6-й дивизии, но ему не удалось провести своего плана в жизнь, отчасти вследствие сопротивления подчиненных ему начальников, а отчасти вследствие создавшихся ошибочных представлений об обстановке.

[3]) Опасения фон-дер-Гольца оказались вполне основательными. Турецкий генеральный штаб справлялся с задачей приложенияидей Мольтке только против того „обозначенного“ противника, которого представляла греческая армия. Балканская война 1912 года представляет полное крушение „ново-прусской“ тактики с турками на ролях действующих лиц. Саракамышская операция в зиму 1914—15 г.г. также представляет глубокий крах применения германских идей на турецкой почве (*Прим. редакц.*).

несчастную кампанию в Болгарии, когда три армии Мехмед-Али, Сулеймана и Осман-Паши действовали против русских, занимавших центральное положение, а также неудавшееся весной 1877 года первое русское наступление в горах Армении против Ахмед-Мухтар-Паши.

Все это укрепляет меня в убеждении, что теория стратегии, при указании средств к победе, не должна ограничиваться слишком узким кругом, и что надо предоставить полную свободу учению о „вождении армий“, которое устанавливает основания для выбора этих средств. Оно даже обладает правом в отдельных случаях отвергать то, что признано правильным стратегией, а также для достижения своих целей может пользоваться тем, что стратегия считает неправильным „так как на войне повелевают обстоятельства“ [1]).

Задача практического приложения теории стратегии и вождения армий к занятиям на плане, к полевым поездкам и к большим маневрам, орудием которых всегда являются свои войска, и заключается в конечном счете в достижении единства действий к моменту, когда наступит час войны.

Мы в дальнейшем отказываемся от систематического развития приводимых положений, чтобы не писать новой книги в дополнение к многим уже имеющимся об‘емистым трудам по данному предмету; правда, содержание нашего труда едва ли будет представлять много больше перечня заголовков. Однако, это отвечает поставленной нами цели—простейшим способом подвести начинающего к самостоятельной работе по изучению.

II.

Отношение учения о вождении армий к теории стратегии.

Мы можем теперь отдать себе отчет об условиях, от которых зависит применение законов стратегии полководцем. Правда, число этих законов так велико, что даже перечисление их представляется совершенно невозможным, и тщательный наблюдатель всегда будет делать новые открытия при изучении военной истории или размышлении над своим практическим опытом. Но самые существенные из них могут быть здесь кратко отмечены.

Прежде всего, должно быть учтено общее соотношение сил; однако, при этом необходимо иметь в виду не только численность, но и уровень военной квалификации боевых сил. Далее, надо взвесить политическую обстановку, поскольку

---

[1]) Слова Наполеона I.

она помогает или препятствует противнику и нам свободно использовать имеющиеся силы. Затем необходимо учесть союзы, которые могут быть брошены на одну из чаш весов победы с началом войны или в течение ее. Это позволит установить ту „живую силу“, которая окажется в предстоящую войну в распоряжении каждой из воюющих сторон. Исходя из этих данных, можно в крупных чертах решить, следует ли держаться наступательно или оборонительно, и какая степень энергии требуется с самого начала войны.

Характер исполнения определяется преимущественно свойствами пограничной полосы, в особенности сетью пересекающих его колесных и железных дорог, и состоянием театра первоначальных операций. Они обусловливают скорейшее или замедленное развитие военных действий. При этом, конечно, должно быть также принято во внимание общее состояние страны, богатство района, плотность населения, наличие необходимых средств для содержания людей и лошадей, одним словом, все, имеющее значение для движения и довольствования войск.

Местность и её очертания накладывают свой отпечаток на планы отдельных операций; они заранее обрисовывают в главных линиях будущие стратегические и тактические предприятия; карта местности передает эти линии нашему творчеству, когда оно работает над составлением планов.

Здесь же учитывается и наличие или отсутствие крепостей, или долговременно укрепленных позиций. В отношении наступающей стороны, это отражается преимущественно на подготовке к войне. В отношении обороняющейся стороны наличие их совершенно непосредственно отражается на планах первых операций. Война в открытом поле требует иных средств и сил, чем борьба за крепости. Они имеют различный характер. Маневренная война развивается быстрым темпом, проявления ее резки, большие столкновения наносят сокрушительные удары одной из сторон; борьба же за крепости имеет затяжной характер, медленно, но в громадных размерах поглощает силы и предъявляет величайшие требования к упорству и выдержке.

Зачастую, время года и климат недостаточно принимаются во внимание при применении законов стратегии. Между тем, они могут иметь прямо-таки решающее значение, при чем их воздействие бывает совершенно различным, в зависимости от преследуемой нами цели и от характера района операций. Карл XII чрезвычайно удачно использовал зиму 1705—6 г.г. для наступления в Польше; зима позволила ему без затруднений переходить через многочисленные замерзшие реки и болота. Зима 1708—9 г. г., вследствие глубокого снега и сильных морозов, в такой же мере оказала обратное действие, воспрепятствовав тому же Карлу XII завоевать Украину. До-

статочно известно, какую роль в гибели великой армии имело невнимание Наполеона I к предстоящей зиме при продолжении в 1812 году похода за Смоленск. В 1870 году, распутица и короткие декабрьские дни, как мы знаем, благоприятствовали упорному сопротивлению Шанзи у Божанси и на Луаре, а в следующем январе глубокие снега облегчали ему оборону на Сарте. Но та же зима обусловила неудачу наступления Бурбаки на Бельфор.

Не считающееся с препятствиями наступление зимой легко поглощает наши силы, при чем успех не компенсирует расходов. Но иногда особые обстоятельства и характер театра войны вынуждают вести такое наступление [1]).

Если мы обратим наш взор за пределы этих чисто внешних предпосылок, которые полководец всегда должен учитывать при выборе метода действий из числа значащихся в теории стратегии, то прежде всего мы усмотрим необходимость, являющуюся перед полководцем, уделять равное внимание национальным особенностям своей и неприятельской армий. Каждая армия имеет свои сильные и слабые стороны, которые должны быть или использованы, или учтены. Национальные особенности, которые толкают одну армию на бурное наступление, а другую влекут к упорной обороне, дают о себе знать еще при подготовке и обучении мирного времени, а последнее, в свою очередь, кладет на войска еще более яркий отпечаток. Этому много способствуют традиции, в особенности в начале войны, когда их очарование еще не разрушено соприкосновением с новыми элементарными силами. Даже Наполеон в начале войны 1806 года считал необходимым предостеречь свою закаленную в боях армию, указывая на прусскую конницу, так как он допускал, что воспоминания о прежних подвигах будут воодушевлять ее на выдающиеся героические деяния.

Традиции войск находятся в тесной связи с состоянием офицерского корпуса, который является их хранителем. Правда, национальные свойства отражаются на офицерах так же, как и на солдатах, но могущественным рычагом, воздействующим на офицерский корпус, является еще и социальное положение их, если оно объединяет весь офицерский корпус в одно сплоченное общество с одинаковыми правами и пониманием долга [2]). Это во много раз увеличивает влияние отдельных единиц на массу. Там, где нет такого единства, офицерский корпус, представляющий только образованных специалистов, дает отдельные благоприятные достижения, и элементарные

---

[1]) Таким недостаточным учетом климатических условий являются наши зимние наступления, особенно в декабре 1915 г. на Юго-Западном фронте, и в марте 1916 г. на Северо-Западном фронте. (*Прим. редакц.*).

[2]) Т.-е. классовая сплоченность. (*Прим. редакц.*).

боевые действия будут протекать успешно, но всегда скажется недостаток в общей согласованности и в дружности общего напора. Правда, этот недостаток равномерности может быть возмещен превосходством командования, гениальным полководцем, который увлечет за собой массы; но данный недостаток будет остро чувствоваться при отсутствии такой необычной силы.

В 1870 году армия французской империи, в особенности пехота, столь опытная в малой войне, блестяще действовала в отдельных боевых эпизодах. Она проявляла смелость, хитрость, отважность и упорство, но в целом ей недоставало выдержанной наступательной силы, которая естественно была бы достигнута при объединении всех этих хороших свойств однообразно воспитанным и образованным офицерским корпусом.

Характер офицерского корпуса обусловливает также и высшее руководство армией, но на нем также отражается и „школа“, в самом широком смысле этого слова. Сила школы отчетливее всего сказалась на руководстве прусскими войсками в 1864, 1866 и 1870—71 г.г. Тактическая часть этой школы преимущественно являлась творением императора Вильгельма I, а стратегическая—творением Мольтке. Воздействие этого человека тем более примечательно, что внешне его личность очень долго оставалась в тени. Этого воздействия Мольтке достигал преимущественно ясностью и превосходством своего мышления. Метод подготовки, который он применял до войны, не представлял систематического учения, а заключался в постановке больших маневров и в предложении задач, заимствованных им из практики войн, которые в общей сложности давали разъяснение по всем важнейшим вопросам ведения большой войны. Убедительная простота приводимых Мольтке решений, в большинстве случаев поражала принимавших участие в работе над задачей; последние обыкновенно искали гораздо более сложного и отдаленного решения, а не того простейшего, которое у них было под руками. Мольтке наставлял развитие мышления своих сотрудников на параллельные пути, предоставляя каждому судить на свой лад. В результате он мог расчитывать, что в случае войны поставленные отдельным войсковым частям задачи, большинством начальников будут решены приблизительно однородно, в его собственном духе. Имевшие место в действительности ошибки преимущественно произошли скорее вследствие различного подхода начальников к оценке данных о противнике, чем вследствие ошибочных заключений из точно выясненной обстановки. Сначала и не представляли, какую силу будет иметь такое единообразие военного мышления, но она проявилась полностью во время войн за объединение Германии.

Совершенно ясно, что для современной системы войны, которую мы называем системой Мольтке, единообразие в под-

ходе к решению является необходимым. В распоряжении старшего начальника непосредственно находятся только те силы, которые следуют по одной дороге [1]). Но ведь армии передвигаются одновременно по многим дорогам, и следовательно, решение относительно колонн, направляющихся по всем дорогам, кроме одной, зависит от чужой воли. В виду этого, старший начальник должен быть уверен в том, что решения, принятые по усмотрению его частных начальников, будут таковыми же, как если бы он там лично присутствовал. Следовательно, не с каждой армией можно свободно стремиться к одной цели, раздробив ее на отдельные массы, и не всегда можно расчитывать на решительные действия их в один и тот же час.

Качество войск должно отвечать методу вождения их. Совершенно ясно, что от молодых и неопытных в войне войсковых масс нельзя ожидать, при самостоятельных их действиях, ни особенно энергичных действий отдельных колонн, ни молниеносных бросков при действиях сосредоточенными силами по внутренним линиям, между тем как эти части могут быть очень пригодными для стойкой обороны. Если бы Наполеон имел в своем распоряжении в кампанию 1813 года свои войска 1805—6 г. г., то он вообще не перешел бы к обороне театра военных действий на Эльбе по внутренним линиям, а продолжал бы наступать, и даже если бы какие-нибудь особенные основания побудили его перейти к обороне, то он провел бы ее счастливо. К этому еще присовокупим, что февральские успехи Наполеона в 1814 году также были бы невозможны с весенними наборами 1813 года. За этот промежуток времени он воспитал из большого числа рекрут маленькое ядро боеспособных ветеранов.

Из этого мы видим, что стратегия, даже для одной и той же армии, непрерывно должна считаться с ее состоянием. Постоянные изменения в подходе к основам стратегии обусловливаются не только материальными, но и моральными данными. К этому присовокупляется воздействие отношений, связанных с личным положением полководца, вытекающих из общения его с правительственной властью, с руководителями политики, с окружающими его лицами и другими сотрудниками. Выбор определенного образа действий обусловливается не только способностями и счастьем вождя, но даже состоянием его здоровья. Все эти данные он должен наблюдать и у противника, так как наши действия обусловливаются действиями противника.

Таким образом, вождение армий находится не в меньшей зависимости от целой массы содействующих или тормозящих сил, как законы стратегии—от внешних обстоятельств.

---

[1]) Шлихтинг. Современные основы тактики и стратегии. (Примечание фон-дер Гольца). С развитием современных средств связи, допускающих возможность быстрой информации и передачи приказаний на походе в разные колонны, острота этого замечания в значительной степени утратилась.

(*Прим. редакц.*).

Такое многообразие положений, в которых приходится ориентироваться полководцу, и заставляет нас так часто возвращаться к мысли Наполеона: на войне повелевают обстоятельства, и управление представляет лишь вопрос такта. На том же основании Мольтке определил всю стратегию, как систему подпорок.

Однако, не надо забывать, что только гений имеет право без затей, несколько презрительно, называть „обстоятельствами“ все смешение причин и следствий, картину которого представляет всякая теория стратегии и вождения армий; только взор гения пронизывает их насквозь и охватывает непосредственным чутьем.

Нам же, простым смертным, рекомендуется сначала уяснить себе одну за другой все основы стратегии, и затем в каждом отдельном случае взвешивать, насколько они применимы для работы полководца при данных условиях. Таким путем мы можем с бо́льшим правом ра́считывать постепенно, шаг за шагом, подняться до ясного понимания сущности войны, чем если мы будем избегать этой трудной работы или даже считать ее бесполезной. Кто ясно понимает дело и обстоятельства, тот скорей и свободней придет к решению, чем тот, в уме которого все соображения за и против не привели ни к одному недвусмысленному итогу; с другой стороны, правильность суждения приводит к целесообразности и последовательности в действиях. Свободная работа ума дает возможность, среди разноголосицы хаотических соображений, устанавливать общие основные взгляды и тем приобретать способность сводить к немногим единым точкам зрения всю многосторонность и кажущуюся противоречивость; такая работа ума, до известной степени, в то же время развивает и поддерживает решимость. Эти качества являются важнейшими для вождя, чтобы, при почти ежедневно меняющихся требованиях обстановки, его действия не впали в беспринципность и бессистемность, или не направились по неверному и нездоровому пути, вследствие ошибочности его общих взглядов [1]).

III.

Два примера.

Двумя примерами можно скорее всего раз‘яснить содержание предыдушей главы. Мы избираем две совершенно различные по характеру армии, участвовавшие в двух последних войнах в пределах Европы, а именно прусскую и турецкую. С обеими автор знаком по личному опыту.

---

[1]) Тактические и стратегические статьи Мольтке 1857—1871 г.г. Берлин. 1900 г. Предисловие. стр. VII.

Подобное сравнение тем более ценно, что следовавшая за франко-прусской войной, русско-турецкая велась уже с полным знанием событий предыдущей кампании, и несмотря на это в ней приходится отметить весьма большой уклон в сторону, напоминающий о давно пройденных ступенях развития военного искусства. Эти явления можно об‘яснить или только незнакомством с тем видом стратегии, который мы называем современным, или характером театра военных действий, который, правда, затруднял общую работу отдельных армий, направленную на достижение единой цели, но ни в коем случае не делал ее невозможной. Скорее случай, чем заведомо обдуманное намерение, в первую часть войны привел турецкую армию на Дунае к такой группировке, которая имела все внешние признаки концентрической операции, направленной с нескольких сторон на противника, стиснутого в охваченном пространстве. Несмотря на все естественные выгоды такого положения, мы не усматриваем реализации их, хотя они и не остались незамеченными, как показывают некоторые попытки использовать их; поэтому, нельзя сделать другого вывода, кроме того, что причина неиспользования этих выгод заключалась в природе того инструмента, на долю коего выпало исполнение. Войска и вожди оказались не в соответствии с требованиями положения.

Прусская армия 1870 года вышла из реорганизации 1859 года и сложилась в напряженном обучении в мирное время, при использовании военного опыта 1866 года. Последний отчасти раз‘яснил и подчеркнул основы стратегии, выведенные посредством размышления и теоретического умозрения, а отчасти ввел в них коренные изменения. Лишь недавно были оглашены в печати данныя, свидетельствующие насколько глубокое влияние оказала краткая проба на богемских полях сражения на общую дееспособность прусской армии[1]). Опираясь на него, ей удалось подняться на высшую ступень обучения и управления.

Предчувствие крупных решений, которые должны были получить на долгое время выдающееся значение для будущности отечества, явилось для офицерского корпуса, построенного на классовом единстве, очень серьезным импульсом, который нашел свое отражение в малозаметном, но упорном стремлении дать наилучшее в исполнении своего долга. Лишь во времена Фридриха Великого, да в период возрождения Пруссии после глубокого падения 1806 года, высокие досто-

[1]) Докладная записка большого генерального штаба от 25 июля 1866 года его величеству, и указания для высших начальников от 24 мая 1869 года, базирующиеся, главным образом, на этой же докладной записке, Смотри тактико-стратегические статьи Мольтке с 1857 по 1871 год. (Прим. фон-дер Гольца). У фон-дер Гольца вкралась опечатка; упоминаемая им докладная записка относится не к 1866 году, а к 1868 году. (*Прим. редакц.*).

инства солдата прусской армии находили такое же безусловное признание и имели решающее значение в сравнении с другими соображениями в планах отдельных начальников. Этот общий порыв окрылял низшее командование, давал ему большую силу и бесспорное единство.

Известно, каким единством были пропитаны взгляды высшего командования. Во главе стояли всеми уважаемый, опытный в военном деле король и начальник генерального штаба, огромное превосходство которого над современниками уже тогда начинало встречать всеобщее признание. В виду этого, взгляды верховного командования имели такой перевес, что никакое другое влияние не могло с ними соперничать, и подчинение им командующих армиями и корпусных командиров являлось обеспеченным в лучшем смысле слова.

Основательно вышколенные системой воспитания мирного времени и хорошо вооруженные войска обнаружили физическую выносливость; в поход они двинулись охотно. Войско, как и весь народ, чувствовало, что, для исполнения тлеющего во всех немецких сердцах желания об‘единить отечество, неизбежно прежде всего расчитаться со старым врагом.

Крупные войсковые части проявили способность совершать быстрые марши и умение маневрировать; боевое обучение, несмотря на то, что ему недоставало научной проработки новейшего времени[1]), уже базировалось на основательном использовании действия огня.

Таким образом, были созданы все предпосылки для такого образа ведения войны, сущность которого базируется на равномерной самостоятельности и на самодеятельности отдельных частей целого. Можно было с уверенностью сказать, что ни одна армия, и ни один корпус, находясь в отделе от других, но участвуя в проведении одной и той же оперативной мысли, не покинет в решительную минуту остальные части. Те боевые силы, ожидать подхода коих имелось основание, всегда своевременно вступали в бой на поле сражения.

Высшие начальники так же могли уверенно расчитывать, что все целесообразное и вызываемое необходимостью будет сделано и без приказания свыше. Штаб и обер-офицеры привыкли проявлять инициативу, и если последняя иногда и граничила с произволом, то все же вытекала из сущности обстановки и шла на пользу общему ходу операций и боев. Правда, для высшего командования могли иногда создаться неудобства; тем не менее, намеченные им цели и задачи продолжали преследоваться. Несогласие среди начальников, часто играющее столь пагубную роль на войне, было совершенно исклю-

---

[1]) Фон-дер Гольц имеет в виду, что германская войска инстинктивно практиковали встречный бой, теории и даже названия коего еще не существовало. (*Прим редакц.*).

чено, благодаря примеру и абсолютному авторитету верховного командования [1]).

Такая армия, естественно, находит свое истинное призвание в маневренной войне и в наступлении, которые раскрывают наибольший простор свободно проявляющимся силам. Характерным для войны 1870—71 года является то огромное число сражений и боев, к которым собирались все войска, находившиеся в пределах досягаемости до поля сражения, при чем эти части вводились в бой до последнего батальона; этим путем имевшиеся силы могли быть использованы в наибольшей степени.

Широкое развертывание, дающее наибольшую свободу движений, стремительное наступление с сохранением раздельного порядка до решительного момента, атаки на противника, производимые самостоятельно с нескольких сторон, борьба за решение, доводимая до крайнего напряжения, новое разделение и новое сосредоточение, если противник еще раз решится на сопротивление или противопоставить свежие силы—таковы явления, которые открывают перед нами правильное управление, располагающее войсками такого закала. Это те самые явления, которые и исследуются по преимуществу генералом фон-Шлихтингом в его учении о современной войне [2]). Такие явления имеют место в коротких и блестящих национальных войнах, которые ведутся в высококультурной стране, и в которых быстро наростает и обрушивается решительный удар; в виду этого, они вполне отвечают общей сущности германских войск. Пока последние имеют современную высокую боеспособность, до тех пор они погрешили бы против самих себя, если бы, не вынужденные повелевающей всем обстановкой, стали бы стремиться к иному образу войны. В будущем, германские войска также будут настойчиво стремиться к сохранению того же метода войны, хотя бы он не мог опираться на столь благоприятный в 1870 году момент численного превосходства. При одновременной войне на нескольких фронтах, численное превосходство будет под большим сомнением, и возможность успеха будет основываться на повышении моральных качеств и на росте боеспособности, а также на создании такой обстановки, которая позволила бы ограничиться незначительными силами на том фронте, где ведется оборона, чтобы в других пунктах можно было бы действовать с прежней силой и быстротой [3]).

Но не следует забывать, что такой образ ведения войны возможен лишь при наличии в с е х элементов, на которые он

---

[1]) Не лежит ли в плоскости этих соображений фон-дер Гольца об'яснение неудачи германцев на Марне в сентябре 1914 г., вследствие недостаточной авторитетности Мольтке младшего? (*Прим. редакц.*).

[2]) Основы современной тактики и стратегии.

[3]) Фон-дер Гольц в тот момент, когда писал свою стратегию, занимал должность генерал-инспектора германских крепостей. Он имеет в виду здесь

опирается, и которые мы только что изложили. Он может оказаться неосуществимым уже при отсутствии одного из них, будь то авторитет верховного командования, или единообразная подготовка генералов и офицеров, или внутренние достоинства войск, состав коих, вследствие тяжелых потерь в течение продолжительной войны, может многократно обновиться.

Турецкая армия в Балканскую войну, поскольку можно судить о ней по ее состоянию несколько лет спустя, состояла из целого ряда элементов, имевших весьма крупные достоинства. Прежде всего, она укомплектовывалась прекрасным человеческим материалом, который мог выдержать сравнение с наилучшим в мире. Солдаты были здоровые люди, высокого сложения, преимущественно горцы; они отличались физической силой и большой природной интеллигентностью. Привыкшие к жизни в суровых условиях, они охотно переносили тяготы и лишения; простой образ жизни сохранял их пригодность для войны до гораздо более зрелого возраста, чем среднего человека из испещренного фабриками европейского запада. Каждый в отдельности носил отпечаток известной индивидуальной самостоятельности. Хотя исторические предания не пользуются на Востоке особенным культом, все же в магометанском населении в целом продолжают гнездиться гордость и сознание завоевателя, поддерживаемые сильным религиозным чувством. Турецкий солдат бесстрашен и не боится численного превосходства; он убежден, что если бог захочет, то боец преодолеет и множество врагов.

Прежний образ управления турецкой армии уже обрисован нами. Весь офицерский корпус отличался пестротой своего состава. Лучшая часть молодого поколения должна быть квалифицирована очень высоко, так как в ней хорошие национальные свойства соединяются с естественным тяготением ко всему военному, и к тому же оно с большим усердием стремится постигнуть современное образование. Именно в этих кругах и заключается материал для создания дельного генерального штаба.

Но, несмотря на большой опыт отдельных лиц, приобретенный ими в боях в беспокойных провинциях или на границах, всему в целом не хватает систематической школы, отвечающей современным требованиям войны. Обширных военных маневров не производится, в виду чего совершенно

свою работу—такое фортификационное укрепление русского фронта (укрепление реки Вислы по преимуществу), которое позволило бы выделить против русских лишь очень слабый заслон, и такое укрепление Лотарингии и Эльзаса, которые бы позволили направить главную массу немцев для удара через Бельгию. (*Прим. редакц.*).

нет навыков в организации движений крупных частей—бригад или дивизий. Это создает тактическую тяжеловесность которая сказывается тем сильнее, чем многочисленнее становятся действующие массы войск. В этом отношении войска скорее напоминают составленную из прекрасного материала милицию, чем постоянные части, каковыми мы обычно представляем себе турецкую армию. Организованного обоза, необходимого для быстрого развития крупных операций, не существует.—Что с такими средствами можно все же достигнуть значительных результатов, не подлежит сомнению; однако, образ действий при этом должен быть своеобразным.

В 1876 году эта армия провела кампанию против Сербии. Она одерживала победы с начала до конца; однако, имея в виду превосходство сил противника, она лишь медленно продвигалась вперед.

Поэтому, когда в последующем году турецкая армия без передышки и без подготовки была вынуждена выступить против могущественной России, вся Европа ожидала, что она окажет лишь слабое сопротивление. Первоначально русские двинули шесть армейских корпусов, которые вскоре были усилены до девяти [1]); в начале войны все считали, что этих сил более чем достаточно, чтобы быстрым наступлением на Константинополь сокрушить много слабейшие силы турок, и восстановлением креста на Софийском соборе дать широкое историческое решение старой тяжбы по восточному вопросу. Эта недооценка турецкой военной мощи преимущественно объясняется имевшим известные основания соображением, что турецкие войска уже два года вынуждены вести военные действия и силы их должны быть истощены в той длительной борьбе, которую они имели на своих плечах. Кроме того, на театре войны к услугам русских имелось содействие большей части населения. Легко удавшаяся переправа через Дунай и смелое продвижение русского авангарда и конницы через Балканы, повидимому, даже превзошли всеобщие ожидания.

Но к удивлению всего мира, дело вскоре приняло иной оборот. Осман-паша, который в течение всей сербской войны стоял у Виддина и не привлекал к себе никакого внимания, неожиданно появился на правом фланге русского наступления. Правда, повстречавшись с противником, он приостановился, но затем блестяще отразил неприятельскую атаку и остался у Плевны и Ловчи, занимая угрожающее положение в своих быстро сооруженных укреплениях. Прорвавшись через Черногорию, Сулейман-паша поспешил из Герцеговины на Фракийский театр военных действий. Перевалившие через горы русские головные отряды встретили здесь сопротивление прево-

[1]) Включая и два корпуса, предназначенных для охраны побережья.
(Прим. редакц.).

сходных сил и были вынуждены отойти назад. Главная масса русских сдвинулась к левому флангу [1]) и остановилась перед главными турецкими силами. Вторая сильная атака Плевны закончилась новым поражением русских, которые понесли большие потери; все это изменило обстановку коренным образом. Русские признали теперь, что они начали кампанию со слишком слабыми силами и подтягивали новую армию; однако, прибытие ее требовало много времени.

Турецкие войска совершенно неожиданно обнаружили высокую обороноспособность, которая вновь проявилась в полной мере во время третьего большого сражения под Плевной.

Теперь общественное мнение изменило свою позицию, и вполне естественно начало переоценивать турецкие силы. Каждый требовал, чтобы победоносные турки нанесли последний энергичный удар, перейдя в общее наступление тремя армиями—от Плевны, с Балкан и с р. Лома,—для уничтожения ущемленного внутри противника, и отбросили русских в Дунай и за него. Вместо этого, однако, последовала лишь бурная, но бесцельная атака Сулейман-паши на русские позиции у Шипки в Балканах. Турецким генералам вменялось в вину отсутствие более крупных операций, но это обвинение несправедливо, так как истинная причина заключалась в общем укладе оттоманских войск того времени. Они вообще дали максимум того, на что были способны в очерченных их природою пределах, и выйти за них не были в состоянии. Вождей можно упрекать лишь в том, что среди них не нашлось крупного, одаренного богом первоклассного гения, который сумел бы, подобно Александру Македонскому или Наполеону, преодолеть все преграды, существующие для простого смертного, и преобразить вверенный ему военный аппарат. Такой упрек, однако, легко перенести каждому человеку; при том еще остается открытым вопрос, давало ли тогдашнее внутреннее состояние государства и войск достаточный размах для деятельности такого гения. Гению также требуется возможность взлететь, чтобы затем проявить себя.

Для выполнения этих требований нужна была другая армия: прежде всего, при действующих независимо друг от друга вождях, необходимо было создать, посредством широкой общей подготовки, единое понимание военной обстановки, а затем и согласованный проект совместных операций. Определенно выраженный патриотизм, который подчинил бы общим интересам все личные точки зрения, имеющие всегда на Востоке такое большое значение, должен был бы в дальнейшем побудить всех генералов победоносно провести начатую большую операцию; при отсутствии настоящего верхов-

[1]) Рущукский отряд (прим. перевод.).

ного командования, оно в некоторой степени могло бы быть возмещено лишь твердым стремлением каждого в отдельности дать максимум на своем посту. Кроме того, для этого требовалась еще и привычка самостоятельно действовать, по собственной инициативе, без особого приказа. При других условиях продвижение вперед всех трех армий должно было бы естественно остановиться на первом же встреченном препятствии, которое одной из них не удалось бы немедленно же преодолеть.

Для частных начальников также требовалась иная подготовка, чтобы счастливо провести по меньшей мере большинство начальных боев, без которых, конечно, нельзя было обойтись при наступлении трех армий по отдельным операционным линиям. Наконец, войска должны были обладать такой маневренной способностью, которая позволила бы высшему командованию ограничиться указанием крупным единицам времени и направления наступления, а остальное предоставить на усмотрение частных начальников, чтобы обеспечить общее продвижение вперед [1]). Для энергичной операции, которая бы вела к целому ряду переходов вперед, не хватало конницы, а также сколько-нибудь организованных и планомерно работающих транспортов.

В течение обороны Плевны, прекрасные свойства турецкой армии оправдали себя до конца, и последняя отчаянная попытка прорыва, произведенная 10 декабря 1877 года, составила ей и ее вождям славное на веки имя. Осман-паша оказался значительно выше своего товарища по судьбе Базена.

Но этих свойств неожиданно не оказалось, когда еще раз пришлось оборонять Балканы. Несмотря на зимнее время года, русским сравнительно легко удалось форсировать занятую турками горную цепь, хотя это и стоило русским многих неприятностей и больших потерь. Главные затруднения причинили морозы и глубокие снега, которыми были покрыты горные тропы. Успех был велик, и им фактически закончилась война.

В действительности, оттоманские войска в этот период изменились лишь в том отношении, что после гибели геро-

---

[1]) По этому поводу автор вспоминает интересную беседу с покойным Осман-пашей о причинах, которые помешали ему использовать победу при Плевне немедленным контр-наступлением. Слова маршала были приблизительно таковы: Независимо от того, что у меня почти совершенно не было кавалерии, мне бы пришлось самому объехать верхом все обширное кольцо укреплений и лично отдать все приказания для наступления. Иначе в нем бы отсутствовало единство, и наши силы распылились бы в храбрых, но безрезультатных атаках. И в случае неудачи, Плевна и наши остальные позиции севернее Балкан „оказались бы в опасности". Вдумчивый генерал, которого часто напрасно квалифицируют, как представителя исключительно грубой энергии, хорошо знал свою армию и умел использовать ее сильные стороны.

ического корпуса Осман-паши, было выставлено еще известное число новых, наскоро сформированных батальонов, составленных преимущественно из людей более старых призывов. В остальном, прежние достоинства турецкой армии отнюдь не исчезли; это доказывают бои Фуад-паши у Дермендере и необычайный марш Сулеймана через Родопские горы. Турецкое поражение обусловлено исключительно ошибочным решением оборонять горы на чрезмерно растянутом фронте, что всегда является сомнительным, а в данном случае было вдвойне гибельным, так как такая оборона требует большого числа искусных и самостоятельных начальников, а также войск, пригодных для оперирования и быстрых передвижений, а таковых как раз и не было. Если бы, после падения Плевны, все войска, за исключением оставшихся в четырехугольнике крепостей, вместо того, чтобы рассеяться по Балканам, были бы без боя оттянуты к Адрианополю, то здесь повторилась бы картина Плевны, и война вновь могла бы затянуться на много месяцев. Против окружения обороняющегося здесь легко было бороться уже благодаря ведшим в Адрианополь железным дорогам и близости моря, на котором господствовал турецкий флот; атака же была связана с гораздо большими затруднениями, так как линия сообщений русской армии к этому времени значительно удлинилась бы и находилась под серьезной угрозой турецких сил, еще находившихся между болгарскими крепостями. Здесь попытки деблокировать были бы легче осуществимы, чем у Плевны, расположенной много дальше от столицы; в последнем случае они выразились, как известно, в нескольких энергичных порывах со стороны Орхание.

Принятию несчастного решения оборонять зимой Балканы содействовали политические побуждения, что является лишним доказательством тому, что непосредственное вмешательство политики в военные операции всегда приводит к отрицательным результатам [1]). Наконец, турецкие армии могли еще оборонять простирающуюся от моря до моря позицию Чаталджи, где они имели возможность полностью проявить свою силу и стойкость в обороне, и где русские, конечно, не могли их одолеть посредством голода, как в Плевне. Имея шансы добиться полного изменения обстановки, турецкие армии оказались бы там в состоянии вступить в последний бой с полной энергией. Может быть, энергичный натиск из этой последней твердыни привел бы русских к полному отступлению до Дуная.

---

[1]) Добавим—ошибочной политики. Несомненно, правильная политика будет влиять на принятие основных стратегических решений, каковым являлся в данном случае вопрос об удержании Балканского хребта, и не будет вмешиваться в детальные вопросы. Ошибка турецких политиков и стратегов в отношении обороноспособности Балкан зимой тем более извинительна, что таких же взглядов в 1877 году держались военные специалисты всей Европы (*Прим. ред.*).

Таким образом, если бы турецкая армия была использована для обороны в соответствии с ее своеобразием и ее особо сильными сторонами, то она, вероятно, смогла бы спасти государство и в конечном счете удачно противостоять наступлению.

В природе всех подобных армий лежит свойство быть сильней в позиционной, чем в маневренной войне. Армия, составленная из такого хорошего материала, как оттоманская, несмотря на свою ограниченную маневренную способность, отнюдь не является неспособной к наступлению. Но она может вести лишь короткие удары и непригодна для длительных наступательных операций. Характерным для турецких армий является начало операции Осман-паши, его продвижение, направленное на стратегический фланг неприятельской армии, результатом угрозы которому должна была явиться неприятельская атака, быстрая и искусная подготовка к отражению таковой и блестящая оборона. Чтобы привести к счастливому концу, все предпринимаемое подобной армией должно быть коротко и просто. Она должна воздерживаться от попыток сложных операций, которые требуют точного взаимодействия многих отдельных самостоятельных частей.

Война в Фессалии свидетельствует, в отношении командования на значительные успехи турецкой армии. Благодаря оживленной, энергичной деятельности молодого поколения генерального штаба, турецкая армия к концу Фессалийской войны, при Домоко, сумела предпринять в трудных обстоятельствах наступление в новом стиле, успех которого базировался на совместных действиях отдельных колонн. Однако, не надо упускать из вида, что в данном случае она превосходила противника не только количественно, но и качественно. В борьбе с большой армией, организованной на современных основах, было бы предусмотрительнее для турецкой армии, в особенности в начале войны, осторожно использовать свое своеобразие [1]), пока успех не откроет ей путь к сильному наступлению.—Таким образом, полководец должен для каждой армии различным образом применять законы стратегии. Найти правильный путь—величайшее достижение вождя и вернейшее обеспечение успеха.

---

[1]) Вспомним блестящую оборону Дарданелл турецкой армией, почти совершенно лишенной снарядов, и отбивавшей все приступы англо-французов, снабженных колоссальной техникой и поддержанных огромной тяжелой и средней артиллерией линейных кораблей. И наравне с этими успехами, жалкие наступательные авантюры на Кавказском и Сирийском фронтах. Лично сам, фон-дер-Гольц сумел провести одно наступление турок, кончившееся взятием в плен английской армии у Кут-эль-Аморы, но и это наступление, окружение в условиях позиционной войны, было таким же простым и коротким, как то требует для милиционной армии фон-дер-Гольц в приведенном отрывке (*Прим. ред.*).

УЧЕНИЕ ФОША.

Наиболее значительный военный писатель Франции, наиболее авторитетно и точно выразивший те стратегические идеи, с которыми французская армия вступила в эту войну — это Фош. Важнейший его труд — „Ведение войны“, представляет лекции по стратегии, которые он читал в Высшей Военной школе, в Париже, на рубеже двух столетий [1]). Работа Фоша поражает своей стройностью и отделкой; научный метод, применяемый им, оценивается очень высоко гражданской французской академической мыслью. Очень характерна законченность ее, сравнительно с немецкими работами: тогда как Клаузевиц переделывал свое произведение всю жизнь и все же оставил нестройные груды мыслей, тогда как Верди пятнадцать лет ковал свою стратегическую работу и успел изготовить ее всего на одну четверть, при чем в последующих выпусках высказывает сомнения относительно некоторых положений, которые он утверждал при приступе к ней, Фош создал сразу такое произведение, совершенное во всех деталях, что не счел возможным внести в него ни малейшего изменения ни во втором издании через семь лет, ни в третьем издании через 15 лет.

Но, несмотря на это, в труде Фоша мы имеем перед собой настоящую военную систему, которая оказалась вовсе несоответствующей той действительности, которую развернула мировая война. Всякий вывод из мировой войны является опровержением самых дорогих для Фоша тенденций. Это верно как в основных построениях учения Фоша, так и в мелочах [2]). Что стоит хотя бы критика Фошем большого удаления точки, избранной Мольтке для пребывания ставки в день сражения под Сен-Прива (высоты Флавиньи), отнесенной на 8—12 верст от различных точек фронта сражения. Фош объясняет также удаление немощью стариков — семидесяти трехлетнего главнокомандующего—короля и семидесятилетнего начальника штаба Мольтке, их резонерским характером управления и беспомощностью их распоряжаться на поле битвы. С такого удаления можно высказывать, будто бы, только мнение и советы, и командование обрекается на бессилие. Такими обвинениями Мольтке и его методов управления полон труд Фоша; предоставляем читателям самим оценить, правильно ли усвоил Фош направление, в котором происходит эволюция командования.

---

[1]) Перевод „Плана войны“ выполнен для настоящего сборника с третьего издания: Général F. Foch. „De la conduite de la guerre. La maneuvre pour la bataille“. Paris. 1915 г., стр. 494. Отсутствие перевода этого классического труда на русский язык объясняется, как мы уже указывали, преобладанием в нем военно-исторического содержания. Значение этого труда нам рисуется несравненно крупнее „Принципов войны“ того же автора, второе издание которого, в значительно исправленном переводе, подготавливается к печати В. В. Р. С.

[2]) Говорят, что сам Фош в январе 1915 г. обратился к офицерам своего штаба с просьбою забыть все, чему он учил и чему у него учились.

Фош справляется с теми затруднениями, которые представляет безбрежность стратегических вопросов, не прибегая к тому грубому гильотинированию важнейшей части стратегии, которое производит позитивист Леваль, изгоняющий из нее все, что имеет уклон в сторону политики или искусства. Фош строит удивительно искусно свою идейную постройку, базируясь на двух китах: прикладном методе, заимствованном у Верди и отделанном по Густаву Ле-Бону, и исходящей от Гильбера французской военной доктрины.

Прикладной метод изучения стратегии, быть может, всего удобнее проследить на этом труде Фоша, и в этом отношении прилагаемый отрывок уже может дать известное представление. Фош идейно готовит французскую армию к борьбе с Германией, на том же театре войны, который являлся ареной событий 1870 года. Он ожидает, что и в будущую войну стратегический пятачек между Рейном, Маасом и бельгийской границей явится районом, где найдет свое решение франко-германский спор. Отсюда его решение — взять за канву изучения стратегии начало франко-прусской войны, выяснить последовательность различных стратегических вопросов, возникавших во время войны, рассмотреть, какими мотивами объяснялось их решение в 1870 году, и затем изучить, в чем разнится современная обстановка с ее новой техникой с тем, что было за тридцать лет раньше. Этот прикладной метод—творение Верди—мастерски используется Фошем; он сразу подводит под его рассуждения твердую почву, и позволяет ему не отрываться от действительности.

Это очень хороший метод; мы бы приветствовали появление у нас такого же курса стратегии, за исходную точку которого была бы взята польско-русская война 1920 г., который бы оценивал стратегические решения, принятые обеими сторонами, выяснял бы огромные отличия, которые истекшие немногие года наложили на обстановку на польско-русском фронте, и отсюда извлекал бы ценные вообще и в частности для нас стратегические поучения. Если мы не видим появления такого стратегического труда у поляков, где так много поклонников Фоша, то это можно объяснить, повидимому, недостаточностью источников, которые бы освещали мысль польского и русского главнокомандования в этой войне, а также некоторой обостренностью вопроса о секретных данных, не позволяющей ныне более авторитетным деятелям взять на себя пророчество, в известной форме, по поводу будущей войны на том же театре. Но со временем, если только события не предупредят военно-научную мысль, такой труд мы увидим.

Каждому профессору по стратегии весьма заманчиво пойти в этом отношении по следам Фоша, так как получается наиболее выгодная форма, обещающая великолепнейшие результаты при сколько-нибудь сносном исполнении. Успех у аудитории и в широких кругах армии обеспечен: во много раз интереснее изучать стратегию, представленную как пророческий план предстоящей войны, базирующийся на истории, логике, современной коньюнктуре и технике.

Однако, имеются и некоторые сомнения. Обычная участь пророков—избиение камнями. Версальский мир позволил Фошу избежать пока этой участи, в него пока во французской литературе летят только мелкие камешки, и лишь будущие военные историки метнут более основательные. И за дело, так как база, на которой строит Фош свои стратегические выводы, очень мала. Прикладной метод имеет дело с частным случаем; очень неосторожно давать

распространительное толкование выводам, полученным из рассмотрения только одного частного случая. Прикладной метод работает в шорах, которые позволяют ему сосредоточивать все внимание на одной заданной обстановке, и достигать, вследствие этого, за счет отказа от всякой разброски мысли, большого углубления. Но эти же шоры представляют крайнюю опасность, если все учение зиждется на рассмотрении только одного частного случая. Верди, работая почти одновременно с Фошем, страховал себя тем, что не ограничивался изучением данного вопроса в трех кампаниях Мольтке, на трех различных театрах войны, а совершал экскурсии вплоть до Александра Македонского. Фошу следовало бы свой курс ведения войны не ограничивать внимательнейшим изучением одного частного случая в обстановке Эльзас-Лотарингского театра войны, а применить тот же прикладной метод хотя бы к изучению стратегической обстановки на русско-австро-германском фронте; такое изучение освоило бы Фоша с иными масштабами маневрирования, чем на франко-германском пятачке, подготовило бы его мышление к более широкому представлению о протяжениях, необходимых для развертывания, наступления и боевых действий миллионных армий, и спасло бы его от многих предвзятостей—например, от утверждения, что для германцев было бы с оперативной точки зрения бессмысленно нарушать нейтралитет Бельгии для охвата французского развертывания.

В результате такого повторного применения прикладного метода много бы выиграла французская армия: читатель в прилагаемом отрывке, этом красочном плане войны, знакомится не только с теоретическим рассуждением, но изучает также и мировую войну, так как эта работа вдохновила по всем пунктам французских авторов плана № 17, действительно осуществленного в августе 1914 года. Сравнивая теорию Фоша и практическую работу генерального штаба, усматриваешь полное тождество и получаешь представление, что и Жоффр, и его оперативные сотрудники были в стратегии совершенные диллетанты, и рабски группировали французские корпуса в соответствии с требованиями строгого профессора...

От такого изучения выиграла бы и русская армия, так как французская стратегическая мысль, замкнувшаяся в изучение двух уездов и удивившая поэтому весь мир с началом войны своей безграмотностью, извращенностью и отсталостью, при некотором знакомстве с стратегической обстановкой русского фронта, перестала бы оказывать на русскую стратегическую мысль столь отрицательное давление. Мы имеем в виду не столько требование скорейшего вторжения в Восточную Пруссию, не отвечавшего нашим условиям мобилизации и развертывания, как требование скорейшего наступления по направлению Варшава—Берлин. Это требование в решительный момент первого вторжения наших сил в Восточную Пруссию ослабляло нас на несколько корпусов, выброшенных к западу от Вислы, а во второй период явилось провокацией, толкнувшей нас на самый ошибочный шаг—наступление в Силезию, окончившийся Лодзинской неудачей.

Если мы сравним работу русской стратегической мысли и Фоша, то получим впечатление, с одной стороны, бедной, грязной, неряшливой, отсталой, разбросанной без толка русской деревни, но построенной на чистом воздухе, со свободными, далекими горизонтами, а с другой стороны—городка в табакерке, где каждый квадратный сантиметр культурно использован, где все

очень живописно и очень прилажено друг к другу, но так ограниченно и мелко, что эта стратегическая постройка могла в мировой войне вызвать только конфуз.

Стройность выводов, изрекаемых Фошем посредством прикладного метода из событий 1870 года, об'ясняется еще и тем, что профессор стратегии имел их уже в своем кармане, приступая к своему исследованию. Тогда как Верди добросовестно углублялся в историческую действительность, чтобы заявить затем читателю о своих находках, Фош прибегает к удивительному маскировочному приему. Уже до него заповеди французской доктрины были изречены Гильбером и подробно запротоколены Мальяром. Учение Клаузевица было растолковано Гильбером, как призыв обратиться к изучению непосредственно того первоисточника, который вдохновлял Клаузевица: зачем французам учиться у туманно мыслящего германского военного философа, строющего свои заключения на деяниях Наполеона, когда проще обратиться к самому оригиналу, к его поступкам, к его мыслям, запечатлевшимся в его корреспонденции. И отбрасывая малейший намек на идею эволюции, французы еще до Фоша реконструировали полностью военное искусство Наполеона, его стратегию и обратили ее в свою доктрину. Задача Фоша заключалась в том, чтобы заветы стратегического искусства Наполеона представить высшим совершенством и в настоящее время, и показать, что Мольтке велик постолько, посколько он через Клаузевица их частично усвоил, и является постолько жалким, посколько не находил в себе мужества копировать их во всех деталях. Чтобы утвердить французскую доктрину, недостаточно было ее построить на Наполеоне, надо было доказать, что отступления от нее Мольтке являются только лишним подтверждением ее совершенства. Острие мысли Фоша должно было быть направленным против всех тех шагов вперед, которые эволюция заставила Мольтке сделать по сравнению с Наполеоном.

Французское общественное мнение дало блестящему профессору стратегии Фошу мандат—расправиться с тем сучком в глазу, которым являлся Мольтке. Когда Фош писал свой курс стратегии, начальником французской высшей военной школы был несравненно более заслуженный в научном отношении и еще более талантливый генерал Бонналь, работа которого заключалась в том, что он открыл перед французской мыслью настоящего, подлинного Наполеона. Но в отношении немцев Бонналь проявлял научную сдержанность, осторожность, которая крайне неудовлетворяла шовинизм французских доктринеров. Бонналь пользовался слишком большим уважением в Германии; к нему обращался Вильгельм II, когда хотел сделать Франции авансы; его приглашали в Германию на маневры.

Фош блестяще справился с задачей, решения которой ожидали от него; он сокрушающим образом расправился с Мольтке старшим и тем дал новый блеск французской доктрине. Еще за 18 лет до победы над Людендорфом он одержал бумажную победу над немцами и был увенчан по заслугам: его начальник, Бонналь, за доброе имя, которым он пользовался в Германии, был неожиданно уволен в полном расцвете жизненных сил и огромного научного таланта, а Фош, сумевший свысока посмотреть на Мольтке-старшего, был очень молодым возвеличен на его место начальника академии.

На примере Фоша мы видим, что и прикладной метод не спасает нас от предвзятости: профессор с большим талантом может сохранить вид, что он

добросовестно исследует военно-исторические факты, и в то же время вынимать и раскладывать заготовленные заранее в заднем кармане сюртука выводы: что и требовалось доказать. Яснее всего этот процесс фальсифицирования прикладного метода можно усмотреть в главе VI прилагаемого отрывка, где Фош пристегивает к исследованию организуемого Мольтке наступления конек французской доктрины—учение о стратегическом авангарде.

Предвзятость, вытекающая из построения теории на одном частном случае, предвзятость, вытекающая из доктринерского обращения с прикладным методом, отрицание эволюции, научный шовинизм — такова фальшь, заключающаяся в стратегической табакерке Фоша. Это очень односторонний труд по стратегии. Мы не можем сравнивать, по разносторонности основания, работу Фоша с трудом фон-дер-Гольца. Но односторонний подход к стратегии не является, на наш взгляд, основанием для изъятия автора из настоящего сборника. Мышление Фоша, его разбор и оценка отдельных явлений, настолько типичны, а иногда и настолько поучительны, вопросы, поднимаемые им, настолько иногда жизненны, что в настоящем первом томе, посвященном преимущественно выявлению наиболее типичных в своей односторонности методов, применявшихся классическими писателями по стратегии, Фош может занять свое место. Мы избираем первую, лучшую часть его труда, по жгучему вопросу о плане войны, в которой он еще сравнительно щадит Мольтке. Мы должны отметить добросовестность исследования Фошем корреспонденции Мольтке. Как труд Верди, так и труд Фоша возник на почве критики этой корреспонденции, появление в печати которой не вызвало у нас в России, в силу какого то глубокого падения интереса к стратегии, вовсе внимания.

Редакция.

ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ.

МАРШАЛ Ф. ФОШ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПЛАН ВОЙНЫ.

ГЛАВА I.

О цели войны.

Прежние военные системы, исходившие главным образом из соображений о сохранении живой силы армии, стремились к достижению результатов посредством хитрости, угроз, переговоров, маневра боя, занятия территории и взятия крепостей. Современная война, начиная с Наполеона, использует, не считая [1]), находящиеся в ее распоряжении средства; она признает лишь один аргумент: проявление насилия. Она приступает к переговорам с противником, лишь сокрушив его в сражении и прикончив преследованием.

В виду этого стратегия прежде всего требует, чтобы операции преследовали только одно стремление—вызвать и подготовить это сражение в возможно лучших условиях. Раз сражение выиграно, стратегия вступает в новую фазу, стремясь к той же цели, т.-е. к следующему сражению.

Тактика стремится это сражение вести рационально, подчиняясь законам, управляющим явлениями духовного порядка, и механическим принципам, чтобы в результате добиться неоспоримого сокрушения противника.

Хотя история и указывает, что эти две части военного искусства достигали различных уровней—в руках хотя бы Наполеона или Мольтке, или их противников, тем не менее в их совокупности они оказываются производными от следующих явлений, вызванных современным развитием военного дела, и определяющими характер стратегии и тактики:

Все более и более национальные укомплектования.

Увеличение численности.

Усовершенствование оружия.

Руководство войсками на войне все более и более сводится к совокупности распоряжений, имеющих в виду сраже-

---

[1]) Мировая война показала, что сч[illegible]тать надо. (*Прим. редакции*).

ние, а в этом наступательном сражении—решительную атаку: это основная идея, которая должна определять наше мышление и наш характер, чтобы поддержать их на уровне предстоящих затруднений, выше тех сомнений, которые будут их одолевать. Вспомним мысль Наполеона:

„Обычно имеется неточное представление о той душевной силе, которая необходима, чтобы, вполне обсудив возможные последствия, разыграть одно из тех больших сражений, от которых зависит история армии и государства. В виду этого редко приходится встречать генералов, которые бы охотно давали сражения“. Однако, решимость их дать является необходимой.

Наши исторические исследования также приводят к выводу, что всякая кампания представляет ряд стратегических актов, заканчивающихся каждый большим сражением. Но связаны ли эти различные стратегические действия просто случаем или бессознательным вдохновением вождя, или же, наоборот, они вытекают из неоспоримой логической последовательности, которую мы могли бы проследить, выяснив отношения причин к следствиям, связующие действия армии с момента ее выступления из мирных стоянок до момента возвращения после заключения победоносного мира? Вот вопрос, стоящий перед нами на очереди.

Изучив в подробности операции войны, пойдем дальше, чтобы дать синтез, если это возможно, чтобы найти в операциях эту логическую связь, а также момент, когда война достигает своей цели, если последняя существует. Состоит ли война только в вождении войск, направляющихся в сражение и используемых в этом сражении, или сверх того еще существует такая теория войны, которая указывала бы нам, где кончается борьба, и какое направление приводит к нему? Как вести войска, мы знаем, но куда? На каком пути эта стратегия, стремящаяся к сражению, должна его искать и затем организовывать? То же самое о втором и третьем сражении. И раз мы ориентируемся, где искать этих сражений, то перед нами встанет второй вопрос, как их подготовить, чтобы достигнуть цели войны.

Наполеон дал ответ на подобные вопросы. Однажды он прочел в одном труде выражение: „методическая война“. В отчаянии он воскликнул: „Всякая хорошо веденная война есть методическая война“ [1]. Впоследствии он написал следующее: „Всякая война должна быть методична, так как всякая война должна вестись по принципам и правилам искусства и логики, в соответствии с ее целью“.

---

[1]) Это замечание Наполеона по поводу труда Ронья содержится в приводимом нами отрывке из трудов Наполеона. *(Прим. редак.)*.

Следовательно, существуют хорошо и плохо веденные войны, в зависимости от того, соблюдалась ли или нет последовательность в идеях, методах и приложении правил искусства к достижению преследуемой цели.

Затем Наполеон добавил:

„Стратегия является искусством, основанным на принципах, которых никому не дозволяется забывать. Все великие полководцы древности, а также и те, которые впоследствии достойно следовали по начертанному ими пути, совершили великие дела лишь потому, что они усвоили естественные правила и принципы искусства, т.-е. комбинации их были правильны, представление их о средствах, которые нужно пустить в дело, было точно, с затруднениями они вступали в борьбу“.

„Благодаря такому усвоению, они имели успех, какова бы ни была дерзость их предприятия и обширность их побед. Они никогда не переставали делать из войны настоящую науку. Только в силу этого соображения они являются нашими великими учителями, и только стремясь подражать им, мы можем надеяться приблизиться к ним“.

Следовательно война, рассматриваемая в целом, не является созданием случая, а наукой, которая может быть усвоена. Существуют принципы стратегии; только они определяют правильность комбинаций и точную концепцию средств, которые нужно пустить в дело.

А Клаузевиц?

„Когда читаешь реляции, которые пишут великие полководцы о своих походах, и в которых они с такой же легкостью приводят в движение сотни тысяч людей, как будто дело идет о переезде только их самих, когда слышишь, как они, объясняя руководившие ими мотивы, приводят самые несложные соображения, а иногда даже приписывают свои решения, просто подчинению своему инстинкту, то кажется, нет ничего легче, чем руководить армией, и война рисуется нам умаленной до масштаба простого единоборства. Но когда вопрос заключается в установлении теории, для которой все необходимо представить в систематизированном и целом виде, и для всякого действия найти достаточные логические основания, то мысль приходит в смущение, и у каждого невольно появляется страх навеки остаться пресмыкающимся на низинах элементарных заключений и никогда не достигнуть тех высших областей, где великому полководцу открывается свобода, необходимая, чтобы господствовать над событиями, одним взглядом охватывать всю войну и принимать решение о направлении, которого он должен держаться, и с которого уже ничто не может заставить его уклониться“.

„Однако, если нам суждено иметь успех, то достигнуть его мы думаем только упорно следуя намеченному нами с самого

начала пути (анализ обстановок, изучение истории обстановки). Теория должна подчеркнуть читателю и дать ему почувствовать (это единственный смысл ее существования), моменты, в которых концентрируются и связываются идеи, образуя принципы или правила".

„Теория должна указать на основные идеи и точки зрения, дающие широкий кругозор, который выносит мышление из своего паломничества в высшие сферы военного искусства".

„Но на этом останавливается помощь, которую можно ожидать от теории, так как она не в состоянии ни дать формулы для решения задач, ни указать тот узкий путь, на котором надо искать решение. Указав полководцу все множество понятий и их соотношения, теория вновь его покидает, и когда надо действовать, она предоставляет ему самому принимать решение в соответствии с имеющимися в его распоряжении средствами и с прирожденными ему моральными силами. Из этого двойного уравнения обычно вытекает верное ощущение и правильная оценка того, что надо делать, и соображения разума, повидимому, имеют меньше влияния на конечное решение, чем вытекающие из обстановки требования и опасности".

В вопросе о войне эта цитата лишний раз приводит к тому же нравоучению: все действия связаны логикой, которую можно представить в виде теории. Знакомство с этой теорией развивает и дает опору мышлению.

Когда же вопрос идет о переходе к действию, то, чтобы возвыситься до свободы, позволяющей господствовать над событиями, надо обратиться к познанию истины, к убеждениям, а также к характеру и моральным силам, развивающимся на основе этого убеждения.

В этом двойном уравнении школа дает нам всего одну половину и на вторую лишь указывает, сокращая, но не устраняя вовсе, неизбежное расстояние между кубком, налитым вином и устами, между теорией и практикой.

Исходя из этих соображений, мы еще раз вновь приступим к изучению истории 1870 года, войны вчерашнего дня, чтобы попытаться усмотреть общие соображения, которые господствуют в современной войне, и в особенности в будущей, чтобы попытаться установить теорию и в частности отметить отношения, существующие между различными фазами стратегии.

Мы остановимся на подробном исследовании первой фазы стратегии, т.-е. той, которая завершается первым сражением, и в этом анализе будем стремиться открыть логические основания составляющих ее операций, чтобы выяснить их роль в будущем, а также методы их осуществления, могущие привести к благоприятному результату.

а. О причинах войны.

Прежде чем устанавливать, куда нас ведет война, посмотрим, как она зарождается и откуда исходит.

Мольтке начинает свою историю борьбы 1866 года следующим признанием, исполненным грубой откровенности:

„Война с Австрией стала исторической неизбежностью".

Война 1870 года зародилась из тех же оснований, т.-е. единственно и исключительно из желания Пруссии вести ее, а это желание в свою очередь выросло из развития честолюбия Пруссии и сознания своей силы [1]).

С того дня, как князь Бисмарк взял на себя сам рассказать события, этот вопрос не подлежит ни малейшему сомнению.

13-го июля 1870 года Мольтке, Роон и Бисмарк завтракали вместе и беседовали о войне, которую ожидали с нетерпением. В это время Бисмарку принесли телеграмму от короля, имевшую весьма успокоительный, мирный характер.

Телеграмма была немедленно прочитана; канцлер пишет дальше:

„Роон и Мольтке одновременно уронили свои ножи и вилки.

„Мы были глубоко опечалены, и у всех было чувство, что дело пропало.

„Тогда я обратился к Мольтке и поставил ему следующий вопрос:

— „Действительно ли наш аппарат, нужный нам, чтобы вести войну, т.-е. наша армия, настолько хорош, что мы можем начать войну с максимальными шансами на успех?"

„— У нас никогда не было лучшего аппарата",—ответил Мольтке.

„Роон, к которому я питал, правда, меньшее доверие, полностью подтвердил слова Мольтке.

„— В таком случае продолжайте спокойно завтракать",— сказал я своим двум компаньонам.

---

[1]) Серьезные современные историки держатся другого взгляда и не склонны придавать провокации Бисмарка решающее значение. Бисмарк лишь дал крупный козырь французской партии войны. Причины войны 1870 г. заключались в условиях внутренней политики Франции, которые привели крайние бонапартистские элементы, во главе с императрицей Евгенией, к убеждению, что династические интересы требуют успешной войны с Пруссией, и которые отбросили проект французского министерства иностранных дел—ответить на „Эмскую депешу" предложением созыва международного конгресса для принципиального урегулирования вопросов о порядке занятия членами царствующих династий новых престолов. Французский академик Вельшингер, после обстоятельного изучения вопроса, пришел к выводу, что вина за войну 1870 года ложится на французское правительство. M. Welschinger, de l'Institut: La Guerre de 1870. Causes et responsabilités. T. I, Plon, 1910 г. (*Прим. редакции*).

„После этого я присел за маленький круглый мраморный стол, стоявший рядом со столом, за которым завтракали, еще раз внимательно прочел телеграмму, взял карандаш и свободным жестом вычеркнул то место, где говорилось, что Бенедетти обратился с просьбой о новой аудиенции, и хвост телеграммы приставил к голове.

„Телеграмма приобрела совершенно иной вид. Я прочел ее Мольтке и Роону в новой редакции, которую я ей дал. Они воскликнули в один голос: великолепно, это произведет нужное действие.

„Мы с аппетитом продолжали завтракать. Продолжение известно".

Этот рассказ не требует комментариев.

1866 год выбросил из германского союза Австрию, могучую соперницу Пруссии; 1870 год должен был объединить Германию с плюсом в пользу той же Пруссии.

Что могло быть лучшим цементом для объединения Гермамании, чем германская кровь, пролитая в защиту отечества от исконного врага?

Одним словом, все может служить поводом для войны, когда одна из сторон хочет войны. Стратегическому наступлению предшествует наступление историческое или, вернее, политическое. Но желание войны только тогда будет оправдано, если сопровождается развитием военной мощи. И таким образом, вопреки латинской поговорке: „Si vis pacem, para bellum" [1]), мы часто видим народы, которые вооружаются, чтобы вскоре перейти в наступление.

6. О цели и средствах войны.

Но был ли соображен весь размах и был ли набросан предварительно план этой войны, в которую бросились так легкомысленно? До каких пределов предполагали вести войну, и каковы намеченные операции для осуществления ее программы?

Клаузевиц, учитель Мольтке, вскармливавший идею войны с Францией, уже давно написал следующее:

„Итак: так как центр мощи государства заключается в его армии и столице, то план коалиции должен быть таков:

„1) Разбить французскую армию в одном или нескольких решительных сражениях;

„2) овладеть Парижем, и наконец,

„3) отбросить за Луару остатки разбитой французской армии.

„Уязвимый пункт французской монархии находится между Парижем и Брюсселем; в этом направлении столица отстоит

---

[1]) Если хочешь мира, готовься к войне. (*Прим. переводч.*).

от границы всего на 220 километров. Здесь и лежит естественный центр, около которого должна группироваться часть войск коалиции (здесь им надлежит действовать).

„Если Франция примет решение продолжать угнетать Европу, как она это делала в течение полутораста лет, я убежден, что действуя таким образом, мы заставим ее раскаяться. Наказать эту гордую нацию и принудить ее подчиниться условиям, необходимым для спокойствия мира, надо за Парижем, на Луаре“.

Осуществлялось ли пророчество когда-нибудь полнее?

Была ли когда-нибудь точнее выполнена программа?

В чем заключалась эта программа?[1]).

Сначала сражение, может быть даже несколько сражений, затем взятие Парижа и оттеснение противника за Луару. Лишь поставленная в такие условия, Франция согласится заключить мир.

И мы видим, что стратегия начинает вести войну, имея совершенно определенные об'екты, и *каждая фаза борьбы* будет иметь свою цель.

Надо иметь цель; это общее элементарное правило повседневной жизни, необходимое, чтобы достигать какого-либо ре-

---

[1]) Тот же Клаузевец писал по поводу вторжения во Францию в 1814 году:

„Целью стратегического наступления не могло служить завоевание Франции, так как страна таких размеров и с таким многочисленным населением, исполненным воинственного духа, вообще не может быть покорена. Кроме того, для такого завоевания моральные и физические силы союзных армий были совершенно недостаточны“.

„Вообще, овладеть большим государством возможно лишь, разложив его политически. Этот принцип в особенности применим к Франции. Всякая столица государства всегда является центром политических группировок, а Париж больше всякой другой“.

„Следовательно, целью стратегического наступления должно быть *полное сокрушение неприятельской армии и захват столицы*. Достигнуть одного из этих результатов недостаточно, необходимо достигнуть обоих. Допустим, что французские потери под Лейпцигом вынудили Бонапарта уйти за Париж, и тем не менее эта победа не давала основания расчитывать на взятие Парижа и на революционное движение, которое бы явилось его следствием. Скорее представляется, что человек, подобный Бонапарту, нашел бы средства возродить во Франции новую и при том значительную военную мощь. Прежде чем расчитывать на внутреннее разложение Франции, долженствовавшее открыть пропасть, которая поглотит могущество Бонапарта, надо было уничтожить точки опоры его политического существования“.

„Таким образом, целью стратегического наступления являлось сначала *уничтожение военных сил*, вновь собравшихся во Франции для образования главного ядра, а *затем захват Парижа*.

Следовательно, надо было *стремиться соединенными силами искать главные силы неприятеля*, чтобы вызвать их на новое решительное сражение“.

„Затем, разбив французскую армию, надо было соединенными силами или частью их, направиться на Париж“.

„В интересующем нас случае цель наступления в достаточной мере указывается самим об'ектом наступления: *французская армия и Париж*“.

зультата. В тактике никто не помышляет этого оспаривать, так как цель—это главный об‘ект сражения, на который устремлены важнейшие усилия и направляется решительная атака.

Почему иначе обстояло бы дело в стратегии? Как в стратегии можно обходиться без цели и плана, когда все об‘ективные данныя могут быть установлены еще в мирное время? Центр могущества противника, а следовательно и точки, против которых следует направлять удары для достижения победы, можно определить, по примеру Клаузевица, уже в мирное время. Таково заключение, к которому приводит изучение a priori.

Таковы же последствия a posteriori: имела ли место в действительности хоть одна кампания, в которой Фридрих, Наполеон или Мольтке заранее не определили бы цели?

Я буду в Берлине раньше их, сказал Наполеон в начале октября 1806 года, и на то, чтобы быть в Берлине раньше их, он ориентирует всю свою стратегию и соответственно нацеливает атаки; накануне Иены, с этой целью, он задерживает на Заале корпуса Даву и Бернадотта, что едва ли могло бы быть тактически оправдано.

Он не ограничивается подготовкой завтрашнего дня, он метит дальше, он думает о послезавтрашнем дне. Бесспорно, он хочет дать большое сражение главным неприятельским силам, и оно несомненно должно иметь победоносный исход. При этом он не пренебрегает тактикой боя, но от формы этого сражения, имеющего целью захват неприятельской комуникационной линии, он требует не только опрокинуть противника, но выдвигает большие задачи; ему необходима подготовка второй части программы: быть в Берлине раньше пруссаков, какова цель войны, чтобы найти там правительство без армии, т. е. беспомощное, аналогично тому, как он уже расправился с армиею без правительства, т. е. без рессурсов (денежных средств, людей).

В 1870 году порой не непосредственное, но всегда постоянное и определенное преследование отдаленной цели являлось развитием глубокой мысли Клаузевица. Мольтке реализовал ее, когда он своим стратегическим развертыванием в начале войны стремился отрезать французские армии от Парижа и Луары, когда он подготавливал сражение на Сааре (на 8 и 9 августа), а также в операциях под Мецом и Седаном.

Следовательно, стратегия, первой целью которой является разыскать и столкнуться с главными силами противника, имеет также более далекие цели, чем эта встреча и это сражение. Но если с самого начала надо предвидеть иные результаты и намечать другие цели, то полководец, начиная с первого сражения, чтобы свести все линии своего поведения к одной точке, должен с первого же шага установить конечную цель войны.

В абсолютной форме, в которую облачается современная война, все имеет свою причину, и действия следуют одно за другим без антрактов. Они постоянно сливаются в такой степени, что можно рассматривать только один их результат, т. е. конечный. Или война кончена, или еще ничего не сделано. Частные успехи лишь настолько имеют значение, поскольку они обеспечивают финальный результат, т. е. принуждают противника принять наши условия. „Только конец венчает творение“ (Клаузевиц). Первое сражение в равной мере подчиняется этому правилу, как и прочие частные результаты.

Установление конечной цели, этого решительного об‘екта, очевидно, вытекает из политики, которая только и может нам сказать, для чего она ведет войну и зачем, положив перо, берется за меч. Ответ на этот вопрос каждый раз, несомненно, будет различен. Существуют столицы, но существуют и другие центры национального могущества, другие органы, необходимые для жизни народов или правительств; значение их, в свою очередь, изменяется в зависимости от эпохи и страны (сопротивление Австрии не будет таковым, как сопротивление Испании). Однако, ответ на поставленный вопрос является тем не менее необходимой основой, и стратегия должна получить его от политики или истории; без него она может действовать только вслепую. Зато раз установленный, этот ответ укажет путь, по которому надлежит вести предшествующий сражению маневр, а также очертит пределы, до которых следует развивать операции при использовании победы.

Разве не вследствие ошибочного установления конечной цели потерпел крушение Наполеон в 1812 году? Он напрасно расчитывал, что взятие Москвы и покорение половины России обеспечат желательный для него мир. Вспомним к тому же отчаяние Наполеона, когда он, проиграв сражения [1]) при Ла-Ротьер, Лане, д‘Арсисе и т. д., возобновляет свои действия против неприятельских путей сообщения, и видит, что союзные армии не сворачивают за ним, а продолжают марш на Париж. Их монархи знали также, где находятся центры могущества государств, и тоже понимали, что Наполеон, как император, не сможет пережить Наполеона, побежденного в бою, генерала без армии, и что эту империю в агонии надо прикончить не преследованием призрачной армии, а низвержением правительства в Париже, так как, пока империя существовала, она при случае была способна восстановить эту армию.

Вспомним также Наполеона на другой день после Ватерлоо, когда он, созерцая свой военный погром, сказал: „какой-

[1]) В русских трудах—неверная транскрипция—Лаон.

нибудь Людовик XIV сумел бы выкарабкаться". Конечно, он этими словами не приписывал „Королю-Солнце" таких военных талантов, которыми он сам не обладал; следовательно, он видел элементы могущества другого порядка, которые бы могли спасти монарха.

И еще, на поле сражения Арсис-Сюр-Об, Наполеон беседовал с Себастиани, своим соотечественником, к которому он питал доверие. Себастиани, удивленный размахом проектов, планируемых Наполеоном, и слабостью его наличных сил, советовал ему декретировать поголовное ополчение, которое спасло Францию в 1793 году. Но император со свойственными только ему величием души и широтой взглядов, которые продолжали без горечи парить над всеми катастрофами, воскликнул: „Что вы мне говорите о поголовном ополчении в стране, где революция покончила со священниками и дворянами, а я с революцией".

Нации, действительно, имеют несколько категорий могущества; монарх со своим правительством, аристократией, духовенством или поголовное ополчение, или революционная идея, или национальное чувство, в 1809—10 году воодушевлявшее Испанию и ее хунты [1]), а в 1813 году поднявшее Германию; силу их мы не можем отрицать. В виду этого, с ними необходимо считаться, чтобы установить момент остановки государственной жизни, и таким образом определить направление и предел проектируемых военных операций. Каждый раз, когда мы имеем дело с определением этого предела, этого направления, нам приходится сталкиваться с условиями частного случая. И оценка их, как и все оценки на войне, не представляет ничего абсолютного. Она может явиться лишь как под'итоживание учета основных условий момента и совокупности существующих отношений.

Тем не менее, если мы, например, обратим внимание на нашего соседа на западе, то увидим, что он представляет империю, федерацию государств, из которых часть расположена к северу, а часть к югу от р. Майна, т. е. Северную и Южную Германию, имеющие различные интересы и различные темпераменты, но у которых одна голова, находящаяся на севере, в Пруссии, а именно в Берлине. Туда и надо будет проследовать, чтобы нанести последний удар, но уже на Майне, под Майнцем, эта держава была бы разделена на две части. Следовательно, рациональные планы должны заключаться в движении на Берлин через Майнц, не потому, что там удобно переправиться через Рейн, и не потому, что левый берег там командует над правым, или наоборот, а потому, что Майнц представляет пункт, в котором интересы

---

[1]) Испанские союзы и комитеты (*Прим. переводч.*).

севера связываются с интересами юга, а следовательно и могут быть раз'единены [1]).

В виду этого наша стратегия, в поисках решительного сражения, встречи с главными силами противника, не будет действовать безразлично правым или левым крылом, а будет стремиться отбросить неприятельские армии от направления на Майнц, а затем будет преследовать цель—отрезать им дорогу на Берлин.

Что же касается мира, то он будет заключен, когда наша стратегия будет иметь перед собой правительство, неспособное спорить, т.-е. правительство без армии, которая или уничтожена, или отрезана от него [2]).

Здесь обрисовывается масштаб, в котором необходимо развить подготовку к войне, в соответствии с обширностью программы: потребное количество действующих войск, укомплектований, частей для занятия территории, обеспечения сообщений, осады крепостей, охраны железных дорог и т. д., не говоря уже о соответствующих вспомогательных службах—администрации и т. д.

Таковы усилия и средства, которых требует современная война.

Во всяком случае, из сказанного нами отнюдь не следует делать заключение, что стратегия вновь поставлена в зависимость от географии и местности, что она обращается к поискам позиций или ключей страны; она лишь должна в национальной войне иметь на учете национальные интересы и органы.

Когда Мольтке избирает целью Париж, он очевидно метит в сердце Франции, Франции централизированной в огромных размерах в одной точке—в столице. То же происходит, когда Мольтке предлагает закончить счеты севернее Луары: он прекрасно понимает, что борьба там разрешится. Он знает, что история судьбы южной Франции, как в отношении внешней, так и внутренней политики, всегда определялась участью северной Франции. Высшее командование еще раз проникается иными идеями, а не только борьбой с главными силами противника. Для него вся стратегия и вся военная наука не заключается целиком в формуле: н а п р а в л я т ь г л а в н ы е с и л ы п р я м о н а г л а в н у ю н е п р и я т е л ь с к у ю а р м и ю; наше замечание, впрочем, отнюдь не подрывает значения этой

---

[1]) В связи с развитием сепаратистского движения в Баварии, это исконное операционное направление через Майнц в Тюрингию приобретает ныне особенное значение (*прим. редакц.*).

[2]) Фош заблаговременно указывает контуры условий перемирия с Германией, заключенного в ноябре 1918 г., и Версальского мира. (*Примечание редакции*).

неизбежной, но недостаточной операции, а лишь просто его дополняет. Исходя из этой формулы, Мольтке правда, первой целью обозначил главные силы неприятеля, но одновременно он метил дальше на Париж, Луару, что и обусловило метод подхода к первой цели.

В данном случае его стратегия основывалась на наступлении на Париж и к Луаре, чтобы настичь там безоружное и бессильное спорить правительство. Но предварительно надо было пройти через Мец, через север Франции, одним словом, через все пункты, где можно было разбить французские силы. Надо было выполнить эти предварительные условия, или первый шаг еще не был бы сделан. Это и определило порядок вторжения.

Обосновать правильность этой теории может история.

Германское командование, посредством маневров, которые оно вдохновило, и неожиданного, но во всяком случае частично подготовленного улова под Мецом и Седаном, к 1 ноября сумело радикально очистить театр военных действий от всех организованных сил Франции.

После Меца и Седана во Франции не осталось ни одной армии, достойной именоваться таковой, и несмотря на это, чтобы добиться мира, пришлось вести жестокую борьбу еще в течение четырех месяцев.

Следовательно, в организованных армиях (Мецской и Седанской) не заключается еще все могущество страны, это первый вывод.

Но можно ли предвидеть, во что бы вылилась борьба, если бы германское командование под Мецом и Седаном одержало лишь тактический успех, если бы немцы разбили наши армии, но не отрезали бы их от родины? Очевидно, французская армия возродилась бы в Париже и на Луаре посредством новых призывов, влитых в уцелевшие от Меца и Седана кадры. Насколько затянулась бы тогда эта борьба, которая и без этих кадров все же продолжалась еще четыре месяца? Какой характер могла бы принять война при наличии правительства, которое бы понимало сущность национальной войны и целиком бы поспешило из Парижа к армиям, выставленным провинциями, т.-е. Францией? Что бы произошло, если бы правительство, отделяя судьбу Парижа от судьбы страны, поняло, что сопротивление возможно там, где имеется сообщение с морем, которое доставляет оружие и хлеб, где есть территория, поставляющая человеческий материал и всевозможные средства, а также дающая пространство, чтобы драться и маневрировать вопреки противника?

При наличии такого правительства, нашим противникам не оставалось бы ничего другого, как переправиться через Луару и, имея истощенную уже армию, предпринять систематическое завоевание территории на протяжении 600 кило-

метров, до нашей южной границы, и просить непрерывного благоволения фортуны вплоть до Пиринеев; а это, может быть, было больше, чем фортуна хотела дать, это, может быть, означало стать для нее надоедливым.

При наличии правительства, отказывающегося вступить в переговоры, в благополучно протекающей войне можно достичь цели и запротоколить гибель враждебного государства, лишь достигнув его крайних противоположных границ, что исключит возможность существования какого-либо враждебного правительства.

Но туда надо дойти. В 1812 году захвата Москвы оказалось недостаточно.

И к тому же надо, чтобы занятая территория была действительно покорена и находилась в подчинении. Взятие Мадрида и захват Испании не сильно обеспечили владение страной.

В истории имя Гамбетты будет славно тем, что он понял, что центр мощи страны заключается не в его столице, но в самой нации со всеми ее многоразличными источниками средств. Столица содержит всего два миллиона жителей, которые вскоре окажутся блокированными, страна же содержит тридцать пять миллионов людей, располагающих еще свободой маневрирования и наступления. Заслуга Гамбетты и состоит в том, что, базируясь на нации, он организовал национальную войну [1]) и борьбу до последних пределов.

К несчастью, даже выдающимся умам трудно вырваться совершенно из-под власти идей своего времени; таким образом, и Гамбетта не сумел применить свою теорию целиком.

Организовав национальные армии, Гамбетта не сумел вести национальную войну, не сумел освободиться от господствовавшего мнения, связывавшего судьбу нации с судьбой столицы. Первой целью для своих чудом созданных армий он ставит освобождение Парижа и, таким образом, истощает их силы в атаках на многочисленные, обученные и победоносные войска, в непосильном для них наступлении; в поисках немедленного и полного решения, дать которые они

---

[1]) Ошибка Гамбетты заключалась в том, что правительство действовало, как правительство национальной обороны, а не *республиканской* обороны, что он пытался организовать национальную войну, а не *революционную* войну. Слишком поздно Гамбетта понял, что исключал революционные и классовые мотивы, и стремясь опереться исключительно на патриотизм в чистом виде, он противополагал германской организованности „подмоченный порох“. В этом отличие работы Гамбетты в 1870 г. от Робеспьера в 1793 г. и Троцкого в 1918—1919 г.г., и причина его конечного поражения. (*Прим. редакции*).

не могут, он направляет их по совершенно неблагоприятной для молодых и неопытных войск, местности—Босии[1]).

Программа, разумно отвечающая требованиям национальной борьбы, имела бы совершенно иной характер. В первую очередь она преследовала бы защиту шаг за шагом территории, которая дает средства, а затем стремилась бы к освобождению всей страны. Проведение этой программы приводило сначала к обороне, единственному лишь виду войны, возможному для молодых формирований[2]), так как он использует пространство, время и местность, и позволяет уклоняться от решительного боя с противником, которому, чтобы сломить сопротивление и покорить страну, необходима полная победа. В конечном результате, когда молодые войска втянулись бы в войну и прониклись доверием к самим себе, программа включила бы и наступление против противника, вынужденного разбросаться, растянуться, истощившегося в бесплодных усилиях, нуждающегося во всем вследствие длины его коммуникационных линий. Такова тактика, которой надо было держаться[3]).

Для такой задачи у великого патриота и могущественного организатора не имелось достаточно специальных знаний[4]). Устройство и творчество в военном деле, а впрочем и в других областях, продуктивны лишь в том случае, если они созидаются на прочном фундаменте: в данном случае таковым должно было бы являться полное понимание природы войны и войск. Противоположным примером является Карно, который, именно благодаря такому пониманию, смог обосновывать победу на принципе поголовного ополчения.

---

[1]) Старое французское наименование района на р. Луаре, к северо-востоку от Орлеана. (*Примечание переводчика*).

[2]) Сомнительно. Революционные войска—всегда молодые. Несомненно, нужна революционная энергия, чтобы вести их вперед. Фош здесь становится на узко профессиональную точку зрения. Генералы и в 1793 году, и в 1870 г. равно требовали времени, чтобы оттянуть наступление. Вопрос очень сложный, на котором мы остановимся в другом труде. (*Прим. редакции*).

[3]) Нам представляется, что рекомендуемый Фошом образ действий не тактика, а стратегия, и что едва ли те общие линии ведения войны Гамбеттой, которые диктовала ему политика, отвечали идеям Фоша. Для отступления до Пиренеев и для принесения в жертву Парижа французский диктатор нуждался в крупных предпосылках. (*Примечание редакции*).

[4]) Мы бы сказали: как государственный человек, как политик, Гамбетта лишь к концу своей диктатуры сумел отбросить веру в революционную и патриотическую фразу, оковы демократического сентиментализма. Не отсутствие профессионально-военных знаний, а молодость его, как политика, сделали французского трибуна несостоятельным для успешного проведения войны. Военно-историческая комиссия французского генерального штаба, в своей левой, республиканской фракции разделяет нашу точку зрения, а не Фоша. Укажем на труд V. Dupuis La Direstion de la Guerre. Paris, 1912.

ГЛАВА II.

Разработка плана войны.

Выше было изложено, как Клаузевиц и Мольтке, исходя из нашего политического положения и исторического прошлого, наметили направление германского наступления: разбить наши важнейшие армии, переброситься к Парижу и Луаре и таким образом достичь цели войны. Мимолетно мы указали и на подготовку, которую надо осуществить еще в мирное время, чтобы обеспечить этому наступлению достаточную силу проникновения. Было кратко отмечено, каким образом германский план мог бы быть парирован организацией Гамбеттой нации, надлежаще использованной в военном отношении.

Так обоснованный, германский план в мирное время состоял в том, чтобы подготовить и направить инструмент, способный его реализовать: организовать армию, предвидеть ее потребности и затем двинуть ее в бой. Следовательно, вопросы организации, мобилизации, транспорта, сосредоточения и довольствия войск являются первыми, которые надо разрешить. В мирное время эти вопросы составляют задачу генерального штаба, которую Мольтке резюмирует следующим образом: „она состоит в тщательном изучении в малейших подробностях сосредоточения больших войсковых масс и их перевозок на случай любой войны, и в том, чтобы заранее иметь наготове необходимые для выполнения планы“.

Он добавляет: „с момента начального движения армии, военные соображения соприкасаются с самыми разнообразными политическими и географическими соображениями. Но все предстоящие распоряжения могут быть заранее обсуждены, и если войска готовы выступить в поход, а служба транспорта находится в организованном состоянии, то они должны привести к искомому результату“. Таким путем эти распоряжения включаются в план войны и занимают в нем существенное место. Вследствие развития железных дорог, распорядок сосредоточения, имеющий в виду войну масс, существенно изменился с начала столетия.

Действительно, железные дороги дают возможность быстро сосредоточить на границе миллионы людей и немедленно использовать все средства, которые дает мобилизация. Вследствие этого, нормально, первые столкновения получают решающее значение для всей кампании. Они принимают гигантские размеры, особенно характерные для нашей эпохи, в то время как остальные операции в большей степени напоминают 1805, 1800 и даже 1796 года. Первые операции

выиграли в значении, быстроте и стремительности и поэтому они обусловили особенную тщательность мобилизации, еще в мирное время во всех подробностях установленное сосредоточение и необходимость и важность прикрытия его, которое должно функционировать с момента начала политического кризиса. Отсюда вытекает подготовка целой серии действий, относительно которых войны Наполеона могут ориентировать нас в принципиальных вопросах, но подробности исполнения коих осветить не могут.

Более того, миллионы людей, сосредоточенные вблизи противника и готовые без промедления на него напасть, не могут прибегать к старой формуле: „расходиться, чтобы жить, сосредоточиваться, чтобы драться"; при их численности эта формула не гарантирует им ни того, ни другого результата. Надо двигаться и жить в сплоченном порядке, а для этого необходимо получать довольствие с тыла. Опять становится необходимой система продовольственных продуктов на колесном обозе, замененная во время революции системой реквизиций; она возрождается из самого развития национальных армий. Функционирование снабжения войск продовольствием должно быть обеспечено еще в мирное время созданием особых органов и предусмотрено планом войны.

Но операции также должны считаться с требованиями снабжения и их следствиями. Если железные дороги, по крайней мере в начале войны, необходимы для довольствия армии, то последняя не может слишком удаляться от них. Точно так же в случае неуспеха армия должна отойти во внутренние области, способные ее прокормить, т.-е. в производительные районы. Таким образом, территория становится базой для операции действующих сил, а железные дороги—их непременными коммуникационными линиями. При таких условиях значение столицы, места пребывания правительства, которое может легко быть отрезано от армий, превышается значением крупных центров страны, морских портов и богатых провинций, где армии еще могут найти средства для жизни, а также и возможность поддержать свое правительство при условии, что оно последует за ними. Таким путем, развитие национальной войны умалило роль столицы, как объекта операций, и выдвинуло новое значение национальных объектов[1]).

---

[1]) Эти рассуждения Фоша, конечно, имели в виду французское правительство в Париже и обусловили выезд французского правительства из Парижа в 1914 году, за несколько дней до Марны. В основе этого решения лежит мужественное решение продолжать войну и в случае потери столицы. Вопрос только в том, достаточно ли Фош учитывал политическое значение Парижа. Но ставши на путь этих рассуждений, Фош затронул очень существенный вопрос о важных для продолжения войны экономических центрах, которые приобретают особенное значение при затяжной войне, имеющей характер борьбы, направленной против всего народа и условий его существования. Эти строки Фоша получают особенно важное значение для настоящего времени (прим. редакц.).

Подробно изучив и заблаговременно до известной степени обсудив и подготовив распорядок мобилизации, прикрытия, перевозок, сосредоточения и довольствия, многие бы охотно попытались включить в план войны и программу операций, которые бы вели к цели войны. Однако, по этому поводу нельзя строить иллюзий. Сам Мольтке сказал:

„Когда речь идет о задачах стратегии и применения имеющихся средств, т.-е. об операциях, то наши собственные распоряжения вскоре встречаются со свободно принятыми решениями противника. Правда, если своевременно мы готовы и исполнены достаточной решимости, чтобы захватить инициативу, то это может оказать влияние и заставить противника изменить свои намерения, но только бой является единственным средством, чтобы заставить неприятеля отказаться от них“.

„Кроме того, материальные и моральные следствия всякого серьезного боя оказывают столь серьезное влияние, что обычно приводят к полному изменению обстановки и, следовательно, создают новое основание для дальнейших комбинаций.

„Совершенно невозможно установить, хотя бы с некоторой уверенностью, план операций, выходящий за пределы первого столкновения с главными силами противника. Только человек, совершенно чуждый понятиям военного искусства, может видеть в развитии какой-либо кампании приведение в исполнение плана, заранее установленного во всех подробностях, и которого точно придерживаются до самого конца. Полководец, несомненно, всегда имеет перед глазами основную цель, которую он преследует, и не теряет ее из виду, несмотря на необходимость принимать различные частные решения, однако он никогда не может заранее достоверно определить пути, по которым он рассчитывает до нее добраться“.

Подводя итог предыдущему, мы видим следующее:

1. Возможность достаточно надежно подготовить все до первого большого сражения, т.-е. до первого столкновения с главными силами противника, так как до этого момента обе стороны свободны в своих решениях и в обоюдном положении еще не наступило коренных изменений; каждая из сторон еще свободна в своих действиях, и нет ни побежденных, ни победителей.

2. Эта подготовка имеет существенное значение:

в виду самодовлеющего значения результата генерального сражения;

в виду последствий этого решительного сражения, являющихся **предпосылкой**, на фоне которой будет развиваться осуществление плана войны. Это развитие окажется возможным, если сражение было завязано соответственно, и невозможно в противоположном случае.

Однако, не будем думать, что удачное сражение устраняет все затруднения и дает время исправить ошибочно составленный план. По этому поводу Мольтке говорит:

„Едва ли в течение всей кампании удастся исправить ошибки, которые были допущены при первоначальном сосредоточении".

Мы уже говорили, что если бы Мец и Седан являлись лишь тактическими победами, в результате коих французы были бы отброшены к Парижу и на Луару, то еще почти ничего не было бы достигнуто.

3. Невозможность сколько-нибудь достоверно установить план операции за пределами первого генерального сражения. После него обстановка для обеих сторон подвергается изменению: нужно вновь выяснить ее в соответствии с результатами сражения.

Только победившая сторона может рассчитывать продолжать осуществлять свои намерения, несмотря на помеху со стороны неприятеля. Ее комбинации стоят на твердом основании, которого не хватает противнику.

В виду этого многое зависит от того, кому удастся первому занять столь выгодное положение; отсюда простое понимание военного дела толкает обе стороны искать генерального сражения, решительной победы [1]).

Во всяком случае к этому стремится та сторона, которая обладает большей решимостью и большей уверенностью в своих силах.

Таким образом, первой **целью армии является важнейшая неприятельская армия**; результатом встречи будет или победа, или поражение, дающие **новое основание для дальнейших комбинаций**.

Однако, этот результат не дает еще всего, так как хотя в сражении победитель подчиняет себе волю побежденного, но окончательно ее не **устраняет**.

„Такие успехи, как Седан, когда одним ударом сметаются с театра военных действий целые армии, являются совершенно исключительными. Обычно воля побежденного продолжает в известной степени давить на общий подсчет. Несмотря на

---

[1]) Вот абзац, под которым не подписался бы Клаузевиц. От „простого понимания" до „верного понимания" еще далеко. Что выгодно одной стороне, то почти никогда не бывает выгодно другой (прим. редакц.).

поражение под Вертом и дурное состояние армии Мак-Магона, тем не менее последняя, усилившись в Шалоне, заставила главные силы неприятеля приостановить наступление на Париж и направиться к северной границе".

„Следовательно, сама победа не дает безусловной обеспеченности планам командования, и последнее должно постоянно считаться с условиями момента и новыми противодействующими влияниями. Последние приведут к новым боям, которые в свою очередь будут менять обстановку, как меняется вид в калейдоскопе при каждом новом толчке. Таким образом, полководец ежедневно, а иногда и через несколько часов, вынужден координировать свои комбинации с вновь создающейся обстановкой" (фон-дер-Гольц).

Стратегия должна медленным и верным шагом продвигаться вперед от результата к результату, никогда не уклоняясь от намеченного направления, от цели всех усилий, установленной на основании предварительного исследования общей военной и политической обстановки; для этого необходимо координировать операции с требованиями новых данных, выявляющимися на каждом шагу, все время не теряя из виду конечной цели, сколько бы труден и извилист не был ведущий к ней путь. Этого нельзя заранее предусмотреть, в особенности в подробностях исполнения.

Таким образом, план войны перестает быть планом операций, что вполне оправдывает афоризм императора (Наполеона), что у него никогда не было плана операций; это, конечно, отнюдь не означает, что он не знал, куда и зачем он идет.

У него был план войны, он видел конечную цель. Он шел вперед и, по мере выяснения обстоятельств и в соответствии с ними, устанавливал средства, чтобы приблизиться и достичь цели.

1. Заблаговременно обсужденный и подготовленный во всех подробностях исполнения распорядок, который, без существенных изменений, приводит к первому большому сражению.

2. В дальнейшем развитие руководящей мысли, которая должна привести к достижению конечной цели, опрокинуть или подчинить себе враждебное правительство и занять территорию. Путь проходит через операции, руководство коими находится в зависимости от требований обстановки, и главное назначение которых заключается в нанесении поражения неприятельским силам.

Такова программа войны, заключающейся в плане.

Таков был план Мольтке, разработанный зимой 1868—1869 года и осуществленный в 1870 году.

ГЛАВА III.

Мероприятия, разрабатываемые в мирное время.

Сосредоточение. Сбор сил в пространстве.

Предположения Мольтке содержатся в мемуаре, который он представил на одобрение короля зимой 1868—1869 года, а также в некоторых инструкциях, данных большому генеральному штабу в Берлине весной 1870 года.

Первые предположения намечают операцию, неправильно называемую нами сосредоточением, и не лучше немцами — термином стратегическое развертывание; на языке Наполеона эта операция называлась сбором армий [1]). Ее необходимо рассматривать с точек зрения группировки в пространстве и группировки во времени.

Необходимо иметь в виду пространство, так как, подготовляя первые столкновения, сбор армии не должен готовить их неизвестно как и неизвестно где, так как эти большие сражения являются большой посылкой, откуда естественно вытекает план войны. „Едва ли в течение всей кампании возможно исправить ошибку, допущенную в момент первоначального стратегического развертывания“ (Мольтке). Необходимо иметь в виду время, так как инициатива, которую оно позволяет захватить более расторопному из двух противников, имеет следствием смятение в операциях другого; время быстро приближает нас к преследуемому результату. Фон-дер-Гольц по этому поводу говорит следующее: „Если бы французское стратегическое развертывание на три дня опередило немецкое, то это дало бы ныне возможность французам без единого выстрела обложить Мец и Тионвиль, беспрепятственно продвинуться до Саары, перерезать сообщения Страсбурга, и заставить германские силы развертываться в том же районе, как и в 1870 году“.

---

[1]) Чрезвычайно харктерными являются слова, которыми называется операция по занятию армиями исходного положения на границе. Наполеоновский „сбор армии“ (rèunion), недалеко от него ушедшее современное французское „сосредоточение армий“ (concentration) и имеющее совершенно другой привкус Мольтковское „стратегическое развертывание“ (strategischer Aufmarsch). Вся разница между Наполеоновским и Мольтковским пониманием военного искусства отражается в наименовании одной и той операции столь различными терминами, как сосредоточие, сбор, концентрация с одной стороны, и развертывание—с другой. Это различие понимания стратегии освещено в ч. III. Ист. В. Искусства А. Свечина. Фош занимает определенно Наполеоновскую точку зрения; мы не поймем, как французы в 1914 г. могли так ошибочно развернуть свои армии, если не вдумаемся в теорию Фоша, лежавшей в основе французского плана. (*Прим. редакц.*).

Возвратимся к мемуару: он прежде всего оценивает силы, которые могут вступить в дело.

Северная Германия насчитывает тринадцать армейских корпусов, из которых можно будет располагать десятью, а три будут оставлены для охраны побережья и для наблюдения за соседними государствами (географические и политические соображения, которые к началу военных действий связываются с военными соображениями): итого 300.000 бойцов.

Французы будут иметь не больше 250.000. К тому же германское превосходство еще возрастает при следующих условиях:

1. Если присоединится Южная Германия.

2. Если явится возможность использовать три армейских корпуса, первоначально задержанных на месте.

3. Если из 250.000 человек, французы еще выделят экспедиционный корпус, назначенный для изолированных операций.

Как видно, в противность французам и изобретателям теорий, которые стремятся достигнуть успеха искусной, как они думают, диверсией, несмотря на то, что она их ослабляет, в данном случае вся игра строится, по примеру Наполеона, на войсковой массе, увеличенной, нарощенной елико возможно и устремленной в одном и том же направлении. Вес численного превосходства является верным средством достижения преследуемого результата, т. е. сокрушения противника, тогда как дессант, даже действительно произведенный на германском побережьи, нисколько не подготовляет сокрушения германских армий, но облегчает поражение французских.

Так как у немцев численное превосходство обеспечено с самого начала и в дальнейшем может только возрасти, то мемуар указывает способ его использования — наступление.

„Нельзя отрицать, насколько важно воспользоваться численным превосходством, которое с самого начала обеспечено силами одной Северной Германии“.

Наступать, чтобы не дать времени противнику возместить свой недостаток сил.

Следовательно, стратегическое развертывание будет приурочено к наступлению. Но в течение подготовки наступления в том или ином направлении, можно самим явиться объектом внезапной атаки в том или другом направлении. Как отразить ее?

1. „Что касается первых (французских экспедиций на побережьи), то для их отражения будет оставлено достаточно сил внутри страны“.

2. Французы могут атаковать Южную Германию.

„Что касается операции против Южной Германии, то по этому поводу в Берлине уже состоялись совещания с пред-

ставителями войск, выставляемых южными государствами. Было признано, что если допустить непосредственную оборону верхнего Рейна и Шварцвальда, то уже одно удаление помешало бы Северной Германии в важнейший момент оказать немедленное и существенное содействие. Наоборот, гораздо большая обеспеченность для Южной Германии будет вытекать из сосредоточения всех ее сил на Среднем Рейне, откуда они могли бы действовать наступательно либо по правому, либо по левому берегу, во фланг вторгающейся армии, что неизбежно заставит последнюю остановиться, или начать отход".

„Справедливость требует отметить, что присоединившись к этой точке зрения, германские государи доказали свою преданность общему делу и свое доверие к верховному командованию . . . так как они не усомнились обнажить от действующих войск, коими они располагали, пределы собственной территории, и немедленно присоединить их к Северной Германии . . .". Опыт 1866 года, который Мольтке искусно использовал, убедил их в необходимости объединиться под единым командованием.

Назовем это уроком стратегии, или уроком патриотизма. Что касается начальника генерального штаба, то он основывает защиту угрожаемой территории на силе массы, собранной и готовой к возможно скорейшему наступлению. В частности, это прикрытие он основывает на группировке, следствием которой является фланговая атака.

Вот правильное использование памятного поучения Бонапарта: „Чтобы защищать Геную, Болье должен был бы прибегнуть к косвенному прикрытию, собрав все свои силы между Акви и Каиро, на левом фланге ожидаемого французского марша по береговой дороге на Геную".

„После Монтеноте, пьемонтцы, вместо того, чтобы занимать Милезимо, должны были уклониться к Дего и примкнуть к австрийцам. Таким образом, они бы косвенно прикрыли Турин, так как оказались бы на фланге дороги, ведущей к этому городу, а своим присоединением к австрийцам уменьшили бы шансы французов на победу".

Кроме того, избранный район сосредоточения также представлял то преимущество, что прикрывал наилучшим образом Северную Германию, т. е. комуникационную линию.

* * *

Здесь выясняется значение, которое в современной войне имеет идея обороны, прикрытия. Она выливается в сосредоточении всех наличных средств в наиболее благоприятном для наступления направлении, откуда они непосредственным или косвенным образом прикрывают важней-

шие пункты государства, так как противник не может им угрожать до тех пор, пока не столкнется с главными силами, а это столкновение решит все.

В виду этого, вопрос о защите самой территории должен решаться под тем же углом зрения, как относительно Южной Германии в 1870 году, Генуи и Турина в 1796 году. Немедленное и непосредственное прикрытие, часто бесплодное, становится бесполезным. История гласит нам об этом со времени сражения при Вальми: герцог Брауншвейгский владел дорогой на Париж, но оказался бессилен предпринять что-либо против столицы, хотя путь к ней был свободен; а затем, когда его попытка 20-го сентября потерпела неудачу, он был вынужден поспешно отступить, чтобы избегнуть уничтожения. Нет победы—ничего не достигнуто. Пусть же второстепенные интересы расточатся и не будут затуманивать нам главную цель, которую мы всегда должны ясно видеть перед собой, а равно единственное средство достигнуть ее—н а с к о л ь к о в о з м о ж н о с и л ь н у ю м а с с у. „В Европе существует много хороших генералов, но их глаза сразу разбегаются на слишком многое, я же вижу только одно — неприятельские массы. Я стремлюсь их сокрушить и вполне уверен в том, что после этого все остальное дастся само собой“ (Наполеон).

Пример Мольтке поучает нас, что не следует заниматься близоруким дроблением обороны государства на защиту Парижа, побережья Котантена [1]), Прованса и других границ, находящихся в опасности. Обеспечение всех этих пунктов явится результатом сосредоточения всех сил в одном центральном районе, откуда они смогут действовать наступательно против вторгающейся неприятельской армии [2]).

3. Французы могут, наконец, нарушить нейтралитет Бельгии, Люксембурга, Швейцарии.

---

[1]) Часть Нижней Нормандии, побережье Ла-Манша (*Прим. переводч.*).

[2]) Борьба с местными интересами за центральную идею войны — это боевой конь стратегии. Как известно, план Шлиффена был испорчен его преемником, Мольтке младшим, который принимал к сердцу интересы Лотарингии и Восточной Пруссии, и ослабил в их пользу ударное правое крыло немцев. Силезия защищалась немцами не непосредственно, а сосредоточением сил против правого русского крыла (Лодзинская операция). Однако, сосредоточение на центральных позициях, которое отстаивает Фош, далеко не является панацеей: противнику открываются широкие перспективы для охвата занимающего фланговую позицию неприятеля, и поворот больших масс с центральной позиции крайне хлопотлив. Попытка французов отнестись в 1914 году к возможности движения немцев через Бельгию так же, как Мольтке относился к возможности форсирования верхнего Рейна французами в 1870 году, едва не привела к катастрофе. Фош упустил из виду, что метод прикрытия угрожаемых направлений занятием фланговых позиций хорош только при перевесе сил, иначе создается Дрисская мышеловка 1812 года. В том случае, если война складывается затяжная, на измор, местные интересы должны расцениваться под совершенно другим углом. Ни немцы, ни французы в августе 1914 года не оценили огромное значение, которое владение Котантеном (берегом Ламанша) будет иметь на результат войны (*Прим. редак.*).

„Если французы вступят в Бельгию, то их армия значительно уменьшится вследствие необходимости выделения отрядов для занятия Брюсселя и наблюдения Антверпена“.

„С берегов Мозеля еще легче противодействовать дальнейшему движению французов за Маас, чем от Кельна, так как мы заставляем противника обратиться фронтом на юг и принять решительное сражение в тот момент, когда все его сообщения находятся под угрозой“.

Следовательно, образ действий по отношению к противнику будет заключаться в сражении, в котором примут участие все силы,—положительный и решающий аргумент. Сверх того, это сражение явится атакой во фланг, угрожающей путям сообщения неприятеля, что будет обстоятельством, еще сильнее подчеркивающим его решительный характер. Что касается возможности разойтись с неприятельской армией, то нет оснований опасаться ее, „так как расстояние от Брюсселя до Кельна больше, чем расстояние от Кельна до Майнца, Кайзерлаутерна и Трира, и в таком случае мы успеем своевременно оказаться на нашем Нижнем Рейне“. Это рассуждение—бесспорная истина.

Также обстоит дело относительно нарушения нейтралитета Швейцарии:

„Оно вызвало бы большие затруднения для Франции, так как она встретила бы там серьезную и хорошо организованную милицию“. Французская армия не могла бы продолжать движение вперед, вследствие угрозы с фланга. Следовательно, если мысль французов будет итти по верному пути, то они не предпримут высадки дессанта на наших побережьях.

Они не нарушат нейтралитет Швейцарии или Бельгии.

Но если они, исходя из ошибочного расчета, примут одну из этих комбинаций, то лучшим ответом на их наступление все же явится сосредоточение в одном районе, исключающее выделение каких-либо отрядов.

Одним словом, не надо ни швейцарского, ни бельгийского, ни южно-германского, ни прибрежного, либо иного варианта.

На все эти гипотезы будет отвечено наступлением *всеми соединенными силами, исходящими из одного и того же сосредоточения и из одного района*, заранее установленного. Район сосредоточения не безразличен, *он должен являться центральным и снабженным оборудованием*, которое позволяет возможно быстро собрать войска и перейти в наступление, что является единственным средством для пресечения французской опасности в Швейцарии, Бельгии, Южной Германии или на побережьи.

Так как, будучи законченным, это сосредоточение должно предусматривать возможность перехода в наступление в различных опасных направлениях, то оно должно иметь не только фронт, но также глубину и последовательные линии; как мы увидим в дальнейшем, оно должно быть расчлененным.

От этого прошлого обратимся с вопросом к будущему; применимы-ли принципы Мольтке к сосредоточению завтрашнего дня?

Увидим ли мы две одновременно подготовляемые операции, одну в Эльзас-Лотарингии, а другую на Нижнем Рейне? Это было бы два наступления вместо одного, к тому особых, вследствие разделяющего их пространства. Об этом нельзя и мечтать. Но, могут сказать, эта операция, оставаясь единой, чтобы избежать преграды, образуемой нашими крепостями, может достичь известных выгод, развиваясь преимущественно не в Эльзас-Лотарингии, а на Нижнем Рейне и в Бельгии, а, следовательно и будет иметь место в действительности. Предусматривать это едва ли стоит; так как сосредоточение прежде всего будет преследовать цель соединения всех сил в возможно кратчайшее время, что требует самого широкого использования железнодорожных линий, высадочных платформ и т. д. Следовательно, сосредоточение безусловно, будет происходить исключительно в наиболее оборудованном районе. В этом отношении район Нижнего Рейна нельзя сравнивать с Эльзас-Лотарингией. Будущее сосредоточение расписывается на местности количеством и густотой высадочных платформ. Они находятся в Эльзас-Лотарингии [1]).

В дальнейшем мы увидим, что в пользу Эльзас-Лотарингии, как района сосредоточения, гласят и другие обстоятельства.

Во всяком случае, если теперь немцы, ошибаясь в понимании своих интересов или руководствуясь какими-либо ускользающими от нашего внимания соображениями [2]), нарушат ней-

---

[1]) Предусматривать наступление через Бельгию едва ли стоит (ce n'est pas à prévoir). Удивительное дело—пророчество Фоша было высказано как раз в момент, когда прусский большой генеральный штаб переходил от программы малого нарушения нейтралитета Бельгии, к большому плану Шлиффена. Удивительно ослепление французской стратегии и мысли Фоша Наполеоновскими реминисценциями. Проводимая Фошем ссылка на сосредоточение высадочных платформ исключительно в Эльзас-Лотарингии была уже неверна, в момент, когда писался этот труд; никакое дальнейшее напряжение строительства всякого оборудования против бельгийской границы не могло заставить французов стать на почву реальности. *(Примеч. редак.)*.

[2]) Напомним их: вступление в решительное сражение, в ныне наиболее выгодных условиях. Французы, положительно, в стратегической кунсткамере, не приметили Шлиффеновского слона. — Отметим большой плюс Фоша — взвешивая соображения за и против нарушения нейтралитета Бельгии, он не упоминает соображений правового порядка, которые в глазах французского, как и немецкого генерала, положительно значения не имели;—в курсе стратегии они слишком отзывались бы лицемерием и могут рассматриваться лишь как материал для агитации и пропаганды. *(Прим. редак.)*.

тралитет Бельгии или Швейцарии, то для нас в этом можно усмотреть только выгодную сторону.

1. Независимо от преград, которые немцам пришлось бы преодолеть по пути в связи с противодействием этих малых государств, им пришлось бы еще ослабить свои силы, оставив отряды перед Антверпеном или в Брюсселе.

2. Они предоставили бы нам случай атаковать их во фланг всеми нашими соединенными силами, конечно, при условии, что мы в свою очередь последовательно придерживались следующих принципов:

а) Сбор всех наших сил в одну массу без выделения отрядов.

б) В одном районе, наилучшим образом оборудованном железными дорогами и высадочными платформами—единственное средство для быстрейшего окончания сосредоточения.

в) При условии придания сосредоточению такой формы, которая бы, по своей глубине [1]) давала возможность, в случае необходимости, обратиться фронтом на северо-восток или юг.

Перед этим господствующим правилом должны исчезнуть все вопросы об угрожаемых границах, как бы по внешности они не казались интересными. Во-первых, защита границ, как это показал опыт Южной Германии в 1870 году, не может быть достигнута немедленно, и не может быть поставлена достаточно солидно; в противность этому „свобода маневра всех наших сил, сохраненная до того момента, когда перед ними откроется возможность действовать [2]), поставит все под вопрос и при успехе все обеспечит".

Вернемся к району единого сосредоточения, который способен ответить всем возможностям, должен занимать центральное положение и быть широко оборудован железными дорогами, чтобы давать возможность во-время воздействовать по любому направлению.

---

[1]) Глубина германского сосредоточения в 1870 году для Мольтке являлась вынужденной, так как немцы не владели обоими берегами верхнего Рейна и поневоле должны были скучиться впереди имеющихся переправ; Мольтке смотрел на него, как на переходную форму, и надеялся более широко и менее глубоко развернуть армии на Сааре. Фош же является, как и вся французская школа, апологетом „гнусной крайности сосредоточения". В августе 1914 года глубина французского сосредоточения не спасла от сумятицы при перестроении войск против вторгнувшихся через Бельгию немецких армий. Излагаемые Фошем принципы стратегического развертывания явно ответственны за проигрыш французами большого пограничного сражения. *(Прим. редак.)*.

[2]) Эта возможность в 1914 году открылась перед французскими армиями на Марне; свобода маневра, которую приобрели французы, обязана своим происхождением отнюдь не скученному начальному развертыванию французских армий и принесению в жертву всех интересов северной Франции, а широкому отступательному движению от бельгийской границы, обеспечившему время и пространство, необходимое для маневра. *(Прим. редак.)*.

Первой целью окончившей сосредоточение армии является ядро неприятельских сил. Отсюда сосредоточение, в мере возможности, должно быть обращено лицом к району предполагаемого развертывания неприятеля. Это тот район, в котором железнодорожная сеть позволяет в кратчайший срок собрать ядро армии; что ясно подчеркивает мемуар:

„Если французы захотят максимально использовать свои железные дороги для ускорения сосредоточения всей совокупности их сил, то им неизбежно придется высаживать свои войска в Меце и Страсбурге в виде двух масс, разделенных Вогезами. Их соединение сможет быть достигнуто лишь по колесным дорогам". Сосредоточение германских сил одной массой в Палатинате позволяет порознь атаковать обе французские группы. Если же оказалась бы необходимость одновременно защищаться от обеих групп, „то в этом случае в Палатинате мы будем располагать внутренними операционными линиями между французскими группами". Эта комбинация подразумевает идею стратегической обороны. Несмотря на это, хотя Мольтке и подошел к необходимости предусмотреть оборонительные действия, он все же намечает ответить на наступление новым маневром. Он, повидимому, не предполагал осуществление операции по внутренним линиям; таковая, действительно, представила бы серьезные затруднения, принимая во внимание массы, которыми пришлось бы маневрировать. Он расчитывает воспрепятствовать французам соединиться, что они могут достигнуть только движением вперед, и не допустить их захватить инициативу наступления путем выигрыша времени, быстротой достижения результатов и переходом в атаку.

Действительно, Мольтке говорит: „соединение всех сил в Палатинате в одинаковой мере служит прикрытием как для Нижнего, так и для Верхнего Рейна и открывает возможность вторгнуться в неприятельскую страну; своевременное осуществление этого вторжения, вероятно, опередит появление французов на германской территории в любом направлении".

Дать окончательный ответ на всевозможные предприятия противника посредством наступления *всеми соединенными силами*, располагающими численным *превосходством* против *более слабого* численно неприятеля, силы которого *разделены* местностью, это действительно здоровая позитивная стратегия.

„Благодаря до мельчайших подробностей подготовленной мобилизации, готовым планом перевозок, которые каждому корпусу дают возможность знать день и час его погрузки и выгрузки", возможность незамедлительного перехода в наступление для Мольтке являлась обеспеченной *во времени*.

Таким образом, Мольтке приводит в движение свои армии не поспешным сбором их, как это делал Наполеон в начале похода, а методической подготовкой, которая является ре-

зультатом долголетних усилий удивительно организованного генерального штаба. Тем не менее результаты, достигнутые Мольтке, как нам покажет дальнейшее исследование, являлись менее обеспеченными, чем результаты, которых достигал император, так как мерилом уверенности работы всегда является предвидение, на которое способно управление.

Кроме того, сосредоточение должно происходить в районе, где возможно питать армии, безразлично, последует ли за окончанием сосредоточения переход в наступление или к обороне. Сосредоточение также должно учитывать намеченное направление наступления и пути на случай возможного отступления. Железные дороги, посредством которых производилось сосредоточение, обычно открывают возможность легко довольствовать армии, лишь бы отступление, в случае неудачи, направлялось в наиболее важную часть территории, и, следовательно, чтобы сосредоточение происходило впереди этой части. В виду этого во Франции район сосредоточения повидимому, должен ныне находиться где-то на линии Шато—Сален—Клермон—Ферран [1]). Насколько сосредоточение на этом направлении будет выдвинуто вперед или подано назад, определяется сроками готовности.

Одновременно, сосредоточение должно прикрыть угрожаемые пограничные провинции. В настоящее время, общественное мнение имеет слишком большое влияние, чтобы правительство могло оставить эти границы без защиты. Кроме того, пограничные провинции представляют средства [2]) и территорию, от которых таким образом, пришлось бы отказаться, и явились бы потерянным пространством, которое пришлось бы вновь отбирать. Но необходимость прикрытия провинции отнюдь не означает ее занятие. Согласовать эту идею с обязательным участием всех войск в решительных действиях, а следовательно, обеспечить угрожаемым провинциям желательную безопасность, либо косвенным образом, как Мольтке обеспечивал Южную Германию в 1870 году, либо посредством войск прикрытия, о которых будет говориться в дальнейшем, не нарушая при этом принципа сосредоточения всех сил. Надо одной и той же группировкой удовлетворить как этим политическим обязательствам, так и военной необходимости: таковы требования, из которых прежде всего должны исходить работы генерального штаба.

---

[1]) Однако, в случае нарушения немцами нейтралитета Бельгии, французские армии, сосредоточенные на этой оси, оказываются обращенными тылом не к Парижу, а к швейцарской границе, на что и расчитывал Шлиффен (прим. редакц.)

[2]) И даже очень богатые средства: пограничные с Лотарингией и Бельгией провинции Франции представляют подавляющую массу рессурсов Франции в угле и железной руде. Однако, экономическим соображениям труд Фоша, имеющий в виду самую короткую войну, почти вовсе не отводит места . . . (прим. редакц.).

ГЛАВА IV.

Группировка сил.

Затем, Мольтке переходит к группировке сил, которые он двинет в генеральное сражение, являющееся первой преследуемой целью, и преследуемой известным образом.

„Мобилизованные массы, вследствие своей значительности, могут действовать только, будучи подразделены на несколько армий". Но как их подразделить? Существуют ли какие-нибудь законы или логика в этом подразделении, или оно является делом случая?

„Состав каждой из них (каждой армии) должен быть установлен в соответствии со специальной задачей, которую ей предстоит разрешить (при маневрировании, в сражении, добавил бы он, если бы закончил свою мысль) и распределением различных армейских корпусов, урегулированным так, чтобы позволить им в наикратчайший срок изготовиться".

Следовательно, состав армий не должен быть гармоничным и симметричным, а должен варьировать, в зависимости от специальной задачи, намеченной для каждой из них. Вот первый вывод.

Вот первый закон. Но в виду того, что наступление намечается всей группировкой, прежде чем приступать к изучению этих особых задач и соответственно изменяющихся сил каждой армии, Мольтке построит всю группировку в духе наступления, образовав ее из центра, двух крыльев и резерва, что является действительно гармоничной группировкой сил. Он не формирует, под давлением случайных соображений, три, шесть или семь армий, а прежде всего четыре [1]), со следующими назначениями:

I армия: 2 корпуса. Правое крыло; у Витлиха.

II армия: 4 корпуса. Центр, Нейнкирхен-Гомбург.

III армия: 5 корпусов. Левое крыло, у Ландау-Раштадт.

IV армия: 2 корпуса. Резерв, впереди Майнца.

Центр, два крыла, резерв. Вот, следовательно, система, отвечающая этому постоянному требованию—обеспечивать глав-

---

[1]) В 1914 году, если не иметь в виду слабую I-ю армию в Эльзасе, то французский план стратегического развертывания также состоял в гармонической группировке 4 армий, трех на фронте, и одной в резерве, причем эти армии были соразмерно обременены большим количеством корпусов и резервных дивизий. Вся „гармония" сразу, конечно, утратилась, когда корпуса и дивизии начали перебрасываться из одной армии в другую, и явилась необходимость формировать две новых армии.

Шаблон Фоша оказал явное давление на составителей французского плана (*прим. редакции*).

ное направление и охранять фланги, и случайно возникающим требованиям, которые удовлетворяются резервом. Резерв окажется на месте в том случае, если III армии будет указано действовать против французов, наступающих в Южную Германию. Тогда III армия будет вынуждена сосредоточиться на правом берегу Рейна и маневрировать самостоятельно, пока не вступят в дело главные силы.

В таком случае, главные силы, сгруппированные как система атаки, окажутся в неполном виде, и будут представлять тело, имеющее всего лишь одну руку. Но ему приготовили вторую руку в виде резервной армии, образованной из гвардии и XII корпуса. Она образует в изменившейся группировке левое крыло [1]).

Вот к чему сводится в системе Мольтке роль стратегического резерва. Теория таких резервов, образующих армии второй линии, никогда не использовалась на практике великими полководцами. Действительно, нет оснований включать их в систему атаки [2]).

Назначение резерва заключается или в усилении ведущих бой войск или в парировании случайностей, или в нанесении решительного удара. Первый случай не касается стратегии— состязания армий.

Отброшенный батальон можно поворотить в бой посредством свежей части, нового батальона. Но Клаузевиц говорит: „Еще не было примера, чтобы разбитая армия перешла в наступление благодаря прибытию новой армии. Дезорганизация в ней пускает уже слишком глубокие корни [3]).

Вспомним, что царило на другой день после Ватерлоо, Садовой или Фрешвиллера [4]).

---

[1]) Такова же была схема использования в 1914-м году 4-й (резервной) французской армии, которая заменила 5-ую левофланговую, когда движение немцев через Бельгию вынудило двинуть последнюю к Намюру. Маневры Жофра в середине августа 1914 года были бы совершенно непонятны по своей неуклюжести, если бы не об'яснялись простым применением толкования Мольтке в теории Фоша. (*Прим. редакц.*).

[2]) Вместо ссылки на авторитет великих полководцев, в данном случае было бы более рационально обратить внимание на изменившиеся условия сообщений и связи, а также продолжительности боевых столкновений. Мировая война произвела полный переворот во взглядах на стратегический резерв, а сам Фош в 1918 году чувствовал себя спокойно, только располагая 30—40 дивизиями в своем стратегическом резерве. Требовалось иметь в резерве уже не армию, а целую группу армий. (*Прим. редакц.*).

[3]) Разбитая 27—30 августа 1914 г. под Красником 4-я армия при помощи подошедших подкреплений (9-я армия), не выходя из боя, нашла силы уже 2 сентября перейти в наступление и 8 сентября нанесла под Тарнавкой решительный удар. В эпоху Клаузевица, при несравненно более коротком сроке решения боевого столкновения и отсутствии железных дорог для переброски подкреплений, это было бы невозможно. (*Прим. редакц.*).

[4]) Фрешвиллером французы называют сражение, именуемое нами Вертом; Садовая—это сражение при Кенигреце в 1866 году. (*Прим. переводч.*).

Дать решение путем решительной атаки? Тактика нам свидетельствует, какими методами, какой экономией сил, каким наслоением усилий достигается результат, и почему решение откладывается на самый окончательный конец боя, когда перед нами будет выдохшийся, истощенный противник. Вместо этого тактического закона последовательного наслоения усилий в стратегии, как мы только что видели, действует закон совпадения усилий [1]). Следовательно, нечего и думать, что решение даст резервная армия, находящаяся во второй линии. Если ее нет на фронте к моменту завязки боевых действий, то в ее распоряжении не может быть ни необходимого времени, ни пространства, ни требуемого морального элемента, чтобы дать победу.

Третье соображение, имеющее в виду случайность, наоборот, встречается в стратегии точно также, как и в тактике. Однако, по мере увеличения масштаба, в котором приходится распоряжаться, риск внезапно встретиться с случайностью умаляется. Крупные стратегические операции обыкновенно развиваются столь медленно, на столь обширных пространствах, и их результаты обыкновенно отличаются столь малым разнообразием, что их всегда можно своевременно предвидеть и принять соответственные меры.

Следовательно, стратегический резерв имеет основание существовать для отражения непредвиденного лишь при невозможности действовать и необходимости сохранять выжидательное положение; какие условия, оправдывающие наличие стратегического резерва, сложились бы для немцев, если бы французы захватили инициативу и заняли южную Германию или Бельгию. И наоборот, стратегический резерв перестает быть рациональным с того момента, когда командование принимает окончательное решение перейти в наступление. Это заставляет Клаузевица сказать: „Момент, когда существование стратегического резерва становится в разрез с логикой, предупреждает принятие основного решения. Следовательно, с минуты его принятия, резерва быть больше не должно. Поэтому надо всеми силами не допускать самую мысль о со-

---

[1]) Такое резкое противоставление стратегии и тактики, якобы руководимых противоположным законом, совершенно не в духе современного мышления. Мы говорим „оперативный", подразумевая под этим обширную область, в которой понятия „стратегический" и „тактический" настолько тесно слиты, что трудно провести грань между ними.—Фош держится терминологии Клаузевица; однако, для Клаузевица все протяжение сражения во времени и пространстве является, с точки зрения стратегии, только одним мгновением, только одной точкой. Рассуждения Фоша поэтому не вызывают противоречия, если считать все наступление Людендорфа в 1918 году, с 21 марта по 18 июля, одним стратегическим мгновением, а весь фронт от Ипра до Шампани одной стратегической точкой. Тогда, пожалуй, теория о вреде такого стратегического резерва, который не успели использовать в это решительное „мгновение" (5 месяцев) и в этой точке (около 300 километров)— верно. *(Прим. редакц.)*.

здании стратегического резерва, единственной задачей которого было бы парирование случайностей".

С того момента, как Мольтке переходит в наступление, стратегический резерв перестает существовать—он растает в главной армии, т.-е. во II. Его группировка для атаки не включает резервной армии. Роль этого резерва предусматривала лишь особую задачу, указанную выше, на тот случай, если французы захватят инициативу и начнут обходить германское сосредоточение.

В последнем случае преимущества расположения в две линии становятся явными, безразлично, будет ли направляться вторжение через Бельгию или южную Германию.

Однако, все эти соображения теряют значение, когда речь идет о стратегической обороне. При обороне резерв вновь является единственным средством для отражения, наконец, обнаружившегося главного натиска противника.

Вспомним, например, намеченное, но не осуществленное Мольтке наступление на 8 и 9 августа 1870 года на Сааре. Очевидно, что произвести контр-атаку и приостановить окружение, которое должна была произвести III армия на Верхней Сааре, возможно было только посредством маневра крупных резервов, располагающих достаточным пространством.

По мере того, как увеличиваются расстояния и силы, этот маневр должен развертываться на все возрастающих дистанциях. 5-го и 6-го августа 1870 года три германские армии, как известно, представляли фронт приблизительно в 100 километров. Без преувеличения можно и в будущем рассчитывать на подобные же расстояния. При таких условиях резерву часто придется продвинуться на 50—60 километров и даже больше, чтобы достигнуть района своих действий и расположиться лицом к указанной ему цели. Чтобы закончить подобный маневр во-время, потребуются ускоренные методы, иначе маневр запоздает. Применение специально приспособленных железных дорог является единственным способом, дающим возможность осуществить этот маневр во многих случаях.

Как было видно, Мольтке организовал свои силы в расчлененную систему. В противность единой армии (один массив или кордон) австрийцев в 1866 г. и французов в 1870 г., он подразделил наличные силы на несколько армий, что давало ему возможность действовать ими во всех направлениях. Его система предполагает наличие четырех армий, пока командование остается в выжидательном положении и таким образом находится в зависимости от возможной инициативы противника. Когда же он переходит в наступление, система

сокращается до трех, т.-е. превращается в тело с двумя руками—центр и два крыла. Как образует он ее для наступления?

„Операция против Франции, говорит Мольтке, будет заключаться в простом, по возможности сомкнутом, марше по французской территории до момента, когда мы встретим неприятельскую армию, чтобы вступить с ней в бой“.

„Общее направление наступления на Париж, так как продвигаясь к этому городу, мы вернее всего можем рассчитывать приблизиться к намеченной цели, т.-е. встрече с неприятельской армией“.

Но неприятельская армия, являясь первой целью, которую он таким образом рассчитывает найти и затем разбить, как мы видели, не является окончательной целью—остается еще Париж и Луара. Итак, маневр должен стремиться отрезать французскую армию от Парижа и Луары: французов будут обходить с правого фланга и соответственно будет организована вся система наступления. Состав каждой германской армии определяется особой задачей в этом маневре.

Развивая этот ход мысли, намечается, что центр двинется прямо вперед и атакует на фронте; на левое крыло, т.-е. III армию, будет возложено производство решительной охватывающей атаки, в виду чего эта армия должна быть усилена насколько возможно; во всяком случае она должна значительно превосходить французские силы, которые можно предполагать встретить в Эльзасе. Это даст ей возможность наверное достигнуть поля сражения на Сааре и обеспечит осуществление того усилия, которое от нее ожидается.

Что же касается армии правого крыла, то задача, поставленная ей с самого начала, сводится просто к прикрытию и охранению. Она будет включать минимальное количество сил.

Таковы соображения, из которых вытекала организация системы наступления, заключавшаяся в следующем:

Центр, главная армия, задача которой сводится к прямому удару на противника—2-я армия; после расформирования резервной армии, она будет заключать шесть армейских корпусов—III, IV, IX, X, XII и гвардейский и четыре кавалерийских дивизии (5-я и 6-я, гвардейская и саксонская кавалерийские дивизии).

Ударное крыло,—задача которого является маневр и решительная атака в генеральном сражении—3-я армия, силой в пять корпусов: V и XI прусский, I и II баварский, баден-виртенбергский корпус и две кавалерийские дивизии (2-я и 4-я).

Оборонительное крыло, охраняющее фланг—I армия, силой в два корпуса, VII и VIII и одна кавалерийская дивизия (3-я).

Многие охотно предположили бы, что эта группировка находилась в зависимости от количества находящихся в распоряжении сил, и, при наличии большого числа армейских кор-

пусов, было бы образовано и большее число армий. Ничего подобного. Три корпуса (I, II, IV), по политическим соображениям, первоначально оставленные внутри страны, вскоре освобождаются и прибывают на театр военных действий. Мольтке мог бы сформировать из них новую армию. Однако, в его глазах не имеется для этого никаких оснований; напротив, она нарушила бы общую гармонию и экономию системы. Чтобы быть рациональной, система должна заключать центр и два крыла, всего три группы армейских корпусов, каждая отвечающая своей особой задаче. Организация системы наступления не будет подлежать изменению. Корпуса, прибывающие последними, пойдут лишь на усиление уже существующих организмов. Они будут распределены между тремя армиями: I корпус войдет в состав первой армии, II—во вторую, IV—в третью. При этом не будут опасаться включать во II армию семь корпусов и четыре кавалерийские дивизии. Эта огромная масса будет иметь наибольшую численность, которая когда-либо об'единялась под начальством одного лица.

Чтобы достигнуть поля генерального сражения, три армии, вышедшие из этих соображений, должны были пройти пути различной длины и выполнить различные задачи. До того, как сформированная в Баварском Палатинате 3-я армия могла заставить почувствовать свое воздействие на поле генерального сражения, которое стремились разыграть возможно скорее на Сааре, она должна была победить французские силы в Эльзасе, преодолеть сравнительно трудные горные проходы Вогезов и совершить большие переходы; а 1-я и 2-я армии могли быстро выйти на Саару, не преодолевая предварительно никаких препятствий. Следовательно, формирование 3-й армии должно было заканчиваться раньше. Распределение армейских корпусов по армиям обусловливается этими соображениями о сроках готовности.

Если бы немцы при современных условиях произвели отступление, имея группировку аналогичную 1870 году, то часть их войск наткнулась бы, в ближайшем расстоянии от границы, на преграды; несомненно, часть дорог, по которым они двигались, оказались бы перерезанными крепостями Туль, Эпиналь и Верден и фортами-заставами на Маасе и Верхнем Мозеле. Правда, со времени изобретения мелинита, эти укрепления утратили большую часть своего значения, но все же они могут выдержать огонь полевой артиллерии; это препятствие, тем не менее, должно быть преодолено войсками, прежде чем они смогут продолжать свой марш.

Чтобы удовлетворить этому требованию, которое нельзя обойти, немцы снабдили армии запряженной пешей артиллерией, т.-е. артиллерией крупного калибра.

Но сверх того, в будущем, как и в прошлом, будут существовать армии маневрирующие и армии ведущие фронтальную атаку. Первые реализуют решения, подготовленные вторыми. По наполеоновской системе последние называются авангардом, а по системе Мольтке—центром [1]). Первым вменяется в задачу решительная атака, следовательно, все усилия будут направлены на усиление их состава; вторых будут сокращать, при соблюдении условия, что их фронт сохранит необходимую прочность и устойчивость; последние могут быть обеспечены сильной артиллерией и полевой фортификацией. Отсюда вытекает широкое современное распространение артиллерии крупного калибра, применение бронированной артиллерии и фортификации на полях сражений.

Этим и об'ясняется современное устройство германской артиллерии действующих армий. На-ряду с легкой полускорострельной пушкой, в каждом армейском корпусе имеется дивизион гаубиц, калибром в 10,5 см., а в некоторых армейских корпусах и тяжелые запряженные батареи, частью вооруженные 21 см. мортирами, предназначенные для атаки наших фортов,—застав и малых крепостей; другая же, большая часть, вооружена 15 см. гаубицами (фугасный снаряд весом около 40 килограммов).

Какие требования пред'являются к этой артиллерии?

1. Справиться с полевой фортификацией противника.

2. Усилить оборону укрепленных позиций, устройство которых будет сочтено необходимым.

3. Справиться с неприятельской полевой артиллерией.

4. Бесспорно превосходным огнем разгромить об'ект решительной атаки. Будущее Сен-Прива подвергнется не только обстрелу гвардейской артиллерии и артиллерии XII и X корпусов, но также тяжелой запряженной артиллерией армии.

Таким образом, в разрушительную силу полевой артиллерии вносится новый элемент мощи, для того, чтобы справиться с несомненно возрастающей с каждым днем силой сопротивления. 38.000 человек, которые образуют пешую артиллерию, должны принять непосредственное участие в полевых боях, вместо того, чтобы выжидать для вступления в бой, чтобы их атаковали в крепостях Страсбург или Мец, или чтобы они сами приступили к атаке Туля или Эпиналя. Это является примером постоянного развития принципа экономии сил, который вместо узкой специализации и неизменного применения к решению частной задачи, бросает все силы, независимо от их вида, в решающее на войне действие—в сражение.

Но это новое оружие, обладающее особыми свойствами, не будет равномерно распределяться по всем армиям. Группи-

---

[1]) Интересная точка зрения, характерная для всеоб'емлющего толкования французами понятия „авангард“ (прим. редакц.).

ровка его опять-таки зависит от особой задачи каждой армии.

Не говоря о расположенных на крыльях армиях, которые будут снабжены мортирными батареями, для преодоления фортов и малых крепостей, лежащих на их пути, надо предвидеть, что мы встретим гаубичные батареи в армиях центра, предназначенных для фронтальной атаки. Обрамленные другими войсками, центральные армии, действительно, не могут маневрировать; чтобы продвинуться вперед, им необходимо опрокинуть и разрушить останавливающие их преграды. Средством к тому является артиллерия крупного калибра. Когда центральные армии продвинутся, насколько допускает их наступательная сила, нужно, чтобы они сумели *продержаться*. По плану Мольтке 1870 года для решительной атаки 1-я и 2-я армии прибывали на Саару 7-го и 8-го августа, а 3-я армия могла подойти только 9-го. Следовательно, две первые в течение двух дней были предоставлены самим себе.

Для того, чтобы продержаться, армии должны прибегнуть к средствам позиционной войны: усиление артиллерии по численности и калибру, укрытие артиллерии—навесного огня посредством местности, настильного огня посредством щитов или башенных установок [1]).

Сверх того, усиление армий центра различными видами артиллерии в итоге дает возможность осуществить значительную экономию в пехоте. В настоящее время, повидимому, установлено, что длинная линия артиллерии, утвердившая свое превосходство или численностью, или технической подготовкой личного состава, или качеством материальной части, или оказавшаяся неуязвимой вследствие снабжения достаточной защитой от огня, может приостановить всякое продвижение неприятеля, не имея необходимости в сильной поддержке пехоты.

Итак, германский маневр 1870 года, возобновленный в современных условиях, может пойти другим темпом. Центр, вышедший на Мозель (как 2-я армия в 1870 году должна была выходить на Саару), устанавливает на правом берегу гаубичные батареи и маленькие башни, и таким образом бесспорно нас здесь останавливает. На-ряду с этим, на крыльях, или по крайней мере на одном из них, надо ожидать армий, ведущих решительную атаку; они усилятся за счет достигнутой на фронте экономии и будут способны, благодаря постоянно растущему численному превосходству, бурной атакой

---

[1]) Фош имеет в виду передвижные башенные установки Шумана для 57-милиметровых пушек; эти тяжелые и неуклюжие башни вскоре были забракованы для полевой войны. Пулеметы вполне заменили ближний огонь, преимущественно картечью, этих скорострельных пушек. (Примечание редакции).

сломить всякое сопротивление. В этом заключается влияние развития техники на войну. Война, благодаря новым дарам техники, может и должна тяготеть к новым формам, которые, однако, отнюдь не отвергают вечные принципы; новые формы требуют более точного и явно выраженного их применения. Подготовка неизбежна для достижения желанного решения. Когда исследование подходит к вопросу о технике, надо проявлять тем большее предвидение, что прошлое в этом отношении ничего не дает. Без опыта 1866 года, может быть, еще долго продолжался бы спор о достоинствах заряжающегося с казны ружья; также спорили бы и о пушках, если бы не было 1870 года. Легко предвидеть, что будущая война, которая будет широко пользоваться воздушными шарами, телеграфами, железными дорогами, укрытой скорострельной и тяжелой артиллерией, будет основываться на тех же принципах, но по новому. Будут ставиться те же вопросы, как и в прошлом. Исходя из этого порядка мыслей, будущая война развернет перед нами устройство германских армий и снабжение их специальным оборудованием в соответствии с особой задачей каждой из них, которая вытекает из общего маневра всех сил. Во всяком случае, война еще раз покажет, что заранее намеченный и подготовленный для больших сил основной маневр, в котором примут участие армии различного состава, соразмерно распределенные, имеет больше шансов на успех, чем импровизированное в последний момент на месте наступление, без специальных средств, которыми была бы подчеркнута задача. Чтобы отразить этот маневр, и мы должны использовать все наши войска, какого бы вида они не были, распределить их по армиям и снабдить всем новейшим оружием в соответствии с особыми задачами каждой армии, которые выпадают на них при подготовленном во всех подробностях наступательном маневре или организованной на первое время обороне. Чтобы отсрочить составление плана этого маневра и подготовку к атаке укреплений, входящую в него, тщетно было бы ссылаться на неопределенность данных для решения этих вопросов или отсутствие указаний о масштабе предстоящих действий. Очень легко отдать себе отчет, что от Нанси до Шато—Сален 27 килом., от железной дороги Мец—Страсбург до Мозеля 50 килом. [1]). Следовательно, поле для гипотез и всяческих комбинаций очень узко; не может быть значительных колебаний и в оценке материальных препятствий, которые надо преодолеть, и расстояний, которые предстоит покрыть.

---

[1]) Автор имеет в виду указать на то, что развертывающиеся друг против друга германская и французская массы отделяются только расстоянием в 3 перехода. (Прим. редакции).

ГЛАВА V.

Сбор сил во времени.

Прикрытие.

Сосредоточение, урегулированное в отношении пространства, должно быть также урегулировано во времени: оно должно быть закончено возможно скорее:

1. Чтобы положить предел возможным предприятиям противника.

2. Чтобы без промедления атаковать; это не даст возможности противнику усилить свои слабые стороны, в частности недостаточную численность.

3. Считаясь при этом с особыми задачами каждой армии.

Как мы видели, 3-я армия должна была быть готова первой. В виду этого, в нее не могли быть включены корпуса, долго мобилизующиеся или требующие перевозки на большие расстояния. Таким образом, намеченное генеральное сражение устанавливает сосредоточение во времени, точно так же как и в пространстве, а следовательно, обусловливает перевозки, а отсюда и мобилизацию, т.-е. заблаговременную подготовку.

Иначе говоря, в современных условиях операции начинаются еще в мирное время, что лишний раз подтверждает необходимость подходить с стратегической точки зрения к мирной подготовке по мобилизации и перевозкам. Она не может быть разработана самостоятельно, совершенно независимо от идеи сражения. Чтобы сражение вылилось из мирной подготовки, необходимо, чтобы последняя являлась бы предпосылкой.

Время сосредоточения должно еще учитываться, как период кризиса, так как, пока сосредоточение продолжается, мы не в состоянии встретить наступление неприятеля, поскольку сосредоточение не является прикрытым.

Посмотрим, какое внимание уделяет Мольтке понятиям время и прикрытие, чтобы обеспечить сосредоточение, которое в результате должно вылиться в следующее:

1-я армия у Витлиха, в 75 кил. от французской границы (три перехода),

2-я армия в направлении Кайзерслаутерна, в 25 кил. от французской границы (один переход),

3-я армия у Ландау—Раштадт, в 20 кил. от французской границы (один переход).

В глазах Мольтке, быстрота выполнения должна обеспечить сосредоточение. Оно подвергнется риску лишь в том случае, если противник будет наступать, но мы опередим его бла-

годаря более развитой подготовки мобилизации и перевозок. (Впоследствии мы увидим пробелы этого рассуждения).

Когда он ставит вопрос—„сможем ли мы, не рискуя быть потревоженными в нашем первоначальном сосредоточении, вынести его за Рейн, в Палатинат, по соседству с французской границей“, он, не давая дальнейших об‘яснений, ограничивается ответом: „на этот вопрос должно быть отвечено утвердительно“. Это странное утверждение, не являвшееся твердо обоснованным, вскоре было опровергнуто событиями.

Однако, Мольтке усматривает два случая:

Первый случай — когда французы, проводя мобилизацию двумя эшелонами, частью сил, на восьмой день начнут наступление против главной германской армии.

„Вследствие большого скопления в северо-восточной части государства гарнизонов и лагерей, и благодаря сильно развитой сети железных дорог, французы несомненно могли бы, не выжидая прибытия запасных, в очень короткий срок сосредоточить на границе армию в 150.000 человек. Этот род быстрого проявления инициативы отвечает характеру нации. Этот вопрос ставился на обсуждение в военных кругах“.

„Допуская, что эта импровизированная армия, которая к тому же будет обильно снабжена кавалерией и артиллерией, на восьмой день сосредоточится около Меца, мы и тогда сохраняем возможность своевременно сократить пробег по железным дорогам наших поездов, и выгрузить массу наших сил на самом Рейне. Французская вторгающаяся армия сможет дойти до нас только через шесть переходов, но на четырнадцатый день она уже будет остановлена превосходными силами.

8+6=14, математически точный подсчет, стратегия в цифрах, значение которой нельзя оспаривать. На четырнадцатый день французы будут остановлены на Рейне и разбиты превосходными силами, на которые они натолкнутся. Но это еще не высшее достижение стратегии, так как с ним непосредственно связаны следующие серьезные минусы:

1) без боя бросается пространство, глубиной в 120 кил. со всеми его средствами,

2) перед противником очищается граница, и ему представляется возможность произвести всевозможные разрушения,

3) при переходе в наступление, операция затянется на шесть лишних переходов,

4) утрачивается соприкосновение с противником.

Таковы неудобства, которые вытекают в первую очередь из-за отсутствия прикрытия: обеспечение, основанное не на войсках, а исключительно на времени и пространстве, является функцией, в которой не хватает одной переменной.

Второй случай—тот, если французам удастся изготовиться, включая и призыв запасных, первыми и они перейдут

в наступление раньше, чем немцы закончат полностью сосредоточение своих сил. В глазах Мольтке является недопустимым, чтобы французы изготовились раньше восьмого дня, т.-е. до начала германских перевозок по сосредоточению. Он расчитывает парировать его следующим образом:

„Предположим, что французы сосредоточили все свои силы против 2-й армии (131.000 человек), и что последняя вынуждена отойти на резервную армию (63.000 человек). При таких условиях на двенадцатый день мы все же окажемся в состоянии принять сражение, имея около 200.000 человек, на прекрасной Марнгеймской позиции у Кирхгеймболанден. Но в этом случае французы должны были бы отказаться от всяких серьезных начинаний на верхнем Рейне и на Мозеле, и имеется полная возможность усилить главную массу наших войск (194.000 человек) посредством всей 3-й армии (130.000 человек), и 1-я армия тем временем продвинулась бы вдоль р. Наэ во фланг и в тыл неприятеля. Таким образом, при сколько-нибудь удачном управлении мы можем вступить в решительное сражение с 300.000 человек“.

В этом случае, как и в предыдущем, Мольтке отвечает на наступление большим сражением, в которое вступит, имея бесспорное численное превосходство. Расположение в данном случае оборонительное, отнесено настолько вглубь, что в сражении могут принять участие все армии: 1-я, 2-я, 3-я и резервная.

Вот как надо понимать оборонительную позицию армии и тем более, нескольких армий. Это не местность, на которой останавливаются благодаря представляемым ею тактическим преимуществам, а район, в котором есть возможность встретить подошедшего противника своевременно подтянутыми и сосредоточенными войсками, имея превосходство в силах, что является решающим аргументом.

Здесь проявляется одна из характерных черт стратегии Мольтке: он стремится достигнуть сражения при наличии численного превосходства, обращаясь только к пространственным протяжениям — математической величине. Это рассуждение, из которого вытекает сосредоточение на Рейне и сражение при Марнгейме, Мольтке вновь повторяет 25 августа, когда вопрос будет заключаться в том, чтобы остановить французскую армию, находящуюся на марше из Шалонского лагеря к Мецу.

Оно очень не сложно.

Эта армия из четырех корпусов, находившихся, по имевшимся данным, 23 августа в Реймсе, может 25-го достигнуть Эна, а 27-го Мааса. Ее движение можно будет остановить у Дамвиллер, так как в течение трех дней маршей (28 августа) в этом пункте можно сосредоточить следующие силы.

Два корпуса из Мецской армии.

Три корпуса из Маасской армии.
Два корпуса из 3-й армии.
Итого семь корпусов.

Следовательно, в этом пункте, в одном переходе от Мааса, французам придется вступить в бой с значительно превосходным в численном отношении противником. Как видно, Дамвиллер расположен на дороге Реймс—Вузье—Мец, и является центром круга, радиус которого короче расстояния Дамвиллер — Вузье и охватывает расположение семи германских корпусов.

Если данную стратегию рассматривать исключительно с точки зрения цели, которую она себе ставит, то надо признать за ней математическую точность, исполненную величия и простоты. Если эта цель достигнута, т.-е. сосредоточение в Дамвиллере закончено 28 августа, или в начале августа в Марнгейме, то Мольтке предстоит вступить с сражение в исключительно благоприятных условиях.

Но является ли вполне обеспеченным достижение этого предварительного условия,—своевременного сосредоточения перед лицом деятельного противника, от которого ничто его не отделяет? Какими гарантиями он располагает?

Впрочем, возвратимся к началу августа. Какие затруднения здесь явятся при выполнении, особенно вследствие требования изменить общую ориентировку, предъявляемого к уже собравшимся войскам? Они сгруппированы для наступления, а им придется отступать и обороняться. Больше того, главной армии, еще не пополненной и не подготовленной к тому, в трудной местности с ограниченными путями сообщений (две дороги), придется проделать отступление протяжением в 100 кил.

Здесь мы видим, насколько стратегия Мольтке уступает стратегии Наполеона, например, в 1806 году. У Наполеона сосредоточение первоначально носит чисто оборонительный характер, а к концу — явно наступательный. Операция не остается не прикрытой ни на один момент и ни в какой фазе своего развития, идет ли речь о сборе сил, или об их изготовке, или о моменте начала движения, а также о подготовке оборонительного или наступательного сражения; у Наполеона имеется особый орган, дающий стратегическое обеспечение: сначала прикрытие, затем общий авангард. Если неприятель надвигается или грозит, то Наполеон находит обеспечение не только в пространстве, но и в этой группе войск, способной маневрировать, а при необходимости и дать отпор. Стратегическая безопасность Наполеона является функцией от большего числа переменных, и сама допускает больше вариантов и комбинаций. Это позволяет достигать намеченной цели сосредоточения сил более уверенно и на меньшем удалении, несмотря на противника. Сверх того, благодаря прикрытию,

мы не только защищены от неприятельских ударов, но и сохраняем возможность в случае необходимости еще в течение сосредоточения наладить или видоизменить маневр.

Однако, начало стратегического обеспечения было известно и применялось германским штабом и практиковалось им, в особенности в 1814 и 1815 годах. Клаузевиц говорит о нем в главе о передовых частях. Он указывает, насколько отречение от этих принципов явилось фатальным для некоторых маршалов конца империи и ссылается на то, как Блюхер прикрывал свое квартирное расположение в 1815 году двумя специально предназначенными корпусами, I—в Шарлеруа, II—в Синее, чтобы на крайний случай обеспечить возможность сбора всех сил в Сомбреф.

Мольтке в 1870 году не применяет этих теорий; он не верит в стратегическое обеспечение, в необходимость прикрытия. У него нет прикрывающих частей, так как таковыми нельзя назвать отряд из четырех батальонов, четырех эскадронов и одной батареи, который прикрывал между Майнцем и Триром сосредоточение 1-й армии в Витлихе, ни отряд из двух батальонов и четырех эскадронов, занимавший на фронте 2-й армии Саарлуи и пространство от последнего до Саарбрюкена. Только 3-я армия имела перед собой в лице Баварской бригады силу, способную дать серьезное обеспечение. Чтобы иметь возможность действительно прикрыть сосредоточение своих сил, Мольтке в 1870 году должен был бы немедленно перебросить на границу два армейских корпуса, например, VII и VIII, мобилизация которых была бы ускорена. Но в те времена приведение войск в состав военного времени было еще недостаточно гибким, чтобы иметь часть войсковых единиц, мобилизуемых в два приема, которая бы обеспечивала другой части нормальную мобилизацию. Впрочем, если Мольтке ищет прикрытия сосредоточения исключительно в пространстве и отказывается от всякого прикрытия войсками, то им руководят соображения морального порядка. Он очень высокого мнения о французах, как они проявили себя в Крымскую и Италианскую войны и Мексиканскую экспедицию; в виду этого он прежде всего стремится избежать для германских войск всякой частной неудачи, даже всякого попятного движения. Нейтралитет Австрии и Италии и поддержка Южной Германии без сомнения будут куплены лишь этой ценой. Будут ли первые прусские корпуса, выдвинутые для прикрытия, иметь достаточную маневроспособность, чтобы ускользнуть от гибели и разгрома? Не получит ли упрощенная тактика движения напролом, которую столь горячо преподавали в последние годы перед войной, форменного опровержения с самого начала, не скомпрометирует ли ее окончательно полученный удар? Как можно эту тактику заставить сначала вести отступательные бои, а затем вновь броситься вперед?

Таковы, повидимому, трудности исполнения, которые приковали внимание Мольтке, хотя он и был учеником Клаузевица [1]. Лишний раз измерив расстояние, которое отделяет теорию от практики, он, в заключение, выразил бо́льшее доверие математике, чем маневру, сделал ставку на численность, а не на моральные силы. Мольтке не счел себя способным вести более крупную игру, чем ту, на которую он решился; если это признание ставит его ниже Наполеона, тем не менее нельзя не преклоняться перед разумностью человека, который свои взгляды ставит на уровень своих способностей и в результате, хотя и менее гениальным, более приземистым путем, но господствует над противником, правильно оценивая и точно изучая его, и достигает успехов, не превзойденных в истории.

Как бы то ни было, сосредоточение на Сааре было решено; открывались следующие возможности:

В первом случае—отнести его на Рейн.

Во втором случае—отвести армии назад на Марнгеймскую позицию.

Но кто предупредит о необходимости произвести ту или другую эволюцию?

Войска прикрытия, говорит Мольтке. Они образуются на Сааре:

Четырьмя батальонами, четырьмя эскадронами и одной батареей, посланными из Майнца в Трир и прикрывающими 1-ю армию, формирующуюся на Мозеле близ Витлиха; двумя батальонами и четырьмя эскадронами, занимающие на фронте 2-й армии пространство от Саарбрюкена до Саарлуи.

Предполагается, что эти части явятся своего рода сигнальным звонком, который сможет предупредить начальника генерального штаба о необходимости обратиться к первой или второй комбинации.

„Если к моменту, когда будет приступлено к сосредоточению, т.-е. на восьмой или девятый день, появятся опасения, что оно не сможет быть закончено на линии Гомбург-Нейнкирхен, о чем должны предупредить войска, удерживающие Саару, то можно будет отодвинуть назад сосредоточение, перенеся его на Рейн“.

---

[1] Едва ли можно с этим согласиться. Учение о стратегическом авангарде—характерная черта французской доктрины на рубеже XIX и XX века. Отказ от распыления усилий, от ввода войск в бой капля за каплей, от постановки отдельных корпусов под угрозу поражения—эти достижения Мольтке Фош не может оценить, так как он, как и другие французские военные писатели, преклоняется перед более тонким военным искусством Наполеона. Но Тюренн фехтовал еще утонченнее, однако его придворную шпагу едва ли кто-нибудь будет ценить выше меча, которым рубил Наполеон. Фош соглашается, что искусство Мольтке отвечало воспитанным в грубой тактике германским войсковым массам 1870 года, наполненных резервистами, которым трудно оценить хитрости ретроградных движений, и тем подрывает основы своей атаки на Мольтке. (*Прим. ред.*).

Недостаточность этого метода бросается в глаза. Система, поднимающая тревогу из Саарбрюкена в действительности могла быть приведена в действие давлением полка или бригады неприятеля, что вызвало бы изменение сосредоточения, не имеющее никакого оправдания.

Чтобы в будущем избежать, за недостатком прикрытия, проявлений такого несовершенства, а именно недостатка данных о противнике, недостаточной обеспеченности, и чтобы иметь заслуживающее внимания предупреждение, в Германии был создан XVI корпус. состав соседних корпусов был усилен, что позволяет теперь при объявлении войны сосредоточить в районе Шато-Сален и в Эльзасе целую армию прикрытия, в состав которой войдут три армейских корпуса, XVI, XV, XIV и часть VIII.

Через двадцать четыре часа к французской границе могут быть направлены две сильные кавалерийские дивизии, два армейских корпуса, доведенные почти до полного военного состава, и три дивизии, мобилизованные на две трети.

Через четыре дня, необходимые для сбора обозов, авангардная армия, приведенная в военный состав, может поддержать действия всей германской кавалерии.

Эта организация на границе расширяется изо дня в день. Германский военный министр Верди-дю-Вернуа, испрашивая согласие Рейхстага на формирование при I и XIV корпусах по третьей дивизии, сказал следующее:

„Необходимость усиления на западе и на востоке вызывается независящими от нас обстоятельствами. Но мы ясно усматриваем задачи, которые в случае войны лягут на эти войска. Мы должны так организовать эти части, чтобы сосредоточение было бы действительным образом прикрыто и обеспечено“.

„Применение этих войск прежде всего требует организации их для совместной работы. Следовательно, требуется иметь такие высшие командные инстанции, начальники которых могли бы нести ответственность за выполнение возложенных на них задач“.

„В итоге, чтобы успокоить создавшееся по этому поводу беспокойство, я укажу, что дивизии данных корпусов в известных случаях могут и не вернуться в состав своих армейских корпусов“.

Законченная организация сильного прикрытия сильно отразится на событиях первых дней после объявления войны. Тот же самый Верди-дю-Вернуа, который в свою бытность министром провел формирование XVI корпуса, знакомит нас с последствиями в следующих строках:

„Можно сомневаться в том, будет ли начало будущей европейской войны представлять такую же картину полного бездействия, как в 1870 году. Представляется вероятным, что размер и значение событий, которые разыграются на границе, увеличатся“.

„В будущем придется с первого же момента наблюдать за противником и выделять для этой задачи определенные части. Также придется принять меры, чтобы сохранить неприкосновенность территории. Чисто военные требования мобилизации (призыв людей, реквизиция лошадей, обеспечение продовольственных складов, железнодорожных материалов и т. д.), не говоря уже о других соображениях, обусловливают необходимость прикрытия угрожаемых районов“.

„В большинстве случаев, как и раньше, в особенности если намечается переход в наступление, появится стремление вынести как можно больше вперед пункты высадки, что заставит равным образом выдвинуть вперед части прикрытия“.

„С другой стороны, совокупность следующих обстоятельств в будущем, вероятно, изменит картину событий“.

„Не следует рассчитывать, что на границе повторится мобилизация французов 1870 года“.

„С того времени великие державы увеличили в пограничном районе свои гарнизоны мирного времени и к тому же дали им организацию, позволяющую, хотя бы частично, более быстрый переход в военный состав“.

„Наконец, теперь по крайней мере в теории признается существенная важность наступательных предприятий, имеющих место на границе до начала крупных операций. Мероприятия по усилению пограничных гарнизонов имеют больший размах, чем потребность в образовании наблюдательных отрядов. Они указывают на тенденции застраховаться от набега неприятеля. Но сверх того количество имеющихся войск позволяет начать наступательные операции, которые могли бы отвечать общей обстановке. Развертывание значительных сил, намеченное вдоль границы в начале войны, увеличивает вероятность частных столкновений, даже если последние не входят в намерения командования. Горячность войск и товарищеское чувство превратят незначительное дело в немаловажное событие. Мы не говорим уже о возможности продвижения вперед всей армии.

„Боевые действия можно будет также начать, перейдя границу и с меньшими силами, при условии, чтобы состав их был достаточен для успешного проведения намеченного предприятия. Во всяком случае надо рассчитывать, что боевые действия начнутся до начала больших операций“ [1]).

---

[1]) Исходя из этих соображений, к которым примкнул Фош, французы провели в августе 1914 года два неудачные вторжения в Эльзас: первое закончилось поражением у Мюльгаузена, второе—отозванием войск, необходимых на важнейших участках фронта. Набеги русской и австрийской конницы в начале войны, произведенные также под известным давлением этих мыслей Верди-дю-Вернуа, привели к отрицательным результатам. Немцы огра-

ГЛАВА VI.

Переход к действию.

Мольтке, продолжая в своем мемуаре исследовать возможные случаи, рассматривает вариант, когда французы не перейдут в наступление, и 2-я армия сможет без затруднений закончить сосредоточение и затем перейти в наступление.

„В предположении“, говорит он „что к этому моменту еще не будет собрано достаточно данных о сосредоточении главного ядра неприятельских сил, можно будет располагать четырьмя дивизиями кавалерии, силой в семьдесят шесть эскадронов, которые, при поддержке пехоты, доставят все необходимые сведения“.

Когда состоится переход к действию, система наступления будет образована вышеупомянутой группировкой, т.-е. центром и двумя крыльями.

Эта группировка будет двинута для атаки главных неприятельских сил, обнаружить и установить которые явится задачей кавалерийской массы, поддержанной пехотой.

Весной 1870 года Мольтке окончательно дополняет и уточняет свою мысль в нижеследующей записке, посланной начальникам отделений Большого Генерального Штаба.

Берлин, 6 мая 1870 г.

„Операция против Франции будет заключаться в простом, возможно более сосредоточенном продвижении по французской территории на несколько переходов, пока мы не встретим неприятельские силы и не дадим им сражения.

„Общее направление этого марша будет на Париж, так как, двигаясь на столицу, мы вернее всего можем рассчитывать встретить наш объект—неприятельскую армию“.

ничились нечаянным нападением на Льеж, по существу отбитым, и давшим успех только потому, что бельгийцы колебались, следует ли им воевать, а в рядах немцев оказался Людендорф. В общем, опыт мировой войны против пограничной войны в период мобилизации и сосредоточения. Что касается до парламентских речей Верди, как военного министра, то необходимость охраны границ являлась исключительно благовидным предлогом для предъявления требования об увеличении армии новыми дивизиями. Сначала в I корпусе Верди требует формирования третьей дивизии, доказывает, что дивизия другого корпуса помочь не может; на замечание возражающих против увеличения армии социалистов, указывающих на неудобство управления трехдивизионным корпусом, Верди успокоительно отмечает, что закончив свою задачу по прикрытию сосредоточения, дивизия будет выделена из корпуса. А преемник Верди с таким же апломбом будет доказывать, что прикрывать границу трехдивизионным корпусом нельзя, а надо прибавить еще одну дивизию, что позволит сформировать новый корпус и разделить между ним и I корпусом задачу прикрытия Восточной Пруссии. Едва ли Фошу следовало такой аргументации уделять столько внимания.

(*Прим. редакц.*).

„На прямом пути из Палатината на Париж расположена крепость Мец. Мы ее оставим вправо; ее потребуется лишь наблюдать“.

„Наше первое стратегическое развертывание, если до того не произойдет сражения, будет иметь место на Мозеле, между Люневилем и Понт-а-Муссоном (50 километров по прямой)“.

„При этом продвижении, в первой линии будет 2-я армия, во второй —4-я армия, оба фланга будут прикрыты I-й и 3-й армиями. Наша инициатива подчинит себе волю противника.

„Достигнув линии Люневиль—Понт-а-Муссон, мы будем иметь в тылу две железные дороги. На этой линии, если не раньше, мы вступим в решительный бой, и, следовательно, относительно дальнейшего мы ничего не можем в подробностях предвидеть.

„Кроме сопротивления, которое мы можем сразу же встретить, этот марш, приблизительно в 15 миль [1]), будет сопряжен с особыми трудностями, в виду значительности масс, которые придется продвигать на узком пространстве“.

„Если французы двинутся навстречу с подходящими силами, то и мы и противник окажемся в равных условиях“.

„Дело сложится иначе, если французы, сосредоточившись, будут поджидать нас, или подпустят на близкое расстояние и затем двинутся на нас, развернувшись в боевой порядок“.

Из предыдущего вытекает, что Мольтке не учитывает, чтобы французы могли избрать другой образ действий, свернув с прямой линии: изменить свою группировку, сосредоточившись вправо или влево, атаковать одно из крыльев и т. д.

Идея маневра кажется ему столь же неосуществимой для противника, как и для немцев.

„Чтобы нам произвести сосредоточение для сражения, нужен один день, который нам должен обеспечить армейский авангард. Он же должен выяснить более точно, где находится противник. Следовательно, армейский авангард должен быть сильным и особенно богат кавалерией“.

„Этот авангард будет состоять из 5-й пехотной дивизии и кавалерийского корпуса. Для сформирования этого корпуса, в распоряжении имеется 3-я, 4-я, 10-я [2]) и гвардейская кавалерийская дивизии, всего семьдесят шесть эскадронов, которых будет объединять особый начальник. 6-я пехотная дивизия будет следовать позади, образуя поддержку“.

---

[1]) 110 километров. *(Прим. редакц.).*

[2]) 10-я кавалерийская дивизия в действительности не была сформирована в течение кампании 1870—1871 года.

„Задача кавалерии не будет заключаться в сохранении своих сил в одной массе, как это необходимо, когда предстоит решить сражение; наоборот, ее дивизии должны разойтись в самых разнообразных направлениях и в свою очередь должны отрядить небольшие части, пока не будут обнаружены главные силы неприятеля. Пехотная дивизия сможет поддержать эти отряды малыми частями, которые будут следовать на повозках. Но ее главные силы останутся сосредоточенными, чтобы, занимая крепкие позиции, иметь возможность помочь потесненной кавалерии собраться".

„Кавалерия может предшествовать пехоте на несколько переходов, сила ее обеспечивает ей отступление".

„Напротив, сильные пехотные части должны вообще, и в частности в подобном случае, избегать попятных движений. Надо всегда сосредоточиваться с движением вперед. Благодаря кавалерии, 5-я дивизия совершенно не подвергается опасности натолкнуться на сосредоточенные силы неприятеля; при содействии конницы, она может в течение двадцати четырех часов устоять против неприятельского армейского корпуса. Она должна будет на один переход следовать впереди армии".

Это несомненная идея общего авангарда, который должен доставлять верховному командованию данныя о ядре неприятельских сил, а также обеспечивать двадцать четыре часа, требующиеся, по мнению Мольтке, для сосредоточения достаточных сил.

О достоинствах этого авангарда, как осведомительного органа (семьдесят шесть эскадронов, поддержанных с тыла пехотной дивизией) надо сделать несколько замечаний.

Разведку должны вести отряды кавалерии, брошенные в различных направлениях, при поддержке мелких пехотных частей, передвигающихся на повозках, или иным способом. Это слабое средство; подобная разведка не может проникнуть взором за пределы хорошо организованного сторожевого охранения; за отсутствием средств атаки (пехоты, артиллерии), она не способна заставить противника показать себя, если последний не хочет себя обнаруживать; таким образом, такая система разведки может разведать только то, что противник согласен дать нам рассмотреть. Тезисы и система разведки Наполеона были совершенно иными, как видно из письма Наполеона принцу Евгению (1809 год). „...Я узнал о Вашем движении на Керменд (принц Евгений выдвинул свою кавалерию на разведку, поддержав ее одним баденским батальоном). Но кавалерия не должна была двигаться без пехоты. Я опасаюсь, чтобы этот баденский батальон, удалившись настолько от прочих сил, не потерпел неудачи. Как следует из письма генерала Макдональда, противник все еще находится против Вильдона, а корпус Гиулая находится в на-

правлении Радкерсбурга; при таких условиях сильная кавалерийская дивизия, выдвинутая через Керменд в тыл противнику, могла бы обеспечивать наши сообщения, в особенности, если бы она была поддержана сильным отрядом из войск генерала Макдональда, выдвинутом в том же направлении. Генерал Макдональд должен выслать на разведку сильный авангард в Фюрстенфельд и оттуда на Керменд". Как видно, Наполеон считает, что кавалерия своими силами не может произвести разведки, и требует, чтобы она перед намеченным пунктом была подкреплена сильным авангардом, включающим и пехоту, и артиллерию. Семьдесят шесть германских эскадронов 1870 года, рассеянные по обширному фронту, и „имеющие в нескольких переходах за собой 5-ю пехотную дивизию" не могли обладать значительной силой проникновения, что же касается до 5-й пехотной дивизии, то она могла дать им опору, помочь им собраться, в случае отступления, но ее удаление мешало бы ей принять непосредственное участие в развязке.

Мог ли этот авангард, по крайней мере, оказать достаточно продолжительное сопротивление, чтобы выиграть время для сосредоточения?

„Он должен будет предшествовать армии на один переход". Следовательно, он даст на сосредоточение двадцать четыре часа, впрочем это все, что Мольтке требует.

„Чтобы произвести сосредоточение в виду предстоящего сражения, нам нужен один день, который армейский авангард должен обеспечить".

Он требует двадцать четыре часа, и, повидимому, они у него будут, если неприятельский удар направится на 5-ю дивизию, но что успеет он сосредоточить за это время? Силы, находящиеся на расстоянии одного перехода, не больше. Каково будет их количество?

Возьмем для примера из расписания проектированных маршей, двадцать третий и двадцать пятый день мобилизации; распределение сил будет следующее:

23-й день:
- 1-я армия—фронт Мерциг, Саарбург,
- 2-я армия—фронт Форбах, Сааргемюнде, Рорбах,
- 3-я армия—фронт Ингвейлер, Буксвиллер.

Общее протяжение фронта занимает больше 100 километров.

25-й день:
- 1-я армия—фронт Буллэ, Бузонвиль,
- 2-я армия—фронт Фокмон, Сент-Авольд, Моранж, Рорбах.
- 3-я армия — фронт Друлинген, Ла-Птит-Пьер, Сент-Авольд.

Общее протяжение фронта 80 километров.

Если авангард атакован на двадцать третий день мобилизации, то немедленно отдается приказ о сосредоточении. 2-я армия может, в течение двадцать четвертого дня, сосредоточиться в своих собственных пределах; точно также и 1-я и 3-я армии в своих пределах смогут сосредоточиться.

Следовательно, если противник атакует на двадцать четвертый день, то он встретит 2-ю или 1-ю, или 3-ю армии, но всего лишь одну из них, т.-е. треть сил, так как армии слишком удалены друг от друга, чтобы принять участие в одном и том же бою. Таковы же будут результаты, если вместо того, чтобы самостоятельно сосредоточивать каждую армию, общее сосредоточение будет отнесено на какой-нибудь пункт фронта.

Больше того, если противник появится, минуя 5-ю пехотную дивизию, что не представляет для него затруднений ввиду ширины пространства, по которому он может подойти, то в распоряжении даже не окажется и двадцати четырех часов.

Мольтке продолжает: „правда, 2-я армия на девятнадцатый день уже закончит сосредоточение на границе (близ Бильдшток, Сент-Энбер), но у нее еще не будет обозов. Помимо того, необходимо подтянуть 4-ю армию. Конечно, первые прибывающие части 4-й армии могут быть последовательно направлены на Цвейбрюкен, но чтобы подтянуть последние, надо не менее четырех суток. Таким образом, 4-я армия полностью станет на свое место позади 2-й армии лишь на двадцать четвертый день“.

„Повидимому, не выгодно переходить границу раньше, чем мы будем в состоянии принять сражение в любой день“.

„В виду особых обстоятельств, необходимо, чтобы движения всех корпусов и дивизий специально регулировались верховным командованием“.

Как видно, Мольтке предполагает командовать не армиями, а армейскими корпусами и дивизиями. Движением этих частей, даже еще до какого-либо воздействия неприятеля, будет руководить верховное командование. Трудно полнее признать, что подразделение по армиям не совершенно; оно с самого начала оказывается не жизненным.

„Сгруппировав 2-ю и 4-ю армии в три основные колонны, в два эшелона, будет возможно вести их до Мозеля, имея фронт и глубину движения в один переход. Таким образом, однодневного перехода будет достаточно, чтобы сосредоточить 150.000 человек к центру или даже на одно из крыльв первой линии“.

„Все корпуса будут иметь при себе свои обозы: последние будут остановлены (чтобы расположиться вагенбургом

вне дорог), лишь когда авангард даст знать о близости противника".

„Длина переходов должна быть определена в две с половиной мили [1]). Выступать придется ранним утром".

„IV и X корпуса образуют частные авангарды".

„Кавалерийские дивизии 2-й армии будут находиться впереди; на вытягивание пехотных дивизий потребуется около шести часов. Следовательно, 4-я армия в общем около полудня будет нагонять обозы 2-й армии, что, однако, не помешает ей достигнуть своих бивуаков, хотя бы потребовалось продолжать марш и в после-полуденное время".

„В виду политической обстановки является мало вероятным, чтобы 1-я армия встретила сопротивление, передвигаясь, чтобы примкнуть к правому крылу 2-й армии.

Наоборот, очень возможно, что 3-ю армию придется сразу же подкрепить за счет 4-й армии. Удовлетворив эту потребность, оставшиеся части 4-й армии последуют за наступлением 1-й и 2-й".

„Если же французы, наоборот, сосредоточат все свои силы на нашем фронте, то 3-я армия присоединится к общему наступлению на Мозель. Во всяком случае нам всегда придется иметь в виду, что мы можем оказаться перед необходимостью повернуть фронт на юг".

Имея в виду общее или частичное сосредоточение наших сил, необходимо ежедневно учитывать имеющиеся поперечные сообщения".

Признав систему Мольтке несовершенной для парирования неприятельского наступления на случай обороны, постараемся установить, каковы ее достижения в наступлении. Допустим, что сосредоточение сил на линии Витлих, Нейнкирхен, Гомбург, Ландау закончилось без затруднений, что движение вперед началось, что противник не атакует 5-ю пехотную дивизию, и что кавалерия обнаруживает главные силы французов. Тогда намеченная Мольтке операция состоит в том, чтобы обрушиться на эти главные силы центром своей группировки—главной армией. Эта армия должна атаковать неприятельский фронт, чтобы вцепиться и связать его; тем временем разовьется обходное движение одной из фланговых армий, долженствующее дать решение, принципиально это будет правофланговая 3-я армия, специально для этого организованная.

Это, действительно, та мысль, которая вытекает из чтения инструкции от 6-го мая 1870 года; когда наступит июль, то именно эту операцию и будут стремиться выполнить. Политическое положение значительно улучшилось; Южная Германия решительно присоединилась к Северной. Однако, число

---

[1]) 18½ километров. (*Прим. переводчика*).

армий, находившихся в распоряжении прусского командования, не изменилось, они лишь усилились. План остался тем же.

„Повидимому, основному плану ставки его величества отвечало бы, если бы было занято выжидательное положение и мы стремились бы удержать французскую армию (Лотарингскую) на Сааре, пока продвижение 3-й армии не позволит ей перейти к решительным действиям. В случае решительного столкновения на самой французской границе, 1-я и 2-я армии могли бы вступить в бой на фронте, а 3-я армия, быть может, вскоре оказалась бы в состоянии атаковать во фланг на верхней Сааре“ [1]).

Разрешив свою задачу в Нижнем Эльзасе, 3-я армия, чтобы принять участие в действиях против главной неприятельской позиции на Сааре, должна была направляться с таким расчетом, чтобы 9-го августа выйти на Саару выше Саргемюнде.

В дальнейшем, факты нам выяснят слабую сторону намеченной комбинации, и тогда мы вернемся к изучению ее. Теперь же займемся достоинством системы, рассматриваемой самостоятельно, что является прямым долгом критика.

I. Сражение, которое проектируется на Сааре на 8-ое и 9-ое августа, может иметь место при следующих условиях:

1) если французы до того не перейдут в наступление;

2) если французы не отступят;

3) если французы не начнут маневрировать вправо или влево. Одним словом, комбинация может удасться лишь при условии, что противник по существу неподвижен, так как до этого дня наступление ничем его не связывает.

II. Кроме того:

1) если французы отступят, то маневр придется впустую. Придется организовывать новую операцию, кризис же народится и будет продолжаться в течение всего времени подготовки. Кроме того, результатом удара впустую явится такое сосредоточение и скопление армий, которое на несколько дней лишит их подвижности.

2) Если французы будут маневрировать вправо или влево от намеченного пункта, в особенности к востоку, то заранее намеченная операция создаст беспредельную путаницу, среди которой придется наметить и организовать новую операцию.

III. Решение достигается фланговой армией, в сражении на Сааре 3-й армией, приблизительно третьей частью сил; это бесспорно значительная масса, способная обеспечить тактический результат и победу дня, но в то же время неспособная обусловить такие огромные последствия, какие давали наполеоновские операции и сражения, в которых решение достигалось направлением главных сил.

---

[1]) Франко-германская война, труд прусского генерального штаба.

IV. Примерно 9-го августа, в течение операции на Сааре, соединение 1-й, 2-й и 3-й армий должно последовать на самом поле сражения (как в 1866 году соединение трех армий под Кениггрецем). Это соединение, следовательно, до последнего дня остается спорным и неверным, поставленным в зависимость от маневра противника; таким же неверным оказывается, в конечном итоге, и преследуемый тактический результат,— решение.

Сопоставим с этим представлением Мольтке о наступлении непосредственным маневром боевого организма Наполеоновскую концепцию—безразлично 1805, 1806 или 1807 годов. Его боевой организм состоит из трех колонн, трех масс (1806 год), и имеет голову, собственный орган, в виде общего авангарда (в 1806 году он состоял из I корпуса и резервной кавалерии, под начальством зятя Наполеона, Мюрата). Маневр Наполеона заключается в том, чтобы разыскать противника этим авангардом, который имеет достаточную численность, и в случае необходимости может быть усилен. Затем, против неприятеля, уже связанного авангардом будет направлен маневр и атака главных сил всей армии боевого организма, уже осведомленного и сосредоточенного целиком до начала боевых действий. Обойдя неприятеля главными силами, Наполеон сразу появляется на комуникационной линии неприятеля, и захватывает ее. Отсюда эти сражения с перевернутым фронтом, имеющие столь существенные последствия, характерные для наполеоновских войн.

Как видно, Наполеон ожидает конечного успеха от тактики, и успеха значительного (главные силы являются его маневренной частью). Но одновременно он много требует и от стратегии; в частности он требует от нее указания направления, на котором эти значительные тактические результаты могут приобрести решительное сокрушающее значение.

В конечном счете, сопоставление полководцев, с точки зрения завязки сражения, дает следующее: Наполеон, своими сосредоточенными главными силами обходит противника еще до сражения, и лишь затем начинает атаку. Мольтке обходит противника во время самого сражения и только частью сил (в сражении на Сааре 3-й армией); при этом сосредоточение сил и средств происходит на самом поле сражения путем концентрического схождения колонн. Наполеон более уверенно следует к победе, более обильной результатами. Он их достигает благодаря своей стратегии, которая должна указать направление, открывающее путь к ним, и благодаря вождению войск, которое, пользуясь применением авангарда, позволяло достигать высших результатов в комбинации времени и пространства.

Зато операции Наполеона связаны с крупным риском: обходя, он рискует сам быть обойденным; перерезывая со-

общения неприятеля—потерять собственные. Отсюда заботы великого деятеля за свою операционную линию. Ограничимся одним примером: в 1806 году Наполеон организует двойное базирование—на Дунай и на Рейн.

При современных армиях, которых оккупированная местность не в состоянии прокормить, и которые могут жить только подвозом с тыла, значение маневра, направленного против неприятельских сообщений, существенно возросло. Если он приведет к успеху, то это означает гибель противника. С другой стороны, эти сообщения стали относительно короткими, и их легко прикрыть. Сверх того, при современных размерах армий и некоторых других новых обстоятельствах, выход на неприятельские сообщения сопряжен с крупными затруднениями, равно как и подготовка, и проведение сражения с перевернутым фронтом.

Таким образом, исходным пунктом наполеоновского сражения, ведущего к большим результатам, бесспорно является применение авангарда; достижения Наполеона вытекают также из того, что он, сосредоточивая с самого начала свои войска на фланге неприятеля (на правом в 1800 и 1805 году, на левом в 1806 году), сразу захватывал комуникационную линию; отсюда Ульм и Иена. Но в его распоряжении находились и помянутые значительные пространства, и он использовал их для этой цели. Надо вспомнить отправные точки маневра его армий и количество переходов, предшествовавших сосредоточению. Таких расстояний для маневра теперь не существует, и если не следить за сохранением их, то они и вовсе исчезнут. Железные дороги немедленно перебрасывают к общей границе человеческие массы противных сторон, в особенности если к железным дорогам не предъявляют других требований, кроме полного использования для перевозки войск, по возможности, до ближайших к границе пунктов. Железные дороги бросают высаживаемые войска лбом против лба, фронт к фронту; развертывание получает линейный характер, и при желании возможно полного использования железных дорог, занимает все протяжение узкой общей границы (как, например, граница между Францией и Германией в 1870 году в Палатинате).

В наполеоновскую эпоху сосредоточение происходило походным порядком, следовательно, медленно. Главнокомандующий имел в своем распоряжении достаточно времени, чтобы разведать группировку неприятеля, и по мере того, как складывалась его оценка обстановки и намерения неприятеля, он имел возможность изменять направление марша, и шаг за шагом продвигать свои колонны, с целью выиграть неприятельский фланг.

Теперь, для ускорения сосредоточения, имеется тенденция заранее во всех подробностях устанавливать перевозки; при

таких условиях сосредоточение не может быть изменено. Заблаговременная разработка перевозок создает лишенную гибкости операцию, которая ведет к навязанному сосредоточению, в заранее установленном направлении, которое обычно приходится не против фланга, а против центра неприятельских сил [1]).

Сосредоточение происходит с максимальной скоростью и одновременно со сосредоточением противника. Оно уже заканчивается в тот момент, когда можно было бы расчитывать получить точные данныя относительно неприятеля, выяснить, где его фланг и т. д., но уже нет времени изменить сосредоточение и отнести его против установленного, наконец, фланга.

Таким образом, вследствие скорости, с которой происходит операция сосредоточения, тот из противников, который стремится взять в свои руки инициативу стратегического наступления, должен бесповоротно ее фиксировать заранее. При этом теряются следующие возможности: комбинировать стратегический маневр, сообразно с установленным в последнюю минуту положением неприятеля; выиграть неприятельский фланг или тыл; возможно лишь путем охвата частью сил организовать сражение, расчитанное по Наполеоновски на достижение больших стратегических результатов.

Таковы соображения, обусловившие маневр Мольтке в 1870 году, a priori исключающий наступление против неприятельской коммуникационной линии. О нем начнут размышлять только после Верта и Шпихерна, которые позволят провести операцию вокруг Меца.

Может быть, надо искать причину, почему Мольтке ограничился более прозаическим маневром сравнительно с артистическими гениальными операциями Наполеона, в том, что он заранее усматривал современные трудности их выполнения. Операция Мольтке легче может быть доведена до благоприятного исхода; надо еще лишний раз подчеркнуть осторожность и мудрость теории, не посягающей на вечно истинный принцип применения силы—атаки фронта и решительной атаки,— но в применении его руководствующейся мерой, которая в данном случае представляется отвечающей отношению сил, и характером, который надо дать ведению операции в этих

---

[1]) Эти соображения для настоящего времени не верны. Уже в 1870 г. Мольтке мог маневрировать станциями высадки, отодвигая выгрузку к Рейну или продвигая ее к границе. К моменту же мировой войны германское управление железными дорогами было доведено до высокой степени гибкости, и любые технически-возможные изменения направлений движущихся эшелонов с войсками были возможны в каждую минуту, без всякого смятения. Правда, что Австрия начала войну 1914 года с жесткими планами перевозок, и не смогла изменить направление перевозок, данных на Сербию, в Галицию, когда Россия объявила войну. В России была полужесткая система, с вариантами, заблаговременно разработанными. (*Примечание редакц.*).

условиях; безусловно правильное распределение сил по фронту, и несомненно спорное в отношении глубины их эшелонирования.

Что же касается до операции, нацеленной против коммуникационной линии, то только будущее покажет, возможна ли еще она в условиях численности, пространства и времени на рубеже XIX и XX столетий. Запомним лишь, что артистическую и логическую сторону развития военного искусства надо искать в этом направлении.

Что же касается до распределения сил в отношении глубины, то мы уже ознакомились с взглядами Мольтке на авангард — крупный кавалерийский корпус, поддержанный сзади, на расстоянии нескольких переходов, пехотной дивизией; и так:

Орган разведки сомнительного достоинства.

Орган сопротивления, недостаточно могущественный.

Больше того, он не дает и этого органа, не сохраняет его в своем непосредственном распоряжении, а распределяет все наличные силы между тремя армиями. Что же получается — каждая армия имеет собственную цель и посвящает на ее достижение все свои средства. Но в таком случае проектированный кавалерийский корпус не создастся, и задача, признанная, однако, необходимой для развития операции в целом, остается не выполненной. Из этого можно немедленно сделать следующий вывод: чтобы выполнение задач авангарда, необходимость которого признавалась даже Мольтке, являлось обеспеченным, авангард должен иметь организационную законченность, ставящую его в независимое от армии положение; авангард должен оставаться в распоряжении главнокомандующего.

Что касается Мольтке, который не имел в своем распоряжении такого органа, то легко можно предвидеть следующее:

1. Разведывательных данных у него не будет, или он будет осведомляться последним; отсутствие данных заставит его откладывать принятие решений, или заставит решаться, основываясь на гипотезах; он будет действовать вслепую.

2. За отсутствием прикрытия, которое бы обеспечивало сосредоточение всех сил, он будет неожиданно сталкиваться с противником, не успевая собрать разбросанные для марша части своих армий.

Итак, для Мольтке органически совершенно недоступно основанное на знании обстановки стратегическое управление, и он поведет свои армии от неожиданности к неожиданности.

Что же выйдет? Ответ дадут нам его войска. Руководимые таким же способом, его армии, встретив противника, очевидно атакуют его не потому, что им дан соответственный приказ атаковать, не потому, что у них нет приказа не атаковать (каким образом они могли бы получить таковые, когда неизвестно, где противник). Внезапно оказавшись в присутствии неприятеля, войска неизбежно должны принять какое-нибудь решение и солдатские чувства будут диктовать им образ действий.

Пока верховное командование еще воздерживается от решения, войска уже подписывают обязательства. Пока оно, в виду окружающего его тумана, уклоняется от действительного руководства, войска избирают определенную линию поведения; войска руководят стратегической операцией, руководство которой фактически переходит в другие руки. Каково это?

Не имея никаких оснований, совершенно не представляя себе цели, войска руководятся первым инстинктом, зовущим к деятельности, и атакуют. Стратегическая операция переходит на ускоренный темп; ее понесло, но, по крайней мере, продолжает ли операция свое бытие, как стратегический маневр? Это мы посмотрим.

Войска атакуют.

Они не знают, находятся ли перед ними главные неприятельские силы, или небольшая часть их, за отсутствием данных, без которых обходится главнокомандующий и без каковых, по его примеру, обходятся и командующие армиями—та же школа, та же среда; войска атакуют, не зная, по силам ли им противник.

Они не знают намерений верховного командования, которые, находясь в зависимости от недостаточных или запоздалых сведений, не могут принять определенных очертаний или уже не отвечают обстановке дня.

В виду положения в служебной иерархии авангардных начальников, последние вступают в бой, не зная общего положения своей армии (командирам бригад не сообщают по дням группировку всех сил в совокупности), следовательно они не знают, предпринимают ли они рациональный или нерациональный шаг.

Как видно, войска ввязываются в бой в полном неведении:

1. Неприятельского положения.

2. Положения их собственной армии.

Из этого вытекает вся необоснованность решения, предпринимаемого по их инициативе.

1. С тактической точки зрения: большая опасность—направить удар на весьма превосходные силы противника.

2. Со стратегической точки зрения: сражение завязывается там, где оно не являлось желательным верховному командо-

ванию, когда оно его не хотело (подготовка сражения еще не закончена), и иначе, чем оно его хотело.

Непредвиденное, импровизированное и не поддающееся руководству сражение—таковы, скажем мы, непременные последствия подобного вождения. При наличии деятельного противника исход был бы роковым. В итоге, стратегия дурно завязывает бой, и верным следствием был бы разгром, если бы превосходство в тактике не выдвигало на поддержку стратегии свои аргументы, которым всегда принадлежит решающее значение [1]).

Впоследствии факты в изобилии подтвердят обоснованность этой критики. Если мы излагаем эти выводы прежде фактов, то это потому, что их можно предвидеть заранее. Когда мы строим систему, то мы заранее должны оценить, что она может дать. Известные последствия, вытекающие из самой организации, являются роковыми и определенными. Что посеешь, то и пожнешь; грушевое дерево дает только груши; будут ли условия для него благоприятны или нет, яблок оно никогда не даст.

Таким образом, теперь же запомним и установим превосходство наполеоновской комбинации, в которой авангард не только дает возможность достигнуть атакой крупных результатов, о чем говорилось выше, но также делает достижение их *обеспеченным*; авангард позволяет атаковать там, где хотят, *как* и *когда* хотят, *с полным пониманием положения*; авангард организован так, чтобы *видеть*, *атаковать*, *выдерживать*, *отступать*, *маневрировать* и т. д.

Вспомним 1806 год.

Если мы сделаем попытку перейти от маневра, проектированного и частично осуществленного Мольтке в 1870 году, к операциям, на которых останавливается мысль немецких писателей в 1900 году, то концепция их нам покажется той же.

Иорк-фон-Вартенбург останавливается на трудности выполнения наполеоновского маневра в современных условиях. Фон-дер-Гольц признает, что верховное командование не в силах удержать в своих руках действительное управление; он великолепно усматривает, что в действительности управление переходит в руки начальников тактических авангардов.

---

[1]) Из тех фактов, которые натолкнули немцев на теорию встречного боя, Фош делает вывод, жестоко осуждающий всякие встречные действия, и стремится сохранить, вопреки эволюции военного искусства, Наполеоновское централизированное руководство сражением. Авангард является основной панацеей. Это осуждение встречного боя — основное учение французской доктрины. (*Прим. редакц.*).

„Когда находящиеся в движении массы вынуждены совершать марш на широком фронте, то шансы внезапно натолкнуться в том или другом пункте на противника увеличиваются. Тогда соседние колонны спешат устремиться на выстрелы. Решительный бой завязывается на местности, на которой наш выбор не останавливался, и в момент, когда его не ожидали. Таким образом, именно по отношению главнейшего акта войны, боя и сражения, высшее командование меньше всего является хозяином положения и оказывается в наибольшей степени подчиненным чужой воле и капризам случая. Ему почти нормально придется считаться с „совершившимся фактом“ и в тот момент, когда до него дойдет первое донесение о столкновении, оно уже будет иметь дело с основательно разгоревшимся боем“.

„Столь слабое влияние главнокомандующего на завязку решительных эпизодов войны, на тактические кризисы, является одной из главных трудностей, характеризующих современную войну. Часто оказывается взята линия поведения, идущая наперекор самым искусным планам главнокомандующего, и самые точные его расчеты являются опрокинутыми“.

„Нам возразят, что его воля должна быть всем известна и всеми уважаться. Но на войне невозможно все предвидеть. Чтобы действовать, каждый должен руководствоваться преходящим лучем света, который в известный момент частично рассеивает мрак“.

При наличии такого бессилия командования управлять, признаваемого германской организацией, оно оказывается вынужденным предоставлять принятие решения частным начальникам, которые силою вещей оказываются неосведомленными. Разве не предпочтительнее наполеоновская организация, которая гарантирует верховному командованию возможность продолжать командовать, дабы ничто не делалось наперекор его планам и не опрокидывало его расчеты, и которая представляет обеспечение от неприятельских предприятий и увлечений своих войск; она до желательного момента удерживает войска от притягательной силы сражения и дает длительность мимолетному лучу света, вследствие непрерывности работы обеспечивающего органа, находящегося в руках главнокомандующего, и таким образом позволяет ему действительно руководить ведущей к сражению операцией.

Полковник Бернгарди, оставаясь на почве концепции Мольтке, стремится еще обострить ее путем большего развития подготовки, с целью придать исполнению молниеносный характер. Он пишет:

„Подготовка мирного времени должна сделать шаг вперед, сравнительно с современным ее состоянием“.

„По окончанию сосредоточения, наступательный маневр должен проявиться внезапно, как молния из-за туч; он должен иметь характер естественной необходимости, присущей логическому выводу. Чтобы такое наступление оказалось возможным, надо подготовить и изучить его самым тщательным образом и расписание переходов установить во всех подробностях“.

„Вся эта подготовка в течение будущей войны скажется полностью и придаст ей особый характер. Общий план не должен ограничиваться подготовкой сосредоточения, имеющего в виду различные операции, которые возможно предвидеть и выполнить, но которое откладывает решение (выбор предстоящей операции) относительно подлежащих реальному осуществлению действий до того момента, когда сосредоточение будет закончено, и все, что возможно, будет известно о противнике. Такой образ действий был еще возможен в 1870 году. Теперь же основанием для сосредоточения уже должно являться определенное решение действовать, и эта воля к действию должна быть доведена до таких пределов (подготовкой, дающей возможность выиграть время), что противник, несмотря на то, какие бы планы он не составлял, был бы безусловно подчинен закону, предписываемому нашей инициативой“.

Следовательно, будущее германское сосредоточение не является сбором войск для преследования в дальнейшем одного из нескольких вариантов: оно имеет в виду операцию, намеченную a priori, выполнение которой фиксировано заранее (направления и средства), которой к тому же предшествует обширная подготовка, дающая выигрыш времени у противника и в итоге сотканная из воли и решимости—условия, гарантирующие инициативу и возможность сразу поставить неприятеля в подчиненное положение. Это постоянное усилие, направленное на то, чтобы в кратчайший срок захватить руководящее положение в борьбе. Но как бы эти черты не были развиты, нам представляется, что для того, чтобы операция привела к известным военным достижениям, к сокрушению противника, надо, чтобы удар был нанесен, и нанесен верно. А для этого операция должна вестись не наугад, а в светлую, чтобы эта операция, подготовленная с определенной идеей, установленной a priori, оказалась подготовлена с верной идеей, т.-е. в направлении, где она окажет надлежащее действие и приведет к успешному сражению с важными последствиями. Без такого конца быстрота и инициатива не представляют ценности, следовательно идея и направление операции, установленные заранее, должны иметь в основании стоющие соображения. В 1870 г. подобные возможности не открывались перед немцами и их вождем Мольтке. Чтобы атаковать французские армии, немцы должны были сосредоточиваться, имея в виду несколько вариантов, так как до

об'явления войны французы не имели определенного плана сосредоточения и Мольтке не мог знать, каков он будет; чтобы выяснить французское сосредоточение, Мольтке должен был обождать, пока оно закончится.

Иначе обстоит вопрос для германского генерального штаба в 1900 году. Великие европейские державы имеют планы сосредоточения, которые предстоит осуществить с началом войны. Отчасти эти планы начертаны местностью, сетью железных дорог и высадочными платформами; они также начертаны в различных документах, трактующих их шире или уже, в различных исполнительных мероприятиях, заблаговременно установленных. Эти данныя, более или менее известные, дают возможность полностью или частично восстановить установленный противником план сосредоточения.

„Сохранить в тайне подготовительные к войне мероприятия, в их совокупности, является невозможным; они проводятся в жизнь так, что все их видят и знают. Каждый может отдать себе отчет в силах, которые будут двинуты на войну, и если некоторые частности останутся в тайне, то это ничего не изменяет в представлении о целом, которое можно себе составить". (Полковник Бернгарди).

Таким образом, полковник Бернгарди считает, что в мере возможности быстро проведенная операция окажется обеспеченной во времени, а также придется правильно и в отношении пространства, так как она организована с здравым смыслом и базируется на данных о неприятельском сосредоточении, т.-е. на реальные величины, которые позволяют быстрой операции быть также и верной.

Подобная комбинация является применением в стратегии идеи Фридриха Великого, осуществленной им косым боевым порядком в тактике: заранее твердо разработанная в своих приемах атака дает выигрыш во времени над мероприятиями неприятеля—концепция к которой, как мы видим, всегда возвращается прусское мышление. Тем не менее, как она провалилась в тактике, также она проваливается и в стратегии перед наполеоновской концепцией, перед армией, маневрирующей в стратегии, как в тактике, чтобы создать в обоих случаях внезапность; последнюю, при современных условиях, прежде всего может дать нефиксированное до последнего момента сосредоточение; такое сосредоточение невозможно знать и взять заранее на мушку; при современном развитии материальных средств, в особенности железных дорог, являющихся душой работы по сосредоточению, такое отсутствие заблаговременной фиксации является возможным. Этот новый шаг вперед вновь возрождает являвшуюся недоступной за последнее время эластичность.

Сосредоточение 1870 года, сравнительно с сосредоточением Наполеона, являлось отчасти обусловленным по форме

и зафиксированным в пространстве необходимым для экономии времени, обязательством полностью использовать все железные дороги, пригодные для перевозки войск к границе. Эти железные дороги не были ни слишком многочисленны, ни слишком провозоспособны; их использование являлось еще делом новым.

Ныне дело обстоит иначе.

Военные требования вызвали постройку чисто стратегических железнодорожных линий.

Требования торговли и промышленности увеличили число и мощность чисто коммерческих железнодорожных линий.

Все уголки государства стремятся иметь железные дороги. Многие из них имеют двойную колею.

Использование железных дорог для военных операций (например, на больших маневрах) превратилось в обычное явление. Связь между эксплоатирующими органами (акционерными обществами) и генеральными штабами, между железнодорожным персоналом и армией стала действительной и близкой.

Вывод:

1) Нет больше необходимости полностью использовать все железнодорожные линии, ведущие к границе; имеется избыток, или по крайней мере изобилие железнодорожных линий, излишняя провозоспособность; является возможность комбинировать использование железных дорог и составить несколько комбинаций.

2) Обучение персонала позволяет лишь в последний момент остановиться на одной из комбинаций, которая устанавливает распределение сил в пространстве.

Следовательно, в отличие от того, что было в 1870 году, вновь возраждается возможность сосредоточения, решенного в последний момент и создающего ipso facto [1]) внезапность в стиле Наполеона, в особенности если к этому гибкому использованию железных дорог еще добавить сочетание походных движений.

Эта гибкость позволяет при наступлении переместить предусмотренное противником сосредоточение, передвинуть центр тяжести сил, уклонив группировку вправо или влево и организовать систему внезапных ударов, при условии, чтобы она вместе с несколькими другими была изучена и подготовлена в мирное время, но остановились бы на ней уже только во время самой войны.

При обороне она также дает возможность в последний момент организовать контр-удар значительными силами, в размере целой армии.

---

[1]) Тем самым (прим. переводч.).

В итоге, в том и другом случае так понимаемое сосредоточение готовит противнику, который встречает не ту группировку, которую он ожидал, стратегическую внезапность. Оно позволяет в самое короткое время ответить на операцию, которую противник во что бы то ни стало проводит, и парировать его наконец развернувшуюся решительную атаку контр-атакой не меньшего масштаба, которая создает, чтобы поставить последнюю точку в сражении, добрую внезапность [1]).

Так в XX веке превосходная концепция Наполеона, сначала внезапность в пространстве, а затем во времени, открывает возможность восторжествовать над концепцией Бернгарди, который использует только одну категорию внезапности, время, быстроту выполнения, достигаемую путем более тщательной подготовки, и оставляет без внимания прочие элементы, образующие операцию.

Чтобы оттолкнуться от подобных идей, многие охотно сослались бы на хрупкость и негибкость железных дорог и на необходимую для них планомерность; эта задача будущего— установить предел возможности их использования. Находясь в верных руках, до сих пор они давали все, что от них требовали. Разве германское сосредоточение 1870 года не оставило далеко позади себя предвидения, которые Жомини формулировал в 1866 году?

Во всяком случае, борьба невозможна между двумя стратегиями, из которых:

1. Одна высаживает армии по заранее предусмотренному и более или менее известному плану, и затем направляет их прямо вперед.

2. Другая, которая высаживает войска в соответствии с решением, принятым в последний момент, и только тогда определяет направление перевозок, лишь в этот момент группируя маневренную армию, предназначенную:

или для решительного наступления

или для контр-атаки.

---

[1]) Мы не можем разделить мнения, что „стратегическая внезапность" на Марне опрокинула план Шлиффена и представляет торжество доктрины Фоша. Но мы относим целиком на счет последней проигрыш французами пограничного сражения. (*Прим. редакц*).

РАЗДЕЛЕНИЕ ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ТРУДА У ШЛИФФЕНА.

Вопрос об организации верховного руководства войной представляется очень важным для стратегии, и, начиная с Ллойда, все классики посвящали особую главу своих трудов обрисовке требований, предъявляемых ими к полководцу. Теоретический подход к выяснению этого вопроса давал лишь жалкие результаты. „Единоначалие", „полная мощь избранному полководцу"— дальше вариаций на эту тему умозрительный подход не вел. Чтобы сказать здесь новое слово, нужна была вся независимость от умозрений своих современников, которой обладал начальник прусского генерального штаба, граф Шлиффен, находившийся с 1906 года в отставке. „Презирай только разум и науку", цитировал однажды Шлиффен своему сотруднику отрывок из „Фауста" Гете. Это Шлиффеновское презрение к дерзновениям разума надо понимать, как выдвижение на первый план опыта, фактов военной истории, в хвосте за которыми, бесконечно отставая, ковыляет наше теоризирующее сознание. „Перед каждым, намеревающимся сделаться полководцем, лежит великая книга, озаглавленная „Военная История". Чтение ее, надо сознаться, не всегда занимательно. Приходится преодолевать массу безвкусного материала. Но за ним открывается действительность, заставляющая подчас сердце биться сильнее; глубины же истории дают познание как все было, как все могло бы быть, и как все повторится в будущем".

Шлиффен подходит к полководческой проблеме, как верный ученик Клаузевица, усматривающий в войне продолжение политики. Искусство ведения войны для Шлиффена не только задача стратега, но и задача политика. В верховном управлении нужно добиться сочетания политики и стратегии. В давно прошедшие времена это удавалось при объединении в одном лице функций политического и военного вождя государства. В новой истории, даже при монархическом устройстве, такие случаи являются исключениями. Появился очень опасный разрыв между политикой и стратегией, народилась какая-то „чисто военная точка зрения", противополагаемая политической, несмотря на то, что сама возможность ее существования оспаривается Клаузевицем: „существует бессмысленный обычай—призывать, при обсуждении военных замыслов, военных, чтобы они высказались с чисто военной точки зрения, что следует делать правительству; но еще бессмысленнее предложение теоретиков—передавать все имеющиеся средства полководцу, который составит чисто военный план для войны или кампании".

Генералы, командовавшие армиями в XVIII веке, были лишены какой-либо политической компетенции; поэтому они являлись не полноправными распорядителями на театре войны, а узкими специалистами, вынужденными испра-

шивать на все важнейшие вопросы указания из столицы. Это было еще терпимо в период, когда войны представляли борьбу двух правительств, в которых не принимали участие широкие народные массы, и это является недопустимым в XIX и XX веке. Здесь нужны другие решения.

Французское решение в начале мировой войны [1]) склонилось в пользу военной диктатуры. В ближайшие месяцы после Марны Жоффр правил, по существу, не только армией, но всей страной; он далеко вышел за пределы полномочий главнокомандующего, и в порядке своих приказов отменял, изменял, дополнял имевшие силу законы республики; кабинет министров безмолвно подчинялся его диктатуре. Нельзя сказать, чтобы это решение было особенно удачным, и позволило бы скорее найти правильные линии руководства войной. Клаузевиц, разбирая три возможные комбинации между политической точкой зрения и условно допускаемой им „военной"—подчинять себе политику, не считаться с ней, подчиняться политике, приходить к выводу, что единственно возможное решение заключается в подчинении военных соображений политическим требованиям, так как только в этом случае руководство войной будет иметь характер монолита, без каких-либо трещин. И действительно, с дальнейшим течением мировой войны, политические предпосылки ведения ее получили огромный вес, и Антанта должна была коренным образом переконструировать свое управление. Клемансо и Ллойд-Джордж в конце войны являлись ее истинными руководителями, а Фош являлся лишь техническим исполнителем, отнюдь не играя роли военного диктатора.

Шлиффен еще перед мировой войной дает теорию такого руководства войной; его статья „Полководец" представляет обоснование и той организации высшего военного управления, которое ныне установлено для С. С. С. Р. Нельзя отказаться от полноты политической компетенции полководца; нельзя ныне нигде найти лица, которое совмещало бы в себе и наивысшую политическую и наивысшую стратегическую компетенции—таких лиц ныне не существует в природе, даже в монархической стране, в военной юнкерской Пруссии, которую имеет в виду Шлиффен. Отсюда следует разложение полководца на некий комитет или совет. Наиболее компетентный генерал должен предпочесть положению ограниченного в своих правах полководца положение начальника штаба у лица, пользующегося достаточным политическим авторитетом. Возможность успешного функционирования полководца в его разложенном виде доказана исторически дуумвиратом Блюхер—Гнейзенау в 1813, 1814, 1815 годах, и триумвиратом король Вильгельм—Бисмарк—Мольтке в 1870—71 г.г. Мольтке не был полководцем, а только очень важным элементом полководческого комитета. В будущем, при современной сложности политических и военных вопросов, открывается арена только для полководческого коллектива, а не для полководца, воплощенного в одном лице.

Приводимая ниже статья „Полководец", впервые напечатанная в 1908 г. в военной энциклопедии Альтена, представляет поистине стихотворение в

[1]) Мы должны отметить, что в левой, республиканской части французского генерального штаба, весьма немногочисленной, взгляды Шлиффена нашли известный отклик. Так, полковник Дюпюи (в труде: La direction de la guerre, 1912 г.), не цитируя Шлиффена, излагает очень близкую к его трактовке теорию „интегрального полководца". (*Прим. редакц.*).

прозе. Свои очень смелые мысли Шлиффен высказывает в виде сарказмов. Саркастическая насмешка—это характерный стиль Шлиффена; так он накладывал и резолюции на официальных бумагах, так вел разбор полевых поездок, так давал оценки и в военно-исторических трудах, например, в своем важнейшем труде, известном ныне русским читателям,—„Канны“. Только очень невнимательный читатель найдет черносотенно-монархические взгляды в трудах Шлиффена. Надо уметь читать между строк, и понимать, что Шлиффен насмехается над фатализмом, видит бессилие монархов справиться с лежащими на них задачами, боится за тот замещающий полководца комитет из Вильгельма II с его слабым политическим советником и Мольтке - младшим, которому предстоит осуществлять составленный им план войны [1]). Значение личности не исчезает в полководческом коллективе; хотя один из его членов должен быть отмечен печатью гения. Шлиффен ее не видит ни у кого из своих заместителей—и глубокий пессимизм проникает всю статью.

Насколько смела мысль Шлиффена, мы можем понять, сравнивая выводы Шлиффена с выводами, которые делает Людендорф в своем труде: „Война и политика“. Людендорф, как и Мольтке-старший, поклонник Клаузевица; Клаузевиц особенно гениален в разработке вопроса об отношениях между стратегией и политикой, и в сущности, исчерпывающим образом разобрал только этот вопрос. И все же поклонники Клаузевица в мундирах—Мольтке, Верди, Леваль, Людендорф—как раз в этом пункте вступают в острое противоречие с Клаузевицем. Людендорф, серьезно занявшийся теорией стратегии только после мировой войны, приходит к такому искажению мысли Клаузевица: „война—это продолжение внешней политики другими средствами; вся прочая политика должна подчиняться требованиям войны“. Какое непонимание связи внутренней и внешней политики; какое представление о человеческих массах и движущих ими интересах; какой шаг назад по сравнению с Шлиффеном, который—один из очень немногих генералов, сумевший и в этом вопросе не разойтись с Клаузевицем...

Долгие годы работы над планом войны наложили свою печать на мышление Шлиффена; его военно-исторические работы отнюдь не имеют характер объективного исследования: стратегические тенденции проникают все историческое изложение Шлиффена, и военная история в его руках обращается в горячую проповедь.

Резкие оценки, яркие сопоставления, юмор великого специалиста, всю жизнь облекавшего свои поучения в форму сатиры, могут показаться русскому читателю удивительными в научном труде. Но нужно быть филистером, чтобы отнести Шлиффеновского „полководца“ в категорию фельетонов.

Редакция.

---

[1]) Уже в приведенном выше отрывке из фон-дер-Гольца читатель мог заметить тревогу, что то оперативное руководство, которое систематизировал Шлихтинг, удалось в 1870 году благодаря общему подъему, таланту и авторитету Мольтке-старшего, и легко может не дать успеха при других условиях.

ПОЛКОВОДЕЦ.

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ граф АЛЬФРЕД фон-ШЛИФФЕН.

Во главу войска или армии назначается главнокомандующий, верховный главнокомандующий, генералисимус или генерал-ан-шеф. Монарх или глава государства, от которого зависит выбор, предполагает, что имеет в назначенном лице— полководца. Не редко ему приходится разочароваться, так как полководцем нельзя быть назначенным, полководцем надо родиться и быть предопределенным. Смуглый пастушек Давид, которому было суждено победить филистимлян, Самуилом помазывается в цари, т.-е. в полководцы. Девятилетний Ганнибал клянется в вечной вражде к римлянам, и посвящается в полководцы перед алтарем Ваала. К Наполеону не приходил первосвященник и он не стоял перед алтарем Ваала, но все же еще корсиканским мальчиком он был воспламенен „Feu sacré“ [1]). Сын революции, как второй Прометей, сам похитил огонь с неба.

Задачей полководца является уничтожить или полностью сокрушить даже более сильного противника, о котором он не знает, где он находится, куда направляется и что намеревается предпринять. Чтобы достигнуть этой цели, полководец должен упорно преследовать избранный им путь, энергично преодолевая все встречающиеся затруднения, быстро находя выход при неожиданностях, до крайности развивая достигнутый успех и мужественно претерпевая удары судьбы. Чтобы оказаться на высоте этих требований, в полководце должно быть что-то сверхчеловеческое, что-то неземное, назовем ли мы это сверхчеловеческое и неземное словом гений, или как-либо иначе. Полководец должен верить в покровительство какой-то высшей силы. Цезарь уверен в помощи свыше, когда он в бурную погоду переправляется на маленькой лодочке из Бриндизи в Дирахиум и кричит отчаявшимся корабельщикам: „Quid times, Caesarem vehis“ [2]). Александр

---

[1]) Священный огонь. (*Прим. перев*).

[2]) Чего опасаетесь, Цезаря везете. (*Прим. перев.*).

Македонский считает себя сыном Юпитера. Константин Великий побеждает „In hoc signo“ [1]). Кромвель считает себя избранным орудием. Валленштейн вопрошает небо, благоприятствуют ли ему звезды. Под Бородиным Наполеон получает уверенность в победе, когда из-за туч появляется „солнце Аустерлица“. Даже у Фридриха Великого была надежда, что песнь его гренадер „Дай бог, чтобы я усердно выполнил то, что мне сделать надлежит“, поможет ему достичь едва возможного результата. Вильгельм I видел в самой блестящей победе мировой истории „перст божественного провидения“.

Но если начинающий свою карьеру полководец полагается единственно на свое божественное предназначение, на свой гений, на поддержку и покровительство высшей силы, то его победа будет плохо обеспечена. Напряженной работой подготовляется полководец к своему высокому призванию; его духовные и умственные силы должны возвыситься до полной ясности. Александр Македонский укрощает Буцефала и упражняется в единоборстве с оружием в руках, но он также сидит у ног Аристотеля. Цезарь был философом, оратором и историком. Еще в наше время ни один гимназист ничего не стоит, пока не изучит несколько книг Гальской войны. Густав-Адольф говорил на семи языках. Фридрих Великий владел всеми отраслями науки, за исключением орфографии и немецкого языка. Наполеон, в бытность школьником в Бриене, кажется был слаб в латыни, но он имел „Du feu pour l'algèbre“ [2]). У Мольтке не хватало, чтобы стать цеховым ученым, только академического стажа и докторского и профессорского титулов.

Но как много знаний требуется от полководца! Он должен не только уметь привести войско к победе, он должен его создать, вооружить, снарядить, обучить, обмундировать и прокормить. Возможно, конечно, что найдутся и другие лица, когорые возьмут на себя эти задачи, но едва ли им удастся угодить полководцу. Полководец не может стать во главе любой армии. Он должен иметь собственное войско. Надо полагать, что выражение Наполеона „люди, это ничто, один человек—это все“, означает, что один человек должен сформировать по своему духу и мысли людей, т.-е. своих солдат. Вахмистр в лагере Валленштейна говорит:

„Кто нас всех так выковал
Что никогда вы нас не различите.
Никто другой как Валленштейн“.

---

[1]) По знамению свыше.
[2]) Огонек к алгебре.

Не македонская фаланга, а фаланга Александра Македонского разбивает персов на Гранике. Не римские легионы, а легионы Цезаря переходят через Рубикон. „Богом благословенные драгуны“ Кромвеля побеждают при Насби. Наполеоновские гренадеры отправляются в Россию. Потсдамский вахтпарад Фридриха Великого берет штурмом Лейтен. Армии болеют, страдают и умирают вместе со своими полководцами. Когда отлетел дух философа из Сан-Суси, угасла и его армия. Наполеоновская армия не пережила Ватерлоо. Это не она погибла под Седаном. Точно также не армию Фридриха Великого повел герцог Брауншвейгский к Иене.

Однако, войска, хотя бы и самого лучшего, недостаточно, чтобы вести войну. Война является лишь средством политики. Чтобы это средство оказалось действительным, нужна подготовительная работа государственного человека. Никто не понимал этого лучше Наполеона. В 1806 году он победил пруссаков, прежде чем раздался первый выстрел на передовых постах. „Ваше величество“, писал он 12 октября, „вы будете разбиты“. Это адресат знал столь же хорошо, как и отправитель. Сражение при Иене было только формальностью, избегнуть которую не позволяла честь. Следовательно, полководец должен быть и выдающимся государственным человеком и дипломатом. Кроме того, он должен иметь в распоряжении те огромные суммы, которые поглощает война.

Удовлетворить всем этим требованиям может только монарх, который располагает совокупностью всех средств государства. Следовательно, полководец должен быть монархом. Среди великих полководцев, мы видим имена Александра Македонского, Карла Великого, Густава Адольфа, Карла XII, Фридриха Великого—все они родились монархами. Кромвель и Наполеон, доказав свои полководческие способности, произвели себя в монархи. Цезарь и Валленштейн поступили бы также, если бы тому не воспрепятствовали кинжалы Каски и партизана Деверу. Когда Рим оказывался в опасности, сенат назначал диктатора на правах монарха, и тем самым давал ему возможность стать полководцем и разбить врага. Ганнибал не был и не стал монархом. Этот минус и привел к гибели полководца карфагенской республики.

Пока во время войны сохранялось издревле установленное совпадение между понятиями монарх и вождь, до тех пор не было и недостатка в материале, из которого созидались полководцы. Но недостаток в полководцах сказался тогда, когда на троне наследственной монархии оказались лица, не считавшие себя способными или призванными стать во главе войска, и все же хотевшие или долженствовавшие вести войну. Они оказывались вынужденными доверить одному из генералов важнейшую прерогативу монарха. Обойтись без затруднений было не легко. Генерал должен побеждать. Но

если он побеждал слишком часто и выявлялся полководцем, то достоинство монарха оказывалось в опасности. Для последнего нет необходимости в наличии тенденций Макбета или Валленштейна. Уже радостные возгласы: „Саул побил тысячи, а Давид десятки тысяч", не ласкают слух ни одного монарха. Чтобы избежать наихудших последствий, монарх сохранял в своих руках руководство войной. Армии руководились из венских и версальских кабинетов. На генералов возлагались лишь узкие и ограниченные задачи. Им предписывалось осадить какую-либо крепость, разрушить город, захватить провинцию и иногда дать сражение. Решительное сражение и преследование должны были тщательно избегаться. Кондэ, Тюрен и Евгений Савойский довели этот условный образ ведения войны до величайшего совершенства. Стать полководцами они не должны были, так как полководец является естественным соперником короля. Угроза этого соперничества уже однажды вложила в руки Саула копье, чтобы пригвоздить конкурента к стене. Велизарий был посажен в темницу, ослеплен [1]), и чтобы влачить существование, должен был выпрашивать сквозь узкое темничное окно обол у проходящих. Как он смел победить готов и дважды спасти страну! Некий французский генерал, который не побеждал, был отозван, другой же, которому счастье, повидимому, слишком благоприятствовало, был сослан в свои имения. Австрийские генералы, терпевшие поражения в турецких войнах, назначались комендантами крепостей, победителю же при Асперне [2]) было запрещено всякое выступлепление, выходящее из круга частной жизни. Один русский генерал, возвращаясь на родину с половиной армии после похода, опустошившего Восточную Пруссию, Померанию и Неймарк, до последнего момента сомневался, не придется ли ему продолжать свой путь прямо в Сибирь, или же он получит орден святого Андрея Первозванного, необ'ятные земли и много тысяч душ крепостных.

В Пруссии дело обстояло иначе. Наследники фридриховской славы считали для себя неизбежной необходимостью выступать в поход вместе с своими армиями. Но так как ни Фридрих Вильгельм II, ни Фридрих Вильгельм III не чувствовали себя хотя бы немного полководцами, то они возлагали главнокомандование на герцога Брауншвейгского. Таким образом, на походе создавались две ставки — королевская и герцогская, которые часто с'езжались, чтобы держать военный совет. Окончательное решение, естественно, оставлялось за королем. Герцогу предоставлялось выполнять все, что он не

---

[1]) Историческая традиция, не имеющая под собой реальной почвы (*Редакция*).

[2]) Эрцгерцог Карл. (*Прим. перев.*).

желал и не одобрял. На это-то грустное полководчество и обрушился Наполеон. Чувствительные поражения, которые он нанес европейским державам, не могли быстро вызвать существенного улучшения. Выдвинулось несколько толковых генералов, но не полководцев. Еще в 1813 году лицо, именовавшееся главнокомандующим [1]), зависело от двух совещательных коллегий, из которых первая состояла из императоров и королей, а вторая из безработных и безответственных генералов. К счастью, во главе одной из союзных армий оказался человек, не сидевший у ног Аристотеля и не чувствовавший в себе „du feu pour l'algèbre“, но все же обладавший некоторыми существенными качествами полководца, и умевший пополнить недостающие посредством своего начальника штаба. Этот полководческий дуумвират добился самостоятельности, увлек за собой вождей остальных армий и сделал возможным поражение непобедимого, но уже стареющего мирового завоевателя.

Открытие роли начальника штаба привело к восстановлению положения: „король является предводителем на войне“. Монарх больше не выступает в поход зрителем, являющимся помехой для генерала, назначенного главнокомандующим, а сам берет на себя роль полководца, но имеет при себе начальника штаба, который ему докладывает обстановку и вызываемые ею требования. Этот метод имел успех на войне, которую в 1859 году Наполеон III вел с Австрией, но на стороне противника дал отрицательные результаты, а в начале кампании 1870 года не удался и тому же Наполеону. Одно назначение начальника штаба является недостаточным; берущий на себя заглавную роль должен иметь хотя бы некоторые задатки полководца. В виду этого, оба противника 1859 года возвратились к прежнему методу, австрийцы в кампанию 1866 года, французы при дальнейшем ходе войны 1870 года. Они назначали главнокомандующих с неограниченными полномочиями, но сохраняли за собой обычное право вмешательства. Ни Бенедек, ни Базен не стремились к должности полководца, так как сознавали свое несоответствие, и приняли ее лишь по принуждению. Подчиняясь этому насилию, они все же охотно бы одержали победы, если бы хоть немного знали, как за это взяться и с чего начать. Но так как они непокорно и упорно не побеждали, то были по заслугам приговорены, один к духовной, а другой к физической смерти.

В Пруссии проблема полководца, наконец, была разрешена. В 1866 году король сам возглавляет созданную им же, его собственную армию. При нем находится политик и начальник генерального штаба. Ни один из этой тройки не

---

[1]) Князь Шварценберг.

соединяет в себе всех данных, требующихся для полководца; но каждый обладает в большем или меньшем количестве теми качествами, которые создают полководца, и имеет возможность дополнять остальных двух.—Первая задача монарха-полководца и его двух паладинов состояла в том, чтобы по возможности улучшить соотношение между собственными и неприятельскими вооруженными силами. Эта задача преимущественно разрешается путем привлечения союзников и образования коалиции, союза, Антанты [1]). Но такие союзы дают сравнительно мало, в виду стремления каждого отдельного члена спихнуть на другого львиную долю работы, и оставить за собой таковую при дележе. Такие обстоятельства и помогли Фридриху Великому уничтожить образовавшуюся против него коалицию: он атаковал одного из союзников, прежде чем последний мог рассчитывать на поддержку другого, а затем обращался направо и налево на подходивших в разброд противников. Между 1805 и 1807 г.г. Наполеон разбил сначала австрийцев, затем австрийцев и русских, затем пруссаков и, наконец, опять русских. Хотя в своей совокупности враги Наполеона и имели значительное численное превосходство, он все-таки в большинстве случаев умудрялся иметь дело в бою с явно уступавшими ему в численности силами. Сам Наполеон ценил союзников лишь постолько, посколько они одновременно являлись его вассалами. Прочие державы он старался держать в отдалении, заботился о том, чтобы они связывали друг друга или поручал им отвлечь на себя часть неприятеля.

Подобным же образом действовал Бисмарк. Ему представлялось выгоднее, чтобы Италия удержала три австрийских корпуса, чем если она с вдвое большими силами будет сражаться на ряду с пруссаками. Франция и Россия первоначально несомненно должны были удовольствоваться ролью зрителей. Бисмарк не слишком стремился, чтобы эти державы поддерживали Пруссию; ему было гораздо важнее, чтобы они не поддерживали Австрию. Средние германские государства были отвлечены тремя дивизиями генерала фон-Фалькенштейна, ворвавшегося в Гессен и Ганновер. Все прочие попытки прикрытия отдаленных провинций отдельными отрядами удалось побороть. Судьба всей страны должна была разрешиться на главном театре войны. Там находилось семь австрийских и один саксонский корпус. По численности они приблизительно равнялись девяти направленным туда прусским корпусам, но уступали в вооружении. В виду этого, превосходство с самого начала было за Пруссией. Однако, надо было заранее предвидеть, что в случае, если война слишком затянется или примет решительно невыгодный оборот для

---

[1]) Согласия. (*Прим. переводчика*).

одной из воюющих сторон, то и в 1866 году одна или другая из соседних держав вступит в войну, как это сделала Пруссия в 1806 г., Россия в 1805 г., Австрия и Швеция в 1813 г. Европа может благосклонно созерцать, как две воюющие страны взаимно обессиливают друг друга, и в то же время не потерпит, чтобы одна из воюющих сторон, путем наращения своих сил новым излишком, стала опасна для остальных держав. В виду этого Франция, в мудром предвидении, предполагала в нужную минуту выступить с мирным посредничеством и извлечь из него честный маклерский заработок. Во избежание этого, Мольтке стремился быстро закончить войну одним сражением, чтобы поставить всех пред совершившимся фактом и таким образом пресечь дальнейшие шаги.

Чтобы уничтожить противника, надо прежде всего знать, где он находится. Разузнать это обыкновенно удается, в особенности теперь, когда развертывание армий в сущности уже предопределено сетью железных дорог. Гораздо труднее выяснить, куда устремится противник из своего района развертывания. Те сведения, которые могут дать кавалерия и дирижабли, обычно получаются слишком поздно. Полководец должен или угадать, или вычислить намерения противника. Во избежание недоразумений, Наполеон часто пользовался таким приемом: он двигался на неприятельскую столицу, будучи твердо уверен, что на этом пути он натолкнется на то, что он ищет. В 1806 году, Шарнгорст решил атаковать Наполеона на занимаемых им, по имевшимся сведениям, растянутых позициях, исходя из предпосылки, что французы останутся там еще в течение 20 дней. Но прежде чем Шарнгорст успел пройти половину пути до места ожидаемой встречи, противник уже исчез. Мольтке, наоборот, направил свои армии по двум различным путям туда, где, по его расчету, австрийцы должны были оказаться спустя десять дней.

Для уничтожения найденного противника Наполеон обычно стремился обойти его с фланга и принудить к сражению с перевернутым фронтом. Таким путем в 1806 году Наполеону удалось принудить прусскую армию к отступлению в неблагоприятном для нее направлении к западу, вследствие чего она могла уйти за Одер, лишь описывая большую дугу. В плане Мольтке на 1866 год не предвиделось отступления неприятеля в неблагоприятном для нее направлении, а высказывалось стремление к окружению и полному уничтожению противника. Расчет Мольтке был правилен, у него было достаточно твердости и энергии; не эти причины обусловили, что план Мольтке не удался, а то обстоятельство, что у командующих армиями и корпусных командиров отсутствовала школа и дисциплина, отчего одна из армий двинулась в решительную атаку слишком медленно и лишь с частью своих

сил. У противника оказалось достаточно времени, чтобы избежать окружения. Было достигнуто не уничтожение противника, а лишь, на подобие 1806 года, отступление его в неблагоприятном для него направлении. Для надлежащего преследования прусским командующим армиями не хватало наполеоновской энергии. Во всяком случае, противник был вынужден очень кружными путями отойти под прикрытие Дуная. Но тогда как в 1806 году прусская армия погибла, еще не успев отойти за Одер, в 1866 году австрийская армия, при помощи железных дорог, ускользнула от преследователя и ушла, хотя и в весьма плачевном состоянии, за Дунай. Там было сосредоточено войско, которое по численности превосходило находившиеся против него на другом берегу Дуная прусские армии. Положение Пруссии осложнилось еще тем, что Франция, по примеру русских в 1806 году, уже успела вмешаться. В 1806 году, Пруссия еще имела в резерве один корпус на правом берегу Вислы. К нему присоединилась русская армия, чтобы приостановить дальнейшее наступление Наполеона. Правда, в конечном результате разрешить эту задачу не удалось, но она потребовала продолжительного, кровопролитного и полного тягостей похода, который впервые поколебал устои гордой наполеоновской постройки. Однако, за все убытки пришлось расплачиваться лишь Пруссии. Россия извлекла даже некоторую прибыль. В 1866 году Франция предполагала применить тот же метод, и в своем воображении уже видела себя обладательницей левого берега Рейна и возглавляла новый Рейнский союз. Но она хотела достигнуть своей цели без таких сражений, как Прейсиш-Эйлау и Фридланд, а лишь путем дипломатической кампании. Но в этой области Наполеон III не дорос до Бисмарка. После нескольких тщетных попыток он должен был начать отступление. Австрия была предоставлена самой себе; угрожаемая Венгрией, она должна была склониться к миру, когда ее генералы заявили, что австрийские армии больше наступать не могут.

Известную закономерность в современных войнах, известное совпадение задач полководцев трудно отрицать. В 1870 году также намечалась коалиция против Германии. И она бы образовалась, если бы предшествовавшие войне переговоры велись с такой же медлительностью, как в 1866 году. Война вспыхнула, прежде чем трактаты были заключены. Гром пушек под Вертом отбил всякое желание нагнать потерянное время. На этот раз сражения на уничтожение удались, так как частные начальники, или по крайней мере большая их часть, приобрели известное понимание планов Мольтке. Мец и Седан явились столь блестящими боевыми подвигами, что нейтральные державы устояли перед искушением вмешаться в распрю соседей. Страх подвергнуться подобной же катастрофе заставил их воздержаться. Взамен выявился другой

момент: остатки французской армии и те новые силы, которые удалось собрать, бежали в Париж. Вновь внезапно приобрела значение борьба за крепости, которая в старые времена представляла самую существенную часть войны, но за последнее столетие как будто была отброшена на последнее место. К осаде такой гигантской крепости немцы оказались абсолютно не подготовленными. Война должна была быть закончена несколькими ударами. Теперь же она затянулась. Противник выиграл время, чтобы сформировать новые армии, а косо смотревшие державы имели возможность одуматься и взвесить, не представляется ли еще удобным подавить вновь нарастающее могущество. В 1805 году Наполеон избежал нормальной второй половины войны посредством достигнутого им заключения мира в Шенбрунне и Пресбурге, в 1807 году он сумел ее выдержать, а в 1813 году он на ней погиб; в 1866 году решительность Бисмарка устранила эту часть войны, но в 1870 году ей суждено было вылиться в грандиозную осаду, при чем предстояло преодолеть все те опасности, которые с одной стороны вызывались столь полным отсутствием подготовки к ней, а с другой—попытками прорыва из Парижа и подачи помощи ему извне. Только ясное мышление Мольтке смогло довести до конца вторую часть этой кампании, правда затянувшуюся на значительно более продолжительный срок, но закончившуюся едва ли менее блестяще, чем первая.

Теперь не представляется возможным, что борьба за крепость будет вычеркнута из программы будущих войн. Будущему полководцу придется с ней считаться. Во всех наших крупных сражениях, как Кениггрец, Гравелот, Седан, Париж, неприятельские крепости имели исключительно полезное значение для Пруссии и Германии. Они непроизвольно привлекали противника, не решающегося атаковать, задерживали его и способствовали или облегчали его окружение. И в этом лишь с трудом можно усмотреть основания, чтобы мы желали срытия валов и рвов, броневых башен и бетонных массивов. Они не испугают атакующего, наоборот, он извлечет из них выгоду. Правда, трудности, которые создаются в связи с новыми изобретениями и множеством крепостей, могут озадачить. Но всех их надо преодолеть, если неуклонно преследуется цель не оттеснить, а уничтожить противника. Все же условием настоящих и прошлых успехов является истинный полководец. В 1866 и 1870 г.г. полководец был представлен в виде триумвирата, и этот опыт удался, но это вовсе не значит, что ему всегда надлежит удасться.

Алфавитный указатель личных имен собственных [1]).

А.

Александр I, русский император (1801—1825 г.г.) 101, 229.
Александр II, русский император (1855—1881 г.г.) 86.
Александр Македонский (356—323 до н. эры) 55, 62—66, 70, 71, 186, 197, 198, 230, 232, 233, 244, 246, 247, 270, 276, 345—347.
Алексеев, Мих. Вас., генерал, нач. штаба в русской ставке в 1915—16 г.г. 219.
Альтен, редактор германской военной энциклопедии, оставшейся неоконченной к мировой войне. 343.
Амбриокс, вождь галлов в 54 г. до нашей эры. 68.
Антоний Марк, генерал Юлия Цезаря, затем триумвир; был разбит Октавианом Августом в морском бою под Акциумом в 31 г. до нашей эры. 69.
Арзасс, основатель парфянской династии Арзассидов (256—26 г.г. до нашей эры). 62.
Ариовист, вождь германского племени суэвов. 67.
Ариадна, дочь царя Миноса—образ из мифа о Тезее; нить Ариадны в современном понимании—тот путеводный огонек, который помогает нашему разуму выбраться из закоулков сложной системы рассуждений. 171.
Аристотель (384—322 г.г. до нашей эры), знаменитый греческий философ, наставник Александра Македонского. 159, 346, 349.
Афраний, генерал, сторонник Помпея, командовал армией в Испании во время гражданской войны с Юлием Цезарем. 69.
Ахилл, царь мирмидонский, самый славный герой Илиады Гомера. 157.
Ахилл (Ахиллас)—египетский министр при царе Птоломее XII, стремившийся освободить Египет от зависимости от Рима. 70.
Ахмед-Мухтар, турецкий паша, командовавший в Русско-Турецкую войну 1877—78 г.г. армией турок на Кавказской границе. 259.

Б.

Багратион, князь (1765—1812 г.г.), русский генерал, вышедший из школы Суворова, командовал в 1812 г. 2 армией, под Бородиным смертельно ранен. 101.
Базен, маршал Наполеона III, начал военную службу в Алжире; в 1870 г. командовал французской армией против двойных сил Мольтке, был окружен в Метце и сдался. Французские шовинисты обвинили в измене неподготовленного к трудной задаче, храброго генерала. 271, 349.
Барклай-де-Толли (1755—1818 г.г.), русский военный министр, командовавший в 1812 г. 1-й армией. Ему принадлежит большая заслуга в успешном исходе Отечественной войны. 101.

---

[1]) Цифры указывают страницы настоящего труда, на которых встречается данное собственное имя. Мы стремились привести полные титулы, так как многие писатели XIX века в своих трудах упоминают только титул: например, Бюлов пишет о Латур д'Овернь—надо разуметь Тюрена, Наполеон о князе-Московском—надо разуметь Нея.

Баскаков, неудачный профессор истории военного искусства в русской академии Генерального Штаба перед Русско-Японской войной. 87.

Бевернский, герцог, генерал Фридриха Великого. 94.

Бенедек, австрийский главнокомандующий (1804—1881 г.г.), ученик Радецкого, сын венгерского врача, демократ; Габсбурги свалили на него всю вину за поражение 1866 г., взяв с него слово, не оправдываться. 55, 215, 349.

Бервик (1670—1734 г.г.), маршал Франции, незаконный сын английского короля Якова II; убит при осаде Филиппсбурга. 74, 167.

Бернадотт (1764—1844), маршал Наполеона I, весьма склонный к интригам; вначале революционный генерал и военный министр, затем шведский король Карл XIV. 76. 286.

Бернгарди, Фридрих (род. в 1849 г.), сын Теодора Бернгарди, военного историка, написавшего крупную научную работу о Фридрихе Великом. Генерал, намечавшийся преемником Шлиффена, и который был уволен Вильгельмом II в отставку. Известнейший германский военный писатель, автор „Современная война", „Война будущего", трудов по коннице. 337, 339.

Бессус, сатрап Дария Кодомана, управлявший Бактрианой. После поражения под Гавгамеллами, с целью снискать расположение Александра Македонского, убил Дария. Александр выдал его брату Дария, который замучил его в 328 г. до нашей эры. 65.

Бисмарк, князь Отто (1815—1898 г.г.), германский канцлер, политик, об'единивший под гегемонией Пруссии немецкие княжества в Германскую империю. 195, 283, 343, 350, 352, 353.

Блуме, германский генерал, ученик Мольтке, три десятилетия работал над углублением своего труда по стратегии и выпустивший в 1912 г. книгу „О стратегии". 7.

Блюхер (1742—1819), прусский генерал, кавалерист, рубака; малообразованный, ненавидевший французов, он примкнул к партии Шарнгорста; в 1813—15 г.г. он командовал прусской армией, предоставляя широкое поле деятельности своему начальнику штаба Гнейзенау. Ему принадлежит крупная роль в Лейпцигской операции и в сражении под Ватерлоо. 76, 95, 96, 320, 343.

Богуславский, профессор военного искусства в Берлинской академии в 80-х и 90-х годах XIX столетия. Как стратег, является представителем антидиалектической точки зрения; боролся против признания стратегии измора в определении Дельбрюка. 7, 9.

Бонналь, французский генерал, выдающийся военный писатель, предшественник Фоша, как начальник французской военной академии. Уволен в начале XX века в отставку в связи с его консервативными, германофильскими взглядами. Величайшие его заслуги—постановка изучения походов Наполеона I в соответствии с научными требованиями. В отношении научной методологии близок к Густаву Лебону. 14, 31, 277.

Брауншвейгский, герцог Карл-Вильгельм-Фердинанд (1735—1806 г.г.), племянник Фердинанда Брауншвейгского, прусский генерал, участник семилетней войны, главнокомандующий войск. союзников против революционной Франции в 1792—1793 г.г. прусской армией в 1806 г., подписал 15-го июля 1792 г. в Кобленце возмутивший Францию контр-революционный манифест; смертельно ранен под Ауэрштедтом. 18, 301, 347, 348.

Брауншвейгский, герцог Фердинанд (1721—1792 г.г.), командующий англо-немецкой армией в Ганновере в семилетнюю войну, победитель при Миндене, франк-массон. 37, 83.

Бурбаки (род. в 1816 г.), французский генерал, герой Алжира, Крыма, Итальянского похода 1859 года; в 1870 году командовал гвардией Наполеона III; после революции принял от Гамбетты назначение командующим 2-й Луарской армией; бонапартистские тенденции воспрепятствовали ему справиться с командованием республиканской армией. 201, 261.

Бурбоны, династия, царствовавшая во Франции с 1589 до 1830 г., с перерывом во время Великой Французской Революции и Наполеона I с 1792 до 1814 г. 83.

Буцефал, легендарный конь, укрощенный Александром Македонским. 346.

Бюжо (1784—1849 г.г.), полковник Наполеона I, маршал буржуазной монархии; при реставрации Бурбонов он вышел в отставку, а после революции 1830 года отличился при завоевании Алжира. Умеренный либерал, военный писатель; учитель Трошю. 176.

Бюлов, барон Генрих Дитрих (1760—1806 г.г.), первый писатель, установивший деление на стратегию и тактику, установивший понятие о базисе. Арестован в Берлине в 1806 году по требованию русского посланника за едкую историю кампании 1805 года, эвакуирован в Ригу и по дороге, повидимому, расстрелян русскими. Память его поносится в военной литературе, хотя критики Бюлова заимствуют у него немало идей и понятий. 9, 14, 18, 19, 50, 85, 101, 103, 110, 111, 125, 167, 253.

В.

Ваал, общее священное наименование финикийских и карфагенских богов. 345.

Вагнер, не отличающийся оригинальностью немецкий военный писатель, составитель стратегических трудов в тридцатых годах XIX-го столетия. 85.

Валленштейн (1583—1634 г.г.), противник Густава-Адольфа в тридцатилетнюю войну—последний полководец, ведший войну на началах частной антрепризы. 346, 347, 348.

Вандам (1770—1830 г.г.), генерал Наполеона I. 159.

Вандомский, герцог Луи-Жозеф (1654—1712 г.г.), генерал Людовика XIV. 35.

Вегеций, латинский писатель V века после новой эры, автор трактата о военном искусстве; не будучи сам военным и стремясь воскресить римское военное искусство эпохи расцвета, он смешал в одно военные искусства нескольких различных эпох. 40.

Веймарский, герцог, прусский генерал Фридриха-Вильгельма III. 76.

Вельшингер, французский академик, автор классического труда по политической истории войны 1870—71 г.г. 283.

Верди-дю-Вернуа, ученик и сотрудник Мольтке, затем прусский военный министр, известный военный писатель, автор прикладного метода. 8, 13, 19, 195—199, 202, 204—206, 210, 216, 218—220, 226, 227, 229, 231—234, 242, 245, 247, 274, 275, 278, 322—324, 344.

Верцингиторикс, вождь галлов, нанес поражение Цезарю при Герговии и взят в плен Цезарем в Алезии в 52 г. до новой эры, казнен в 46 г. 68.

Вилизен, прусский генерал и военный писатель, командующий в 1849 г. германскими контингентами против Дании; особенно популярный в кругах либеральной оппозиции 1848—1865 г.г. 8, 9, 12, 13, 107—113, 117, 119, 195, 253.

Виллар (1653—1734 г.г.), маршал Людовика XIV, победитель при Фридлингене и Денене, побежденный при Мальплакэ; лучший французский генерал в войну за Испанское наследство. 73, 159.

Виллеруа (1644—1730 г.г.), маршал Людовика XIV, искусный в придворных интригах и неспособный к командованию армией; был разбит Мальборо в сражении при Рамильи в 1706 г. 73.

Вильгельм I, родился в 1797 г., с 1857 г.—регент Пруссии, с 1866 г.—король Пруссии, с 1871 — 1888 г.г. — император германский. 262, 343, 346.

Вильгельм II, родился в 1859 г., император германский 1888—1918 г.г. 277, 344. Низложен в 1918 г.

Витгенштейн (1769—1843 г.г.), русский фельдмаршал; в 1812 г. командовал корпусом, прикрывавшим направление Полоцк—Петербург; на Березине он не выполнил свою задачу, побоявшись встречи непосредственно с Наполеоном. 96.

Врангель, престарелый прусский генерал, командовавший в 1864 г. прусско-австрийской армией против Дании. 202, 203.

Врангель, русский генерал, командовавший белой армией на юге России в 1920 г. 17.

Г.

Гаири, турецкий начальник дивизии в Греко-Турецкую войну 1897 г. 258.

Гамбетта, Леон (1838—1882 г.г.), оппозиционный депутат в 1869 г., член правительства национальной обороны после переворота 4-го сентября 1870 г., диктаторскими методами организовал сопротивление французских провинций вторжению немцев. В противность Робеспьеру, строил армии не на революционном, а на национальном сознании,—и был побежден. 142, 148, 291, 292, 293.

Гамид-Паша, турецкий начальник дивизии в Греко-Турецкую войну в 1897 г. 258.

Гамилькар-Барка, карфагенский полководец, умер в 228 году до нашей эры. 161.

Ганнибал (Аннибал) (247—183 г.г. до нашей эры), карфагенский полководец. 55, 56, 63, 64, 66, 67, 70, 71, 82, 97, 161, 163, 185, 187, 198, 201, 207, 213, 215, 230, 236, 237, 243, 345, 347.

Гасдрубал, карфагенский полководец, зять Ганнибала, 161.

Гасдрубал (Аздрубал), брат Ганнибала, разбитый римлянами в 207 г. при движении его через Италию на помощь Ганнибалу. 97, 98.

Гейсман, П. А., профессор истории военного искусства в русской Академии Генерального Штаба в последнем десятилетии XIX и первом XX века. 257.

Генрих, принц, брат Фридриха Великого, командовавший на отдельном театре в семилетнюю войну. 93.

Гергей, главнокомандующий венгерской революционной армией, в 1849 г. сдался русской армии. 247.

Гете (1749—1832), немецкий поэт, глубокий мыслитель, автор „Фауста" 342.

Гибер, генерал, известный французский военный писатель, автор „Опыта тактики" (1770 г.). 159.

Гильбер (Жильбер), французский капитан генерального штаба, буланжистский писатель 80-х годов XIX столетия, вдохновитель французской военной доктрины. 275, 277.

Гиулай, Игнатий, граф (1763—1831 г.г.), бан Кроации, Далмации и Славонии, с 1793 г. участник всех войн Австрии с французской революцией и Бонапартом. В 1809 г. командовал XX армейским корпусом в Италии. В 1830 г.—президент Гофкригсрата. 326.

Гиулай (Джиюлой), Франц (1798—1868 г.г.), граф, венгерский магнат, в 1849—50 г.г. австрийский военный министр, в 1859 г. — австрийский главнокомандующий в Ломбардии, в начале кампании проявил полную нерешительность, 4-го июня 1859 г. разбит при Мадженте. 208.

Гнейзенау, Август, граф Нейхардт фон (1760—1831 г.г.), генерал прусского генерального штаба, видный член партии реформ, вождь подготовлявшегося в Германии против французов восстания, член Тугенбунда, начальник Силезской армии, сильнейший противник Наполеона под Лейпцигом и Ватерлоо, друг Клаузевица. 7, 343.

Гольц, фон-дер Кольмар, в молодости участвовал в войне 1870 г., известный военный писатель, автор „Вооруженного народа", наставник турецкого генерального штаба в военном искусстве, умер в 1915 году, руководил турецкой армией в Месопотамии. 13, 248—252. 256, 263, 265—267, 273, 278, 297, 298, 336, 344.

Гомер, легендарный автор Илиады и Одиссеи. 12, 53.

Грант, род. в 1822 г., главнокомандующий Северных Штатов, успешно закончивший войну за нераздельность Соединенных Штатов (1869—1877 г г.). 17 лет поступил в военное училище, окончил его с аттестатом „чистая посредственность". С 1854 по 1861 г. Грант—капитан в отставке и разоряется на сельском хозяйстве. 185.

Груши (1768—1847 г.г.), французский маршал, участник борьбы с Вандейским восстанием и революционных войн, генерал, которого высоко ценил Наполеон I. 111.

Густав-Адольф, король Швеции с 1611 по 1632 г.г. Великий полководец, осуществивший в Тридцатилетнюю войну идеи военного искусства, над которыми работал Мориц Оранский. 55, 56, 63, 64, 70, 71, 346, 347.

Д.

Давид, царь Израиля, преемник Саула, победитель филистимлян, основатель Иерусалима (X век до нашей эры). 345, 348.

Даву (1770—1829 г.г.) герцог Ауерштедтский, князь Экмюльский, маршал Наполеона I. 76, 177, 286.

Данжо (1638—1720 г.г.), маркиз, придворный Людовика XIV, оставивший ценные мемуары. 153.

Дарий III Кодоман, царь персидский с 336 по 330 г. до нашей эры, побежденный Александром Македонским. 64, 65.

Даун (1705—1766 г.г.), австрийский генерал, осторожный полководец Марии-Терезии, разбивший Фридриха Великого в 1757 г. под Колином. 93, 94, 95.

Деверу, драгунский капитан, убивший в 1634 г. Валленштейна. 347.

Дезэ, один из наиболее талантливых генералов Великой Французской Революции; убит в сражении при Маренго, которое Наполеон выиграл благодаря его атаке. 177.

Декарт, Ренэ (1596—1650 г.г.), знаменитый французский философ и математик, покончивший со средневековой схоластикой и двинувший человеческое мышление на новый путь. 107.

Деккер, неоригинальный немецкий писатель тридцатых годов по стратегии. 85.

Дельбрюк, Ганс, выдающийся немецкий историк, обративший свои громадные способности в течение 40 лет на изучение истории военного искусства. 151, 198, 206.

Доранта, мольеровский тип из „Мещанин в дворянстве". 160.

Драгомиров, Мих. Ив., русский генерал, перешедший со своей дивизией первый через Дунай у Зимницы в 1877 г., выдающийся профессор тактики; как командующий Киевским военным округом, пытавшийся воссоздать Суворовскую школу воспитания войск; отдавал моральному элементу решительное преимущество перед техникой; первый провозгласил необходимость тяжелой полевой артиллерии. 167.

Дюпюи, В., полковник французского генерального штаба, работавший в военно-историческом отделении; известен своими работами по революционным войнам 1793 и 1794 г.г., а также трудом „О Руководстве войной", в котором занимает крайнюю левую точку зрения на взаимоотношение гражданской и военной власти. 292, 343.

Дюрок (1772—1813 г.г.), французский генерал, гофмаршал Наполеона, убит под Бауценом. 181.

Е.

Евгений Богарнэ, принц, пасынок Наполеона (1781—1824 г.г.), вице-король Италии, талантливый генерал. 326.

Евгений Савойский, принц (1667—1736 г.г.), великий полководец, из ненависти к Людовику XIV перешедший на австрийскую службу. 35, 55, 56, 63, 64, 73, 74, 159, 348.

Евгения, урожденная Монтихо, жена Наполеона III; род. в 1826 г.; возглавляла католическую реакционную партию, приведшую к гибели вторую империю. 283.
Екатерина II, русская императрица с 1763 по 1796 г.г. 18.

Ж.

Жомини (1779—1869 г.г.), швейцарец, в армии Наполеона начальник штаба корпуса Нея, затем генерал русской службы, известный писатель, крупный авторитет в стратегии. 88, 89, 90, 95, 97, 101, 102, 105, 106, 147, 163, 164, 167, 168, 169, 173, 174, 177, 253, 341.
Жофр, французский главнокомандующий в 1914—1916 г.г. 276, 308, 343.
Журдан (1762—1833 г.г.), французский революционный генерал, победитель при Флерюсе. 154.
Журден, тип из комедии Мольера „Мещанин в дворянстве". 148.

И.

Изабелла I, Католичка, королева кастильская (1451—1504 г.г.). Об'единение Испании состоялось с ее выходом замуж за Фердинанда Арагонского. Широкий расцвет инквизиции. 62.
Иорк-фон-Вартенбург, прусский военный писатель, автор труда „Наполеон, как полководец" (1885 г.), представитель диалектической точки зрения в истории военного искусства. 336.

К.

Кант (1724—1800 г.г.), философ. 107.
Капрара, граф, генерал, командовавший в 1674 г. шеститысячным австрийским корпусом. 73, 213.
Карл Великий (742—814 г.г.). 347.
Карл XII, король шведский (1682—1718 г.г.), пытался в условиях начала XVIII века проводить стратегию сокрушения и был разбит Петром Великим в 1709 г. под Полтавой. 50, 51, 81, 82, 260, 347.
Карл, эрцгерцог (1771—1847 г.г.), лучший австрийский полководец в эпоху революционных и наполеоновских войн. В 1796 г. нанес поражение Журдану и Моро; готовился к войне 1809 г., как не династической, а национальной; разбил под Асперном Наполеона; выдающийся писатель по стратегии. В 1809 г. удален братом-императором от всех общественных дел. 7, 14, 21, 85, 103, 154, 161, 166, 168, 169, 175, 190, 191, 348.
Каска. Публий Сервилий, римский сенатор, заговорщик, первый нанесший рану Цезарю в момент его убийства 15-го марта 44 г. до нашей эры. 347.
Катина (1637—1712 г.г.), один из искуснейших маршалов Людовика XIV, поднявшийся с низов военной иерархии. Прежде чем стать во главе армии, работал как начальник штаба. Оставил любопытные мемуары. 159.
Катон из Утики (95—46 до нашей эры), правнук Катона Цензора, защитник сената и свободы против Юлия Цезаря, пронзил себя мечом после поражения при Тапсе. 70.
Кафарелли-дю-Фальга, Август, граф, генерал Наполеона, комендант Тюльери, с 1806 по 1810 г.г. военный министр королевства Италии. 181.
Кеммерер-фон, генерал, германский военный писатель, автор лучшего труда по истории стратегии (1904 г.) и хорошей книги о Клаузевице. 87.
Кир (560—529 г.г. до нашей эры), основатель персидского царства. 65.
Клаузевиц, Карл (1780—1831 г.г.) стратег-философ. 7, 9, 13, 19, 21, 85, 86, 87, 107, 109, 110, 111, 119, 125, 143, 146, 148, 149, 158, 159, 163, 178, 181, 182, 196—199, 206, 222, 250, 253, 274, 277, 281, 285, 286, 287, 293, 296, 308, 309, 320, 321, 342, 343, 344.

Клемансо, председатель французского совета министров в 1916 г. с неумолимой энергией руководил французской политикой во вторую половину мировой войны и сумел добиться своей цели—полного разгрома Германии. 343.

Клит, генерал Александра Македонского, убитый им в 1328 г. до нашей эры. 65.

Кнобельсдорф, прусский офицер, в 1866 г. начальник отряда на Силезской границе. 228.

Кольшмидт, офицер русского генерального штаба. 248.

Кондэ, принц Луи (1621—1686 г.г.), участник фронды, французский полководец. 21 года одержал над испанцами победу при Рокруа. 159, 161, 162, 348.

Константин Великий, римский император с 306 по 337 г.г., победитель Максенция; в 113 г. издал Миланский эдикт, предоставивший обширные права церковным общинам. 346.

Конт, Август (1798—1857 г.г.) француз, основатель позитивной школы философии. 140, 143.

Коперник (1473—1543 г.г.), знаменитый польский астроном, доказавший вращение планет вокруг солнца. 119.

Корнель (1606—1684 г.г.), основоположник французской трагедии. 53, 84.

Кромвель, Оливер (1599—1658 г.г.), протектор соединенных республик Англии, Шотландии и Ирландии, политик и воин, обеспечивший торжество первой английской революции. 346, 347.

Ксиландер, автор немецкого труда по стратегии. 105.

Куропаткин, А. Н., русский генерал, талантливый военный писатель, профессор Академии генерального штаба, военный министр, главнокомандующий в Русско-Японскую войну. 234, 235.

Л.

Лабениус, Тит Атий (98—45 г.г. до нашей эры), один из талантливейших генералов (легатов) Юлия Цезаря, с началом гражданской войны перешел на сторону Помпея; убит в сражении при Мунде. 68, 70.

Лагранж (1736—1813 г.г.), французский математик. 56.

Лазаревич, русский военный писатель и переводчик. 248.

Ла-Огет, генерал-лейтенант. 154.

Лан, герцог Монтебелло (1769—1809 г.г.) талантливый маршал Наполеона, в 1809 г. взял Сагароссу; убит в сражении под Асперном. 76, 177, 178.

Лаплас (1749—1827 г.г.), знаменитый французский ученый математик и астроном. 56.

Ласси (1725—1801 г.г.), австрийский фельдмаршал; в 1758 г.—австрийский генерал-квартирмейстер; с 1766 г.—президент гофкригсрата; характерно стремление к кордону и к замене боя маневром. В 1788 г. позволил туркам прорвать кордонное расположение австрийцев. Очень низко расценивался Суворовым. 18.

Ле-Бон, Густав, французский философ, психолог, социолог; публицист, борющийся с экономическим материализмом. 275.

Леваль, французский генерал, выдающийся писатель последней трети XIX столетия. 29, 31, 86, 108, 111, 140—144, 148, 161, 275, 344.

Левенгаупт, граф (1659—1719 г.г.), генерал Карла XII; в 1708 г. потерпел поражение под Лесной, но с'умел пробиться к Карлу XII; капитулировал под Полтавой с остатками шведской армии и умер в плену. 81.

Леер, Г. А., профессор стратегии русской Академии генерального штаба с шестидесятых до девяностых годов XIX столетия. 14, 19, 22, 87, 140, 142, 197, 257.

Леонид, царь спартанский с 491 по 480 г. до нашей эры, когда он погиб с 300 спартиатами в Фермопильском ущельи, обойденный персами. 163.

Летов-Форбек, германский генерал, геройский защитник германских колоний в Юго-Западной Африке, где он удержался с ничтожными силами до конца Мировой войны. 230.

Ли (1808—1870 г.г.), выдающийся полководец южан в войне за нераздельность Соединенных Штатов. 185, 207, 247.
Линь-де, принц (1735—1814 г.г.), бельгиец, генерал австрийской службы, интересный военный писатель. 191.
Ллойд, Генрих (1729—1783), англичанин, первый формулировал ряд стратегических вопросов. 12, 14, 15, 18—23, 29—32, 34, 41, 42, 46, 50, 52, 85, 108, 109, 197, 342.
Ллойд-Джордж, английский политик, либеральный лидер. 343.
Локк (1632—1704 г.г.), английский философ, отбросивший представления о врожденных идеях и выдвинувший опыт, как источник наших понятий. 20.
Лувуа (1639—1691 г.г.), военный министр Людовика XIV, реорганизатор французской армии, боровшийся с пережитками феодализма. 153.
Людендорф, германский полководец в Мировую войну. 10, 29, 309, 324, 344.
Людовик XIV (1638—1715 г.г.), „Король-Солнце". 33, 153, 288.
Людовик XV (1710—1775 г.г.), король Франции, создавший господство фавориток, потерявший колонии и подготовивший общество к революции. 33.
Люксембург, маршал (1628—1695 г. г.), один из лучших генералов Людовика XIV. 71, 159.

М.

Магомет (571—631 г.г.), пророк, основатель Ислама. 42.
Мазепа (1644—1709 г.г.), гетман, пытавшийся посредством союза с Карлом XII добиться самостоятельности Украины. 81.
Макбет, герой драмы Шекспира (1606 г.); честолюбие заставляет его запятнать руки в крови. 348.
Макдональд (1765—1840 г.г.), герцог Тарентский, маршал Наполеона I. 95, 326, 327.
Макк (1752—1820 г.г.), австрийский генерал, взятый с 28 тыс. солдат в плен под Ульмом в 1805 г. Круглое ничтожество его проявлялось и ранее, но это не помешало ему получить наиболее ответственный пост. 100.
Мак-Магон, герцог Маджентский, маршал второй империи, взятый с армией в плен под Седаном в 1870 г., был вторым президентом третьей французской республики. 215, 297.
Мальяр, французский полководец, профессор высшей военной школы в начале 90-х годов XIX столетия. Не блестяще, но упорно и педантично отстаивал начала французской доктрины. 277.
Манури, французский генерал, командовавший 6-й армией в сражении на Марне в 1914 г. 241.
Мария-Терезия (1717—1780 г.г.), императрица австрийская, важнейший противник Фридриха Великого в Семилетнюю войну. 63.
Мармон, герцог Рагузский (1774—1852 г.г.), вначале ад'ютант, затем маршал Наполеона I; изменил ему в 1814 г. Автор интересного труда по военному искусству. 157, 175.
Медем, Николай, барон, генерал и первый русский писатель по стратегии. 13, 14, 19, 85, 86, 87, 88.
Мелас (1730—1806 г.г.), австрийский генерал, успешно командовал в 1799 г. подчиненным Суворову австрийским корпусом; в 1800 г. разбит Наполеоном под Маренго. 76, 99.
Мемнон, вождь греческих эмигрантов и военный советник Дария в борьбе с Александром Македонским. 64.
Меньков, П. К., русский офицер генерального штаба, редактор Русского Инвалида, автор очень интересных мемуаров, обнимающих жизнь русской армии в 30-х, 40-х и 50-х годах XIX столетия. 85.
Метелл-Сципион, сторонник Помпея в гражданской войне с Юлием Цезарем, аристократ, сын неумолимого врага Гракхов. 70.
Мехмед-Али, турецкий паша, командовавший армией в болгарском четыреугольнике крепостей против русского Рущукского отряда в 1877 г. 259.

Милютин, Д. А. (1816—1912 г.г.), профессор военной истории, военной географии и статистики; военный министр, проведший в России общую воинскую повинность; либерал, принимавший энергичное участие во всех реформах царствования Александра II. 21, 85.

Митридат, царь Понта, между 90 и 63 г.г. до нашей эры вел почти беспрерывную войну с Римом, Азиат, ненавидевший римлян всей душой. 62.

Михневич, Н. П., профессор тактики и преемник Леера по кафедре стратегии академии генерального штаба. 140.

Модюи, французский генерал, видный участник мировой войны, бывший профессор тактики пехоты Парижской высшей военной школы. 41.

Мольер (1622—1673 г.г.), гениальный сочинитель комедий. 148, 160.

Мольтке старший, Гельмут (1800—1891 г.г.), начальник прусского генерального штаба с 1857 г. 8, 9, 14, 15, 55, 158, 186, 195—199, 201, 202, 203, 206, 209, 211, 212, 213, 219, 222, 232, 241, 244, 245, 248, 249, 255, 257, 258, 262, 264, 265, 274, 276—279, 283, 284, 286, 289, 290, 293, 295—298, 300, 301, 303, 304, 305, 307, 308, 311—314, 316—321, 324—329, 331, 333, 334, 336—339, 343, 344, 346, 351, 352, 353.

Мольтке младший, племянник Гельмута Мольтке, в 1906 г. сменил графа Шлиффена на посту начальника генерального штаба; проиграл Марнскую операцию в 1914 г., умер в 1915 г. 267, 301, 344.

Монтолон, французский генерал, последовавший за Наполеоном I на остров Св. Елены, и записавший под диктовку Наполеона много сочинений последнего. 57.

Монтекукколи (1608—1681 г.г.), австрийский полководец, военный реформатор и писатель. 71, 72, 73.

Монтень, Мишель (1533—1592 г.г.), французский философ и моралист, поклонник Сократа и Катона. 174.

Монтескье (1689—1755 г.г.), французский государствовед и публицист, автор трактатов: „Дух Законов“, „Персидские письма“, „Величие и падение римлян“. 20, 21.

Мориц Саксонский, граф (1696—1750 г.г.), незаконный сын курфюрста Саксонского, французский маршал; победитель при Фонтенуа; аристократ, ученик, выдающийся автор военных „Мечтаний“. 26, 28, 38, 168, 176, 191.

Моро (1763—1813 г.г.), выдающийся французский революционный генерал; замешанный в заговоре против Наполеона, был вынужден эмигрировать; убит в рядах русской армии под Лейпцигом. 79, 154.

Мюллер, английский автор XVIII века трудов по артиллерии. 33, 34.

Мюрат (1771—1815 г.г.), король Неаполитанский, кавалерийский начальник, женат на сестре Наполеона. 95, 141, 178, 331.

Н.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821 г.г.). 12, 13, 21, 31, 36, 53—57, 62, 67, 74—79, 85, 88—91, 93, 95, 96. 98—101, 133, 137, 141, 154, 155, 157, 159, 160, 161, 164, 166—173, 176, 177, 178, 184—187, 191, 197, 198, 207, 221, 229, 231, 232, 234—240, 242, 247, 249, 259, 261, 263, 264, 277, 279, 280, 281, 285—288, 297, 299, 301, 305, 319, 321, 326, 327, 331, 332, 333, 339, 340, 341, 345, 346, 347, 349, 350, 351, 353.

Наполеон III (1808—1873 г.г.). 203, 207, 217, 244, 349, 352.

Неарх, адмирал Александра Македонского. 65.

Незнамов, А. А., русский профессор стратегии. 248.

Ней (1769—1815 г.г.), князь Московский, герцог Эльхингенский, маршал Наполеона I, расстрелян при реставрации. 54, 77, 95.

Нерон, римский консул эпохи второй Пунической войны. 97, 98.

Ньютон (1642—1727 г.г.), английский математик и физик, открыл закон тяготения. 172.

О.

Обручев, начальник русского генерального штаба, работал над франко-русской военной конвенцией 235.

Ожеро (1757—1816 г.г.), герцог Кастильоне, маршал Наполеона, бывши-инструктор фехтования, один из наиболее недалеких и недобросовестных революционных генералов; имел репутацию баррикадного героя. 76.

Окунев, профессор русской академии генерального штаба 30-х годов XIX столетия. 187.

Осман-Паша, защитник Плевны в 1877 г. 259, 271, 272, 273.

П.

Павел-Эмилий, македонец, сын консула Павла Эмилия, убитого под Каннами; разбил в 168 г. до нашей эры македонского царя Персея под Пидной и завоевал Грецию. 62.

Парменион, генерал Александра Македонского. 65.

Полибий (204—122 г.г. до нашей эры), греческий генерал, 15 лет пробывший заложником в Риме, выдающийся историк. Из 40 книг его универсальной истории, охватывавших период 220—146 г.г., до нас полностью дошло только 5. 161.

Помпей, Кней (106—48 г.г. до нашей эры), член первого триумвирата, опираясь на сенат, вступил в борьбу с Цезарем, был разбит под Фарсалом и убит в Египте. 69, 70.

Помпей Сикст (75—35 до нашей эры), сын великого Помпея: вопреки утверждению Наполеона I, был убит не при Мунде в 45 г., а через 10 лет казнен по приказу Антония Августа. 70.

Пор, один из индийских царей (в Пенджабе), побежденный на р. Гидаспесе Александром Македонским в 327 г. до нашей эры. 65.

Прометей, мифологический титан, похитивший огонь с неба, чтобы спасти человечество от гибели. 345.

Прюдом, литературный тип самодовольного ничтожества, 146.

Пугачев, вождь казацко-крестьянского восстания XVIII века. 48.

Пузыревский, А. К., выдающийся генерал русского генерального штаба, профессор истории военного искусства, начальник штаба Варшавского военного округа. 248.

Пюи-Сегюр (1656—1743 г.г.), французский маршал, автор трактата по тактике. 107, 143, 156, 175, 176.

Р.

Редерер (1754—1835 г.г.), граф, французский государственный деятель 101, 178.

Ренненкампф, генерал, командовавший 1-й русской армией в начале войны 1914 г. 249, 257.

Робеспьер, Максимилиан (1758—1794 г.г.), руководитель комитета общественного спасения, лидер якобинцев, основавший на системе революционного террора отпор вторжению во Францию. 291.

Роньа (1776—1840 г.г.), французский военный инженер и писатель. 12, 53, 55, 56, 57, 85, 280.

Роон, граф, генерал, родился в 1803 г.; 1859—1873 г.г.—военный министр Пруссии, друг Бисмарка, консерватор, провел в Пруссии военную реформу 1860 г. 283, 284.

Ру-Фузильяк, морской офицер, военный писатель второй половины XVIII века. 22, 50.

Рюстов, Вильгельм (1821—1878 г.г.), прусский военный инженер, в 1850 г. арестован за либеральную критику прусской армии, бежал в Швейцарию, в 1860 г. начальник штаба Гарибальди в Сицилии и Италии. Реформатор швейцарского генерального штаба, выдающийся военный историк. 107, 175.

С.

Сабиний, генерал Юлия Цезаря. 68.
Салтыков, русский генерал, командовавший армией, разбивший Фридриха Великого под Кунерсдорфом в 1759 г. 93.
Самсонов, русский генерал, командовал в августе 1914 года II армией, разгромленной при вторжении в Восточную Пруссию; застрелился. 234, 249, 257.
Саул, первый царь Еврейский. 348.
Свечин, А. А., русский военный писатель. 298.
Себастиани, граф (1772—1851 г.г.), маршал Франции, уроженец Корсики, земляк Наполеона I. 288.
Сен-Жермен, граф (1707—1778 г.г.), один из военных министров Людовика XV. 41.
Сен-Сир, Гувион (1764—1830 г.г.), революционный генерал, Наполеоновский маршал, военный министр и пэр Франции при Бурбонах. 54, 177.
Сериньи, французский генерал, военный писатель, стоит во главе экономической подготовки Франции к войне. 31.
Смит, Адам (1723—1790 г.г.), шотландец, известный экономист. 15.
Статира, дочь Дария Кодомана, жена Александра Македонского. 65.
Стефан, русский профессор топографии и военной географии середины XIX века. 34.
Субиз, принц (1715—1787 г.г.), французский аристократ, командовавший армией, разбитый Фридрихом Великим под Росбахом в 1757 году. 94, 95, 96.
Суворов (1729—1800 г.г.), русский полководец. 18.
Сулейман, турецкий маршал, родился в 1840 году; командовал турецкой армией в войну против Сербии в 1876 году, и против России в 1877—78 г.г. Приговорен судом в 1878 году за военные неудачи к пятнадцатилетнему заключению в крепость. 259, 269, 270, 272.
Сульт, герцог Далматский (1769—1851 г.г.), маршал Наполеона I, сын крестьянина, революционный генерал, при Наполеоне успешно действовавший в Испании; военный министр и реформатор французской армии при буржуазной монархии. 77, 177.
Сципион Африканский, разбивший Ганнибала у Замы в 202 г. до нашей эры. 185, 191.

Т.

Тамерлан (Тимур) (1336—1405 г.г.), великий монголо-татарский завоеватель, покоривший Индию, Персию, Турцию, Золотую Орду. 63.
Тезей, герой греческой мифологии, убивший Минотавра. 171.
Троцкий, Л. Д., Нар. Комиссар по военным делам СССР организатор и руководитель Красной Армии в 1918—1920 г.г.
Тьер, Адольф (1797—1877 г.г.), историк эпохи Наполеона I, министр буржуазной монархии; первый президент третьей республики, разгромил Парижскую Коммуну в 1871 году. 151, 153.
Тюрен, виконт де-ла-Тур д'Овернь (1611—1675 г.г.), французский полководец, воспитан в духе школы Морица Оранского, отстоял за Францией Эльзас, убит под Зальцбахом, автор ценных мемуаров. 55, 56, 63, 64, 71, 72, 73, 161, 184, 198, 201, 206, 213, 215, 240, 241, 321, 348.

Ф.

Фабий-Максим, Кунктатор, назначенный диктатором после поражения римлян при Тразиментском озере (217 г. до нашей эры). 97, 98.

Файоль, исследователь научной организации труда в XX веке. 140.

Фауст, трагедия Гёте (1808 г.). 342.

Фекьер (умер 1711 г.), маркиз, французский генерал, написавший для обучения своего сына мемуары о своих походах, представляющие критическое военно-историческое повествование. 156.

Фердинанд V Католик, король Арагонский, царствовал с 1452 по 1516 год, после брака с Изабелой Кастильской, об'единивший Испанию, взял Гренаду, в 1492 г. окончательно разгромил мавров. 62.

Фогель-фон-Фалькенштейн, прусский генерал, родился в 1797 г.; в войну 1864 года начальник штаба австро-прусских войск, действовавших против Дании; в 1866 г.—командующий Майнской армией; 16 июля 1866 г. отрешен от командования армией. 202.

Фолар (1669—1752 г.г.), французский генерал и военный писатель, проповедник глубокого порядка и колонны, как строя для атаки. 176.

Фош, профессор и начальник французской военной школы в начале XX века, командующий 9-й армией на Марне, главнокомандующий Антанты в 1918 году. 13, 143, 196, 204, 274—279, 289, 292, 295, 298, 301, 303, 304, 306—309, 314, 321, 323, 324, 336, 341, 343.

Франц-Иосиф II, австрийский император, родился в 1830 году, вступил на престол в 1848 году, умер в 1917 г. 219, 220.

Фрейтаг-Лорингофен, прусский генерал, начальник военно-исторического отдела прусского генерального штаба при Шлиффене, замещал в Мировую войну должность начальника штаба в Берлине, известный писатель, почетный доктор Берлинского университета. 14.

Фридрих II Великий (1712—1786 гг.), король прусский. 18, 25, 36, 55, 56, 62, 63, 88, 89, 91—94, 96, 124, 184, 191, 198, 229, 255, 257, 265, 339, 346, 347, 350.

Фридрих-Вильгельм II, король прусский, царствовавший с 1786 по 1797 г. 348.

Фридрих-Вильгельм III, король прусский, царствовавший с 1797 по 1840 г. 348.

Фридрих-Вильгельм Бранденбургский (1620—1688 гг.), Великий Курфюрст первый из Гогенцолернов, заложивший основы возвышения Пруссии и положивший начало постоянной прусской армии. 72, 221.

Фридрих Карл, принц прусский (1828—1885 гг.), племянник Вильгельма I; ранен при подавлении Баденского восстания в 1849 г., в 1866 году командует 1-й армией, в 1870—71 гг.—2-й армией. 202.

Фуад, турецкий генерал эпохи 1877 года. 272.

Ц.

Цицерон, Квинтий, брат знаменитого оратора, генерал Юлия Цезаря. 68.

Ч.

Чингиз-Хан (Темучин) (1162—1227 гг.), знаменитый монгольский завоеватель, истребивший не менее 5 миллионов людей, разорил северный Китай, Туркестан, восточную Россию. 63.

Чичагов, русский адмирал, командовавщий в 1812 году корпусом, вышедшим у Борисова на Березину на сообщения Наполеона I. 96.

Ш.

Шарнгорст (1756—1813 гг.), реформатор прусской армии после Иены. 351.
Шварценберг, князь (1771—1820 гг.), австрийский генерал-фельдмаршал, номинальный главнокомандующий армиями союзников в 1813 и 1814 гг. 349.
Шеффер-Боядель, прусский генерал, осенью 1914 г. командовал XXV резервным корпусом, руководил во время Лодзинской операции прорывом немцев у Брезин. 17.
Шлиффен (1833—1913 гг.), начальник прусского генерального штаба с 1891 по 1906 гг. 13, 196, 227, 229, 244, 301, 303, 306, 341—345.
Шлихтинг, прусский генерал, зачислен в генеральный штаб без окончания академии, военный писатель, диалектик, заостривший стратегическое учение Мольтке. 8, 14, 248, 249, 250, 254, 207, 344.
Шмидт-фон, германский писатель по кавалерийским вопросам. 193.
Штольберг, прусский офицер, командовавший в 1866 г. отрядом на Силезской границе. 228.
Шуман, немецкий артиллерийский конструктор конца XIX века. 314.

Э.

Эдхем-Паша, главнокомандующий турецкой армией в Греко-Турецкую войну 1897 года. 256.
Эйлер (1707—1783 гг.), швейцарский математик и астроном. 56, 172.
Эзоп, греческий баснописец. 145.
Эмбер, французский генерал. 186.

Ю.

Юба, царь Нумидийский, сторонник Помпея, умер в 46 году до н. эры. 70.
Юлий Цезарь (101—44 гг, до н. эры), полководец, политик, историк. 55, 56, 63, 64, 67—71, 83, 121, 197, 198, 345, 346, 347.

Цена 2 р. 50 к.

Распред.

